

ISSN 1680-645X
9 771680 645003 >

0 ЕСЛИ

ОКТАБРЬ 2005

ФАНТАСТИКА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЕСЛИ

10' 2005

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918, 99336. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU, WWW.RUSF.RU/ESLI.

ДЖОН МИНИ БОМБА-СВАСТИКА

ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН
МАРИЯ ГАЛИНА
ШОН МАКМАЛЛЕН
КРИС РОБЕРСОН

**«КРУГЛЫЙ СТОЛ»:
МУСОР ИЗ ИЗБЫ**

Уважаемые читатели!

Нынешней осенью мы готовы предложить вам разные варианты подписки на следующий год.

Но самым выгодным, несомненно, будет издательская подписка, уже опробованная в этом полугодии, поскольку издательство, выпускающее «Если», НЕ ИЗМЕНИЛО цену на журнал.

Один номер «Если» по-прежнему обойдется подписчику в 57 рублей, при том, что эта цена ВКЛЮЧАЕТ стоимость доставки.

Следуя традиционным путем, вы можете выписать журнал на почте по одному из двух каталогов: привычному — «Пресса России» и новому — «Роспечать. Газеты и журналы».

Однако в обоих каталожная цена будет выше:

50 рублей плюс 20—25 (в зависимости от региона) за почтовые услуги.

Правда, это подписка на первое полугодие, а номер годового комплекта, естественно, дешевле — 44 рубля за один журнал.

Итак:

Издательская подписка — 342 рубля за первые 6 номеров 2006 года.

Условия и процедура подписки опубликованы на двух последних страницах журнала.

Подписка по каталогам «Пресса России» и «Роспечать»: на первое полугодие 2006 года

— 300 рублей плюс стоимость почтовых услуг;

Индекс — 73118.

на весь 2006 год

— 528 рублей плюс стоимость почтовых услуг.

Индекс — 42918.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

новые повести

Александра ГРОМОВА
«ЗМЕЁНЫШ»

Далии ТРУСКИНОВСКОЙ
«БЕРЕГ НАДЕЖДЫ»

новые рассказы

Генри Лайона ОЛДИ,
Алексея КАЛУГИНА,
Брюса МАКАЛЛИСТЕРА,
Эндрю ВЕЙНЕРА

новое исследование

Глеба ЕЛИСЕЕВА «Маугли космоса»

новое эссе

Евгения ЛУКИНА
«Враньё, ведущее к правде»

ЧИТАЙТЕ НОЯБРЬСКИЙ ВЫПУСК «ЕСЛИ»

РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:
Александр ШАЛГАНОВ.
ЗАМЕСТИТЕЛЬ РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Татьяна МУРИНА.

РЕДАКЦИЯ:
Екатерина АРОЯН,
Дмитрий БАЙКАЛОВ,
Владимир ГУБАРЕВ,
Михаил КОМАРОВСКИЙ,
Евгений ХАРИТОНОВ,
Тамара ШЕЛАМОВА,
Людмила ШЕКОТОВА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРКЯН,
Александр ГРОМОВ,
Олег ДИВОВ,
Марина и Сергей ДЯЧЕНКО,
Евгений ЛУКИН,
Сергей ЛУКЬЯНЕНКО,
Владимир МИХАЙЛОВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:
Игорь ТАРАЧКОВ.

ИЗДАТЕЛИ:
Издательский дом
«Любимая книга»,
ЗАО «Асмэр».

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:
МОСКВА, 119435,
Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:
esli@rusf.ru
if@esli.ru

САЙТЫ ЖУРНАЛА:
www.rusf.ru/esli
www.esli.ru

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:
248-08-90, 248-08-91.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
ИД «Любимая книга»,
тел. 248-21-90.

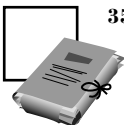
ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:
«Наша пресса», АРП «Регион»,
«Сейлс», «Метропресс» СПб,
ХК «Сегодня пресс»,
«ЗРС Периодика»,
«Роспечать», ДМ Пресс.
Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ОАО
ордена Трудового Красного
Знамени «Чеховский
полиграфический комбинат».
142300, г. Чехов Московской обл.,
ул. Полиграфистов, д. 1.

Тираж 14 400 экз.

Перепечатка материалов
допускается только
с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку
только на страницах журнала.
Редакция не несет
ответственности за содержание
рекламных объявлений.

© «ЕСЛИ», 2005

35 Дмитрий ВОЛОДИХИН
ПЛАЦДАРМ

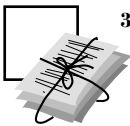
Это военно-историческое общество способно привести питомцев под знамена генерала Корнилова. Да-да, в 1919 год.

83 Николай ГОРНОВ
ТРАФИК

Более двухсот лет тяготееет над Сибирью проклятие — Hysteria Siberina. Разобраться в ситуации послан специальный полевой Трибунал.

173 Джон МИНИ
БОМБА-СВАСТИКА

Британский шпион с особыми полномочиями может решить исход второй мировой войны. Правда, война в этом альтернативном мире ведется с помощью биотехнологий.

3 Мария ГАЛИНА
ЗАПЛЫВАЯ ЗА БУЙКИ

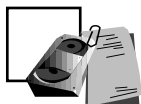
Исторический процесс — материя хрупкая. На него способны повлиять даже самые мелкие детали классической литературы.

159 Крис РОБЕРСОН
О, ЕДИНСТВЕННЫЙ!

Консервативный Китай — привычная мишень для насмешек фантастов. Но и подмяв под себя Европу, он остался прежним.

227 Шон МАКМАЛЛЕН
ГОЛОС СТАЛИ

Сила любви неизмерима. А пылливый ум ученого делает ее и вовсе безграничной, позволяя менять реальность.

147 **ВИДЕОДРОМ**

Экспроприация экспроприаторов, деперсонализация имперсомации, кража личности... Стиль-чез клонов-запчастей по городам и весям будущего... Рекламофобия, алиенофобия, клаустрофобия...

263 **«КРУГЛЫЙ СТОЛ»
ПЕРЕМЕНА МЕСТ**

Все-таки рыцарям за Круглым столом короля Артура было куда проще... Во всяком случае им не приходилось решать проблему: «Трэш в литературе».

274 **РЕЦЕНЗИИ**

Рецензенты журнала не делают скидок ни маститым авторам, ни дебютантам.

311 **КУРСОР**

Третий год подряд лучшими писателями Европы становятся наши. На этот раз — Марина и Сергей Дяченко. Русские участники «Worldcon—2005» делятся впечатлениями.

272 **Сергей НЕКРАСОВ
ДИНОЗАВРЫ ИЗ ЛЕГЕНДЫ**

Но на самом деле роман одного из самых интеллектуальных фантастов Америки, конечно же, о людях.

281 **Глеб ЕЛИСЕЕВ
ПУТЕВОДИТЕЛЬ ДЛЯ ГАЛАКТИЧЕСКИХ
ТУРОПЕРАТОРОВ**

Оказывается, даже заядлые фэны, участники традиционного интернет-голосования на сервере «Русская фантастика», не очень-то жалуют экстремальный вид космического отдыха.

283 **«БАНК ИДЕЙ»**

Конкурсанты легко справились с задачей, которая поставила в тупик суперлингвистов.

303 **Вл. ГАКОВ
ПРОПАВШИЙ В ПЕСКАХ**

Эта книга стала одной из самых знаменитых в истории научной фантастики XX века, а вот биография ее создателя, которому в этом году исполнилось бы 85 лет, известна далеко не каждому.

316 **ПЕРСОНАЛИИ**

В правом углу ринга — команда России, в левом — гости журнала. Но правило боя для всех одно — литературное мастерство.

МАРИЯ ГАЛИНА

ЗАПЛЫВАЯ

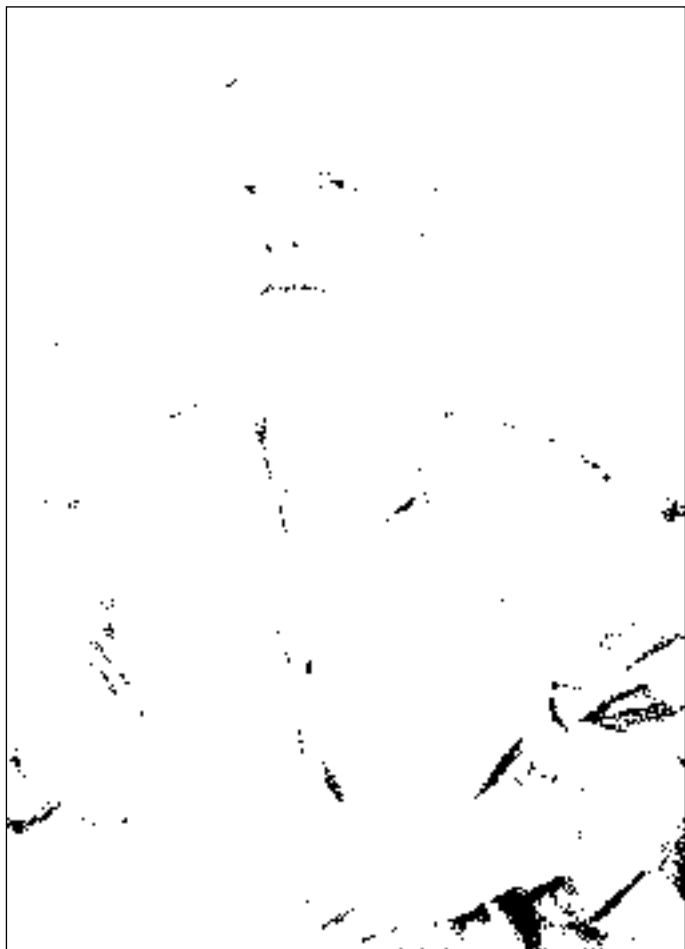

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

ЗА БУЙКИ

Никогда не думал, что в такой конторе будет такой стол. Обшарпанный, из ДСП. И что в коридоре будет висеть стенгазета «Навстречу съезду».

Наверное, их этому специально учат, такой особой утомленности во взгляде. Им с нами скучно, они про нас все знают. Неужели и правда знают?

— Караванов Альберт Викторович, — скучно сказал он, глядя в какие-то бумажки.

Я молча кивнул. В горле пересохло.

— Студент калининского пединститута. Исторический факультет.

— Ага.

— На данный момент в академотпуске.

— Ага.

— Посещали семинар профессора Литвинова.

Я думаю, Литвинов виноват. Он же знал, что могут быть неприятности. И не только у него. Говорят, он просто хотел подгадить ректору, которого терпеть не мог. Вот и подгадил.

— К нам приехали месяц назад. Проживаете у тетки по матери, Валентины Перепеличко. Временно прописаны.

— Ну, да...

Зачем это ему? Неужели знает?

— Почему не встали на учет?

— В военкомат? Я не... у меня справка.

— В районный диспансер.

— Я... встану.

Я так и думал! Значит, когда я говорил родителям, что за мной следят, что в очереди, в автобусе, на перекрестке мне попадают одни и те же лица, что встреченные скашивают глаза, увидев меня, и поспешно отворачиваются...

«Типичный бред преследования», — сказал румяный доброжелательный врач, бывший одноклассник дяди Миши, приглашенный как бы попить чаю. И тут же увел с собой.

— Временно работаете библиотекарем...

— Да. Я...

— Районная библиотека. Приморский район.

— Да, но это...

— К вам часто заходит некто Покровский.

— К нам много кто заходит, — сказал я и вытер ладони о штаны.

Их интересую не я. Их интересует Покровский.

— Вы же взрослый человек, Альберт Викторович, — укоризненно произнес майор Иванов, — не надо притворяться дурачком.

Я и есть дурачок. То есть психически больной. У меня есть выписка из истории болезни. Он сказал это нарочно. С намеком, что он-то знает...

— Что он за человек?

— Культурный. Берет все больше классику. Книги сдает вовремя.

— Вы что, в вашей библиотеке газет не читаете? Сейчас очень осложнилась международная обстановка. Я бы даже сказал, обострилась. Я ожидал от вас большей сознательности, Альберт Викторович.

Он хочет, чтобы я сказал что-то про этого Покровского. Тогда он от меня отстанет. Или не отстанет?

— Я... правда не знаю. Чего вы от меня хотите?

— Познакомьтесь с ним поближе. Подружитесь с ним. Он очень приятный, образованный человек. Любит поговорить, поделиться своими мыслями.

— И?

— Что — и? У вас появится друг. У вас же здесь нет друзей, Альберт Викторович. У вас и раньше не было друзей.

Я не понимаю, он хочет, чтобы я следил за этим Покровским? Втерся к нему в доверие? Он намекает на то, что меня все ненавидят? Говорят, если человек переезжает куда-то, даже временно, как я, за ним следует его дело, папка с завязками, а там все — с самого детства, и все, что ты сделал, и отметки, и отношения в школе, и всякие случаи, и медицинская карта, и даже то, чего ты сам не знаешь. А вдруг этот разговор о Покровском — просто отвлекающий маневр? Чтобы я расслабился и потерял бдительность? Я подумал, что мне надо торопиться. Вдруг мне все же удастся перехитрить их? И я сказал: хорошо, я обязательно постараюсь познакомиться с Покровским лучше.

— Я знал, что вы меня поймете, — сказал майор Иванов.

В детстве, начитавшись Кусто, я мечтал стать исследователем моря, плавать в прозрачной, пронизанной солнцем толще воды, а потом написать про все это замечательную книгу.

Нереально. Пока нереально, во всяком случае. Да и для акваланга требуется разрешение, которого у меня нет.

Подъем с моря крутой, бетонные ступени лестницы растрескались и перекошились. Это из-за оползней — после дождя пласты глины отваливаются, словно ломти хлеба под ножом.

Икроножные мышцы ноют скорее приятно, с чувством выполненного долга. Сегодня я проплыл четыре км. От пирса до пирса двести метров, десять раз туда, десять обратно. Мимо обросших скользкой зеленью бетонных блоков, покрытых острыми зубками мидий, оттолкнуться, развернуться, — вот откуда у меня столько порезов на ладонях и ступнях, — и вновь по мутной воде, в которой солнце вычерчивает огненные нули и восьмерки. Когда я засыпаю, они пляшут перед глазами.

У рынка в трамвай набиваются тяжелые тетки с кошелками, из которых торчат пучки зеленого лука.

— Уродины сходят? — деловито спрашивает женщина за моей спиной, и я с миг мучительно соображаю, на что это она намекает, но тут же понимаю, что речь идет о кинотеатре «Родина» — самом большим в городе, на целых три зала, с облупившимися колоннами, подпирющими фронтон.

— Я выхожу, — отвечаю я, и чувствую, что горячая волна заливае лоб. Может, она нарочно так сказала, чтобы посмеяться?

Уже когда подходил к подъезду, вспомнил, что обещал тете Вале купить хлеба и еще чего-нибудь к чаю, но когда полез в карман, оказалось, что денег там нет. Вытащили. Скорее всего, в трамвае — или еще там, на пляже, пока я плавал от пирса до пирса. От унижения и злости у меня слезы на глазах выступили. Странно, что такое возможно в городе у моря.

Тетке я сказал, что забыл деньги дома, а то она вновь завелась бы. Я и такой, и такой. И не от мира сего, и непрактичный, и бедные мои родители. Мне кажется, она радуется, когда ее первоначальное впечатление обо мне подтверждается. А так она только обозвала меня профессором, и все. Деньги я взял из заначки — скоро они мне понадобятся, но послезавтра получка, я возьму. По телевизору шла какая-то чушь, но тетка не выключала, потому что через полчаса должен был начаться музыкальный конкурс «Алло, мы ищем таланты!».

У витрины булочной я остановился. Сделал вид, что развязался шнурок у кеда. Улица была пуста. Подозрительно. Обычно в это время здесь еще много народу. Это что-то значит? Или нет?

По формуляру он был Борис Борисович. Борис Борисович Покровский, тридцать девятого года рождения, инженер, СКБ «Вымпел». Разрабатывает что-то секретное? А потом переправляет своему связному? Я проглядел формуляр. Он таки брал однажды Юлиана Семенова, но больше классику. Нашу и переводную. Сейчас на ру-

ках у него была «Война и мир», а «Страдания юного Вертера» он вернул.

Я осмотрел синий томик. За корешок переплета вполне можно было запихнуть сложенные чертежи. Но сейчас там пусто. На внутренней стороне обложки приклеен бумажный кармашек. Кроме карточки, в кармашке ничего нет, а на самой карточке против одной-единственной фамилии стоит одна-единственная подпись. Разумеется, самого Покровского. Книгу после него никто не брал. Если честно, ее и до него никто не брал, кому он нужен, этот Вертер?

Тут возможны два варианта. Либо его связник работает здесь же, в библиотеке — моя напарница, Вероника Ефимовна, например. Нет, это смешно. Значит, уборщица, или полотер, или электрик — кто угодно. Но не может быть, чтобы они не предусмотрели такой возможности. Либо связь еще не осуществилась, и послание еще не прочитано. Так? Я пролистал книгу. Даже проглядел страницы на просвет. Может, он наколол буквы иглой? Карандашных пометок тоже не видно. Впрочем, нет, в одном месте на полях помечен один абзац. Карандашом. Что-то про то, как Шарлота намазывала масло на хлеб. Ну и что? При чем тут Шарлота? Может быть, это какой-то шифр? Если взять, скажем, эту книгу, а потом «Мертвые души» и еще что он там брал и сложить отчеркнутые фрагменты (а я был почему-то уверен, что они там найдутся), то получится — что? Я уже отправился, было, за «Мертвыми душами», но тут пришли две школьницы — им нужна была «Поднятая целина». И пожилая дама, которой понадобился роман Апдайка «Беги, кролик, беги!». Кролик оказался на руках, поэтому она попросила подобрать ей что-то в этом роде... Пока я подыскивал что-то «в этом роде», солнце ушло за две сросшиеся акации, свет из зеленого стал красным, и я понял, что пора закрываться. И ведь в конце концов то, что делает этот Покровский, меня не касается, верно? С чего это я решил им помогать? Пускай разбираются сами.

Снаружи доносился гулкий монотонный звук, словно кто-то протяжно и страшно кричал: «Бутыыылку! бутыыылку!». Я почти научился не обращать на него внимания.

Я валялся на диване и читал «Вокруг света», и в какой-то момент меня начало клонить в сон — последнее время я засыпал легко и без всяких таблеток, но пришлось проснуться, оттого что тетка трясла меня за плечо.

— Опять! — жалобно сказала она. — Ты только послушай!

Я сел и прислушался. За окном мелко и сухо шелестела акация.

Звенел на повороте трамвай. Тетка стояла, прижав руки к груди, байковый халат вылинял на животе, опухшие щиколотки нависают над шлепанцами.

— Они опять ее включили! Слышишь, пол дрожит?

Соседи за стеной были тихие, приличные люди: он бухгалтер на кондитерской фабрике имени Розы Люксембург, она сестра-хозяйка в санатории «Красные Зори». Но тетка полагает, что у них есть кладовка, замаскированная висящим на стене ковром, и в этой тайной кладовке стоит машина, которая облучает всех секретным излучением. Поэтому тетка слышит голоса. Пока что эти голоса говорят ей обидные, но неопасные вещи, но я боюсь, в один прекрасный (это я фигурально выражаюсь) день голоса скажут ей нечто такое, что она пойдет на кухню и возьмет там хлебный нож, который регулярно носит к точильщику...

Добрый, румяный врач, бывший одноклассник дяди Миши, расспрашивал маму и папу обо всех родственниках, но тогда никто еще не знал про машину, которая облучает тетю Валю. Просто удивлялись — с чего бы это вдруг она поменяла хорошую двухкомнатную квартиру в центре на эту, у базара? А оказывается, там, за стеной, тоже стояла машина, — на какое-то время тете Вале удалось от нее избавиться, но потом ее секретно перевезли сюда.

— Ничего там нет, тетя Валя, — сказал я как можно убедительней.

— Ты нарочно это говоришь?

— Это трамвай. Слышите, он проехал?

Она ушла, покачивая головой и что-то бормоча себе под нос. Я вновь открыл «Вокруг света», но сосредоточиться уже не мог — в голову лезли всякие глупости. Поэтому я встал и крикнул тетке в кухню:

— Я пойду прогуляюсь, тетя!

— Ночью? — в ужасе спросила тетка.

Еще девяти не было; с теткиной точки зрения — глубокая ночь.

— Я ненадолго. Чтобы заснуть.

Это ей как раз понятно. Она сама мучается бессонницей.

— И зайди к ним. Как бы попроси соли. Может, им станет стыдно наконец? — говорит она мне вслед.

Я думаю, если мне завязать глаза и несколько раз повернуть, взяв за плечи, как поворачивают человека, играющего в жмурки, то я все равно безошибочно определю, в какой стороне море...

Листья акации над головой мелко тряслись сами по себе. На канализационном люке сидела, посверкивая глазами, кошка.

И вновь это ощущение, что кто-то смотрит мне в затылок.

Я обернулся — никого.

Зато увидел вывеску, она горела малиновым светом, тень дерева пересекала ее надвое.

Сонная аптекарша за прилавком читала «Роман-Газету».

Днем, когда у прилавка толпился народ, я не решался. Неловко.

Сейчас, оказывается, тоже неловко. Я прокашлялся.

— Мне это... Ну, изделие. Номер...

Я понял, что забыл номер.

— Презервативы ему нужны, — сказал кто-то звонким голосом.

Я покраснел и кивнул. Девушка стояла рядом, кофточка с золотой нитью облегает грудь, юбка туго натянута на ягодицах.

— Четыре копейки в кассу, — аптекарша стала выбираться из-за прилавка.

— Мне много надо, — прошептал я.

— Сколько?

— Ну... пять.

Это много? Или нормально? Что они подумают? Заподозрят неладное?

— Двадцать копеек в кассу, — флегматично сказала аптекарша.

— Меня зовут Лиля, — сказала она.

Под фонарем листва казалась жестяной, в конусе света клубилась мошкара. Воздух был жарким и тяжелым, как вода; мне казалось, я плыву, раздвигая его плечами.

— Алик, — хрипло сказал я.

— У вас есть девушка, Алик?

— Нет... я недавно приехал... я...

— Зачем же тебе презервативы, Алик?

Я шепотом сказал:

— На всякий случай.

Лиля. Влажное имя. Как волна.

Она нагнулась, поправляя ремешок босоножки, подол ее юбки при этом поехал вверх. Я отвел глаза.

— И не было девушки? Совсем-совсем?

— Нет, почему. Была. Три года назад. Еще на первом курсе.

— Так давно? — удивилась она. — Почему?

Потому что там, где я провел полгода, кормят бромом. И еще много чем.

Этого я ей не сказал.

Она придвинулась ко мне ближе. Я чувствовал жар, исходящий от нее даже сквозь одежду — ее и мою.

— Пойдем, студентик, — прошептала она мне на ухо, — пойдем вон туда, я тебе кое-что покажу...

— А что там?

— Беседка. Ну, такая, знаешь, беседка. У тебя ведь есть все, что нужно, да? Ну так пошли...

Она нарочно оказалась в той аптеке? За мной следят? Может, их там целая банда? Вот так ловят на живца, уводят в укромное место, а потом... Я же ее совсем не знаю...

— Ну? — она нетерпеливо пританцовывала на ходу. Рука у нее была горячая и влажная.

— Лиля! — раздалось из темноты. — Лилька!

Они со смехом вынырнули из боковой аллеи, несколько парней, девушки, светлые платья и рубахи светились в темноте.

— Ой! — обрадовалась она. — Это Жорик. Вот здорово! А вы куда?

— На Морвокзал, — сказал солидный Жорик. — Там у них бармен новый. Идешь? И этот с тобой?

— Это... как тебя зовут? — обернулась она ко мне.

Она уже забыла.

— Альберт, — сказал я.

— А это Алик. Точно. Пошли с нами, Алик?

— Нет, — сказал я сухо. — Извините, нет.

— Ему домой надо. В кроватку. Да, Алик?

Я молчал.

— Да ты не грусти. Увидимся.

Она легко чмокнула меня в щеку, обдав запахом сладких духов. Я смотрел, как они, смеясь, уходят в темноту, по перечеркивающим дорожку полосатым теням... Я ненавидел себя. Пять, думал я. Пять километров. Без всяких скидок. Вот тебе, вот тебе, вот тебе...

Он пришел в четверг, под конец дня. Наверное, заехал с работы, под мышкой зажат портфель без ручки. Еще у него были носки в полосочку и дырчатые сандалеты. Брюки чуть коротковаты, словно он из них вырос.

Он торопливо поздоровался. Не потому, что был невежливым, просто спешил — через полчаса мы закрывались, и уборщица тетя Зина уже начала возить шваброй по линолеуму. И попросил... молодого Вертера.

Может быть, думал, что связник ему что-то там оставил?

Но когда я вынес синий томик, не столько затрепанный, сколько полинявший от времени, он разочарованно сказал:

— А другого издания у вас нету?

— С картинками, что ли? — не удержался я.

— Нет, просто другого... год, издательство...

— У нас и этого-то никто не берет, — сказал я честно. — Зачем нам два Вертера?

— Ну да, у вас, наверное, все больше фантастику просят.

Мы подписались на такую красно-белую серию, где печатали наших и не наших фантастов, и два тома — Саймака и Стругацких — у нас уже заиграли.

— Да, — сказал я. — Классику сейчас вообще мало кто берет. Только ученики и учителя.

Обычно я не слишком-то стремлюсь разговаривать с посетителями, но тут мне стало интересно. Зачем это он им понадобился? И что они такое делают в своем КБ, что он брюки себе новые не может купить, а продает шпионам государственные тайны?

— Вот вы вообще что заканчивали? — спросил он строго. — Библиотечный техникум?

— Три курса истфака, — сказал я.

— Ну, тогда вы должны понимать. Будущее — это то, чего нет. Вообще нет. Понимаете? Какое придумаете, такое и будет. Их тысячи, миллионы, этих будущих. А прошлое — одно-единственное. Оно требует к себе уважения.

— Поэтому вы и предпочитаете классику?

— Да. Возможно.

— Книги врут, — сказал я неожиданно для себя. — Даже хроники. Летописи. Написал что-то один человек, а мы ему верим. А может, он это по заданию партии и правительства писал?

— Или сам добросовестно заблуждался, да? — улыбнулся он. Зубы у него были слишком белые и ровные — наверняка искусственные.

Мне нужна хотя бы пара недель. А там пусть делают, что хотят.

— Вы правы, — сказал он задумчиво. — Это действительно нельзя проверить. Но ведь не в этом дело! Для нескольких поколений то, что написал летописец, и есть самая настоящая правда. Возьмем, например, «Слово о полку Игореве»...

— Подделка, — решительно сказал я. — Это кто-то из мусин-пушкинского круга, скорее всего, с благоволения и ведома самой Екатерины. Текстовый анализ доказывает...

— А его в школе учат, — печально проговорил он.

— Ну, вреда от этого нет. Кто-то прочтет и начнет интересоваться историей. К тому же его на цитаты растащили. Мыслью растекаешься и все такое... Я думаю, тут дело в созвучии — растекаешься, каша... То есть размазывать кашу по столу... А «мысль» на самом деле — мысь, белка. То есть белкой прыгая по дереву, сизым орлом под облаком... зооморфный ряд метафор.

— То есть, — уточнил он, — «Слово...» вошло в культурный контекст примерно как «Горе от ума»?

— Ну да...

— Так какая разница, кто его написал? И зачем? Несколько поколений знают, что Игорь собрал дружину и сказал ей «луче ж потяту быти, неже полонену быти», а в это время потемнело солнце... Даже пытаются вычислить, когда это конкретно случилось — привязать к какому-то определенному полному солнечному затмению. Слушают оперу «Князь Игорь», сочиняют стихи про Ярославну, как она плачет на городской стене...

— Даже песня такая есть — «Как зовут тебя? Ярославна! Ярославна моя, стой!».

— Ну, да... Звали ее, кажется, Евдокия, но про это поэты не пишут. Слишком неромантическое имя. Оно встроено в другой культурный контекст. Дуня, Дуся — по созвучию с «дурой». Простолюдника. Пустите Дуньку в Европу, и все такое...

Тетя Зина начала с намеком шаркать у него под ногами шваброй, и он спохватился. Я тоже спохватился — свет на корешках из розового стал красным.

— А нельзя посидеть в читальном зале? — спросил он.

— Сегодня уже не выйдет.

Тетя Зина очень сердится, если я задерживаюсь. Тогда и ей приходится задерживаться, а у нее внуки.

— Завтра? — задумчиво спросил он. — Я могу разве что с утра...

— Мы открываемся в десять.

— Да, но мне на работу... Вы не могли бы... в порядке одолжения... на полчаса раньше...

Значит, тренировку придется сократить.

Тетя Зина у нас, подобно капитану, покидает корабль последней. Иначе я бы все время психовал — закрыл ли окно? выключил ли свет? повернул ли ключ в замке?

Две сросшиеся акации отбрасывали совокупную длинную тень. За углом звенел трамвай. Кто-то в кронах старательно выводил: «Буутылку... буутылку!».

— Ну ладно, — сказал он, — до завтра.

Он уже повернулся со своим портфельчиком, когда я окликнул его.

— Пойдите! Кто это так кричит? Сова?

— Что вы! — удивился он. — Это горлица. Кольчатая горлица. — И вдруг шепотом добавил: — Вы знаете, мне кажется, что я сумасшедший!

Я ошеломленно застыл, но он уже повернулся и, смешно подпрыгивая, побежал к остановке...

Я говорил себе, что вовсе не хочу ее видеть. Совсем наоборот, я вышел, чтобы прогуляться перед сном, успокоиться... Но ноги сами вынесли меня под малиновую вывеску. Сейчас на дверях висела табличка «Закрыто на учет». Ниже синим восковым карандашом приписано: «Фимочка, заходи».

Жестяными голосами орали цикады.

Я их ненавидел.

Чем все кончилось, думал я: темной захлавленной квартирой около базара? ковриком с оленями? кислым клоповым запахом? пыльными формулярами, клееными корешками никому не нужных книг? Я же был уверен, всегда уверен, что мне уготована иная, яркая, замечательная жизнь! Это у них, у них у всех будет все как обычно, потому что они сами этого хотят. Потому что они этого заслуживают. Тогда как у меня...

Ничего, утешал я себя, стиснув зубы, это ненадолго. Теперь ненадолго.

И тогда я увидел ее — белая блузка светилась в темноте, вывеска отбрасывала на белые руки, на лицо рубиновые пятна света.

Она шла под руку с каким-то моряком и смеялась.

Я отступил в тень, потом несколько раз глубоко вздохнул и вышел им навстречу.

Они шли, не замечая меня. Просто попытались обогнуть, как огибают неодушевленный предмет, вроде тумбы с афишами.

В горле у меня пересохло.

— Лиля, — выдавил я.

— Чего тебе, мальчик? — равнодушно спросила она.

— Я подумал... мы можем...

— Отвали, пацан, — сказал моряк.

— Но я только...

Я отведу тебя к морю, хотел сказать я, я покажу тебе, какое оно,

ты, наверное, и не подозреваешь: оно спит и дышит, и топит в себе звезды, а песок по утрам голубоватый, пустой и холодный, и на нем, знаешь, такие следы, отпечатки крыльев, перьев, крестообразных лап; я думаю, это вороны, они купаются в песке, как мы — в волнах... Я отведу тебя на берег и расскажу свою самую большую тайну.

Моряк легонько толкнул меня раскрытой ладонью. Он даже не размахнулся, просто толкнул, но я отлетел на несколько шагов. Дыхание у меня перехватило, на глазах выступили слезы — скорее, от обиды.

— Оставь его, — заступилась Лиля, — это же просто мальчик. Ты же видишь...

— Я таких мальчиков... — сквозь зубы сказал моряк.

Ударить его в ответ? Или просто подойти, отодвинуть плечом, взять Лилю за руку и сказать «пойдем»? В общем, сделать то, за что женщина уважает мужчину. Но вместо этого я отвернулся и побрел вдоль трамвайной колеи; я думал, они будут смеяться мне вслед, но они даже этого не сделали, просто пошли дальше, и я слышал, как моряк что-то рассказывает, а Лиля ойкает, поощряя его...

Я шел, и рельсы расплывались в моих глазах.

Он пришел ровно в девять, когда я отпирал железную дверь. От травы тянуло сыростью, и растрескавшаяся асфальтовая дорожка вся была пересечена блестящими слизистыми следами улиток. Он шел, глядя себе под ноги, чтобы не наступать на этих улиток. Потом увидел меня, остановился у подножия лестницы и поднял голову.

— А я уж пожалел, что просил вас, — сказал он. — Кому охота вставать на час раньше из-за постороннего человека.

— Я вообще рано встаю.

Обычно в это время я выхожу из моря — оно теплее, чем воздух, и похоже на жидкое полупрозрачное стекло. Ладно уж.

Читальный зал (на самом деле светлая, в три окна, но небольшая комната с двумя столами) был, понятное дело, пуст. На полках громоздились подшивки местного «Знамени коммунизма» и центральных газет, журналы «Огонек» и «Наука и религия». Отдыхающие их любили — там часто рассказывалось про всякие чудеса, а потом ученые авторитетно объясняли, почему эти чудеса невозможны. Объяснений отдыхающие не читали. На стене висел плакат гражданской обороны — про действия в очаге ядерного поражения.

— Я принес с собой книгу, — он вытащил из портфеля зеленый томик. — Это моя книга, я взял ее из дома. «Война и мир», собрание

сочинений в четырнадцати томах. Том шестой. Тысяча девятьсот пятьдесят первый год. Вас еще тогда и на свете не было.

— Я не знаю, — сказал я. — По-моему, сюда нельзя приносить свои книги.

— Выносить нельзя, — возразил он. — Из читального зала. А на счет приносить ничего не сказано.

Я пожал плечами:

— Работайте.

Интересно, что он будет с ней делать?

— Погодите, — сказал он, поскольку я уже направился в абонементный зал, — у вас есть «Война и мир»?

— Да. Какой вам том?

— Тот же самый, — сказал он.

Он говорил — он сумасшедший. Тогда я думал, он шутит. Или намекает. Нет, откуда ему знать? Разве что... этот майор Иванов просто хотел меня проверить на лояльность — соглашусь ли я сотрудничать? На всякий случай я сказал:

— Вам привет от Иванова.

— От кого? — рассеянно удивился он. Он продолжал листать свою «Войну и мир». Искал что-то. Нашел, заложил страницу пальцем и задумался.

— Извините, — сказал я, — наверное, перепутал.

— Так у вас есть «Война и мир»? — переспросил он и жалобно добавил: — Пожалуйста! Я специально отпрашивался на утро!

— Я посмотрю. Если старшеклассники не забрали.

Старшеклассники не забрали. Я выложил перед ним зеленый томик, точно такой, как у него. Формуляр я вынул, а книгу отдал ему. И сел за соседний стол.

Все равно до десяти библиотека формально не работает.

Он покосился на меня, но ничего не сказал. А что он мог сказать — «пожалуйста, выйдите»? Поколебался, раскрыл вторую книжку и стал сличать. Потом поднял голову и посмотрел на меня. Глаза у него были несчастные.

— Вот, — сказал он.

— Какая-нибудь ошибка? Типографский брак?

Вряд ли он собирался подменить книгу. На семнадцатой странице всегда стоит библиотечный штамп, это все знают, это легко проверить.

— Вот, — сказал он, — читайте!

— Я ее уже читал, — осторожно сказал я, — спасибо.

— Нет, читайте вот здесь!

— «С того дня, во время всего дальнейшего путешествия Ростовых...» — я вопросительно поднял голову.

— Да-да...

— «...Наташа не отходила от раненого Болконского, и доктор должен был признаться, что он не ожидал от девицы ни такой твердости, ни такого искусства ходить за раненым», — читал я, стараясь угодить сумасшедшему. — Ну и что?

— А теперь здесь! — и он пододвинул мне точно такую же книгу, раскрытую на той же, триста девяносто пятой странице.

— «Наташа...» — начал я, внутренне ужасаясь абсурдности ситуации...

— Дальше, дальше! — сказал он нетерпеливо.

— «...так и оставалась в неведении касательно личности их раненого спутника, тогда как Соня...»

— Вот оно!

— «...не отходила от раненого Болконского, и доктор должен был признаться, что он не ожидал от девицы ни такой твердости, ни такого искусства ходить за раненым». Это какой-то розыгрыш?

— Если бы, — горько сказал он. — В этом экземпляре Соня ходит за Болконским, и он, оценив ее преданность, делает ей предложение, а потом умирает у нее на руках, тогда как Наташа до самого конца так и не догадывается, что это за офицер едет с ними... Соня же посвящает всю свою жизнь его памяти и первая отказывает Николаю, так что тот без угрызений совести делает предложение княжне Марье, а Соня уходит в монастырь, и там... Совсем другая история, вы понимаете?

— Наборщик решил пошутить.

— В пятьдесят первом-то году?

— Ну, — я заколебался, — свихнулся. Экземпляры изъяли, но один случайно остался.

— В самом деле? — горько спросил он. — А в «Юном Вертере» эта классическая сцена с бутербродами? В библиотеке есть экземпляр, если вы его откроете...

Я его уже открывал, но не сказал ему об этом.

— Обратите внимание, какой хлеб она нарезает.

— Какое это имеет значение?

— Вы понимаете, — он отложил книгу и загрузил, — я люблю классику. Всегда любил. Именно за то, что она неизменна. Вы — молодой человек, вам трудно понять... Вот, скажем, «Молодую гвардию»

Фадеев переписал, поскольку в первом варианте была плохо отражена линия партии. И, в принципе, должно существовать две «Молодые гвардии» — в одной линия партии отражена, в другой — нет, и молодогвардейцы действовали совершенно одни, без помощи, без поддержки, без партийного руководства... Просто мальчики и девочки, которых затянуло под колеса войны, понимаете?

Он все-таки провокатор, подумал я, его нарочно ко мне подослали. Господи, ну что им от меня надо?

— А классику изменить нельзя. Вы же не поручите Толстому переписать «Войну и мир», чтобы он лучше отразил роль народа? Чтобы мужики не угрожали княжне Марье тупым бунтом, а разяснили бы ей губительную сущность крепостничества... Классику можно только запретить, но не больше.

— Ну и что? — Я специально говорил сухо, чтобы он понял: не на того напал. Пускай забирает свою, по спецзаказу сварганенную книжонку и валит отсюда. Но он не собирался уходить. Наоборот, уселся поудобнее и вытянул ноги в старомодных дырчатых сандалетах.

— Я много переезжал, — сказал он задумчиво, — работа такая, и, конечно, книги — не тот багаж, который легко таскать за собой. Потом, везде есть библиотеки, а классику, как вы сами говорите, берут мало. За ней не надо стоять в очереди. Так что я почти не покупаю книжек. Но Толстой у меня свой. И Чехов. И Достоевский. И вот, я захотел перечитать «Войну и мир» — все-таки замечательная вещь.

— Я ее не люблю. Сплошное моралите...

— Это потому, что вам ее в школе навязывали. Очень мудрая книга. Но, знаете, когда я открыл ее, то вдруг начал сомневаться. Я забыл, что случилось с Андреем Болконским. Он умер от ранения, да, но когда? И как?

— Все помнят, что случилось с Андреем Болконским, — сухо сказал я. — Как раз это в школе проходят. Наташа ухаживала за ним преданно и самоотверженно, и он...

— Ну, вот видите. А я вдруг начал сомневаться. И когда открыл книгу и прочел... Оказывается, это была не Наташа, а Соня. И согласитесь, при таком раскладе суть происходящего меняется. Соня становится чуть лучше, а Наташа — чуть хуже. Она вроде и не виновата, графиня не велела ей говорить, и Соня, руководствуясь жалостью к блестящему красавцу и лояльностью к семье Ростовых, взялась ухаживать за ним... И вот... она как бы уже немножко тургеневская девушка — совсем другой характер. Но это только в одном экземпляре

— моем, понимаете? Я специально пришел, чтобы проверить — только у меня.

— Ну и что?

— А то, что в таком случае теоретически может существовать экземпляр, где Соня таки выходила Болконского. И они поженились...

— И были счастливы?

— И не были счастливы, поскольку характер у него постепенно все больше стал походить на отцовский, и он постоянно напоминал ей, что она ему не ровня, и она плакала, но продолжала его любить. Это же все-таки не дамский роман.

— Опять же — ну и что?

— А что, если весь тираж будет состоять из таких экземпляров? Все издания, наличествующие на данный момент? Как это отразится на всех нас?

— Никак, — неуверенно сказал я.

— Вы ошибаетесь. Я же говорю вам — все написанное есть правда. В каком-то смысле. Ладно, мне пора.

Он сгреб в портфель свой экземпляр «Войны и мира» — я специально смотрел, чтобы свой, и направился к двери. Уже на выходе я окликнул его:

— Погодите. Так какой хлеб нарезает Шарлота?

Он обернулся и устало мигнул.

— В вашем экземпляре, ну, который я брал на дом, она нарезает черный хлеб. Ржаной.

— Ну и что?

— А то, что дом, где на стол гостям подают ржаной хлеб, принадлежит совсем другой культуре. Вы понимаете? Одна деталь, и уже все другое. Сельское хозяйство. Традиции. Даже климат!

— Если это в одном экземпляре, то ничего, — неуверенно сказал я.

— А вы уверены, что только в одном? — спросил он через плечо и вышел. Я слышал, как он топает по железной лесенке.

— Алик, — трагичным голосом спросила тетя, — что это такое?

А то она не знает, что это такое.

— Я хотела постирать твои брюки. На всякий случай проверила карманы. А там...

— Ну, тетя Валя...

— Будет звонить твоя мама, что я ей скажу?

— Ничего, — процедил я сквозь зубы.

— Я думала, ты приличный мальчик.

— Я и есть приличный мальчик. А это мне нужно для опытов.

— Алик! Ну какие в библиотеке опыты? Что ты мне врешь? Ты спутался с этой... Райкиной дочкой. Сарра Моисеевна сказала, она видела, как вы вместе выходили из аптеки. И мамаша ее была шалава, и девка такая же шалава выросла...

Значит, они дают понять, что за мной все-таки наблюдают. Сарра Моисеевна — это так, прикрытие.

— А вот это, — выдал я перехваченным горлом, — уже мое дело.

— Позволь! Я за тебя отвечаю. Я не допущу, чтобы...

Она замолчала, прислушалась и вновь повернулась ко мне. Лицо у нее было несчастное.

— Ну вот опять.

— Это трамвай проехал, тетя.

— Нет. Они опять ее включили. Когда она работает, я слышу всякие гадости. Пойди, Алик, будь хорошим мальчиком, скажи им.

— Ладно, — сказал я с облегчением, — сейчас схожу.

Забрал у нее презервативы и вышел. На ветке за окном угрюмо требовала свою бутылку горчица.

Вода была прохладной. Я заставил себя отплавать четыре км, потом вылез на мокрый песок и растерся шершавым полотенцем. Над морем плавали волокна тумана. У горизонта над полосой тумана тянулась цепочка птиц — кажется, диких гусей. Они-то могут лететь, куда хотят — на всякие границы им наплевать!

Потом я подумал, что на самом деле мне надо бы плавать не вдоль берега, а в открытое море — совсем другое ощущение. Но на меня тут же начнут орать с патрульной вышки. Они на всех орут. «Мужчина, заплывший за буйки, немедленно вернитесь обратно». И потом, как же я буду мерить километры?

Я поднялся наверх, миновал плакат «Правила поведения на воде» и черную табличку, на которой мелом были выведены цифры — температура воды и воздуха. Может... просто остаться здесь, устроиться на водную станцию, измерять температуру, следить, чтобы другие не заплывали за буйки?

Книжный магазин на Базарной открывался в девять. Я успел заскочить туда по дороге на работу.

Покровский пришел в пять — я уже запирал окна на шпингалеты.

— Сегодня короткий день.

Он ответил:

— Я не надолго. Просто хотел взять книгу.

Вид у него был какой-то пришибленный, скудный, словно его побилو молью.

— Какую-нибудь классику, да?

Он помялся. Потом сказал:

— Хватит с меня этой классики. Лучше фантастику. Там ведь заведомо — все выдумка, верно? И если что-нибудь изменится... Кто заметит, сколько ног на самом деле было у инопланетного чудовища?

Я сказал:

— Я был в книжном. У них есть этот ваш «Вертер». Новое издание, прошлого года. Я посмотрел.

— Ну и что? — быстро спросил он.

— Черный. Ну и что? Может, всегда был черный? Кто помнит?

— Вот именно, — согласился он. — Я об этом и говорю, — он помялся. — Простите, но... тот Толстой? Можно посмотреть еще раз?

— Так мы вчера смотрели...

— Это же каких-нибудь пять минут!

Я пожал плечами и поплелся к стеллажу с намалеванной на картоне буквой «Т». Третий том «Войны и мира», понятное дело, стоял на месте, — редкий ученик добирался до середины эпопеи.

— Вот он, ваш Толстой.

— Посмотрите вы, ладно?

— «Наташа...» — начал я, поскольку том сам собой раскрылся на триста девяносто пятой странице, — «...касательно личности их раненого спутника, тогда как Соня...». Это не та книга. Вы ее подменили, да?

— Нет, — уныло сказал он, — просто это распространяется все дальше. Как инфекция. Так я и думал.

— Скажите, — спросил я, — а вы газеты читать не пробовали?

Он прикусил губу, и я понял, что попал в точку.

Вот почему они им заинтересовались. Из-за газет. Ведь если...

— Я, наверное, вообще не буду читать, — быстро сказал он.

— Вы думаете, если вы прочтете газету, и там... если везде будет написано, что...

Что границы открыты, никто не спрашивает никаких справок, и мне не надо...

Что я никогда, никогда не лежал в психушке.

Что меня любит Лиля.

Не сложись все так, как сложилось, не прищучь они профессора Литвинова, не разгони кружок... Приходил человек в сером, вел дол-

гие разговоры, смотрел укоризненно... Что я тогда ему наговорил? О ком?

Не помню.

И я сказал хриплым шепотом:

— Если это правда... а вдруг... вы можете сделать так, чтобы все это — ну, это, вы понимаете — было лучше?

— Я не могу по заказу, — упирался он, — это как-то само... просто возникает в голове, и все.

— А если представить поярче...

— Что?

— Ну, Наполеон отменил крепостное право, просто росчерком пера взял и отменил, и крестьяне взяли вилы и... Нет, не то. Опять получается то же самое... Или вот...

— Вы знаете, — сказал он, — это мне приходило в голову. Но это как-то слишком глобально. Я не... не умею думать общими понятиями. Не представляю их. Только что-то частное, детали, подробности. Это да...

— Подробности, — я задумался. — Вот вы говорили, что подробности тоже могут...

Мы сидели в кафе «Росинка» над морем и пили пиво. Немолодая, лет тридцати, женщина за стойкой нарезала бутерброды. Сквозь нейлоновую блузку проглядывал бюстгальтер, лишь чуть прикрывавший темные круги вокруг сосков. Я отвернулся.

Он сказал:

— Я думал, только сумасшедший мне поверит.

Я молчал, чувствуя, что краска заливает мне шею, щеки, виски. Потом с трудом выговорил, потому что молчание становилось просто невыносимым:

— Это был просто нервный срыв...

— Ах, вот оно что... — он неловко покрутил головой. — Это вы потому бросили институт?

— Да, — сказал я, — да, отчасти. У нас был студенческий кружок, и они...

— А! — он понял. Люди его возраста такие вещи понимали быстро.

— Так вы попробуете?

— Ну что же я могу сделать? — он снял очки и, как все близорукые люди, сразу приобрел беспомощный вид. — Ведь даже если что-то и меняется, то трудно предугадать, как и что именно! Кстати, тео-

ретически уже должны быть какие-то изменения, разве нет? Если «Юный Вертер» и Наташа с Соней...

Буфетчица подошла к нашему столику, и я заказал еще «Жигулевского».

— Вроде никаких. Но я все равно завтра что-нибудь вам подберу... такое... Просто, чтобы... ну, проверить, а вдруг? Понимаете?

— Да, — вздохнул он, — понимаю. Только завтра я не могу. Работа.

— Ну после работы? На этом самом месте.

Он надел очки, опять снял их, протер, снова надел.

— На этом самом месте, — сказал он. — Хорошо.

— И представляешь, это та самая бабка, которую я обложила в трамвае, прикинь? — оказывается, она тем временем что-то рассказывала, оживленно размахивая свободной рукой. — И она нам все баллы скостила... Ты что, не слушаешь?

Винный отдел в продуктовом еще не успел закрыться, и мы купили пыльную бутылку шампанского «Юбилейное». На берегу уже никого не было; мы устроились под скалой, похожей на спящего тюленя. Шампанское показалось мне совсем невкусным, я подумал, что представлял себе все как-то иначе.

— Почему, слушаю. Вам дали третье место.

— Ну, да, из-за той заразы. Ну откуда я знала, что она член комиссии?

Тем временем она взяла мою руку и положила ее себе... ну, в общем, на ней даже не было трусиков.

Я подумал — какого черта, она сама хочет! И тут луч света ударил мне по глазам.

— Оп-па! — сказала Лиля.

Камни на песке отбрасывали синие движущиеся тени, и среди этих теней стояли две фигуры с автоматами.

— И что это мы делаем в пограничной зоне после десяти вечера? — лениво спросил один.

— Понятно, что, — сказала Лиля и одернула платье.

— Тоже мне, нашли место, — кисло сказал пограничник. — Ну пошли, что ли?

— Мы ничего не нарушали, сержант, — оправдывался я. — Мы только...

Пограничник тем временем разглядывал мой паспорт.

— Караванов Альберт Викторович, — сказал он, — понятно. А вам

известно, что пребывание после десяти в пограничной зоне карается пятнадцатью сутками исправительно-трудовых работ?

— С каких это пор?

— Согласно указу семьдесят семь бэ. Так что пошли, гражданин Караванов Альберт Викторович.

Его напарник что-то сказал ему на ухо. Тот кивнул. Потом подтолкнул меня в бок стволом автомата.

— Двигай.

Его напарник и Лиля продолжали стоять на песке. Мне показалось, он положил руку ей на бедро.

— Почему вы... Послушайте, либо я пойду вместе с девушкой, либо...

— Какая девушка? — лениво сказал пограничник. — Не было никакой девушки. Двигай, гад, а то пристрелю. При попытке к бегству.

Прожектор чертил в небе светящимся пальцем огненную дугу. Она обежала горизонт, тронула холодным пламенем кромку воды, по песку вновь побежали тени. Я оглянулся. Там, сзади, на берегу уже никого не было.

На миг я увидел дирижабль. Он висел в темном небе, точно разбухшая мертвая рыба.

— Значит, нарушаем, — сказал комендант. — Прописка временная, от военной службы уклоняемся и еще нарушаем...

— Я не уклоняюсь. Я освобожден.

— Согласно последнему постановлению Минобороны — нет. Пятнадцать сутками вы не отделаетесь, гражданин Караванов. Вы дезертир.

— Послушайте, я...

В комендатуре было сумрачно, одинокая лампочка под проволочной сеткой горела вполне, вокруг нее чертила круги ночница. На стене висел выцветший плакат «Действия гражданского населения при атаке с воздуха». На нем смутно угадывалось серое брюхо гигантского цеппелина.

Второй человек, сидевший за столом, склонился и что-то сказал коменданту на ухо.

Тот недовольно бросил мой паспорт на стол.

— Раз так, — сказал он, — ну, ладно.

— Пойдемте, Альберт Викторович, — тот, второй, поднялся.

— Куда?

— На вашем месте, — сказал тот строго, — я бы задавал поменьше вопросов.

Солдат у двери отодвинулся, пропуская нас, и козырнул — не мне, понятное дело.

У этого майора фамилия была Сергеев.

— Я ожидал от вас большей сознательности, — укоризненно сказал он. — Вы в курсе, какая сейчас напряженная международная обстановка? Что сейчас в Монголии творится, знаете? А вы не хотите нам помочь в таком ответственном деле...

— В каком деле?

— Вот, — сказал майор, протягивая книжку в газетной обертке. — Дадите завтра этому вашему...

— Зачем?

— Пускай почитает. Вы же обещали ему литературу подобрать, разве нет?

Все подстроено, подумал я, подстроено с самого начала. Ну да, они же не могут заставить его читать насильно!

— А если он не захочет?

— Захочет.

— Откуда вы знаете?

— Ну, вы же с ним вроде подружились. Вот вы его и уговорите...

Всего неделя, подумал я, мне нужна всего неделя. Черт с ними, с тренировками — только бы прогрелась вода!

— Ладно, — сказал я.

И как они не боятся? Ведь может же он, в принципе, начитать что-то такое, отчего они исчезнут навсегда и больше не вернуться...

— Вот и хорошо. Сейчас вас проводят по месту жительства...

— Я сам дойду.

— Я же сказал, — веско уронил майор. — Проводят. По месту. Жительства.

И я понял, что никуда мне от них не деться.

Затрепанная книжка в газетной обертке оказалась всего-навсего «Тарасом Бульбой».

Он рассеянно пролистал ее и сказал:

— Вы уверены, что с этим стоит работать?

Я сказал:

— А как же.

Неделя, думал я как заведенный, всего неделя. А там пускай делают, что хотят.

Пиво сегодня было какое-то мерзкое. Кислое, словно разбавленное.

— Я бы не хотел читать Гоголя, — уперся он, — вы понимаете... Он такой яркий писатель... в смысле живописный... а тут сплошные детали. Подробности. И вообще — зачем он вам? Все-таки он был странный человек, Гоголь. Давайте, я лучше что-нибудь другое.

Я понятия не имел, зачем им понадобился «Тарас Бульба». Должно быть, в неведомом мне почтовом ящике неведомые аналитики просчитали что-то очень важное и судьбоносное...

На всякий случай я сказал:

— Я, конечно, историк недоучившийся, но... Помните, я вам говорил — тот кружок. Его вел профессор Литвинов...

— Тот самый? — он слегка оживился.

— Ну да, — согласился я.

Неделя, не больше.

Он сказал:

— Надеюсь, вы знаете, что делаете!

Утром я проплыл на двести метров больше. Вода была двадцать градусов. Это в семь утра — к первому замеру. А значит...

Покровский так и не появился; я подумал, это к лучшему. Я не мог смотреть ему в глаза.

Интересно все-таки, что он сделал с Тарасом Бульбой?

Сегодня была получка — очень кстати, потому что заначка моя совсем опустела. Правда, норму урезали, и талонов на сахар не выдали совсем. Сказали, в следующем квартале. Те, которые на табак, я тут же у входа сменял на продуктовые и почти на все закупил шоколад и изюм. А стакан чищенных орехов я всего за сто рублей купил на базе по дороге домой.

Талоны на спиртное я отдал тете Вале, и она сказала, что я хороший мальчик — она их поменяет на талоны на сахар и наконец-то сварит варенье. Шоколад я спрятал в чемодан и затолкал под кровать; тетка топталась на кухне и уходит оттуда, похоже, не собиралась — я слышал гудение примуса и уханье насоса.

«Маяк» передавал песни по заявкам радиослушателей; большой популярностью пользовалась какая-то Гюльбекешер... Пела она, как принято у восточных певцов — с каким-то подвыванием, и я уже собирался выключить приемник. Тем более что слушать было совершенно невозможно — внизу, по брусчатке, грохотали колеса грузовой автоколонны. В кузовах стояли зачехленные орудия. Но тут как раз

начались новости. Какое-то время я их слушал просто так, не думая ни о чем, но потом до меня дошло... Я вскочил и, даже не выключив приемник, который так и продолжал тихо квакать мне вслед, выбежал из дома...

Трамваи стояли — прямо на рельсах, черные и пустые, и, когда я добрался до библиотеки, была уже почти полночь. Я шел точно по дну моря, и тени акаций колыхались на треснувшем асфальте, подобно водорослям.

Задыхаясь, я взбежал по железной лестнице и отпер наружную дверь. Библиотека встретила меня полной тишиной. На книжных полках подмигивали в лунном свете картонные таблички с буквами.

Я прошел меж стеллажами, задел ногой стремянку, она откинулась к противоположной полке, при этом больно ударив меня по щиколотке. Я добрался наконец до Гоголя, бросил на пол пухлый том «Мертвых душ», потом не менее пухлый второй том...

«Тарас Бульба» был зажат между «Миргородом» и «Страшной местию». Он был совсем маленький... Только тут я сообразил, что надо бы включить свет. Накал был совсем слабым, лампочка еле тлела пурпурной вольфрамовой нитью.

Что они заставили его сделать? Передвинуть Запорожскую сечь ниже по течению? Превратить прекрасную панну в юную турчанку? Этого я узнать не успел, потому что по металлической лестнице загрохотали чьи-то тяжелые шаги...

Потом дверь распахнулась.

Я забыл запереть ее изнутри.

Мрачный парень с красной повязкой на рукаве шагнул внутрь. За ним шла девушка в красной косынке — она остановилась у порога, в темноте. В руке у нее был зажат потайной фонарь.

— Народная дружина, — сказал парень. — Почему нарушаем?

— Нарушаем? — удивился я. — Что? Я тут работаю. Я библиотекарь.

Мне хотелось сказать «я здешний ворон», и я с трудом подавил истерический смешок.

— Светомаскировку почему нарушаем? Окна почему не зашторены?

Тут только я сообразил, что меня тревожило, пока я шел к библиотеке ночными переулками. Темнота.

Не светилось ни одно окно.

— Не понял, — сказал я, — мы что, уже воюем?

— Еще нет, — сказал парень сквозь зубы. — Это учения, урод. Сейчас пройдем в районный штаб ГО, и тебя доходчиво ознакомят с текущим международным моментом...

Говоря это, он повернул выключатель, и свет погас. Светился только потайной фонарик, и теперь, из темной комнаты, я смог разглядеть лицо девушки.

— Лиля, — сказал я.

Она была в гимнастерке, на рукаве красная повязка, талия перекинута ремнем, волосы убраны под косынку. Не удивительно, что я ее сразу не узнал.

— Ты его знаешь? — обернулся к ней парень.

— Да, — она качнула фонарем, — он у тети Вали живет. Племянник ее, что ли. Оставь его, Леха, он безобидный. Просто больной на голову. Плавает каждое утро по три часа, чес-слово. Тренируется.

— А если бы это была боевая тревога? — не мог успокоиться ее спутник.

— Ну, тогда бы и разобрались. По законам военного времени. А сейчас чего? В штаб его тащить? Так штаб отсюда в трех кварталах...

— Ладно, — парень махнул рукой и направился к выходу, — твое счастье, малый. Только свет больше не зажигай, слышишь.

— Ладно, — в свою очередь, ответил я.

Я хотел еще что-нибудь сказать Лиле, ну вроде, что я все понимаю и не держу на нее зла или, напротив, что я ненавижу ее и буду ненавидеть вечно, но она уже простучала каблучками по железным ступенькам и исчезла во тьме.

Я на ошупь вытащил ящичек с читательскими формулярами. Ничего не было видно, поэтому я поднес его к окну. Светила почти полная луна — в ее свете я нашел букву «П», извлек читательскую карточку Покровского и, поворачивая ее то так, то эдак, чтобы слабый лунный луч высветил чернильную запись, нашел его адрес. Он жил на Канатной — не так уж далеко отсюда.

Я оставил картотеку на подоконнике и выбежал, чуть не забыв запереть за собой дверь.

Видимо, учения уже окончились, потому что во дворе дома стоял грузовик с включенными фарами и какие-то люди, кряхтя, поднимали в кузов что-то тяжелое. Сначала мне показалось, что это гроб, но потом я понял: грузят пианино. Оно лаково блестело в лунном свете. Почему ночью? Я решил не ломать над этим голову, а разглядев эмалевую табличку с номерами квартир над дверью подъезда, взбежал на

третий этаж. Несколько раз я нажимал на кнопку звонка под фамилией «Покровский» — были и еще кнопки и еще таблички с фамилиями, — мне показалось, что звонок не работает, и я все жал и жал, пока дверь не приоткрылась на длину цепочки.

— Я же сказал, к пяти утра, — недовольно буркнул Покровский.

— Борис Борисыч! Это я, Алик!

— А! — Он отстегнул цепочку. — Заходи.

Я зашел в темный коридор (свет он включил, но накал был опять никакой) и перевел дыхание.

— Все не так! Все получилось не так!

— Догадываюсь, — сухо сказал он, — все всегда получается не так.

А в данном случае, что конкретно?

— Турция... Вы знаете, чья сейчас Турция?

— Ну да, — он пожал плечами, — Турецкая Советская Социалистическая республика. Будто вы этого не знаете? Помните, вы рассуждали на тему, что было бы, если бы Россия в свое время не вышла к Средиземному морю?

Выход в Атлантику. Босфор и Дарданеллы. Плацдарм в Малой Азии. Кто-то гораздо умнее меня взял и просчитал и не ошибся...

— Может, это и не так уж плохо, — пробормотал он, — учитывая, что сейчас творится на Дальнем Востоке.

— Да ничего там не творится! Не творилось, пока мы...

Пока Шарлота не стала нарезать черный хлеб. Пока Соня не вышла замуж за Болконского. Пока...

— Что, — неуверенно сказал он, — было лучше?

— Гораздо лучше! Вы разве не помните?

— За мной должны заехать в пять утра, — сказал он, — нас перебрасывают в Красноярск. Я хотел хоть немного выспаться.

— Нельзя так, — я почувствовал, как слезы затекают мне за воротник, и только поэтому осознал, что плачу. — Нельзя...

Тот румяный врач назвал это свержидеей. Я думаю, это примерно то же, что мания: она гонит вперед, и сжимает грудь, и не дает дышать... Не будь ее, я бы, наверное, тоже принял все как есть, и не удивлялся бы, и успокоился. Но эта мания выжгла у меня в мозгу огненную печать, и я твердо помнил: так не должно...

— Что, — он близоруко моргнул, — вы хотите отменить Турцию?

— Да! Как же я... я же тренировался! Я же мечтал! Куда мне теперь плыть? Куда деваться?

— Но я не могу. Как можно отменить реальность?

— Но у вас же получалось! Вы ведь уже делали! До пяти еще есть

время. Если подумать... найти что-то правильное... правильную классику...

— У меня больше нет классики, — невыразительно сказал он.

— Тогда пошли! В библиотеку! У меня ключ — вот!

Я для убедительности тряхнул ключом.

— Алик, — сказал он, — вы вообще в курсе, что после двух ночи действует комендантский час?

— Я... нет. Но ведь сейчас только полвторого!

— За мной в пять должны заехать, — напомнил он.

— Если все пойдет как надо, никто никуда не поедет. Это все из-за «Тараса Бульбы»!

Он сказал:

— Мне кажется, вы преувеличиваете! Алик, а вы вообще... как себя чувствуете?

Я понял, что он уже и сам не помнил настоящей реальности. Может, подумал я в тихой панике, та реальность, где мы встретились, тоже была ненастоящая, потому что он ведь что-то и до этого читал, и все уже было искажено и намертво сцеплено, а на самом деле все было замечательно, в той, самой-самой первой, самой настоящей: и никто ко мне не приходил, и не разговаривал со мной, и не призывал к сознательности, и я не принес им свои конспекты лекций профессора Литвинова, и толстый румяный врач не приходил никогда, и если и приходил, то не ко мне...

У нас уже были космические корабли, подумал я, наверняка — Луна и Марс, и орбитальные поселения, и на Земле не было границ, и моря принадлежали всем.

Мне захотелось ударить его, и я с трудом заставил себя разжать стиснутые кулаки.

Нет, сказал я себе, просто его странные способности развились совсем недавно, и он не умеет ими управлять, его надо просто научить, подтолкнуть, не может же быть, чтобы все нельзя было сделать лучше, только хуже — надо просто знать как, смогли же эти подгRESTИ под себя Турцию!

Он даже хотел захлопнуть дверь, но я сунул ногу в щель и сказал:

— Нет!

— Алик, — сказал он, — послушайте.

— Я ведь сумасшедший. У меня и справка есть. Хотите, покажу?

Я так смотрел на него, чтобы он понял, я могу сделать все что угодно, абсолютно все что угодно, и мне ничего за это не будет... ну, почти ничего.

Он почувствовал это и на самом деле испугался.

— Ладно-ладно, — сказал Покровский, — пошли. Только... не надо так горячиться, Алик!

Булыжник блестел, словно политый водой, черные тени лежали на нем, и наши торопливые шаги отдавались эхом в темных подворотнях.

Без десяти два мы стояли у двери библиотеки. На ней висел огромный амбарный замок, а еще она была опечатана — и со шнура свисала бумажка с надписью: «Объект находится под особым контролем Штаба Гражданской обороны».

Он сказал:

— Вот и все. Это вы нарочно меня сюда вытащили?

И присел на ступеньку.

— Меня предупреждали, чтобы я не поддавался на провокации.

— Предупреждали? — я нависал над ним, пытаюсь осмыслить услышанное. — Значит, они вас тоже завербовали?

— Почему — тоже? — теперь удивился он. — И вообще, никто меня не вербовал. Я работаю на объекте, я же вам говорил.

— Это связано с книгами?

— Вовсе нет, — отмахнулся он.

Я подумал — в этой реальности он немножко другой, и его странное качество может исчезнуть так же внезапно, как появилось. Но попробовать стоило. Мне казалось, я уже слышу шаги патруля — настоящего военного патруля, а не тех опереточных дружинников, — они грохотом отдавались в подворотнях, и я никак не мог сосредоточиться.

— Что вы читали в последнее время? Вспомните!

— Да ничего я не читал, — отмахнулся он.

— Ну, когда-то. Давно, в школе?

— «Дубровского», — неуверенно сказал он, — «Капитанскую дочку»...

Из-за крыш, шипя и разбрасывая искры, вырвалась сигнальная ракета, пронеслась вертикально вверх, оставляя светящийся след в черном воздухе, и погасла.

— Да я почти ничего не помню, — он задумался, — только про то, как француз медведю в ухо выстрелил и еще про беличий тулупчик.

— Раньше вы были не таким! Раньше вы... Вас это интересовало. Вправду интересовало!

— Послушайте, Алик, — устало сказал он, — нас ведь заметет па-

труль. Они сейчас не церемонятся. Правда, может, мне из комендатуры удастся связаться с нашим замом по АХЧ, он наверняка сейчас не спит, все-таки у меня категория «Це». А у вас?

— Не знаю.

— Как можно не знать своей категории? Нет, — он помотал головой, — ничего не приходит... устал я очень, мы тут одну штуку до ума доводили, мне бы еще пару дней, ну хотя бы сутки, а нас в Красноярск... Оборудование погрузили, расчеты опечатали.

— Последний раз, — я всхлипывал, обернувшись лицом к морю. Его не было видно, но я все равно его чувствовал; бесполезное, бессмысленное сугубо внутреннее море, за которым лежит Турецкая Социалистическая республика...

Шаги грохотали по брусчатке.

— И тогда вас никуда не переведут, и вы успеете закончить свою одну штуку. Вам же ничего не надо делать, просто вспомните, ну пожалуйста, вспомните про... ну, я не знаю, Гринева там или Швабрина...

Я точно помнил, что там был еще и Швабрин.

— Вы слишком верите книгам, — сказал он, — словно они могут спасти человечество. Уверяю вас, это не так. Книги — это слишком... эфемерно.

— Я вовсе не хочу спасать человечество. Оно либо спасется само по себе, либо не заслуживает спасения. Я хочу спасти себя.

— Никто не меняется, — сказал он устало, — и вы не изменитесь. Что бы ни произошло, вы не изменитесь.

— Нет! — У меня перед глазами все расплывалось от слез, и я совсем не видел его лица. — Я мог бы стать свободным! Мог бы изучать море! Увидеть другие страны! А это...

Только тут я ощутил: в мире что-то изменилось.

Шаги больше не отдавались эхом по брусчатке. Фонарь в моих глазах расплывался колючим ореолом, а где-то за углом звенел на повороте трамвай.

— Не понимаю, чего вы от меня все время хотите, — сказал он сердито.

— Ничего, Борис Борисыч, — судорожно выдохнул я, — кажется, уже ничего.

Что он вспомнил? Что вместо беличьего тулупчика Пугачеву достался заячий? Или что-то совсем другое, такое незначительное, чего, кроме литературоведов, никто обычно и не замечает?

На противоположной стороне улицы за стеклом булочной красовались плакаты «Хлеб — всему голова!» и «Планы Партии — планы

народа». Акация трясла сухими стручками, как дервиш — погремушкой. Луч прожектора береговой охраны шупал дальние тучи.

— Выгащили меня посреди ночи... — продолжал ворчать он.

— Уже все, — сказал я, — можно идти домой. Вам же вставать в пять утра.

— С чего это? — удивился он.

Ночь дышала сухим черным жаром, точно бочка со смолой. Цикады орал так, что у меня звенело в ушах. Одна сидела на нижней лестничной площадке — крохотное рогатое создание — и судорожно трепетала крыльями.

— А знаете, — сказал он, — это даже хорошо, что вы меня выгащили. Давно уже я не гулял ночью... когда-то, давным-давно...

— С девушкой?

— Да, с одной девушкой. Только это было не здесь, в Мурманске. Ночи там летом светлые. Облака над морем золотятся, чайки кричат. Красиво.

— А потом?

— Потом нас перевели. Сначала в Севастополь, потом сюда. У нас же закрытая контора. Так я и не...

— Закурить не найдется?

Они выросли из подворотни так внезапно, что я на миг подумал: это опять какой-то патруль, но то была просто какая-то пьяная компания. Они стояли, перекрыв дорогу и отбрасывая тени, такие длинные, что головы их плясали где-то у наших ног.

Я сказал:

— Извините, нет.

— ...Не сказал ей, что люблю ее, — закончил Покровский. — Не успел.

— Ты невежливо разговариваешь, — сказал парень.

Я опять сказал:

— Извините. Пропустите ребята, а?

— Плохо просишь. — Они сдвинулись, и тени их слились в одно трехголовое чудовище. — Гони деньги, малый.

— У меня... — я начал рыться в карманах.

— Не унижайтесь, Алик, — сказал Покровский.

— И ты, четырехглазый.

В кино герой всегда бьет хулиганов. Внезапно оказывается, что он знает самбо или бокс и вообще мастер спорта, но это скрывает, однако я только и умел, что плыть вперед, зарывшись в зеленые волны... пятьдесят метров... еще пятьдесят. Все, что я умел — это беречь дыхание.

Я нечаянно вывернул карман, он болтался пустым мешочком у бедра. Денег у меня было всего ничего, и им это не понравилось.

— Это не деньги, — сказал один строго. — Ты издеваешься? Он над нами издевается, да? По-моему, ему надо извиниться. Извиняйся, паскуда.

— Извините.

— Не так. Ложись на землю.

— Алик, — сказал Покровский, — не делайте этого. Потом будете жалеть.

Я остался стоять.

— А ты заткнись, четырехглазый.

— Ах ты, чмо лагерное, — сказал Покровский, — гнида!

Он коротко размахнулся и ударил среднего под дых, — не так немело, как могло бы показаться. Он дрался точными, отработанными движениями — вот он-то вполне мог сойти за того киногероя, только там, в фильмах, парень обычно идет с девушкой и лет ему под двадцать, потому что он ударник труда и мастер спорта. А Покровский был старше, намного старше.

Я осознал, что просто стою и смотрю, как будто и вправду это было кино. Наверное, надо помочь? Я сделал шаг к тому, второму, и уже размахнулся, чтобы ударить, как вдруг Покровский стал оседать, держась за бок, а тени вокруг него метнулись в разные стороны и пропали — бесшумно, как и полагается теням, а он остался лежать, скорчившись, и булыжник рядом с ним вдруг стал лаково блестя.

— Так и не успел, — пожаловался он и закрыл глаза.

У ближайшего автомата была с корнем выдрана трубка, но другой рядом с ним работал, и я набрал 03, и сказал:

— Тут, на углу Канатной человека ножом ударили.

— Адрес, — сказал усталый голос в трубке.

— Я ж говорю, на углу Канатной, Сегедская, угол Канатной.

Я сидел с ним, пока не услышал вой сирены, потом отошел и из ближайшего подъезда смотрел, как его увозили. По-моему, к тому времени он как раз перестал дышать.

Милиция приехала раньше «скорой» — наверное, кто-то из окна видел драку и вызвал милицию, но сам, понятное дело, вмешиваться не стал. Никто из темного дома не вмешался, никто не вышел, чтобы спасти его. Чтобы спасти нас.

Я стоял, смотрел и думал: все кончилось. И когда на подгибающихся ногах брел домой, вернее, к тете Вале, думал: все кончилось,

все как всегда, больше ничего не изменится, и я никуда от себя не денусь, и, наверное, завтра меня вызовут туда, хорошо бы они меня нигде не нашли, поэтому лучше я не пойду на работу, а пойду куда-нибудь в городской сад, послушаю духовой оркестр, поем мороженого из круглой алюминиевой вазочки, покатаюсь на цепной карусели или просто посижу где-нибудь на траве, потому что сегодня мне предстоит бессонная ночь, надо подготовиться, шоколад лежит под кроватью в чемодане с вещами, который я до сих пор так и не успел разобрать до конца, и я наполню презервативы высококалорийной смесью шоколада и толченых орехов, и привяжу к поясу, и на следующую ночь войду в теплую воду и поплыву, и катер в территориальных водах напрасно будет шарить своим лучом по волнам; потому что одинокого пловца не так просто заметить.

Так думал я, поднимаясь по темной, пропахшей кошками лестнице, мимо таблички «Трусить в парадном воспрещается», мимо похабных надписей на стенах, мимо почтовых ящиков с полустертыми номерами.

Я уже машинально вытер ноги о половичок и нашарил в кармане ключ, но остановился. Оставалось еще одно дело.

Я обернулся к соседней двери и нажал облупленную кнопку звонка. Я жал и жал, наверное, минут пять, пока за дверью не раздались шаркающие шаги.

— Кто там? — спросил дребезжащий голос.

— Откройте, Илья Маркович, это ваш сосед, Алик.

— Алик, — удивился Илья Маркович, снимая цепочку с двери, — что случилось?

Он был в пижаме и тапочках.

Я молча отодвинул его и прошел в коридор. Хрусталь в румынской стенке переливался острыми гранями, а на подоконнике стоял круглый аквариум с рыбками, и они тарачились на меня своими выпуклыми глазами и шевелили губами, будто хотели что-то сказать. Я прошел мимо, к стенке, на которой висел новенький ковер, и сорвал его со стены. Нашитые петли треснули, а вот гвоздики полетели в разные стороны — под ними обнаружилась фанерная дверь с круглой ручкой. Я дернул ее на себя и, подхватив ближайший стул, с размаху ударил им в блестящую панель, подмигивающую огоньками.

— Не включайте больше свою машину, Илья Маркович! — сказал я сквозь зубы. — Никогда больше не включайте свою машину!

Д М И Т Р И Й В О Л О Д И Х И Н

ПЛАЦДАРМ

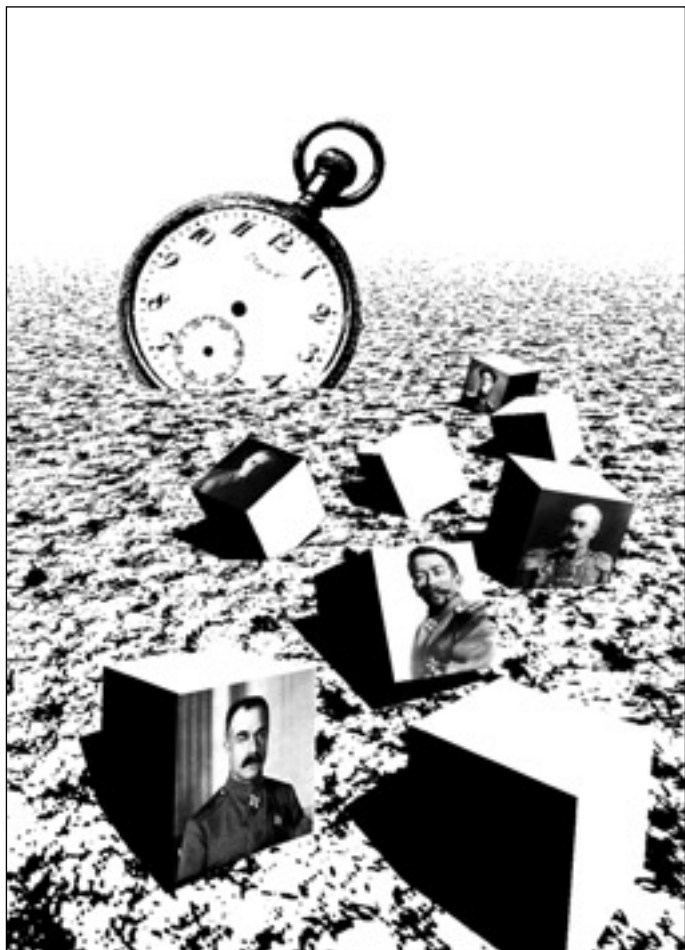

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

*Белая гвардия, путь твой высок:
Черному дулу — грудь и висок.*

*Божье да белое твое дело:
Белое тело твое — в песок.*

*Не лебедей это в небе стая:
Белогвардейская рать святая
Белым видением тает, тает...*

*Старого мира — последний сон:
Молодость — Доблесть.
Вандея — Дон.*

Марина Цветаева.

17 августа 1919 года, Харьков

апах дорогого табака смешивался с вонью ядрёного самосада.
— ...что у него в мешке?

Помощник старого офицера вежливо осведомился:
— Вы позволите? — и, дождавшись моего кивка, вытряхнул содержимое сидора на стол. — Белье... консервы... ножик... иконка... — он с улыбкой продемонстрировал ее старику, — всякая безобидная мелочь... тетрадки... стишки господина Анненского... о! стишки собственного сочинения... господин приват-доцент, мы с вами маемся одной и той же хворью...

Здесь, кажется, все.

— Все?

— Филипп Сергеич, господин Денисов предъявил письмо от покойного генерал-майора Заозерского. Его превосходительство в течение двух месяцев возглавлял в Москве «Союз помощи Дону» и характеризует нашего собеседника отличнейшим образом. Пар экселленс — хвалебные слова.

— Другие документы? Деньги? Литература?

— Только немного денег. Старых двадцатипятирублевых купюр и червонцев сотен на пять, с тысячу керенок, пятаковская дрянь... Что, в общем, естественно: Михаил Андреевич пробирается из большевистской Москвы...

Передо мной сидел очень дряхлый полковник, помнивший, наверное, Плевну и Шипку. Семьдесят ему лет или больше? Волосы седенькие, редкие, не способные скрыть кофейного цвета рябины на макушке. Седенькие же брови. Дряблые веки. Морщинистый подбородок.

Ветхий, посивевший мундир кавалерийского офицера. И тихий голос: строгие команды Филиппа Сергеича звучали едва слышно.

— Ваше мнение, поручик?

— Господин приват-доцент от истории не вызывает у меня подозрений. Всего вероятнее, нам были бы за сей подарок благодарны в ОСВАГе или... или, скажем, харьковские приказные люди. В нынешних условиях немногие готовы взять на себя чиновный труд, а из тех, кто готов, каждый второй — сущий невежда. Филипп Сергеич, нам и так пеняют за террибль суровость!

Я внутренне возликовал. Если попаду в городскую администрацию, возможностей помочь наступлению будет хоть отбавляй. Да и встречаться придется по долгу службы со значительными людьми — опять же шанс повлиять на общий ход дел...

Старик отрешенно покачал головой: то ли согласился с поручиком, то ли просто принял к сведению эту благопожелательную тираду. Он пожевал ус, поглядел в окно и заговорил с неожиданной твердостью в голосе:

— Одежка-то у него свеженькая, непотертая, сапоги не стоптаны, а говорит, что пешком шел от самой Тулы. Это раз. Да и сам свеженький, розовенький, не по времени и не по месту... Загара нет. На руках — ни грязинки. Это два. Слова выговаривает чудно. Это три. Вы, молодой человек, не латыш ли часом?

— Я русский.

Мой ответ прозвучал как-то неуверенно. Неужели восемьдесят шесть лет наложили на русскую речь столь сильный отпечаток? Какие-такие слова я неверно выговариваю?

— А коли русский, перекрестись и прочитай «Верую...».

Я встал и выполнил требуемое — все, вплоть до финального поклона после слова «аминь».

Однако полковник по-прежнему смотрел на меня хмуро и недоверчиво.

— Не знаю, не знаю... — глуховато сказал он.

— Но рекомендация генерала Заозерского... — заикнулся было щелеватый поручик.

— Знавал я Павла Александровича. Замечательный храбрец и лихой рубака, но умишка невеликого человек... Да и то сказать, зря я прах его честный беспокою бранными словами. Достаточно и того, что мы не ведаем, сам ли он писал письмецо да не стоял ли рядом человек с револьвером, не держал ли под прицелом этот, с позволения сказать, человек всю семью Заозерского. Так-то.

Вот тебе и дедушка. Седенький, песок сыплется...

— Знаете что, поручик, я и прежде в ученых мерехлюндиях силен

не бывал, а нынче совсем память никуда. А вы вот, я знаю, в Петербургском университете науку превосходили. Давайте-ка, спросите что-нибудь этакое у господина историка.

Поручик откашлялся и приступил ко мне с извинениями:

— Вы должны простить меня, право же, я вижу в вас, сударь, порядочного человека. Но нам попадались разные... хм... ракальи. Иногда, на первый взгляд, честнейший офицер, а вспорешь подкладку и обрешь бумажки с совдеповскими печатями...

— Приступайте, поручик! — оборвал его старик.

— Да-да! Извольте. Э-э-э... продолжите, пожалуйста: Quosque tandem abutere Catilina...

— ...patientia nostra.

— Отлично! Тогда... Gallia omnia divisa est...

— ...in partes tres. Издеваетесь, милостивый государь? Это же гимназия.

Поручик быстро взглянул на меня, и в глазах его я не отыскал и капли добродушия. Он проверял меня всерьез и, надо полагать, ждал реплики в этом роде. А защищал перед стариком, надо думать, желая усыпить мое внимание.

— Не обессудьте... Я ведь и сам не дока по части мерехлюндий. Вот разве что... Даниил Московский, Юрий Данилович, Иван Калита, Симеон Гордый... и?

— ...Иван Милостивый.

— Кто победил при Левктрах?

— Эпаминонд.

— Что первым приходит вам в голову, когда вы слышите слово «Саллюстий»?

— Югуртинская война.

— Кого из своих учителей вы сможете назвать?

Это хуже. Не дай Бог, сыщется университетский человек, и тогда я не в городскую администрацию пойду, а напрямик к стенке.

— Прежде всего, доктора Роберта Юрьевича Виппера. А также...

— Отставить! — велел полковник. — Какую прическу носил генерал Заозерский?

Вот подвох так подвох! Я ведь даже фотографии его не видел.

Мужчины не обращают внимания на прически, они просто не в состоянии удержать в памяти, какая у кого прическа. Да и чем особенным мог выделяться строевой генерал среди коротковолосых военных людей? Особенно ровным пробором? Всего вероятнее, у генерала был какой-нибудь запущенный сад, романтические дебри... Прической это не назовешь.

— Никакую.

— Верно, — с оттенком удовольствия откликнулся старик. — Он был совершенно лыс. Как бильярдный шар.

Однако видно, что полковник все еще не удовлетворен. И он продолжит мучить меня вопросами, раз уж заподозрил. А у меня все шансы провалить экзамен, хоть я никак не связан с армейской разведкой красных. Я тут чужой. Любой комиссар в офицерском мундире намного роднее меня этому времени... Чувствуют они во мне дичь, интуиция у них такая — чувствовать дичь, и разве я не диверсант в каком-то смысле? А значит — дичь.

Из-за приступа страха мои пальцы лишились чувствительности. Если попросят подпись где-нибудь поставить, я, наверное, посажу пером огромную кляксу, да и все...

Никто из нас, двадцати восьми выпускников Невидимого университета, не может покинуть чужое время быстрым и безопасным способом: нажал кнопку — и фьють! Каждому «вторженцу» загнали имплант под кожу на правом плече. Внешне его не видно. В автономном режиме эта штучка способна работать тридцать шесть месяцев, но может скиснуть месяцем-двумя раньше. Это как повезет. Никто из нас не рассчитывал провести здесь хотя бы шесть месяцев, а не то что три года. Имплант приводится в действие с помощью довольно сложной гимнастики. Весь комплекс «упражнений» требует минуты три, не меньше; в принципе, невозможно проделать его случайно. Следовательно, пока ты на людях, беглецом тебе стать не дадут. «Выполните мое последнее желание, господа!» — «Какое?» — «Позвольте руки-ноги позаплетать в узлы. Очень способствует телесному здоровью!» — «Становись-ка к стеночке, поздно тебе о здоровье заботиться, прошельга».

А ведь пристрелят! Свои же! Да и просто — пристрелят, свои они там или нет, а убьют меня!

И я принял решение: бес с ней, с чиновной карьерой в деникинском лагере. Надо прежде всего выжить.

— Напрасно вы мытарите меня, господа. Я ни в чем не нуждаюсь, кроме исполнения прямого и очевидного долга: сражаться за отечество. И с меня достаточно простой солдатской службы. Иной карьеры не ищу.

Полковник откинулся в кресле. Теперь он был доволен. Ни один шпион не станет искать судьбы рядового стрелка на фронте.

— А вот это по-нашему! — сочувственно произнес древний кавалерист. — Обыскать вас все-таки придется. Но коли ничего крамольного не сыщут, пожалуйста в харьковские казармы, господин приват-доцент. К корниловцам!

16 мая 2005 года, Москва

История, которая привела меня в Корниловскую дивизию, началась рано утром в понедельник, и началась она ужасно некрасиво.

В тот день у меня ночевала Женя. Она оставалась с воскресенья на понедельник уже двадцатый или тридцатый раз. Я как-то не заметил, когда именно она стала для меня всем. Порой так случается: ты замечаешь, что рядом с тобой женщина, которая подходит тебе во всем. Ты начинаешь фразу, а она заканчивает... ну, можно и наоборот. Вы читаете одни книги, смотрите одни фильмы, вы ровесники, и если кое-кому из вас хочется заполучить нечто помоложе в постель, то эти мысли быстро улечувиваются, чуть только этот кое-кто вспоминает, до чего же хорошо вы понимаете друг друга под одеялом. Да, вот еще какая штука: ее зубная щетка, тапочки и два тюбика с кремами давно живут в твоей квартире. Хорошо тебе с ней? Очень хорошо, очень уютно. По чему ты больше всего тоскуешь, когда ее нет рядом вот уже третий день? По ее милой болтовне? По ее... ну... ты понимаешь... нет? Другое? Верно. Ты больше всего тоскуешь по ее присутствию. И ты готов забавлять и развлекать ее, делать ей подарки и нимало не сожалеть о потерянной ночи, если вы пришли домой до смерти усталыми и заснули, обнявшись, но более ничего достойного не совершив.

Ты ее любишь? Ну, не знаю... Все-таки очень серьезное слово. Хочешь ли ты сделать ее своей женой? Ну, вроде бы... хотя... но с другой стороны...

И вот Женя спросила у меня — между чисткой зубов и утренним кофе, — как бы я посмотрел на то, что она перевезет ко мне большую часть своего гардероба. Все-таки на работу надо ходить в свежих вещах, не правда ли? А я замялся. Ведь позволить перевезти к себе женский гардероб это уже наполовину сыграть свадьбу. Все прочее представляет собой шлифовку ситуации. В общем, я солгал ей. Сказал, мол, не стоит торопиться. Тут как раз затевается ремонт, а стало быть, побелка потолка, переклейка обоев... Может быть, потом? Она кивнула. Она понимает. Она не торопится и не торопит меня. Она готова ждать. Она улыбается. Она шутит на прощание. И уходит до смерти огорченной.

А я сажусь и думаю, отчего же я на самом деле не сделал последнего шага? Какая блажь помешала? Все ведь, вроде, нормально у нас с ней.

Какая все-таки блажь? Да очень простая. Если мы с нею соединимся, выходит, я бросил якорь. Отяжелел. Пустил корни. А мне всего-то двадцать семь. И я никто. Самый обыкновенный преподаватель истории в коммерческом вузе, на самой низкой ставке ассистента. Ни бо-

гатства, ни славы, ни карьеры, да бес с ними, просто ничего высокого в этой жизни у меня не было. И, может быть, не будет, если свяжусь сейчас с женщиной всерьез и надолго. А было ведь «назначение высокое»! Еще года четыре назад я это так остро чувствовал! Мир вокруг меня лишен благородства, лишен красоты, наполнен тупым пользобием, воинствующим хамством, страна моя унижена... сделал ли я хоть одну попытку изменить все это? Если не считать пары статей в университетской хилотиражке, ничего я не сделал, все пребывал в ожидании: вот, придет некто и укажет цель... Глупость какая!

С того дня я сел писать учебник по своему предмету. Совершенно новый, экспериментальный. Лучший из всех, которые я знал. Когда учебник будет готов, я пушу на свою территорию Женин гардероб. Вот так.

На главе о гражданской войне я крепко встал. Уровня современных книжек явно не хватало. Приятель увлек меня идеей записаться в военно-исторический клуб, ведь там как раз реконструируют обстановку тех лет. Почему бы не записаться? Я начал ходить туда и очень скоро эти визиты стали для меня чем-то вроде легкого наркотика. Работа над учебником отошла на второй план... Мне нравилось, как простые парни и девушки играют в рыцарство и благородство. Мне казалось: чем дольше продлится эта чудесная игра, тем чище останутся их души. Да и моя вместе с ними.

А потом один из них, далеко не самый приметный, отвел меня в сторонку и задал три вопроса: «Вы что-нибудь слышали о Невидимом университете? О чем вам говорит слово «хроноинвазия»? Угу, я так и полагаю. Есть ли у вас устойчивое желание изменить этот мир к лучшему?».

И завертелось... Хотел карьеры? Тогда выбирай, кем лучше быть: ассистентом или диверсантом?

«...Вы должны осознать весь риск вашего положения. Государство ничего не знает и, я надеюсь, ничего не узнает о нашей деятельности. Мы — независимая патриотическая организация. Материальное вознаграждение не в наших принципах. А вот попасться на какой-нибудь мелочи можем... очень даже можем. Представляете себе последствия?»

Пока я учился на хроноинвэйдора, диверсанта самой экзотической в мире квалификации, Женя стала бывать у меня реже. А потом еще реже. Ей не составило никакого труда заметить, что потолок остается девственно-грязным, а старые обои в жирных разводах никуда не делись...

26 августа 1919 года, в поезде между Харьковом и Курском

В течение нескольких суток я тыкал в чучела штыком, ходил строем, немножечко стрелял — на множечко просто не было боеприпасов,

— да вникал в основы субординации. Впрочем, как раз субординация тут была совершенно особенной. Верховодили ветераны, уже вдовосталь повоевавшие за белое дело. В салагах ходили равно те, кто пороху не нюхал, и опытные офицеры, не изъявившие желаний прибыть на Юг раньше. Например, год назад... или полтора года назад...

Особые корниловские фуражки с красной тульей и черным околышем получили только «старики», прочим же сказали: «Сначала заслужите!». Но, кажется мне, их просто не нашлось в необходимом количестве. Между мундирами имелась иная и очень существенная разница: одни были недавно сшиты из грубого мешочного материала, а другие получены от англичан. Мне достался английский, чему я несказанно радовался, пока не увидел английские же сапоги — легонькие, чуть ли не парусиновые. Какая дрянь! Для нашей-то грязищи. Недели через две, правда, мне представился случай поменять импортных уродцев на нормальные русские «тумбы»: я снял их с убитого, как это делали все. Сначала меня смущал запах чужого человека, а потом и он выветрился.

Не успели мы как следует перезнакомиться, как пришло время отправляться на фронт. Наш взводный командир, подпоручик Алферьев, щеголеватый парень двумя годами моложе меня и на вид сущий вертопрах: фуражка лихо заломлена, хаос русских кудрей выбивается из-под нее во все стороны, из мундира создано произведение искусства, — в общем, бубновый валет, а не офицер, оказался человеком сметливым и энергичным. Для нашей теплушки он раздобыл сенца побольше, сухарей и даже несколько кусков пахучего английского мыла.

— Кормило вас интендантство? Кормило. Одевало? Ну, более или менее... Кто будет кормить вас на фронте? Благодарное население, ибо походные кухни обычно догоняют в тот момент, когда в них уже и надобности нет. А благодарность населения может оказаться выше всяческих похвал, может оказаться как обычно и даже совсем тощей. Значит, будьте запасливей, други!

Кроме Алферьева во взводе было еще четверо офицеров: подпоручики Вайскопф и Карголомский, решившие записаться в корниловский полк совсем недавно, в Харькове, прапорщик Туровльский, на сильно мобилизованный и обозленный тем, что попал на должность рядового стрелка, а также поручик Левкович, взятый нашими в плен, раскаявшийся и принятый на службу точно так же — простым солдатом. Поручик понимал, чему обязан столь скромным положением в белой армии, и не роптал.

Меня поразило, с каким спокойствием отнеслись к службе на по-

ложении солдат Вайскопф и Карголомский. Были они во многом похожи друг на друга: оба невысокие, сухопарые, жилистые, у обоих «архитектурные» лица, исполненные аристократичной, «регулярной» красоты; к тому же оба молчание предпочитали болтовне. Только первый — альбинос, а второй — черныш. Долгие разговоры они вели лишь в одном случае: если беседа сползала на родословные. Карголомский оказался Рюриковичем в каком-то сумасшедшем колене и с гордостью говорил о своих предках: «Белозерский княжеский дом»... Вайскопф, обрусевший до трехэтажных языковых конструкций, тем не менее мог похвастаться остзейским баронством. Князь Георгий Васильевич Белозерский-Карголомский, барон Мартин Францевич фон Вайскопф и примкнувший к ним Денис Юрьевич Алферьев, у которого, оказывается, предок был думным дворянином и печатником еще при царе Иване Грозном, не водились с надутым Туровльским с его однодворческой родословной, да и Левковича не жаловали. Ждали, как поручик проявит себя в боях, а там уж и о предках появится смысл поговорить... Но, как ни удивительно, к солдатам они относились ровно и дружелюбно. В теплушке рядом со мной устроились те, с кем я успел подружиться. Двадцатитрехлетний Ванька Блохин — огородник из-под Ростова Великого, семнадцатилетний Андрюха Епифаньев — недочувшийся студент из Казанского университета, четырнадцатилетний Евсеичев — бывший московский юнкер, принятый в полк только по той причине, что мальчишке было просто некуда деться. Таких «зябликов» я видел тут во множестве. Наверное, им и впрямь лучше отправиться на фронт вместе с нами, чем беспризорничать и опускаться на дно. Евсеичева мы звали Андрюшей — надо же как-то отличать его от Андрюхи! И еще с нами был Миша Никифоров... офис-менеджер из Росбанка, мой коллега хроноинвэйдор, попавший в Харьковские казармы на час раньше меня. Еще один коллега, Яша Трефолев, едет на фронт в нашем же полку, только в другом батальоне. Добрались до генерала Деникина, голубчики? Ох, добрались... В первый же день.

Да-с. Поезд тютюхал, пронизывая жареные августовские пространства, кто-то спал, кто-то в карты играл, кто-то грыз сухари, кто-то поминал баб самыми черными словами. А меня разбирала жажда действия. Как же так? Нельзя же совсем ничего не предпринимать? Что мы такое? Три влипших в солдатчину хроноинвэйдора, три лишних корниловских штюка, много ли мы изменим в Великой войне, передергивая затворы и пуская пули в сторону Совдепии? Я маялся, не находя способа всерьез подтолкнуть дело. Наконец я решил хотя бы подбодрить тех, кто рядом со мной. Начал я издалека. Водил так и сяк, пока не вывел на вопрос:

— ...Это хорошо. Но все мы попали в одно место, на сено в теплушке. Поделитесь, отчего каждый из вас воюет по эту сторону фронта?

— От... доцент приватный! — усмехнулся Алферьев. — Что ни слово, то все золотó перо.

— Я-от воюю, потому как свычно мне. Три годка с хвостиком уже воюю. На землю вертать неохота... — первым ответил Ванька. Он где-то раздобыл молоток да маленькие гвоздочки и теперь примеривался, как бы половчее пристроить металлическую подковку к каблуку. Идея, кстати, богатая. Надо будет тоже озаботиться подковкой...

— Я что? Мобилизованный. Жил бы тихо... — заблеял было Туровльский, но наткнувшись на строгий взгляд Вайскопфа, немедленно заткнулся.

Левкович молчал, с ним все понятно. Сам Вайскопф глубокомысленно изрек:

— Нам, знаете ли, следует противостоять магнэтизму хаотического. Полагаю, никто его не понял.

Бывший юнкер гордо вздернул подбородок и срывающимся голосом принялся стыдить присутствующих:

— Господа... да о чем же вы? Как же вы... Тихо жил бы... Ведь мы здесь воюем за веру, за покойного государя... за... династию... так ведь? Мы против злодеев, против грядущего хама... мои товарищи... в Москве... погибли в боях с большевиками... у гостиницы «Метрополь»... Да мы же Россию защищаем!

И тут заговорил Никифоров с лицом суровым и светлым. Он шпарил наизусть то ли Солоневича, то ли Ильина о незыблемости сакральных основ монархии. Я заслушался. Вот человек!

Когда он прервался, желая перевести дыхание, Ванька Блохин, ловко вбив очередной гвоздик, откликнулся одним философическим словом:

— Вона! — и губы изогнул так, чтобы всем было видно, как уважает он Никифорова за его необыкновенную ученость. А потом вбил еще один гвоздик.

— Но я за Учредительное собрание, — тихо сказал Епифаньев.

Все уставились на Андриюху. «Зяблик» с бешенством в глазах бросил ему:

— Ты что? С ума соскочил?

— Но я же... против... большевиков... — неуверенно произнес Епифаньев. Видно было, как хочется ему сложиться наподобие перочинного ножика и прятнуть в самый темный угол.

— В горах был ранен в лоб, сошел с ума от раны, — вяло прокомментировал Вайскопф.

— Но я... хотел бы... насчет социальной правды... мне...
 — А я тебя за человека считал! — убийственно прищурившись, оборвал его Евсеичев.

Туровльский почел за благо вмешаться:

— Но позвольте, господа, у меня тоже есть определенные воззрения. И Учредительное собра...

На него зашикали сразу трое или четверо. А потом заорали в голос. Вайскопф, перебарывая все шумы могучим тевтонским басом, задал мне вопрос:

— Ну а ваша милость из каких соображений завербовались?

Ох, не ожидал такого поворота.

Я почувствовал себя раритетным идиотом из музейного запасника. Скорее всего, из Кунсткамеры. На язык просилась невнятная рыцарственная дребедень. В голове — каша. Демосфен, мать твою. Жорж Дантон и Мартин Лютер Кинг, мать твою. Пламенный пропагатор, одним словом!

Меня выручил Алферьев, с добродушной строгостью сказавший:

— Закрой-ка рот, черт жженный. Хватит болтовни. Эх, мало вас цукали...

* * *

Первый раз я участвовал в бою под Сумами, у деревни Речки, и от страха почти не понимал, что происходит. А потом ничего, втянулся. Начал соображать...

1 октября 1919 года, Орел

Корниловская ударная дивизия вошла в Орел.

За последний месяц я отмахал столько верст, сколько, по-моему, не наматывал в прежней своей жизни за год. Усталость копилась, и все время казалось: завтра утром не поднимусь, ни за что не поднимусь... Ан нет, и поднимался, и топал, в кровь сбивая ноги, и бегал, если надо, и в атаку ходил, и даже убил двух человек, в чем горько исповедовался одному курскому батюшке. Алферьев уже не говорил мне с ироническим прищуром:

— Ать-два, Денисов! Не умирай!

Сегодня все эти версты меня ничуть не тяготили. Сегодня мне шагало легко, будто у моих истоптанных сапог выросли ангельские крылышки.

Город встречал нас колокольным звоном, священники в лучших ризах, с хоругвями и сверкающими наперсными крестами стояли у входов в храмы и благословляли нас. Толпы горожан, а пуще того го-

рожанок, собрались на нашем пути, и чем ближе мы были к центральной площади, тем гуще они становились. Нам кричали какие-то правильные, высокие слова, барышни, краснея, подбегали к офицерам, прикасались к их щекам губами, дарили платки... Люди поосновательнее совали солдатам хлеб, табак, соленую рыбу.

Они все были счастливы прибытию наших батальонов и наших знамен, и счастливы до такой степени, что иногда срывались на ренденье, нестройное «ура!».

А потом нашего Алферьева, как и других взводных, ротных, батальонных командиров, обступили со всех сторон зажиточные мещане, большей частью евреи.

— Господин офицер! Прошу вас ко мне. У меня масса места!

— Господин офицер, вы знаете, как он кормит? Нет, вы знаете, как он кормит? Да это же просто плевки, а не еда. Вот у меня есть отличнейшая рыба...

— Господин офицер! А я таки приглашаю к себе. Специально для вас будет сало. Вы слышите? Мы добыли для вас сала...

Видно было, что эти люди до содрогания боятся грабежей. Они наперебой пытались заполучить к себе на постой офицеров, ну, или хотя бы солдат, пусть будут солдаты, хорошо! Знали: в тех домах, куда боевые части отряжали бойцов на постой, грабежей не бывает.

Алферьев с необыкновенной ловкостью распихал всех нас по богатым хозяевам. Мы с Ванькой Блохиным, Андрюшей Евсеичевым и Андрюхой Епифаньевым попали к дородной купеческой вдове Антониде Патрикеевне. Ее дом стоял вплотную к вокзалу, и двое Андреев, пойдя прогуляться как раз в том направлении, скоро вернулись — один пунцовый, другой блее покойника, и оба злые.

— Что такое? — спрашиваю.

— А ты сходи, поинтересуйся! — шипит Евсеичев.

На вокзале они подвели меня к труп старенького станционного чиновника. К ребрам его пожарным багром пришпилена была фотография молодого человека в офицерской форме — то ли сына, то ли внука.

— Пойдем-ка, это не все, Денисов.

...Солдаты вытаскивали тела из бревенчатого железнодорожного склада и опускали на землю тут же, рядом, у огромной ямы, предназначенной для всех. Сколько же здесь мертвецов!

— Человек шестьдесят, — тихо сказал Епифаньев, — все больше пленные, но и местных немало.

Я вспомнил, как нас встречали, вспомнил барышень, священников, мещан... Вот почему нас так встречали.

Евсеичев смотрел на меня исподлобья.

— Тебя все еще интересует, Денисов, отчего мы воюем по эту сторону фронта?

Начало октября 1919 года, Орел и его окрестности

За Орел корниловцы тягались с красными страшно. Взвод потерял полдюжины бойцов. За неделю я побывал в пяти штыковых атаках. Несмотря на это, наш дух был необыкновенно силен в те дни. Мы устали, но были веселы, большинство пребывало в отличном настроении. Москва совсем недалеко, рукой подать! Кажется, дыхание древних ее стен наполняло нас силой и надеждой. Пока корниловцам везло в боях. Мы нападали на более сильного противника и отбрасывали его.

Но... добровольческие полки двигались вперед все медленнее и медленнее. Больше отбивали атаки красных. И тут я начал припоминать то, чему меня учили в Невидимом университете. Что они говорили? «У всякого процесса есть точка бифуркации, иными словами, точка, в которой ход дел может внезапно измениться, может остаться прежним, а может раздвоиться, расстроиться и потечь разными руслами. В отношении истории правильнее говорить о точке динамического равновесия. И она, эта самая точка равновесия, для гражданской войны всего одна. Поверьте, мы подняли тысячи томов источников, проиграли все возможные сценарии на компьютере и... убедились в том, что правы участники войны, интуитивно чувствовавшие этот пик. Один из них писал: «Воля нашего командования в это время была кем-то парализована...». Его слова относятся к Орловско-Кромской наступательной операции. Ваше дело — подтолкнуть процесс в правильное направление. Растормозить волю начальственных людей белой армии. Вас почти три десятка, не считая тех, кто отправился на другую сторону... Возможно, хоть один достигнет поставленной цели, и этого будет достаточно».

А будет ли достаточно трех лишних корниловских штыков?

Рано утром, до подъема, я встал и вышел в город. Бродил по при тихшим улицам, слушал молчание времени. И заразился от города чувством неясной тревоги: да, где-то здесь точка равновесия. Наверное. Говорят, генерал Май-Маевский недавно приезжал в войска и, выступая перед строем, говорил: «Мы поймали ворону за хвост! До встречи в Туле!».

В Туле... удержать бы Орел.

13 октября 1919 года, Тула

Мы вошли в Тулу с боем. С боем продвинулись до середины города. Под ногами хлюпала ледяная каша, мороз пробирал до костей. Наши силы были на исходе.

Красная латышская дивизия встала намертво. Роль центра ее позиции играл тульский кремль. С высоких стен по нам били пулеметы. С колоколен, возносящихся на площади перед кремлем в тяжкую небесную стынь, по нам били пулеметы. Из мешанских домов крепкого купеческого вида по нам били, били, били пулеметы.

Наша цепь откатывалась дважды. Ванька Блохин остался на площади, пуля попала ему прямо в лоб.

Наконец на фланге зарокотала наша батарея. Кремлевские стены отозвались всплесками битого кирпича. А я смотрел на этот разор и не верил своим глазам: неужели кто-то из наших все-таки добрался до Деникина? Или, может быть, до Романовского? Или до кого-то еще из высших чинов штаба?! Кое-кого в Невидимом университете учили не как нас, олухов, а всерьез, основательно, целый год учили, да и легендировали тщательно. И что же они там сдвинули с мертвой точки: остановили разложение корпуса Мамонтова и бросили казаков на фронт? провели тотальную мобилизацию, вычистили тылы, сформировали лишнюю дивизию? или второй отряд, работающий у красных, добрался до глотки Троцкого? Егорова? Нет, наши не палачи. Хотя...

В «нормативной» реальности Добровольческая армия так и не дошла до Тулы.

Орудия смолкли. Алферьев подал команду.

— Корниловцы, вперед!

До чего страшно было бежать через площадь, усыпанную мертвецами! Казалось, все пулеметные команды мира сейчас выцеливают меня. Мы ворвались в кремль через пролом, и через час латышской дивизии не существовало.

* * *

...После того, как нас выбили из города и стало ясно, что наступлению конец, что не откроет перед нами ворота Белокаменная, Яшка Трефолов отыскал меня и заговорил, от горячности глотая слова, путая падежи:

— ...Ты слышишь?! Я все равно останусь с ними! Я хочу остаться с этими людьми... я такими людьми нельзя не остаться, слышишь ты, Миша! Я тут... я останусь тут с ними до конца. До самого конца! И пусть убьют, если надо, пусть убьют! Я верю, мы все равно одолеем этих... этих...

Я положил ему руку на плечо и ответил:

— Я, наверное, тоже останусь, Яша.

Хотя уверенности в победе у меня не было. Ни малейшей.

29 марта 1920 года, Феодосия

— Боже мой, какой идиот! — бесстрастно сказал Вайскопф, подавая всему взводу дурной пример.

Но что правда, то правда. На феодосийской пристани стоял не кто иной, как генерал Май-Маевский, вчистую отставленный от дел и теперь возомнивший, что сможет поднять нам настроение своей грузной фигурой, облаченной в корниловский мундир, да еще воплями:

— Здравствуйте, мои родные! Мои родные корниловцы!

Оркестр играл корниловский марш — то ли в честь появления генерала в порту, то ли в честь нашего позора, то ли в честь того отрадного факта, что некоторые из корниловцев все еще живы. Глядя на толстяка, от энтузиазма схватившего фуражку за козырек и размахивавшего ею над головой, я все острее и острее переживал злое, нехристианское чувство: «Жаль, что не пристрелили тебя, урод!».

Двое из наших, хроноинвэйдоров, тайно поделились со мной планом добраться до Май-Маевского и пустить ему пулю в голову, не считаясь с тем, что сами они при этом не вернутся домой. Где-то теперь их могилы! Этому человеку, не самому плохому военачальнику, знававшему когда-то победы, да и не самому скверному по характеру и способностям своим, судьба вручила ношу не по силам. Он пытался взять Москву, будучи в лучшем случае хорошим дивизионным командиром. Ни ума его, ни силы воли, ни способностей не хватило для того, чтобы выдержать на плечах груз общерусской судьбы. Его выбросили из армии с формулировкой «за кутежи и развал тыла». И впрямь, он был запойным пьяницей, но правда состоит в другом: Май-Маевский перестал командовать армией в тот момент, когда ее отделяло от сердца России несколько часов езды по железной дороге...

Я не хочу рассказывать о тех несчастьях, которые постигли нашу армию после сдачи Орла. Слишком гадостно. К тому же у меня в памяти слились в унылое озеро дни и недели, проведенные на морозе без пищи, шинели, снятые с мертвецов, беспорядочные бои с красными, когда мы, «цветные»* дивизии, прикрывали отступление всех остальных, смерть Епифаньева от случайной пули на Тамани, смерть многих отважных и благородных людей от холода и голода, суетливое воровство наших же, белых интендантов, отчаяние и тоску, тоску страшную, ноющую в душе, как ноет гнойный нарыв на ступне, дав-

* «Цветные» соединения в Вооруженных силах юга России: марковцы, корниловцы, дроздовцы, алексеевцы, отличавшиеся от всех прочих соединений особыми цветами фуражек и погон. (Здесь и далее прим. авт.)

но прорвавшийся, полузалеченный, а потом растертый портянкой до состояния безобразной язвы, поминутно дающей о себе знать.

Под Ростовом я совсем было собрался вернуться в 2005-й год. Но в день, когда я планировал совершить это, рядом со мной разорвался снаряд, а дальше... дальше чернота с редкими проблесками. Потом ребята рассказали, что Епифаньев и Евсеичев тащили меня с версту, если не больше. Как их бросить после такого?

На протяжении нескольких дней я отходил от той контузии. Голова трещала миллиардами зимних цикад. В общем-то повезло: ни единой царапины, только сапожную подметку оторвало, и мизинец оказался обмороженным. Почернел, тьфу, гадость...

То ли в декабре, то ли в январе, когда мы были еще относительно боеспособны, командир полка есаул Милеев отправил нашу роту в разведку. Нас посадили на платформы, прицепленные к бронепоезду, и рота поехала на север — выяснять, какова дистанция от нас до авангарда красных. Стоял лютейший мороз, дышать было трудно, губы трескались, руки-ноги стыли мертвецки. Вьюжило. Бронированная корма состава худо защищала нас от ветра.

Вдруг поезд затормозил в чистом поле. Ни села, ни города, ни станции, ни даже малейшего хуторка.

— Красные? — неосторожно задаю вопрос Алферьеву. Не то чтобы конкретно Алферьеву, просто он услышал мой вопрос и истолковал его к военной пользе:

— Сходи-ка с Евсеичевым. Узнаешь и мне доложишь.

Мы опасно спрыгнули с платформы. Неровен час, уйдет железная гусеница, а мы останемся тут вдвоем — воевать с товарищем Буденным... Впрочем, когда Евсеичев изложил мне все это, я по наивности ответил ему:

— Нас не бросят.

Впереди на путях чернели теплушки. Мы подошли поближе.

Пять теплушек без паровоза, оставленные отступающими частями давным-давно, с погасшими печами. Они были набиты трупами донских казаков, алексеевских стрелков, офицеров... Сутки назад эти люди составляли главный груз санитарного поезда. Теперь, на заснеженной равнине, санитарный поезд превратился в армейское кладбище. По мертвым телам деловито сновали крысы, им было все равно, у кого отъедать носы и щеки — у бывшего полковника Генерального штаба или простого донца... Пасюкам крупно повезло. Столько еды в голодную зиму!

В последнем вагоне еще чадила печурка. Сестра милосердия топила ее одеждой, снятой с покойников. К теплу сползлись раненые, упрямо цеплявшиеся за жизнь, человек десять. Услышав, как мы подхо-

дим, заглядываем внутрь, сестра с трудом выкарабкалась из теплушки и, не признав за вьюжной кисеей корниловцев, заговорила строго:

— Не студите! Они и так едва живы. Отчего вас так долго не было, Василий Васильевич? Ведь это срам! Не давать угля для состава с ранеными... о-ох! Кто вы?

Мы представились.

— Слава Богу! Я, конечно, верила, что Василий Васильевич придет помощь, но не ждала подобного промедления... Вас ведь послал Василий Васильевич?

— Простите, госпожа... — полувопросительно начал я.

— Савельева. Екатерина Савельева.

— Простите, госпожа Савельева, но мы не знаем никакого Василия Васильевича и на вас наткнулись случайно.

Она молчала несколько мгновений, а я смотрел в ее лицо. Это было лицо барышни, знавшей достаток, спокойную жизнь в большом городе — лицо правильное, аристократичное, ухоженное. Поверх белого платка Екатерина Савельева надела простонародный треух, а на плечах ее была солдатская шинель. Темно-русые волосы выбивались из-под треуха. На вид я бы дал сестре милосердия лет двадцать пять. Надо же! Мужчины покинули поезд, а она не побоялась остаться с сотнями мертвых и умирающих... Сейчас она смотрела нам под ноги, не зная, как скрыть свой гнев.

— Скорблю о его забывчивости, — наконец молвила она. И сейчас же поправила себя, — или о смерти. Ведь мог Василий Васильевич погибнуть, не так ли?

— Мог, — откликнулся я.

— Отчего же вы, — с холодной яростью произнес Евсеичев, — дали себя оставить этим... этим...

Он все-таки удержал матерное слово.

Сестра пожала плечами.

— А что я могла сделать? И раненые... Как же я их брошу замерзать, это ведь нехорошо.

До сих пор не знаю, кто таков этот Василий Васильевич, погиб он или жив-здоров да попивает чаек с добрыми знакомцами. И думать о нем не хочу. А Кате Савельевой жизнью обязаны десять человек, вывезенные нами в тыл...

Спустя три дня мы раздобыли отбившуюся лошадь, пристрелили ее и целые сутки чувствовали себя сытыми. Никогда не пробовал ничего вкуснее вареной конины.

На Кубани, в слякотную погоду, захворал подпоручик Алферьев. Он долго держался, не соглашаясь отправляться в обоз, идти к ме-

дикам. Оно и понятно: мы стремительно откатывались по всему фронту, и шанс оказаться в таком вот могильном санпоезде или дождаться в простой хате у станичников прихода красных, а значит, расстрельной команды, был необычайно велик. Его терзала «испанка» — тяжелая разновидность гриппа, быстро изматывающая человека высокой температурой. Когда Алферьеву стало совсем плохо, мы отдали местным трофейный пулемет Льюиса с двумя дисками в обмен на тощую клячку и посадили его в седло, привязав намертво — не упал бы, даже потеряв сознание. Алферьев заплетающимся языком пошучивал: мол, в гимназическом театре как-то не сыграл роль Дон Кихота, так теперь стоит попробовать: вот, кстати, и Росинант... По очереди мы водили клячу под уздцы. Когда красные напирали, Алферьев страшным напряжением воли ненадолго возвращал себе способность командовать и сражаться. Но после одного из переходов, когда мы располагались на ночевку, выяснилось, что он мертв. Умер на своем Росинанте, должно быть, заснул и не проснулся.

После Алферьева командиром взвода назначили Вайскопфа.

В Новороссийске толпа штурмовала уходящие пароходы, кто-то стрелялся, кого-то сбрасывали с борта в ледяную воду, и, помню, кубанские казаки прикладами вытолкали со сходней носилки, на которых покоился важный бородатый старик, полумертвый от тифа.

...И вот теперь транспорт «Корнилов» доставил нас в Крым. Жиденькая толпа встречала эвакуированных в порту, и каждый оттуда, с берега, жадно искал взглядом родню или друзей, попавших, по слухам, в Новороссийскую мясорубку. Выжили? Выжили они или нет?! Мы оставили там очень многих. Слишком многих...

Играл оркестр, Май-Маевский с восторженным лицом жалко завывал что-то о нашем благородстве и о нашей стойкости.

— Простите ему, Мартин Францевич, — прозвучал голос князя Карголомского, — ведь это наше общее поражение...

* * *

И двух недель не прошло, как меня скошил тиф.

20 июня 1920 года, Севастополь

Сегодня мне позволили надеть форму и выйти в город на несколько часов. Я слаб, как дитя, ноги все еще плохо слушаются меня, однако силы постепенно прибывают. Скоро мне возвращаться в полк.

Бархатный июньский вечер. У моря веет шелковый бриз. В сумерках луна стоит над морем в изысканных кружевах облаков. Севасто-

поль облачен в щегольский мундир сумерек с золотым шитьем светлячков и парадными аксельбантами «пушкинских» фонарей.

Я иду на Графскую пристань и спускаюсь по каменной лестнице к самым волнам. За спиной у меня — белая арка с античными колоннами и надпись «1846» на фронтоне, еще дальше — памятник адмиралу Нахимову, добрый, несокрушимый, как и вся старая Россия. Справа гранитный лев меланхолично глядит на противоположный берег. А там, вдалеке, военные корабли стоят на якоре и красят море сверкающей амальгамой бортовых огней. Чуть в стороне белеют Лазаревские казармы. У выхода в море высится могучий форт старинной постройки. Дремлет придонное царство, шлепая младенческими губами прибой. Я никогда не видел ничего красивее Севастопольской бухты. Боже, спасибо, что Ты создал ее и позволил людям построить тут город.

Над всей этой благодатью разливаются звуки печального вальса «На сопках Маньчжурии». Духовой оркестр, несмотря на позднее время, продолжает играть у подножия памятника, упрямо наполняя город отблесками довоенной жизни.

Все последние месяцы пронизаны мелодией этого вальса. За самой адской круговертью походной жизни, за пальбой, атаками, гибелью настоящих, очень хороших людей слышался мудрый покой этой мелодии. Над землей, будто марево в жаркий день, парит зыбкое время скорбной славы. Все надо принять и всем наполнить себя, надежду и безнадежность сохранить в памяти. Каждая минута жизни имеет высокий смысл, просто об этом легко забываешь, погружаясь в хлопоты.

Сажусь на ступеньку. Здесь так не принято. Тем более мне, солдату, нежеже садиться, когда по Графской пристани и Большому бульвару гуляют офицеры с барышнями... да ладно, простят, если скажу, что покинул госпиталь всего полчаса назад. Я устал: маленькая прогулка вымотала меня. И я смертельно тоскую по собственному времени. Нет, не по горячей воде, не по обильной пище и даже не по мирному житью, а по всему сразу. Истинную цену некоторым вещам узнаешь, только когда лишишься их. Почему я попал сюда? Увидеть белое рыцарство захотелось? Да, и это справедливое желание. Но еще я сбежал от любящей, преданной мне женщины, побоявшись сделать ей предложение. Башку свою под пули подставлять — пожалуйста! А смириться с мыслью, что в твоём доме будет жить кто-то еще — нет уж, страшно! И самому-то себе ни за какие коврижки не скажешь: боюсь, легче нагородить огород про назначение высокое...

Женя, Женечка моя, Женя! Когда вернусь, буду валяться у тебя в ногах, прости меня, я так виноват перед тобой!

Отчего ж не покинуть мне Русскую армию Врангеля* прямо сейчас? Что держит меня? Или трудно мне признать свое поражение? Да нет. Я проиграл еще в августе прошлого года, когда испугался седого полковника и попал в харьковские казармы корниловцев. Все, что произошло с тех пор, обладало ценностью лично для меня, а для России — постольку-поскольку.

Царицын пал не 3 января, а 6-го. Егорлыкскую цитадель красным удалось занять лишь 9 марта, хотя в реальности-1 все было кончено 1-го. Новороссийская катастрофа произошла в начале апреля — на две недели позже «нормативного» срока. Все это так, но... мы добились малого, а значит, ничего не добились. Всех нас ожидает бегство из Крыма.

Но, во-первых, с фронта доходят хорошие вести. Наши опять наступают. Возможно, та самая малость, которую мы изменили, поможет переломить ход войны.

И, во-вторых, я не могу бросить тех, кто шел справа и слева от меня в пехотной цепи под Орлом, тех, с кем я выжил этой зимой, тех, кто ждет меня из госпиталя. Не хочу говорить: «долг», «честь», «братство»... Просто мне будет до смерти стыдно, если я уеду отсюда.

12 июля 2005 года, Москва

— Вы будете нашим плацдармом в тылу неприятеля... — так говорил старший из четверки, затеявшей когда-то вторжение в русскую историю. — Откровенно говоря, ваше направление никогда не было единственным. Кое-кто отправится в XII век, кое-кто окажется в 20-х годах... Но ваша группа, дамы и господа, самая многочисленная. Если бы я мог все оставить здесь, если бы мне было двадцать пять, а не сорок, если бы я не был женат, я бы сейчас был среди вас...

Этого человека я про себя окрестил «основателем». Был он неопытно толст, жидковолос, кривозуб. Одним словом, некрасив дальше некуда. И говорил, постоянно прерываясь из-за одышки. Но было в его речах нечто завораживающее.

— Мы отобрали только тех, кто искренне верит в необходимость изменить мир. Перелистнуть без малого столетие назад, чтобы выправить всю нестерпимую грязь, написанную историей в книге нашей цивилизации. Никто из вас не нашел для себя хорошей судьбы в настоящем. Что ж, такова наша реальность, и такой быть ей не следует.

** С весны 1920 года корниловские ударные части, как и другие воинские формирования Добровольческой армии, входят в состав Русской армии Врангеля.*

Люди смотрели на него горящими глазами. Он прав! Тут нет достойных судеб для нас. Тут одна только пошлость, серость, падение. Одна борьба с собственной совестью за обеспеченную старость. Ни красоты, ни величия, ни надежды. Будь оно все проклято!

«Основатель» говорил еще минут пять, и ему удалось потрогать нас за души.

Потом к маленькой трибунке подошел ректор. Этого нудилу мы видели почти каждый день. Сейчас заскрипит...

— Итак, ваше обучение закончено, — сообщил ректор. — Завтра утром, в десять ноль-ноль, у всей группы сбор в ангаре для последующей заброски.

На самом деле заброска начнется в полночь. Слова «завтра утром» предназначены для лишних людей, присутствующих в зале. Их всего десять из тридцати восьми свежеспеченных бакалавров. Кого-то из них подозревают в работе на спецслужбы, милицию, бандитов, а у кого-то совсем худо с психологической устойчивостью. Завтра им скажут: по техническим причинам заброска отменяется. А на тот случай, если они явятся не одни, вся основная техника уже будет вывезена в другое место. «Не знаю я, глухая я, слепая я, старая я», — скажет непрошеным гостям бабушка-вахтерша.

— ...Мы не выдаем каких-либо дипломов или иных документов, свидетельствующих об окончании Невидимого университета...

Об этом нас предупредили в первый же день занятий. Но ректор — полная противоположность «основателю», человек худой, желчный, педантичный, страдающий, видимо, какой-то неприятной хворью, выкрасившей его кожу в цвет картонной тары, а губы превратившей в подобие двух выброшенных на берег медуз — цедил казенные фразы о дисциплине.

— Погодите! Погодите... — прервал его «основатель». — Я очень хотел сказать вам, но не решался... Вас тридцать восемь человек. Вы будете третьей группой, заброшенной в прошлое. Остальные благополучно вернулись, ничего не добившись, впрочем, вы об этом знаете... Не о том говорю. Вы меня простите... я сегодня как-то... не в своей тарелке... господа... ребята... если у вас все получится, вы останетесь там, в белой России... Потому что вернуться вам будет уже некуда. Но если никто из вас ничего не сможет сделать... послушайте... не суйте головы в смертельные переделки. Лучше вернитесь назад. Вы здесь нужны, вы здесь понадобится. Постарайтесь остаться в живых. Я... был в первой группе. Никто вам не сказал? Ладно... не важно. Цените свои жизни как можно выше, вот вам самый главный совет. Мы собрали Агрегат в тайне, угробив на это шесть лет и сто двадцать тысяч

долларов. Мы не очень молоды и не очень богаты, лучше нам вряд ли что-нибудь удастся... короче говоря, мы своими руками разрушим Агрегат, хотя он и единственный в мире, да ладно... разрушим, поверьте... если вы не будете возвращаться.

— А как же ваша мечта? — спросил кто-то из зала.

«Основатель» отмахнулся и повторил:

— Возвращайтесь, пожалуйста! Помогите вам Господь...

Середина июля 1920 года, точную дату не помню, Орехов

Северная Таврия. Степи, ровные, как простыня, растянутая на сотни километров. Редкие колодцы. Вишни, усыпанные ягодами. Ослепительное небо, неправдоподобное, прозрачно-белое, словно в горный ручей капнули немного молока. Старинные двухэтажные особняки колонистов, глубоко вросшие фундаментами в жирный чернозем. Богатые селения немцев с названиями, нелепо звучащими в окружении Севериновок, Куркулаков и Ак-Сараев: Вальдорф, Рикенау, Тифенбрун, Гейдельберг, Ной-Мунталь... И раскаленное лето плодит миражи у линии горизонта.

Мы шли, дрались, опять шли, истекали потом, дрались, мерзли ночами, отбрасывали новую ударную группу «товарищей», стирали хорошо просоленные мундиры, дрались, падали наземь и погружались в сон там, где застигнет команда «стой!», выбивали красных из очередного селения, опять шли и опять дрались. Этот год съел весь мой избыточный вес да еще выжал вдобавок и тот, который я бы себе оставил. Я стал сухим и легким, вроде древесного угля: поднести спичку — и вспыхну. Даже лицо приобрело буроватый оттенок — загорело, обветрилось, выцвело точь-в-точь как наши рубахи. Переходы в тридцать верст перестали убивать меня. Война обошлась со мной, будто опытная прачка: хорошенько взялась и перекрутила. Вместе с жиром вышло еще много невидимых субстанций, и обнажилась сущность: я обычный надежный стрелок, спокойный, деловитый, умелый, звезд с неба не хватаю и людей за собой повести не могу, но товарищей своих никогда не подводил и, надеюсь, не подведу. Вот и все. Солдат как солдат.

Дни и недели слились в серо-желтую полосу. Мы уперлись в какую-то балку, теперь уже не вспомнить. То ли Сладкая балка, то ли Кислая, какая разница... Красные упорствовали, мы тоже не отступали. Так и толкались с ними на протяжении нескольких суток. Одна пуля тогда разорвала мне погон, другая продырявила рукав, но на теле не добавилось ни царапины. Наверное, стихия времени растворила все достижения «диверсантов»: да, Новороссийск грянул намного позже, но я смутно помнил, что именно в середине июля книжные кор-

ниловцы насмерть сцепились с красными за какую-то проклятую балку, и кажется, как раз за ту самую, где мы клали одного бойца за другим.

Значит, все становилось на свои места...

Отчетливо помню высоту 60.18. На ней и вокруг нее убито было столько наших, что хватило бы для заселения какого-нибудь городка в провинции, буде он опустеет. Высота в конце концов осталась за нами, и на ней вкопали большой православный крест с железной решеткой.

Посреди этих боев меня вызвал командир взвода, дал смиренного лошака и велел отправляться в город Орехов. Это была не наша полоса наступления. Не то что другого полка, а другой дивизии. Тем не менее город маячил у нас на фланге, и никто не знал: наши ли контролируют его, красные ли? Полковое начальство опасалось комиссарского сюрприза с этой стороны, и я должен был исполнить разведывательную службу.

Мы с лошаком опасались красных разездов. На такой тихой и незревой скотине у меня не было шансов от них спастись. Умный коняга выбирал овражки поглубже, низины, укромные места, а я шептал ему на ухо слова ободрения. Не волнуйся, мол, сивка, коли Бог не выдаст, так и свинья не съест.

Не доезжая самую малость, я спешился и повел моего лошака в поводу. Прячась за белеными мазанками, мы с животиной добрались до самого въезда в Орехов. Лошак почувствовал, вероятно, весь риск жизни разведчиков, а потому вел себя тихо и ни разу не заржал. Или у него от ветхости лет ржалка давно вышла из строя? На городской окраине сновали люди в военной форме, пылили артиллерийские двуколки, кто-то горланил непотребщину. Я пригляделся. О! Сегодня нам с лошаком смерть от сабель конармейцев не грозит.

Солдаты, расположившиеся в Орехове, щеголяли фуражками с белым околышем и малиновым верхом. Такие носили только ударники из нашей Дроздовской дивизии. Значит, Орехов взят.

Я вышел, не таясь, на дорогу. Теперь оставалось дойти до центра — для очистки совести. «Дрозды» улыбались мне, махали руками, подтрунивали, мол, пришел, корниловская морда, к шапочному разбору, не будет тебе постоя.

Решив напоить конягу и напиться самому, я остановился у колодца с журавлем. Но только я вытащил ведро с водой, как у меня за спиной, где-то во дворах, грянул «Интернационал».

Дрынц! дрынц! — захрохотало ведро по деревянным приступкам. Я потянулся к ружью. Бывало, червонные казаки надевали форму добро-

вольцев. На этой войне вообще всякое бывало. Что тут происходит? Невидимые «товарищи» наяривали «Интернационал» всерьез и с чувством. Целый хор, никак не меньше взвода, а может быть, целая рота. Я уж и не знал, что подумать.

Винтовочный залп оборвал пение.

М-мать! Вот оно как.

Чуть погода из соседнего двора вышли двое и направились прямоком к колодцу: генерал в дроздовской форме, обер-офицер — тоже «дрозд», а с ними серая собачина с полосками на боках. Догообразная, — точнее не скажу, поскольку не разбираюсь в породах. Пес нарезал круги вокруг офицеров, и, по всему видно, его обожаемым хозяином был генерал.

Кривоногая зверюга подскочила ко мне, вывалила язык и глухо заворчала. Беззлобно. Так, для порядка. Почему бы не поворчать на столбик мяса в несъедобной полинялой фуражке?

И тут как будто завеса упала у меня с глаз.

— Пальма?

Услышав свою кличку, псина от удивления перестала ворчать и уставилась на меня с подозрением во взоре.

Ко мне приближалась живая легенда белой гвардии — генерал Антон Туркул. В нем соединялось все лучшее и все худшее, чем славилось добровольческое движение. Человек фантастического бесстрашия, стальной воли и какого-то природного тактического таланта, он бывал хладнокровно жесток с пленниками.

Военная косточка — начал первую мировую вольноопределяющимся, закончил гражданскую, командуя дивизией, — он шел, как по плацу, прямой, словно бильярдный кий, аккуратно подстриженный, и каждая мелочь в его амуниции была на положенном месте. Подбородок Туркула сверкал безупречной полировкой. Генерал вытирал со лба пот белоснежным платочком. Это был красивый человек, хищной повадкой под стать собственному псу.

Я вытянулся было, но Туркул сделал знак, мол, отставить, не на строевых учениях.

— Добудь-ка нам воды, солдат. И не бойся, Пальма своих не трогает.

Я завозился с ведром, краем уха прислушиваясь к разговору «дроздов».

— ...могли подумать? — разубеждал в чем-то собеседника Туркул. — Я нимало не заставлял их. Надо же, опять поползут глупейшие рассказы! Только мои стрелки вывели их во двор, как они оробели, жмутся друг к другу, словно овцы в загоне... Один оказался посмелее.

Выступает вперед, красавчик, отличнейшие сапоги, новенькие, не чета нашим, из-под фуражки клок намасленных волос. Руки у него дрожат, боится, щучий сын, но говорит смело: мол, дайте курнуть, хоть затыжку сделать перед смертью. Я позволил. Они покурили, и опять этот молодец подходит ко мне, берет под козырек: «Ваше превосходительство, разрешите умереть под «Интернационал»?» — «Пожалуйста, — говорю, — отпевайте себя «Интернационалом». Я смотрю в эти серые русские глаза, и такая тяжесть у меня на сердце... Красный курсант! Удалой парнишка, лет двадцать ему, смелое, худое лицо, все в веснушках. Кто он был? Кто был его отец? Как успели так растравить его молодую душу, что Бога, Россию — все заменил ему этот «Интернационал»? Он смотрит на меня — свой, русский, курносый, Ванька или Федька, но какой между нами зияющий провал: крови, интернационала, пролетариата, советской власти, всей этой темной тучи.

Тем временем к колодцу подошел дроздец с погонами поручика и обратился к генералу:

— Ваше превосходительство! В торговых рядах пряталось еще сорок красных курсантов при двух комиссарах. Половина с винтовками, ночью собирались идти на прорыв, но сдались без боя. Что с ними делать?

— Комиссаров и каждого десятого по вашему выбору... — услышал я спокойный ответ. — А вот и водица приспела!

Туркул умылся, сделал пару глотков, поблагодарил меня. Потом «дрозды» удалились, продолжая неспешный разговор.

— Что скажешь, скотинка? — спросил я у коняги. — Молчишь? Ну-ну...

Лошак, всхрапывая от нетерпения, потянул морду к ведру.

А что тут сказать после вокзала в Орле? Война.

Напились мы с лошаком ледяной колодезной водички и потрюхали к нашим.

Середина августа 1920 года, Каховский плацдарм

Лето двадцатого года манило нас призрачной надеждой. Лучшие из ударников давным-давно улеглись на вечный сон в тысячах могил, разбросанных по Русскому югу, от Кром до Перекопа. Меня не оставляло ощущение, что все мы, оставшиеся в живых, были «вторым составом» — как в театре, когда лучшие отдыхают, дают сыграть их роли всем остальным. Вот мы и были «всеми остальными». Не такие храбрые, не такие самоотверженные, до смерти измотанные войной, но все еще живые. Когда барон Врангель поднял стяг белого дела, совсем павший было, совсем оскудевший духом, почти никто не верил в его

успех. В мае-июне мы шли на красных просто потому, что таков был приказ. Мы шли без веры и без куража. Многие из нас больше искали честной смерти, чем победы. Но вышло иначе. Врангель сотворил военное чудо, выдавив красных из Северной Таврии.

Мы как будто воспряли ото сна. Отблеск героической борьбы за Орел лег на лица наступающих добровольцев. Нас была горсть, нас было всего ничего, но мы опять поверили в счастливую звезду нашего дела. Весь июль и весь август мы не вылезали из страшных боев, но готовы были драться даже в том случае, если бы против каждого из нас красные выставили по два десятка бойцов.

И мы брали верх.

Я хотел видеть рыцарскую силу духа, столь скудную в моем времени, и я увидел ее. Здесь, в приднепровских степях, малочисленные колонны голодных солдат, наспех обмундированных, испытывавших нужду во всем — от патронов до портянок, — почерневших, почти обуглившись в походах по раскаленной степи, шли на верную смерть, но невероятным образом оборачивали гибельное положение к победе. Ради чего? Да ради утерянного рая! Я сам был среди них, я сам был одним из них, и я понял, почему рыцари отправлялись когда-то в крестовые походы. Добыча, слава, новые земли — да, конечно, все это важно, только главным было ожидание дара Господня, ожидание чуда, которое Он положит прямо в их ладони, как хлеб кладут в ладонь голодного человека.

Так вот, мы получили свое чудо. Пусть одно на всех, но и это было щедрым подарком.

* * *

Последние капли его иссыкли в конце августа.

Тогда все чаще звучало недоброе слово «Каховка», а потом еще хуже: «Красные наступают с Каховского плацдарма, красные хотят отрезать нас от Крыма...». А ничего, у нас хватало сил ударить им навстречу.

15 августа перед строем нам зачитали приказ о наступлении. Помню только отдельные фразы: «Корниловцы... положение серьезное... от вас зависит... перевозомгите усталость... покажите еще раз...». На протяжении пяти суток мы «превозмогали» и сумели «показать еще раз...». Но после этого от маленького отряда полуживых ударников толку было не больше, чем от общины престарелых монахинь.

20-го после команды «стой!» нам дали свалиться наземь, кто где стоял, и позволили уснуть. Это было около полуночи. Через три часа призрачные, потрепанные полки вновь были подняты на ноги. Нас

повели напрямик к оборонительному рубежу «товарищей». Впереди — деревня Любимовка, а за ней и сама Каховка.

Задолго до того, как мы изготовились к атаке, в наступление пошли наши соседи. Вся вражеская позиция перед нами превратилась в широкую огненную ленту. Огоньки винтовочных и пулеметных выстрелов слились в неразделимую полосу пламени. Ударники еще и шагу не сделали, а уже оказались под обстрелом.

— Бего-ом!

И мы двинулись в атаку, сначала медленно, едва ворочая усталыми, налитыми ноющей болью ногами, потом все быстрее и быстрее. Солдаты падали вокруг меня один за другим. Рядом разорвался снаряд, осыпав землей с головы до ног. Кто-то — скорее всего, Евсеичев — завопил дискантом:

— Строй держать!

Кажется, клюнул сырую землю наш ротный... Не останавливаться, только не останавливаться! Пуля взвизгнула, ударившись о камень у самого сапога.

— В цепь, вашу мать!

Слева орет артиллерийский офицер:

— Номер-ра! Заготовить десять гранат! Пять секунд выстрел!

Пуля сбивает командира взвода, подпоручика Вайскопфа. Только не останавливаться!

Артиллерист перекрикивает рокот боя:

— Огонь!

А в ответ рычат английские гаубицы.

Редеют наши жиденькие цепи. Не останавливаться, только не останавливаться!

Вдруг нечто бьет меня в грудь и одновременно по ногам. Отшаты-ваюсь назад. С треском рвется на мне гимнастерка. Больно! Неужели подстрелили?! Шарю рукой по груди, подношу к глазам — кровь! И только тут замечаю: с разбегу я ударился о заграждение из колючей проволоки. Шипы распоролы мне одежду и, по-моему, дошли до ребер. Больно!

Рядом Никифоров лупит по проволоке прикладом. Поворачивается ко мне и кричит:

— Пройти невозможно! Ножницы бы!

Я отвечаю:

— Отведем наших! Надо гранатой.

Мы отходим на десяток шагов, увлекая за собой еще одного стрелка. И тут из окопа за колючей проволокой вылетает ручная граната и шлепается в пяти метрах от нас. Рядом была воронка от взрыва, ма-

ленькая, мы бы с Никифоровым ни за что не поместились в ней, если бы у нас был выбор...

Р-рах!

Вылезаю, отплеываюсь, Никифоров выскребает траву из глаз, бормочет ругательства. А стрелок лежит неподалеку. Ему осколком снесло половину черепа.

Слева цепь залегла под проволокой. Справа несколько человек проделали проход... лезут туда... падают... падают... Мы с Никифоровым ложимся на дно воронки и с минуту просто не поднимаем голов. Над нами посвистывают пули. А потом мы отползаем назад. Назад. Назад!

Корниловские цепи, теряя людей, откатываются на исходный рубеж.

* * *

Я остро переживал неудачу под Любимовкой.

Я еще не знал, что это только начало наших бедствий у Каховки.

1 сентября 1920 года, село Федоровка

Господи, как мы выглядели, наверное! Кто-то стоял навтыжку в рваной рубаше, с дырой на пупе. Кто-то подвязал веревкой отвалившуюся подошву сапога. Кто-то износил штаны до такой степени, что оставалось только бросить их и встать в шеренгу, не стыдясь ветхих кальсон. Я сам выглядел ненамного лучше: на рубаше красовались заплаты из пестрого ситца, от левого погона осталась ровно половина.

В полном порядке были одни только наши винтовки и штыки. Мы считали бонтонным особенный шик: сам ты бродяга-бродягой, и тут ничего не поделаешь, зато твое оружие ухожено и сверкает, как величайшая драгоценность мира. 3-й ударный Корниловский полк не жалел ружейного масла...

Напротив батальонов, уменьшившихся до рот, и рот, сведенных во взводы, выстроились газетчики с фотоаппаратами. Щелкают их безобидные фотографические затворы, которым не суждено досылать патроны в ствол, шипят вспышки... Время от времени кто-нибудь улыбается и приветливо машет нам рукой.

А неподалеку стоят союзнички, свеженькие, сытые, в чистых мундирах. Любуются гордыми оборванцами, прикидывают, сколько нас осталось, годны ли мы хоть на что-то... И в нашем строю улыбается им в ответ каждый третий, поскольку каждый третий был набран для пополнения из пленных красноармейцев. Остальные же стоят с угрюмым спокойствием.

Из автомобиля выходят генералы: Врангель — нескладный, тощий дылда в белой папахе и горским кинжалом на поясе, за ним спокойный благородный Кутепов в выцветшем от жаркого малороссийского солнышка мундире, подтянутый Писарев со щеточкой усов над верхней губой, иуда-Скоблин — генерал в двадцать шесть лет, красавчик, еще не знающий, что быть ему иудой... Неужели я когда-то видел их всех на фотографиях и знаю их судьбу вплоть до смертного часа? Чувство такое, будто я родился с ними в обнимку.

Оркестр играет Преображенский марш.

Генералы обходят фронт, рокот приветственных кликов сопровождает их. Я закрыт для них, я закрыт для всего мира, моя душа как будто оглохла и ослепла после той ночи под Любимовкой. Был один человек в августе девятьсот девятнадцатого, а сейчас на его месте совсем другой. Что-то очень важное стерлось, огрубело.

На середине площади стоит аналой, а рядом с ним, на особом столике — Георгиевское знамя. Сегодня главнокомандующий вручит его дивизии. За нашу храбрость, но больше того — за наше долготерпение, за поражение, за кровь, напрасно пролитую под Каховкой.

Лишь когда нестройный хор солдатских глоток затянул песнопение молебна, и архиерей подошел вплотную к первой шеренге, а в печальных глазах его зажегся огонек торжества, ледяная глыба у меня внутри начала оттаивать. Я не ожидал этого. Кажется, не произошло ничего сверхъестественного, но мне почему-то стало трудно дышать. Я сбился, я позабыл слова...

Над полем звучал осенний колокол великой войны. До лютых зимних холодов осталось совсем немного, и большинство понимало это. Но пока не закончился молебен, мы знали: не было бессмысленных смертей. Из немыслимой небесной выси Бог смотрел на наши атаки, наши дороги, на каждого добровольца... Только Он знает цену моим товарищам. Когда Господь заберет их души на последний суд, они предстанут перед Ним в белых одеждах, а не в запыленных нищенских лохмотьях.

Я заплакал тогда. В первый раз за год с лишком. Слезы текли по щекам, а я не мог остановить их. Не знаю, что происходило в те минуты... И лишь когда послышалась команда: «Слушай, на караул!», — мне удалось совладать с собой.

При полной тишине, в окружении тысяч колышущихся штыков заговорил Врангель. Речь его была проста, он сказал то, о чем знали все мы, старые корниловцы, горсть ветеранов, уцелевших под Орлом, у Новороссийска, в каховской мясорубке: у нашей войны есть только один смысл — Россию с революцией примирить невозможно. Мы выбрали Россию и должны претерпеть мучения за этот выбор.

Когда главнокомандующий закончил и отгремело «ура», князь Карголомский, стоявший справа от меня, негромко сказал: «Ave Caesar! Morituri te salutant»*.

2 сентября 1920 года, село Спасское

В нашем взводе, выступившем три месяца назад со всем полком для прорыва в Северную Таврию, осталось лишь два моих старых знакомца: князь Карголомский да Андрюша Евсеичев. Прочих рубанок смерти пустил на стружку.

Десять дней назад на смену Вайскопфу пришел подпоручик Куличков из офицерской роты. Это был рассудительный ярославский мужик, выслуживший офицерское звание еще на австрийском фронте, во времена Брусиловского прорыва. Основательные, «крепкие» имя и отчество соответствовали его неспешной хозяйственной натуре: Евграф Матвеевич. Пуше всего он старался накормить нас как следует, дать крышу над головой, раздобыть табачку. Поэтому наутро, после парада, взводный освободил нас, трех «старичков», от пальбы по мишеням, выдал гранату и велел «поднять рыбу» в соседнем пруду, у околицы села Спасское.

— По всему видно, водится там знатная рыбка. Выйдет ущица на славу.

Андрюша возмущался:

— Да откуда ему знать-то? Рыбка! Может, и сальце на дне произрастает?

Карголомский произнес только одно слово:

— Увольте.

Делать нечего, мы с Евсеичевым отправились на «рыбалку». Ночью был дождь, глинистую почву развезло так, что сапоги уходили в нее по голенище. Евсеичев насвистывал под нос: «Смело мы в бой пойдем за Русь Святую...», — подбрасывая гранату, как яблочко. Я хотел было сказать ему: «Не балуй!» — но понадеялся на ловкость парня.

Мы подобралась к пруду по ложбине с отвесными краями, почти оврагу.

— Давай-ка поближе, ядрометатель, — сказал я ему.

Он лишь усмехнулся в ответ.

Очень хорошо помню следующие несколько мгновений. Вот Андрюша дергает за кольцо, медленно, как на учениях, размахивается... и летит наземь. В последний момент он поскользнулся в бурой глинистой

* *Да здравствует Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя (лат.).*

жиже. Как зачарованный, я смотрю на гранату: она взмывает ввысь и падает метрах в четырех от наших ног. Если бы я отважился тогда подскочить к железному мячику и пнуть его хорошенько! Ах, если бы! Но ни я, ни он не сделали этого. Мы не знали, сколько у нас секунд в запасе, и разом принялись карабкаться по откосу наверх. Ему повезло, он успел перескочить край, а подо мной глина поехала, как творожная масса. Я упал лицом в грязь, сделал отчаянную попытку подняться, чтобы выскочить из ложбины, но в тот день мне явно не везло. Я оступился, запутавшись ногами в ремне собственной винтовки.

Теперь я мог лишь встать на ноги, но спастись не имел ни единого шанса. Лучше лежать, меньше осколков приму спиной, и если повезет — выживу.

Тут на меня обрушилась сверху теплая тяжесть человеческого тела. Не понимая, что происходит, я в ужасе заорал:

— Да что за...

Грянул взрыв. Меня как будто огрели палкой по ноге и по скуле одновременно.

— Да что за м-мать!

Тут и там падали комья земли, брызги летели мне в лицо. Мертвец придавил меня посреди глубокой лужи. Когда я попытался освободиться от этого груза, ногу как будто ошпарили кипятком. Я завыл, застонал, принялся уговаривать Евсеичева не быть свиньей, встать и помочь мне. Да какого беса, граната взорвалась сто лет назад, чего теперь-то бояться?! Пора взять себя в руки.

Наконец я понял, что он не встанет, что он мертв. Почти все железо, предназначавшееся мне, взрослому мужику, принял подпоручик Евсеичев пятнадцати лет отроду. Несправедливо, но исправить невозможно...

Светлая тебе память, Андрей.

30 сентября 1920 года, Севастополь

В Крыму хорошо живется ровно полгода: с середины апреля по середину октября. И то если крупно повезет. Море, ласковое, милое, теплое в летние месяцы, бешено рвется на волю из осенних кандалов, напускает на берег шторма, сквернословит ледяными ветрами... О земля Крымская, как же ты хороша! Как же ты богата теплом и цветами, когда май победительно гарцует по твоим искрошенным горам! Когда угрюмые башни Мангупа не стыдятся игривого наряда из дымкой зелени. Как щедра, когда приходит время молодых вин! Как любили тебя испокон веков! Любили беззаветно, как лучшую из женщин, как существо из иного мира, невозможное, немислимое в нашей ре-

альности. И как дрались за тебя! Мужчины разных времен и народов убивали и умирали, с готовностью выплачивая жизнями своими дань за право полдня посидеть на холме у стен какого-нибудь Чембало, глядя на сонные корабли, бредущие в бухту, глядя на дельфинов, угадывая невидимую ниточку горизонта, где сливаются бирюза и лазурь... Но сердце твоё холодно. В сердце твоём — камень, холодная степь, горькая вода; зимой тут жить нельзя, тут страшно, что не место, то все колодец смерти.

...Я лежал в госпитале, в маленьком, неряшливо побеленном кирпичном домике близ проспекта Нахимова. От Артиллерийской бухты его отделяла пара сотен шагов. За окном гневалась бора — страшный ветер, способный выжечь морозом все живое, превратить цветы в сосульки, сделать из теплой крестьянской хаты стильный ледник. Все мое тело ныло, разбившись на сотни болей — то маленьких, почти незаметных, то острых и злых, то лукавых, способных до самых потрохов достать тебя в самый неожиданный момент, хотя секунду назад плоть праздновала затишье. Правая нога возомнила себя горстью раскаленных гвоздей. Впрочем, благо бы гвозди, ничего, потерпел бы я, но ниже колена я вообще не чувствовал ее. Не мог даже шевельнуть пальцем. Отрезали? Какого беса, ведь обещали же не трогать! Я опять сделал попытку пошевелить пальцами... А вот на-кася выкуси! О, мерзость...

Холодно. Когда на улицах правит бора, каменные дома, если они плохо протоплены, превращаются в склепы.

Проваливаюсь в кошмар, кто-то режет меня, я кричу... или нет, я лежу без движения, и сил нет кричать.

Холодно.

У самой койки сидит на некрашеной деревянной табуретке Никифоров. Потрепанная шинель застегнута, изо рта вырывается парок.

— Старик, я раздобыл тебе сальца. Отличное сальце, хоть и немного. Как ты тут? Вонь тебе не мешает? У вас тут такая вонь, хоть святых выноси. Помнишь Лескова: «И сделалась у них потная спираль...». У вас тут не потная, у вас тут сущеадское амбрэ...

Я озяб до такой степени, что, кажется, мозги отсырели. В голове разбегаются слова. Никак не могут собраться в кучу для самого обычного ответа.

Гость глянул на меня с тревогой, но потом опять принялся болтать. Когда он пришел? Долго ли тут сидит?

...Мне показали пять осколков, извлеченных из моей многострадальной ноги. Пять маленьких, совершенно безобидных на вид кусочков металла. На то, чтобы вынуть их из человеческого мяса, потребо-

валось три операции. Я до сих пор не могу отойти от той варварской дряни, которой они оглушили меня во время третьей. Что было до этого? Опиум? Морфий? Какая разница, мне не было больно... На третий раз ни опиума, ни морфия не оказалось в наличии. Сестричка со строгим лицом и темными от ввевшейся земельки селянскими руками поднесла мне полный стакан водки, а доктор, как только я выхлебал положенную порцию, ударил меня по голове киянкой, которую из милосердия обшили войлоком, набив под него малую толику ваты. А потом приложили еще разок, когда я стал пробуждаться и забился от боли на операционном столе. Теперь маленькие, беспрестанно работающие молоточки наполняют мою голову. И я никак не пойму, где сон, где явь, почему еще недавно меня обступал со всех сторон бархатный сентябрь, а сейчас бора, лед и холодное сердце Крыма высасывает из меня живое тепло.

Как давно из меня вырезали последний осколок? Час назад? День? Неделю?

— Холодно...

— Да, топят у вас тут скверно, — осторожно подтверждает Никифоров. — А ты смотри-ка, ожил... Холодно тебе? Скоро уймется бора, станет лучше.

— И слабость. Поверишь ли, я встать с постели не могу. Вон... утка.

— Да ты ведь ранен! К чему тебе вставать.

— Но я же взрослый человек, мужчина... Невероятная слабость.

Никогда бы не поверил, что со мной такое может быть. — Правда же состояла в том, что мне и говорить было трудно. Слова сцеживались по капле, клонило в сон или это и был сон, откуда тут Никифоров, он ведь в Северной Таврии, у Слэшэва... Его перевели к Слэшэву, он же ранен был, и его перевели к Слэшэву... да? Вроде бы тридцать четвертая дивизия...

— Ха! Не спи, замерзнешь.

Я встряхнулся.

— Ты, брат, не горюй. Что тебе горевать? Не кладешь под себя и радуйся. А то ведь был я у Саши Перцева, так он совсем инвалид, развалина, смотреть страшно. Сестры милосердия помогают, но, знаешь, отворачиваются. А ты, брат, богатырь. Выжил. Думали, не выживешь. Сдюжил! Теперь на поправочку, на поправочку, скоро подымешься...

— Дубина ты, Никифоров.

Он раскатисто захохотал.

— Ты же, вроде, должен быть у Слэшэва...

Тут на меня накатила дурнота, и я не расслышал его ответа.

— ...приглядел себе тут кого-нибудь... женского полу?

Я боялся засмеяться, боли опять сцапали бы меня в свои нежные ручки.

— Трепло... Дай лучше зеркало... хочу посмотреться.

Он развел руками и беспомощно улыбнулся.

— Зеркала нет подходящего? Да я же видел...

Качает головой.

— Что, до такой степени?

Никифоров поднял брови, глядя в сторону. Вяло пожал плечами, мол, степень как степень, далась она тебе, Мишка, эта самая степень.

— Ладно... тезка... отверни одеяло... отвернул?

— Да вроде.

— Как там у меня... нога? Левая.

— Да... не разберешь. Вся в доспехах.

— Но она вообще-то есть?

— Есть.

— Точно?

— Да что за глупости, брат, я ж тебе ясно...

— Точно?!

— Твоя левая нога на месте, Мишка.

— Спасибо что пришел. Правда. Тут паршиво...

Я видел, что ему до смерти хочется спросить что-то важное, но он никак не наберется храбрости.

— Ты... потрогай мои пальцы.

— Да тут не доберешься.

— Доберись, очень тебя прошу.

Он завозился.

— Что? Как?

— Держу тебя за твой дурацкий палец.

— Не чувствую. Я ничего не чувствую! Я ничего не чувствую!

— Не ори!

Никифоров, как видно, сжал посильнее, и я ощутил: да, есть у меня палец, палец у меня на месте, жив-здоров мой милый пальчик. Какое счастье!

— Теперь верю...

Он встал, потоптался и, кажется, собирался уйти. Но вместо этого, приглушив голос, Никифоров задал вопрос, ради которого, наверное, приходил сюда, да только никак не решался выговорить:

— Половины наших уже нет. Или даже больше. Я не знаю, получится ли что-нибудь у нас, но только, думаю, ничего не получится. Всё. Так?

— Скорее всего, ты прав.

- Знаешь, брат, а может, оно и к лучшему.
- В каком смысле?
- В таком. После девятьсот девятнадцатого года сколько народу в России поумирало, если считать до июля две тыщи пятого? Миллионы. Сотни даже миллионов. Так?
- Пожалуй, так.
- Куда же они денутся, если мы все тут перекроим? Пропадут совсем? Конечно, злодеи-то ладно, пусть пропадают, но ведь и хороших людей пропадет тьма. И обычных тоже, ну, средних. Выходит, зря они жили? Зря работали, зря маялись, зря любили друг друга, зря детей растили? А кто душу спас и в рай попал — тоже зря? Вынут его оттуда или прямо там душа рассеется? Думал ты о таком? Ты же умный. А?
- Думал.
- И?
- Не знаю...

* * *

Через пару недель мы опять встретились с ним. Улыбались, говорили ничего не значащие слова... «Как нога?» — «А как с харчами?» — «Жив, и слава Богу...» Но к тому тревожному разговору так и не вернулись.

Спустя еще неделю его убили под Мелитополем.

* * *

«Думал ты о таком?»

18 октября 1920 года, Джанкой

Степь наводила уныние цветами выжженного солнцем бурьяна. Глухой полустанок под Джанкоем, кривенькие татарские домики, деревянная будка. Ветер насвистывает вечные три ноты, — еще сарматы не растворились в лоскутном населении Крыма, а он уже выучил этот мотив...

Нога болит, как проклятая. Помоги, Господи, доковылять.

На путях стоит бронепоезд самого жалкого вида. Звучно попыхивая, раздувает пары обыкновенный паровоз безо всяких следов бронирования... Перед ним — три теплушки и две открытые платформы. На передней навалены мешки с землей, нагло щерится «льюис» на сошках, пулеметчик меланхолично грызет яблоко. Сзади к паровозу прицеплена одна-единственная бронеплощадка и еще две открытые платформы. На корме бронеплощадки по худо замазанным словам «Това-

риш Троцкий» аккуратно выведено: «Офицер». Из амбразур торчат тупые рыла пулеметов, сверху — командирская башенка и две трехдюймовки, закрытые небрежно склепанными кубическими колпаками. Впрочем, орудийные башни производят на меня благоприятное впечатление, в отличие от всего остального. Короткие стволы пушек, прорезающие их посередине, выглядят убедительно. Эх, нам бы под Каховкой побольше таких штук!

Я отыскал командира этого сухопутного дредноута, капитана Лабовича, и представился. Он с сомнением оглядел меня. Зрелище и впрямь было не из душеполезных: землистого цвета рожа, скула, рассеченная глубоким шрамом, тонкая английская шинелишка не по размеру, рубаха с цветастыми заплатами, стоптанные каблуки сапог, трость в левой руке. Без трости я ходить не мог.

— Прямо из госпиталя? — осведомился он.

Я ответил утвердительно.

— Видно, скудноваты госпитальные яства... Эй, Гришка! — кликнул он ординарца, парня лет двадцати. — Покажи ему все. И проследи, чтобы накормили от пуза, иначе ноги протянет.

С моей изувеченной ногой путь в ударную пехоту был закрыт. Да и в любую пехоту, не только ударную. А в кавалерию подавно. И в артиллерию. И в саперы...

Но в команду бронепоезда меня все-таки взяли. Год на фронте и звание корниловца кой-чего стоят на этом свете.

Кормили меня как на убой: треть буханки хлеба, десяток жареных бычков, несколько ломтей свежего арбуза, шкалик пшеничного самогона и горячий чай с сахаром. Такое обилие пищи произвело на меня усыпляющее действие почище колотушки хирурга. Сквозь дрему я услышал хрипловатый голос капитана Лабовича:

— Пускай отоспится. С живыми солдатами воевать сподручнее.

* * *

— Денисов! Денисов!

Тусклый свет, льющийся снаружи, отвешивает затрещину по моим сонным очам. Трясу головой, пытаюсь пальцами выдавить боль из глаз.

— Вставай, стрелок, хватит валяться. Захвати винтовку с козел.

Собачий холод. Вываливаюсь из теплушки и понимаю: нет, там, внутри, не было никакого собачьего холода, все-таки вагон обогревался не совсем остывшей печкой-буржуйкой и храплым дыханием десятка солдатских глоток, настоящий холод — здесь, неужто зима? М-мать...

Коротышка в новенькой офицерской форме из плотного сукна ведет меня к паровозу. Гравий похрюкивает под сверкающими юфтевыми сапогами. Если тут всем дают такую форму и такие сапоги, я попал в рай. При жизни, стало быть, сподобился.

— Я капитан Иванов Дмитрий Дмитриевич. Сочувствую вам, — он кивнул в сторону моей трости, — но ребята уработались ночью, на погрузке снарядов и продовольствия. Поставить в караул, кроме вас, мне просто некого. Придется постоять часика три-четыре. И вот что... если хотите, можете присесть. Заметьте, это я вам разрешил, а капитан Лабович или, скажем, кто-либо еще из начальствующих лиц такого позволения не давал. Понимаете?

— Да, ваше благородие.

— У нас тут без чинов.

— Я понимаю, Дмитрий Дмитриевич.

Мне придется вскакивать, увидев любого другого офицера.

— Превосходно. Теперь главное: ваш пост предполагает бодрость и внимание. Мы находимся недалеко от станции Чонгар, на запасном пути. Тут пошаливают мятежники-орловцы, есть красное подполье да и просто бандитские шайки... Бронеплощадка, вагон, забитый доверху патронами и снарядами, а особенно наш паровоз... для подобной публики... это, знаете ли... — Он шелкнул в воздухе пальцами, показывая, видимо, таким образом особую ценность бронепоезда для всяческих партизан и прочих злодеев.

Я кивнул. Мне нравился этот человек. Караульная служба — самое рутинное дело в армии. Обычно ее отбывают, как неприятную, но необходимую повинность. Иванов, белобрысый карлик, спокойный и деловитый, минуту назад легко перешел на «вы» с простым солдатом; теперь он объяснял простому солдату, почему не стоит ему спать на посту в чудовищную рань, когда еще собаки не просятся на улицу, свинцовый туман обволакивает рельсы и деревья, а земля и небо сочатся цинковой мглой.

— Дошлите патрон заранее. И не стесняйтесь стрелять... Десять дней назад у нас зарезали часового, обобрали, раздели и бросили под откос.

— Подпольщики?

— Да нет, воровское отребье, обыкновенная сволочь...

Ладно. Я из тех людей, которые не спят на посту ни при каких обстоятельствах. «Мультики» ловят, шпарят наизусть молитвы и поэмы, маются, но Морфею показывают кукиш. Кроме того, я более или менее отоспался.

«Грюк-хрюк, грюк-хрюк», — бормочет гравий.

— Стой, кто идет!

— Георгий Васильевич, это я, Иванов.

— Простите великодушно, отсюда ничего не видно. Поднесите фонарь к лицу.

Иванов безропотно подчинился.

— А теперь не сочтите за труд, осветите спутника.

Тяжелый железнодорожный фонарь качнулся у моей щеки.

— Денисов? Вы?

Знакомый голос.

— Я. Он самый.

Серая фигура отлепилась от паровозной туши, антрацитно блеснувшей встречу фонарю.

— Тоже бывший корниловец. Из вашего полка?

— Из моей роты, Дмитрий Дмитриевич. И... корниловцы не становятся бывшими.

Иванов хмыкнул.

Через несколько секунд Карголомский жал мне руку.

— Если бы вы знали, Михаил Андреевич, как я рад видеть вас. Право же, очень рад. Когда сменитесь, поговорим.

И они удалились, оставив меня в добром расположении духа. Оказывается, я соскучился по знакомым ромам. Неуютно мне без них...

Ночью ударил мороз. Начиналась зима, и степь в одну ночь поседела. Трава, еще вчера коричнево-желтая, убитая солнцем, сегодня была схвачена ртутной бахромой инея. Поднялось оловянное светило, но иней не пожелал уступать его скудному теплу. Приходил кот, долго приглядывался ко мне, но, поняв, что я буду сопротивляться его попыткам съесть меня, удалился. С наступлением дня холод только усилился. Я четыре с лишком часа паялся в металлическую степь и задубел так, что когда Иванов привел другого солдата на смену, чувствовал себя родным братом Буратино.

Кружка горячего чаю и треть кружки разведенного спирта вновь превратили меня в живого человека.

Карголомский сидел рядом, улыбался, вел себя дружески, рассказывал о последних боях. Видно, князь тоже соскучился по знакомцам. Как и меня, его привело сюда ранение. Свою тросточку он выкинул три дня назад, но хромота осталась и, как пророчили доктора, не покинет его до конца жизни.

А потом он разом посерьезнел.

— Пойдемте, я хочу вам кое-что показать.

Я повиновался.

Мы двинулись по путям к станционным халупам. Редкие снежинки падали на рельсы и не таяли.

— Вы когда-то, сударь мой, спросили, почему мы — а тогда собралась славная компания, — почему мы здесь, а не по ту сторону фронта. Я ведь правильно воспроизвел вашу мысль, Михаил Андреевич?

— Абсолютно правильно, Георгий Васильевич.

— Да-с. Извольте заметить, тогда я не ответил вам отнюдь не по причине особенной замкнутости характера или особенной гордости княжеской... Поверьте, я не знал, как вам ответить. Для меня столь естественно было оказаться по эту сторону фронта, что... Нет, право же! Я дворянин, офицер, христианин, я давал присягу государю. Чего ж еще? Но я чувствовал: остается еще какая-то неуловимая малость, не связанная ни с моей верой, ни с моим происхождением, однако весьма важная. Мал золотник, да дорог... В тот день я не сумел назвать ее, но и позабыть наш разговор тоже не смог. Теперь я в состоянии объяснить ее суть.

Князь взялся за амбарный замок, висящий на дверях пакгауза.

— Взгляните, Михаил Андреевич, это вещь с характером! Черная (замок и впрямь почернел от времени и простого обхождения), грубо изготовленная, тяжелая... на глаз тут не меньше четверти пуда.

Тут он отпустил замок и темная металлическая туша дважды глухо тукнула в деревянное мясо двери. Туг-тут!

— А знаете, что в пакгаузе?

— Ясновидение никогда не было моей сильной стороной.

— Он пуст. Может быть, какая-то мелочь, ветошь... Намедни его разгрузили, и нынче сей чугунный солдат охраняет воздух. Иначе говоря, аэр. Ничем не заполненное пространство. Но какое впечатление он производит! Сколько в нем первобытной мощи, сколько нигилистического пуризма! Замок отрицает наш с вами мир, и он в какой-то степени чист, поскольку блага, способные заинтересовать нас с вами в мирной жизни, для него — ничто. В нем грубая сила обретается в фокусе, его непробиваемая грудь скрывает пустоту... Не правда ли, вы третий год видите по ту сторону фронта картину, необыкновенно схожую с той, которой я вас сейчас забавлял. — Карголомский уставился на меня, ожидая подтверждения своим словам. Я кивнул:

— Допустим, вы правы.

— А теперь я покажу вам вещьцу совсем иного сорта, — он покопался в кармане шинели и вынул книжицу с ладонь размером в переплете из дорогой красной кожи с золотым тиснением. В обе крышечки ее переплета были вставлены бронзовые скобки. Их нанизали на дужку миниатюрного замка. О, что это был за замок! Не какая-нибудь тупаяковка, а тончайшее литье: крошечные птицы, звери, травы, звезды, солнце и луна вальсировали по желтометаллическому тельцу зам-

ка-воробушка. Латунь? Какой-нибудь медный сплав? А впрочем, неважно...

Я рассматривал вещицу как зачарованный. Князь усмехнулся:

— Чудесная безделушка, не правда ли? Как вы думаете, когда людям по ту сторону фронта понадобятся подобные штучки? Через десять лет? Через двадцать?

— А что внутри? В книжечке?

— «Деяния апостолов».

Ха! Я ответил ему со всей возможной честностью:

— Хорошо, если через семьдесят.

— Ergo*, мне надо быть по эту сторону. Я люблю все сложное и красивое и не готов вывернуть наизнанку свой разум, вкусы и пристрастия ради одной лишь возможности выжить.

— Кажется, я понимаю вас.

Князь спрятал вещицу в карман и направился к нашему бронепоезду. Сапоги его сбивали серебряные бороды с растений, нагло заселивших lebensraum** между шпалами.

Карголомский глухо заговорил, не сбавляя шага.

— Михаил Андреевич... мне тридцать семь лет, и я один как перст. Мои родители давным-давно в могиле, моя принцесса Грёза не со мной и никогда не будет со мной, надобность в моем ремесле — ремесле военного человека — здесь в самом скором времени отпадет. Я в этом уверен. Я не стану задумываться о будущем, пока эта пьеса не доиграна. Да я и не желаю никакого будущего... Поверьте, ваш покорный слуга до сих пор не наложил на себя руки лишь потому, что осознает, насколько это грешно. А вы... вам надо уйти отсюда. Вы молодой еще человек, у вас, быть может, получится начать жизнь заново. Вы ведь не собираетесь в Константинополь? Или куда еще нелегкая занесет...

— Нет, меня там не будет.

— Что ж, это здоровое отношение к жизни. Тогда лучше б вам расстаться с белым делом прямо сейчас. Неужто вам непременно хочется видеть финальную сцену? Бегите. Не вижу в этом ничего зазорного.

Я ответил ему несколько неуверенно:

— Исход мне противен. Однако мой долг призывает меня оставаться в Русской армии и до самого...

Он порывисто схватил меня за руку и посмотрел в лицо с неприятной суровостью:

* Ergo — следовательно (лат.).

** Lebensraum — жизненное пространство (нем.).

— Оставьте! Откуда вам знать, в чем ваш долг! Не приходило в голову, что ваш долг — завести детей и воспитать их как должно? «Све-ча бы не погасла...», сударь мой.

Мы шли по рельсам к теплушке и молчали, думая каждый о своем. Юный морозец, озорничая, втыкал спицы мне под шинелишку. Холодно.

29 октября 1920 года, Таганаш

Красные в Крыму. Все кончено. Если кто-то из наших и добился частного успеха, то теперь от этого успеха не осталось и шлейфа. Все, что я помнил о последних боях Русской армии Врангеля, происходило день в день, час в час.

Время смыкалось вокруг меня, будто стены тюремного карцера.

Мы играли последний спектакль, и в нем мне досталась роль почти что статиста. Второй номер при станковом — стальном чудовище, которое на протяжении нескольких суток пожирало патроны с фантастической скоростью...

Раньше я думал, что пулеметные ленты состоят из сцепленных друг с другом железяк, а оказалось, они матерчатые. В те дни, когда наши еще пытались оборонять Крым, я почти оглох: во время сражения на боевой площадке царит сущий ад. Одновременно молотят два-три пулемета, долбят обе трехдюймовки, офицеры в полный голос орут команды, звенят стреляные гильзы, цвиркают по броне пули красных, в воздухе стоит пороховая гарь. Несколько раз по нам попадали из орудий, и однажды я просто бухнулся на пол, зажимая уши. Близкий разрыв едва не сокрушил мои барабанные перепонки.

Когда мы вели бой, у меня не проходило ощущение страшной уязвимости. С одной стороны, вокруг была надежная броня. С другой стороны, я ощущал весь броневаягон продолжением собственного тела. Я представлял себя огромной мишенью, неторопливо переползающей с места на место под шквальным огнем противника и вскрикивающей от боли при каждом попадании.

Каково же было ребятам с открытой площадки с 75-миллиметровым орудием, которую прицепили к нам всего неделю назад? Их-то никакая броня не защищала!

В тот день, 29-го, «Офицер» с утра до вечера катался между дамбой и станцией Таганаш, укладывая атакующие цепи врага в ледяную слякоть.

Ночь установилась холодная, безлунная — прореха в преисподней, да и только. Там и сям перекачивалась беспорядочная стрельба; где наши, где стрелки Фрунзе, мы уже не могли различить. Из ложбины

кто-то невидимый истошно орал, мол, обошли! обошли! они повсюду! Лабович остановил поезд, отправив в разведку Иванова, Карголомского и седого артиллерийского капитана по фамилии Соколов. Посреди гудроновой темени медленно раскачивался, удаляясь от поезда, желтый фонарный круг. Остановился. Кажется, там была покосившаяся железнодорожная будка... Вдалеке тахали винтовки. Минута, другая, и фонарное око вновь двинулось над рельсами в нашу сторону. Я услышал обрывки доклада:

— ...один боец... из матросского полка товарищей... с версту или чуть более...

Наш дредноут тронулся с места и самым тихим ходом покатился к линии окопов. Навстречу шли, понурившись, белые стрелки. Лабович ругался с пехотным командиром, призывая его вернуть солдат в траншеи. Тот вроде пытался что-то сделать, уговаривал стрелков, орал, палил в воздух и даже, наверное, кого-то остановил... Но большая часть защитников Крыма брела мимо нас, не останавливаясь и не ускоряя шага, медленно, будто усталые клячи, утратившие последние силы. Неожиданно кто-то запел, коверкая слова, пьяным голосом:

*В Ис-станбуле, в Ка-анстантинополе...
Да в Ис-станбуле, в Ка-анстантинополе...*

Да это же Яшка Трефолев! Самый непримиримый и самый храбрый из нас! Я хотел было крикнуть ему, но сдержался. Какого беса? Я не могу выскочить из поезда, он не может присоединиться к команде...

Так значит, и Яшка смирился, что чуда не будет и придется последнему осколку императорской России отведать Галлиполийского хлебушка на туретчине. «В Ис-станбуле...» Не попустил нам Господь повернуть Великую войну вспять. Теперь в этом нет ни малейшего сомнения.

Ох, отчего мне так тяжело? Ведь я давно знал и видел, к чему идет дело! Просто, наверное, у всякого знания есть два времени: возвышенное и нутряное. Вот узнал ты что-нибудь, понял, вычислил и держишь в голове, но почему-то не спешишь поступать так, как велит здравый смысл. И надо, чтобы сама жизнь со скрежетом, с кровопусканием вбила тебе это знание в потроха. Только тогда ты завершишься.

Прав Карголомский, надо уходить отсюда. Наши смерти раньше чего-то стоили, но теперь они сделались бессмысленными. Может быть, с самого начала мы затеяли то, чего не стоило затевать... Не

знаю. В родном времени я был своим, и там была женщина, которая меня любила, а вера... вера что сейчас, что через сто лет — одна. Да, там я ничего не мог изменить, там у меня не было судьбы, но, возможно, я слишком много боялся и слишком часто сидел сложа руки, упиваясь собственным бессилием. Нужно только закончить этот бой да выйти из него живым. А там посмотрим... мы не сумели исправить мир здесь и сейчас, но разве это повод сдаться и не довершить дело век спустя на той же земле? Ведь в этом мире того, чего хотелось бы нам, нет!

...Взвод за взводом белые стрелки выходили из последнего боя. Их война заканчивалась. Но не моя.

— Какой полк? Какой к ляду полк удирает с позиций будто собирающе последних трусов?! — кричал Лабович.

— 134-й пехотный Феодосийский... — вяло ответили ему.

И тут меня как громом поразило. Да как же... Да я же... Да ведь нас...

— Трусы! Как-кого...

— Осторожнее, господа, где-то здесь красные долбили кирками путь. А? Совсем недавно. Может, с полчаса. Когда мы выбивали их в последний раз.

Лабович замолчал. Это было серьезно. И это была та самая неприятность, которая несколько секунд назад всплыла у меня в памяти. Феодосийский пехотный полк... Таганаш... «Офицер»... Почему бронепоезд казался мне островом неожиданностей, плывущим по морю определенности? Из-за того, что сам я тут? Самые крупные неприятности еще достанутся сегодня на нашу долю. Либо уходить надо прямо сейчас, либо шансов на спасение останется совсем... а-ахх!

«Офицер» остановился рывком. Все мы попадали. В ночной тиши раздался немилосердный скрежет. Мгновение спустя бронепоезд отступал — очень медленно, не обгоняя феодосийцев. Кто-то, кажется, Иванов, соскочил на ходу и побежал назад — искать следы подкопа. Команда помалкивала. Лабович в командирской башенке, не обращая к нам, негромко сказал: «Авось пронесет!» — но услышал его каждый.

Вцепившись в самодельный железный столик, на котором стоял пулемет, я попеременно молился и бормотал: «Господи, ну когда? Сейчас? Или все-таки нет? А, Господи? Надо крепче держаться на ногах...».

Металл заунывно поскрипывал на стыках.

Взрыв прогремел в тот момент, когда я уже перестал его ждать. Осколки и комья земли застучали по броне. «Офицер» продолжал дви-

гаться назад, к станции Таганаш. У меня не выдержали нервы, и я завопил:

— Стой! Сто-о-ой!

Кто-то крепко встряхнул меня, взяв за плечо. Бронепоезд тормозил. Но его инерции было достаточно, чтобы протащиться еще сотню-другую метров на скорости электрички, подъезжающей к вокзальному перрону.

Спустя десять или пятнадцать секунд наше движение резко затормозилось. Снаружи донеслись странные звуки: будто великан ломал великанские спички, либо пробовал на зуб бревна, как пробуют шоколадные плитки. Этот громовой треск продлился недолго: «Офицер» встал намертво. В то же мгновение кто-то забарабанил снаружи по броне.

Опять я слышал только обрывки разговора Лабовича с командиром открытой платформы, однако воображение да еще воспоминания об этом бое, нелепые, фальшивые воспоминания, полученные из книг, позволяли мне в деталях представить то, чего я не мог видеть. Чудовищный взрыв разметал контрольные площадки бронепоезда «Единая Россия», следовавшего за нами; чуть погодя наше движение назад привело платформу с 75-миллиметровым орудием прямиком в воронку. Ее колеса сошли с рельсов, пропахали шпалы и теперь беспомощно висели в воздухе. Орудийный ствол задрался кверху, из него теперь можно было обстреливать разве что аэропланы да еще луну. Паровоз и бронированная боевая площадка оказались напрочь отрезанными от Таганаша.

— Капитан Иванов! Ремонтную команду! Живо!

Несколько человек спрыгнули с поезда.

— Подпоручик Карголомский! На открытой платформе полно раненых. Князь, возьмите двух человек, перетащите на «Единую Россию» всех небоеспособных.

Мой друг исчезает в холодных чернилах октябрьской ночи.

— Капитан Иванов! Капитан Соколов! Приготовьте людей к отражению штурма!

Соколов становится рядом. Я заправляю ленту в пулемет, а капитан молча прикуривает папироску и дает мне. У него совершенно спокойное лицо, и я с необыкновенной отчетливостью понимаю: этого человека непременно убьют.

Затягиваюсь глубоко. Когда не знаешь, сколько тебе осталось — четверть часа или вся жизнь, — особенно остро испытываешь удовольствие от курева.

Ждать пришлось недолго. Не прошло и пяти минут, как вал свинца обрушился на поезд разом со всех сторон. На несколько секунд

мы все присели у амбразур, пули шелкали по броне, рикошетили внутрь вагона, с открытой площадки кто-то из наших отбрехивался одиночными выстрелами, на паровозе орали от боли, но крик едва доносился до нас из-за пулеметной какофонии. Наконец встал Соколов, наклонился над «максимом» и открыл ответный огонь. Тогда пришлось встать и мне. Проклятая железяка обслуживается двумя номерами пулеметной команды... Бросив взгляд в амбразуру, я обомлел. Никогда не видел ничего страшнее, даже когда ходил в штыковые атаки, даже когда прорывал заграждения из колючей проволоки под Каховкой. Одновременно семь пулеметов осыпали нас свинцовым дождем. Выглядело это так: в абсолютной тьме трепетало семь огненных тюльпанов... Я понял, что Соколов целит по вспышкам. Один из наших артиллеристов с воем отшатнулся от орудия и рухнул на пол. Зато вторая трехдюймовка ожила, деловито рявкнув, еще разок, еще и еще.

— Р-р-р-а! — сказал мне Соколов.

— Что? — крикнул я в ответ, ничего не слыша.

Но тут же понял, что капитан и не пытался заговорить со мной. Просто пулеметы «товарищей» утихли, а их пехота подбирается к «Офицеру», подбадривая себя нестройным «ура».

— Ленту! — гаркнул мой первый номер, выпустив двести пятьдесят штатных смертей. Боже, как быстро расходуются патроны!

Я завозился, вставляя ленту в «максим». Соколов отер пот и, обращаясь к невидимому противнику, сказал:

— Еще чего!

Второй пулемет как раз в этот момент ненадолго замолчал, поэтому я услышал слова капитана.

Кажется, один из вражеских пулеметов заткнулся. Достали мы его, очень хорошо! «Р-р-р-а» откатывалось, затихая вдали.

— Это всего лишь краткая передышка, господа, — спокойно произнес Лабович.

В подтверждение его слов обстрел возобновился почти сразу. На этот раз красноармейцы подобрались очень близко: я видел, как один из них был убит прямо на рельсах, с гранатой в руке. Наша вторая трехдюймовка не стреляла — там не хватало артиллерийской прислуги. Зато головное орудие «Офицера» работало как часы. Рядом взрывали пушки «Единой России».

— Ленту!

Я вставил последнюю.

Наш отдых был недолгим. Красные твердо решили порадовать командование ценным призом в виде нашего бронепоезда. То ли мы им

слишком досадили... Одним словом, они не отставали от «Офицера». Во время третьей атаки я увидел, как кто-то пытается продырявить кожух моего пулемета штыковым ударом снизу. Соколов выхватил револьвер, подвинулся поближе к амбразуре и выпустил весь барабан в красного стрелка. Тот распластался у самых колес. Но в тот же миг из-под откоса вылетела ручная граната. Она стукнулась о крышу, отлетела и рванула прямо перед амбразурой. Соколов молча грянулся об пол. Год назад я бы кинулся к нему, попытался бы, наверное, перевязать или что там ему понадобится. Но сейчас я просто заменил его у пулемета.

«Максим» издал короткий рык, выпуская последнюю дюжину патронов. Все. Моя работа закончена. А впрочем... я передернул затвор винтовки.

Красные залегли на расстоянии в три или четыре сотни шагов. Изредка они падали в бронепоезд, но больше для острастки. Как видно, решили дожидаться артиллерийской поддержки.

— Дмитрий Дмитриевич, перейдите на картечь и задерживайте «товарищей» столько, сколько сможете, — командует Лабович. — Господа! Мы снимаем стяг «Офицера», панорамы, прицелы, затворы с орудий. Пулеметы — сколько сможем унести. Забираем раненых.

Р-рах! — откликнулось головное орудие.

Нам следовало торопиться.

Я опускаюсь на колени у тела Соколова. Капитан еще жив, но осталось ему немного: левая глазница страшно изуродована осколком, глаз вытек, а в груди рана, из которой фонтанирует кровь. Странно, мне казалось, что он старше. А ему не больше двадцати пяти лет.

Капитан едва слышно шепчет:

*Я конквистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду,
Я прохожу по пропастям и безднам...*

Если попытаться вынести Соколова, скорее всего, он просто умрет немного раньше. Или все-таки попытаться? Я поднимаюсь с колен, ищу глазами, кто бы мог мне помочь.

И в ту же секунду звучит выстрел. Один патрон оставался в стволе соколовского револьвера... На миг все останавливаются, глядят в нашу сторону, потом деловитая суeta возобновляется; к подобной смерти здесь привыкли. Господи, ну почему все так нелепо! Не вини его, Господи!

Иванов молча сует мне в руки орудийный прицел. Все, кто остался в живых, покидают бронепоезд. Снаружи стоит страшный мороз. Кто-то из солдат-артиллеристов зябко поеживается: у него нет шинели.

— Живее, господа! Живее!

— Надо бы еще вынести...

— Отставить разговоры!

Со стороны красных сыплется горох винтовочных выстрелов. Мы уходим в непроглядную темень, я плетусь последним, в хвосте. Оглядываюсь на покалеченный бронепоезд, все-таки он был мне домом без малого две недели. Из пробитого тендера выходит пар, орудия молчат, броня прострочена темными стежками амбразур. Прощай.

Наш дредноут умер. Его утопила война.

Должен ли я еще что-нибудь? Отдал я все или осталась какая-то малость?

А!

Прямо передо мной спина артиллериста, истерзанного морозом.

— Эй!

Он оборачивается. Я протягиваю шинель.

— Возьми!

Он вертит головой: нет, мол.

— Возьми, согрейся. Потом отдашь...

Артиллерист моментально выхватывает шинель из моих рук и облачается с феноменальной быстротой. Улыбается: только зубы видно.

— Так-то лучше, — говорю я.

Вот теперь действительно все. И сил моих больше нет.

Иду все медленнее и медленнее, спины моих товарищей все дальше и дальше от меня. Появляется соблазн догнать их, тогда я сажусь прямо на заснеженную землю и закрываю глаза. Бои, лица друзей, погибших и выживших в Великой войне, пыльные дороги и страшная зима девятьсот девятнадцатого — все собрано под моими веками, я ничего не забуду, я никогда ничего не забуду, ни взгляда, ни слова, ни поворота головы, ничего, я уйду отсюда, Господи, дай мне силы забыть все, все до конца, остаться в живых и не вспоминать эту войну, иначе однажды она придет ко мне ночью и заберет обратно, в свое лоно, выжженное таврическим солнцем, белым, морозным, жгучим, ах, как надо мне все забыть, Господи, прости.

* * *

...Лицо Никифорова, и звучат его слова: «Думал ты о таком?».

Нет, не забуду.

15 июля 2005 года, Москва

Сию на лавочке в сквере около памятника героям Плевны и жду мою Женю. Она задерживается, но обязательно придет: не такой она человек, чтобы не прийти, если обещала.

Мне надо будет объяснить ей, как получилось, что за несколько суток я превратился из сливочного торта в иссохшую щепку, откуда взялся почерневший, отмороженный палец на левой ноге, шрамы на груди и на лице, почему я хожу с тростью, кто придал моей розовой физиономии цвет серозёма пополам с мочой. И все это — полдела. Потому что показывать ногу выше ступни мне просто пока не стоит. В штанине она смотрится отлично, как новенькая. Но если ее лишить защитного чехла... нет... нет... Женя очень хороший человек, славный, любящий, не надо ей видеть такое. Потом.

Всего-то в трое суток — 13-е, 14-е и 15-е июля — уместились Орел, Тула, Новороссийск, Северная Таврия, Каховка, Таганаш. Год с лишком. Из наших, считая меня, вернулось одиннадцать человек. Ровно столько же ушло из жизни, причем погибли они так, что об этом твердо известно: кто-нибудь видел мертвое тело или знает, где находится могила. Участь трех человек остается загадкой. Судьба еще двоих засекречена. Фамилия Трефолев вынырнула в списках белой эмиграции, там, где еще 12 июля 2005 года ее не было, да и быть не могло. Он скитался, женился, развелся, опять женился, опять развелся и умер в глухом одиночестве 21 августа 1931 года. На одном из белградских кладбищ стоит крест с его именем.

...Великая война отобрала у меня полжизни. Что теперь? Пригревает солнышко, воробьи купаются в пыли у самых ног, барышни ходят в таких нарядах, что глазам больно, над головой шумят листья. Посреди такой прелести я чувствую себя полураздавленным жуком! На фронте, всего сутки назад, я был солдатом, и у меня хватало сил драться, худо-бедно справляться с голодом, морозом и страхом, а тут все силы разом улетучились... Старик. В двадцать восемь лет — старик.

Может быть, рассказать Жене правду?

Впрочем, отчего же быть мне стариком? Устал — да, очень устал. Покусал меня фронт — да, цапнул пару раз. Но ничего, завод еще не кончился. Надо только отдохнуть как следует. Еще осталось кое-что и для будущей жены, и для страны моей, в которой многое стоит изменить к лучшему.

Наверное, мне не следовало убегать из своего времени, искать иной судьбы, иных декораций для собственной жизни. Был бы цел. Имел бы основания считать себя умным человеком.

Н И К О Л А Й Г О Р Н О В

ТРАФИК

Иллюстрация Людмилы ОДИНЦОВОЙ

*И сказал мне Ангел: что ты дивишься?
я скажу тебе тайну жены сей и зверя...*

Откровение, 17–7.

001.

Над желтой степью пронесся низкий звук ревуна. Сполохи от проблескового маячка отразились в затемненных обтекателях двенадцати комбайнов КЕЙС, растянувшихся уступом по пшеничному клину крестьянского товарищества «Победа». На призывный зов зерноуборочной машины без промедления бросился стоявший в отдалении тяжелый зерновоз...

Бригадирская машина по традиции шла первой. От колпака обтекателя приятной прохладой струился кондиционированный воздух. Гидравлическая подвеска работала безупречно. Бригадир Плотникова от мягкого покачивания слегка клонило в сон. Он потрянул головой и покосился на индикатор наполнения бункера. Еще раз убедился, что зерно прибывает с хорошим темпом. Лето было в меру жарким, да и дождей хватало, так что пшеница в Западной Сибири удалась. Даже в восточной лесостепи намолачивали сейчас по три тонны с гектара, а на юге и четыре тонны уже никого не удивляли.

Рев тысячесильного двигателя едва пробивался сквозь гул кондиционера. Бригадир снова посмотрел на приборную панель — уже внимательно. Топливный бак, уровень масла, тахометр. Все показатели были в норме. Заправщик появится примерно через час. Топлива — с запасом. Вроде бы все по плану. Однако с самого утра его не покидало непонятное ощущение тревоги...

— Первый, у нас проблема, — захрипел в динамике голос оператора замыкающей машины. — Седьмой и восьмой встали!

— Понял тебя, двенадцатый! — отозвался Плотников. — Это первый. Внимание всем машинам! Экстренная остановка!

Тяжелые комбайны по инерции проутюжили еще десяток метров поля и замерли почти одновременно. Плотников приоткрыл дверь кабины и выглянул, придерживаясь за поручень. С замыкающего комбайна спрыгнул Валёк. Плотников махнул ему рукой и почувствовал, как мгновенно покрывается потом. Душный и пыльный воздух ворвался в кабину и растекаясь по ней студнем. Ни вдохнуть, ни выдохнуть.

— Чертова жара! — буркнул Плотников. — Седьмой, восьмой, как слышите, прием! Что там у вас, черт подери, происходит? Шестой, пятый, девятый. Кто-то может мне наконец ответить?

— Первый, это девятый. Чего-то Валера чудит, похоже...

Плотников повис на поручне. Прищуриваясь от яркого солнца, он пытался разглядеть хоть что-нибудь. На обоих комбайнах работали опытные операторы — Семен и Валерка. И оба выходили с ним в поле уже не первый год. И вот сейчас по какой-то непонятной причине они одновременно остановились, одновременно спрыгнули на землю и, освобождаясь на ходу от оранжевых комбинезонов, пошли пешком через нескошенное поле. На запад, куда уже начинало клониться солнце.

— Ядренаматрена! — Плотников непроизвольно схватился за левый бок. — Так это Сибирка!

Обливаясь потом и размахивая руками, Плотников спрыгнул с подножки и побежал наперерез Вальку — вдоль вращающихся по инерции десятиметровых жаток. Семену с Валеркой уже никто помочь не может. К ним вообще нельзя было приближаться. И даже смотреть на них не стоило бы...

В тот год ему исполнилось семь. И отец наконец-то поддался уговорам и взял его с собой в поле. А после обеда сосед дядя Миша вот так же неожиданно остановил свой комбайн, выбрался из кабины, спокойно вытер руки о ветошь, оглядел всех невидящим взглядом и молча побрел через поле. Шел дядя Миша почти сутки. И все время на запад. Потом опустился на землю и умер. Со счастливой улыбкой на лице. А когда похоронили дядю Мишу, отец и рассказал ему про Сибирскую горячку. Впрочем, он и сам знал о ней не слишком много...

Плотников успел. Ухватил Валька за ляжку комбинезона и резко рванул вниз. От неожиданности тот споткнулся и зарылся носом в землю. Для верности Плотников еще и навалился на него сверху.

— Даже и не думай к ним подходить!

— Ты че, бригадир? — искренне удивился Валек, отплеываясь. — А вдруг им наша помощь нужна?

— Молод еще. Сказано тебе: не подходи, — значит, так и делай. Сейчас встанешь и пойдешь за мной. И назад не оглядывайся. Усек?

Валек кивнул.

Встретили их молчанием. Восемь операторов присели кружком у заднего колеса бригадирской машины. По кругу шла длинная самокрутка. Судя по запаху, в бумажном обрывке тлела смесь черного полевого табака и сушеных семян Чуйской конопли. Кто-то подвинулся, освободив два места. Бобер, который был самым старым в бригаде Плотникова, поскреб седой затылок.

— Сейчас не надо суетиться, да. Проводим их по-хорошему. А лопать уже завтра будем...

Плотников с тоской оглядел желтое пшеничное море и запрыгнул на подножку своей машины. Дотянулся до селектора, передвинул регулятор на дальнюю связь.

— Диспетчерская, это Плотников. Сибирская горячка у нас.

— Плотников, ты не иначе пьяным в поле вышел или на солнце перегрелся?

Бригадир вздохнул.

— Не шуми, Мария. Сибирку я ни с чем не спутаю и шутить не в настроении. Мы свои машины уже заглушили. Будем ждать начальство...

002.

Вера проснулась, когда автобус подбросило на самой большой колдобине. Тряхнув пегими кудряшками, она с недоумением огляделась по сторонам. Пейзаж ее не впечатлил. Раскисшая дорога разрезала пополам унылые осенние поля.

— Что, уже приехали? — Вера машинально протерла ладошкой запотевшее стекло.

— Спи, — буркнул в ответ Жора и передвинул свой рюкзак поближе к ногам. Ему тоже не нравилась дорога. И погода ему не нравилась. Не нравился и умирающий на каждом повороте автобус — тупорылый, с узкими дверями и жесткими сиденьями.

Новиков сидел рядом с Жорой и всей кожей ощущал мутный поток негативных эмоций. Но другого свободного техника за такой короткий срок найти было невозможно. Уезжать утром. Узнал он о задании вечером. Значит, либо Жора, либо никто. Арбитр Новиков думал, как правило, быстро. И уже спустя пару минут на стол руководителю Территориального управления Министерства общественной безопасности по Омской губернии Его Превосходительству Владлену Пономареву лег проект приказа. Так в составе Третьего полевого Трибунала в качестве технического специалиста оказался Георгий Свиридов, более известный как Жора Катастрофа...

— Меня сейчас вырвет, — громко заявил Жора. — Если не остановимся, я за себя не отвечаю!

Водитель принял бородатую шутку всерьез и решительно затормозил. Первой на торможение отреагировала сумка Веры. Она медленно сползла с верхней багажной полки и острым углом упала на хозяйку. Вера закрыла голову руками и рухнула в узкий проход между сиденьями, зацепив клетку с полудохлыми цыплятами, которую везла с собой молодая пара. Клетка раскрылась. Цыплята яркими желтыми комочками раскатились по полу. Парень с девушкой охнули и бросились их собирать.

Тут же встрепенулась до того мирно дремавшая пожилая дворняга

и прикусила Веру за левую ягодицу. Хозяин собаки смутился и заехал ей сапогом по носу. Дворняга заскулила от обиды и забилась под сиденье. Пассажиры завздыхали и заохали. Только зачинщик суматохи с напускным недоумением озирался по сторонам. На Жорином лице медленно расплывалась улыбка.

Когда шум утих, из кабины выбрался водитель.

— Это кто тут блевать собирался? — поинтересовался он, угрожающе сжимая монтировку. Взгляд его уткнулся в Жору. — Все, городской, для тебя, елки, конечная!

— Это почему же? — завелся тот с пол-оборота. Жора был на голову ниже деревенского водителя. Но в тесном пространстве салона итог драки зависел больше не от силы, а от опыта. Новиков это знал. Еще он знал, что Жора никогда не упускал возможности подраться, так что боевого опыта ему не занимать. Вот только в планы Новикова стычка с местным населением никак не входила.

— Всё, базар окончен, — решительно сказал он и встал между Жорой и водителем. — Мы сейчас берем свои вещи и выходим. Проблемы не нужны ни нам, ни вам. Правильно?

Водитель кивнул. Похоже, он и сам был уже не рад, что затеял разборку.

— Меня все поняли? — с нажимом уточнил Новиков.

По оконному стеклу струйками стекала вода. До деревни оставалось еще километров пятнадцать, а то и двадцать. Достаточно, чтобы основательно вымокнуть и простудиться...

— А чего тут непонятного? — Жора с видимой неохотой поднялся, подхватив свой рюкзак. — Вставай, Веранда. Которая из этих сумок твоя?

Несколько минут они стояли молча, провожая взглядом автобус. Вера нервно куталась в дождевик. Жора курил, пряча от дождя сигарету в кулаке.

— Нам пора, — напомнил Новиков. — Двигаться нужно максимально быстро, если мы хотим добраться до темноты...

— Куда добраться? — испугалась Вера. — За нами разве не пришлют машину?

— Ага, пришлют. Катафалк скоро подъедет! — Жора сплюнул и отшвырнул окурок. — Давай свою поклажу, курица, и двигай попой. Или приказ начальника не слышала?

— Куда же мы пойдем? — Вера растерянно посмотрела сначала себе под ноги, а потом по сторонам. — Кругом грязь. И дождь идет. Мы промокнем. Я даже зонтик с собой не взяла...

— Представляю, как бы мы выглядели, — хмыкнул Жора. — Драма на охоте. Сцена третья: те же и Вера. С понтом под зонтом!

— Бывают места похуже, можете мне поверить, — заметил Новиков, взваливая на плечо потрепанную брезентовую сумку. — Метров через пятьсот должен быть поворот. От него до молокозавода ровно девять километров. А уже оттуда нас до «Победы» любой водитель молоковоза подбросит. Люди в этих местах отзывчивые...

Отзывчивость местного населения Новиков, похоже, переоценил. Первый самосвал, который шел в попутном направлении, даже не остановился. Шофер, наоборот, прибавил скорость, обдав пешеходов грязью и дизельным выхлопом.

— Коз-злина! — заорал вдогонку Жора, вытирая лицо мокрым носовым платком. Цифры на номере, заляпанном грязью, разглядеть ему не удалось...

За два часа Новиков темп так и не снизил. Жора изо всех сил старался от него не отставать. Штаны намокли уже до колен, ботинки изрядно потяжелели, а ноги постоянно разбегались на размокшей колее. С каждой минутой рюкзак становился тяжелей. За сохранность аппаратуры Жора не беспокоился — рюкзак выдержит. Его больше беспокоили ботинки, которые он купил на днях. Слишком тяжелыми оказались. Опять же, кто знал, что придется в этих ботинках преодолевать такие расстояния...

Когда Новиков остановился, Жора облегченно вздохнул. Он действительно устал. Ему еще несколько раз приходилось возвращаться назад, чтобы подгонять Веру, стильный беретик которой давно сбился набекрень, брючки и сапожки перемазались в грязи, а яркий дождевик обвис от влаги. Но держалась Вера мужественно.

Дождь, по всей видимости, не собирался останавливаться до утра. Потревоженная людьми стайка ворон переместилась подальше от края дороги. Мокрые птицы прохаживались по свежей пашне. На прошенных гостей они косились недружелюбно. Жора выудил из пачки помятую сигарету, привычно зажал ее в кулаке и попытался прикурить. Колесико одноразовой зажигалки прокрутилось вхолостую. Намок кремьнь...

Молоковоз показался спустя полчаса. За рулем сидел молодой парень в засаленном ватнике и бейсбольной кепке с длинным козырьком, на которой с трудом угадывалась надпись «Keep Smiling!». Он остановился и гостеприимно распахнул дверь. Правда, кабина молоковоза для троих пассажиров оказалась слишком тесной. Но Вера сразу же согласилась сесть к Жоре на колени. В этот момент она согласилась бы на все. Ее зубы уже по собственной инициативе выстукивали международный сигнал бедствия — три точки, три тире, три точки...

— Что, подмерзла, кудрявая? — сочувственно поинтересовался во-

дитель молоковоза. — А ты скинь плащик и укройся одеялом. Оно там, за спинкой сиденья.

Освободившись от промокшего дождевика, Вера замоталась в колючее одеяло.

— Вера... — тихо сказала она.

— Что?

— Это меня так зовут — Вера.

— А-а, понял. Меня обычно Толиком кличут, — улыбнулся парень и покосился на Новикова. — Очень, значит, приятно...

Минут через десять она действительно перестала дрожать и даже попыталась отстраниться от Жоры.

— Да успокойся ты, — не выдержал он. — И не дергайся. Я на твою девичью честь не собираюсь покушаться.

Вера хлюпнула носом и отвернулась. Вдоль дороги тянулись покосившиеся постройки — темные и мрачноватые на вид.

— Это что? — поинтересовалась она.

— Так это она и есть — «Победа»! — Водитель молоковоза задорно рассмеялся. — Что, не нравится?

— Да нет, ничего... — Вера смущенно поправила мокрую прядь волос. — Чистенько тут у вас...

003.

В незнакомом месте Новиков всегда засыпал плохо. Да и утомление сказывалось. Самый молодой Арбитр Министерства безопасности два часа безрезультатно ворочался в постели, изучая паутину трещин на потолке. Сон не приходил.

Вечер перед дорогой выдался суматошным, сама дорога — длинной. Сначала они четыре часа болтались на грузопассажи́рском дизеле до станции «Жатва». Там пару часов просидели на автостанции в ожидании автобуса. Автостанция — одно название. Лавочка под деревянным навесом рядом с рынком. А потом этот утомительный маршбросок по пересеченной местности с двумя клоунами на хвосте. Хотя урок, по его мнению, даром не прошел. Клоуны уgomонились и присмирели. Но сложности еще не закончились — это факт. Работать с таким составом Трибунала Новикову еще ни разу не доводилось. Худший вариант и придумать трудно. Адвокат — Вера Одуванчик. Техник — Жора Катастрофа...

Новикова одолевали холод и сырость. По углам темнела плесень. Пружинный матрас провисал почти до полу. Кровать скрипела, стонала и отчаянно сопротивлялась каждый раз, когда Новиков пытался повернуться на другой бок. Почти как его жена. Впрочем, управляющий честно предупредил, что гостиница не в лучшем состоянии, и

советовал остановиться в его доме. Но Новиков предпочел гостиницу. Как его звали, этого управляющего? Кажется, Василием Васильевичем. Или Петровичем? Невысокий, коренастый, на голове густая копна волос с благородной проседью. Пухлые губы, большой нос, пышные усы. Не очень здоровая, ноздреватая кожа. В общем, Новикову он не понравился...

В маленькой комнате было семь коек. Во второй комнате — большой, где стояло четырнадцать коек — поселился Жора. Было еще одно помещение, которое прежние постояльцы использовали, видимо, в качестве кухни. Там сохранился стол в комплекте с пятью табуретками, и даже имелась закопченная газовая плита на четыре конфорки. Из четырех работала лишь одна, как сразу выяснил Жора. Завхоз, пока искал ключи, рассказал, что гостиницу уже лет двадцать не ремонтировали. Да и селили туда редко. Залетной бригаде строителей из Южного Туркестана, которые готовы были работать за сущие гроши, даже такой убогий комфорт был не по карману. Они спали обычно там, где работали — вповалку.

Гостиница оживала лишь на пару недель в году — во время уборки урожая. Операторы зерноуборочных комплексов и водители зерновозов не любили ночевать в кабинах своих машин. По здешним меркам, они считались людьми состоятельными и могли потратить деньги на более сносные условия проживания...

От размышлений Новикова отвлек посторонний звук. Он прислушался. Потом встал и осторожно подошел к окну, сдвинув остатки штор. Фонарь над крыльцом не горел, но небольшой гостиничный двор хорошо просматривался и в лунном свете. По центру — от сарая до крыльца — тянулась узкая тропинка. Остальная часть заросла лопухами. Особенно густые заросли тянулись вдоль старой теплотрассы. Дождь закончился, и ветер гонял по двору мокрый бумажный мусор. Тени двигались равномерно, как им и полагалось.

До рюкзака всего один шаг. Мягкая кобура сверху. Одно движение — и Новиков ощутил в ладони привычную прохладу ребристой рукояти. Оружие должно быть под рукой. Со снятым предохранителем. Однажды эта привычка уже спасла ему жизнь. С тех пор он всегда стреляет первым. И у двери никогда не стоит. Самая удачная позиция — у капитальной стены, которая дальше и от окна, и от двери. В углу самый широкий сектор обзора, и риск поражения в случае рикошета снижается...

В приоткрытую дверь просунулась лохматая голова Жоры.

— Георгий, включите свет, если вам не трудно, — попросил Новиков.

— Ваша Честь, вы не спите! — обрадовался Жора.

Единственная лампочка, свисавшая с потолка на длинном проводе, изрядно запылелась. Но даже такого тусклого освещения хватило, чтобы Жора разглядел в руках у Новикова автоматический пистолет «Оса». Он так и застыл, наполовину просунувшись в дверь. Тридцать седьмой калибр, увеличенная до восемнадцати патронов емкость магазина, возможность стрельбы очередями. Этот легкий и относительно компактный пистолет, изготовленный из титанового сплава, Новикову нравился.

— Георгий, в Академии вас так ничему и не научили. И все же постарайтесь в следующий раз действовать более осмотрительно. Не надо подкрадываться к моей двери. А тем более по ночам.

— Виноват, Ваша Честь. Я не...

— Можете называть меня Дмитрием Евгеньевичем. Честно сказать, мне очень не хочется, чтобы завтра весь Русско-Полянский уезд знал о том, что мы не группа инженеров из города, а полевой Трибунал. Если не ошибаюсь, это ваш первый опыт?

— Первый, да... — Жора смутился. — Но я уже участвовал в двух Процессах.

— Не сомневаюсь. Однако у полевого Трибунала есть своя специфика. Вы ее скоро поймете. Соблюдая несколько простых правил, можно дожить даже до отставки по выслуге лет.

— Я просто хотел...

— Ложитесь спать, Георгий. А завтра подготовьте для меня аналитическую справку. Интересуют любые упоминания Русско-Полянского уезда, а тем более крестьянского товарищества «Победа» в оперативных отчетах последних 10 лет. И еще. Наша рабочая смена в зернохранилище начинается вечером — в 18-00. Надеюсь, вы еще не забыли «легенду»?

Жора поморщился. Легенду лепили на коленке. Хозяйство закупило новое оборудование для сушильной установки зернохранилища, а бригада монтажников задержалась. Управляющий заверил, что специалисты приедут не раньше чем через две недели. Вот они и договорились, что Трибунал будет делать вид, будто занимается монтажными работами. Никто, мол, даже не усомнится ни в чем...

Утром Вера выглядела бодрой. Ее поселили в доме секретаря наблюдательного совета «Победы» — Анжелики Ивановны. На этом настоял управляющий. Негоже, сказал он, когда женщина под одной крышей с двумя мужчинами живет. Начнутся пересуды. Новиков не хотел пересудов, поэтому сразу согласился.

В предвкушении завтрака настроение у Веры с каждой минутой улучшалось. Чего нельзя было сказать о Новикове, который забылся лишь с рассветом.

— Кто-нибудь знает точный адрес местного кафе? — поинтересовался он, зевая и непрерывно потирая виски.

— Я знаю, — с готовностью откликнулась Вера. — Мне Анжелика Ивановна объяснила. Здесь рядом.

— В этой дыре все рядом, — хмыкнул Жора, но сразу сник под пристальным взглядом Новикова.

Судя по тому, что зал кафе практически пустовал, основной поток желающих позавтракать уже разбрелся по рабочим местам. Скучающая повариха на раздаче переставила поближе подносы с выпечкой и приветливо улыбнулась.

— Это вы и есть — командировочные? И надолго к нам?

— Мы и есть, — согласился Новиков. — Надеюсь, что ненадолго.

— Вы за наличные или под запись питаться будете? — кивнула головой повариха, удовлетворенная ответом. — Наше начальство командировочным тоже под запись разрешает.

Новиков оглянулся на Веру с Жорой.

— Тогда и нам под запись, если начальство разрешает, — кивнул он.

— А у вас сигареты под запись можно брать? — полюбопытствовал Жора. Получив утвердительный ответ, он приободрился. Первая приятная новость за утро.

Меню разнообразием не баловало. Зато порции были большими. Да и готовили местные поварихи вкусно — по-домашнему. После блинчиков со сметаной, теплой ватрушки и большой чашки ароматного чая даже у Новикова улучшилось настроение. А вот Жора, наоборот, начал хмуриться.

— Дмитрий Евгеньевич, я могу ошибаться, конечно, но за нами внимательно наблюдают, — не выдержал он.

— Кто? — спокойно поинтересовался Новиков. Он вытер губы бумажной салфеткой и откинулся на спинку стула.

— Дама, которая сзади вас сидит. — Жора уткнулся носом в чай. — Сейчас она относит посуду. Теперь идет к выходу...

Новиков потом не один раз вспоминал эту минуту, когда впервые увидел Илону. Вот он аккуратно складывает кораблик из бумажной салфетки. Последнее движение — и двухтрубный дредноут отправляется в плавание по белой поверхности стола. Потом он как бы невзначай поднимает голову. Она как бы невзначай оборачивается. Ее взгляд скользит поверх голов, а Новиков тут же опускает взгляд в пол. За секунду он зафиксировал в памяти все, что его интересовало. Илона ушла, но эта секунда так и осталась висеть в воздухе, смешиваясь с ароматами корицы и ванили, долетавшими с кухни.

— Лет тридцать. Может, чуть старше, — сказал Жора. — Судя по одежде, не местная. Либо приехала погостить. Например, к матери...

— Георгий, избавьте меня от ваших доморощенных умозаключений? — Новиков вздохнул. — Даже дознаватель из уездной жандармерии проявил бы большую сообразительность. Допустим, что женщина приехала в гости к матери. Неужели мать отпустила бы ее на завтрак в кафе?

У Жоры задергалась правая щека. Но он быстро справился с эмоциями.

— Она выглядит подозрительно.

— Может быть, — согласился Новиков.

— Мы пойдем или будем здесь сидеть до обеда? — не выдержала Вера. — Не слишком ли много внимания этой крашеной выдре?

— Идите, Вера, идите, — разрешил Новиков. — Вы свободны до вечера. Георгий, я надеюсь, помнит, чем он должен заняться. А я немного воздухом подышу...

— Книжку что ли почитать? — Вера скривила пухлые губы, подправленные силиконом и татуажем.

Впереди ее ждали несколько скучных дней. Единственная задача Адвоката — следить, чтобы Арбитры в ходе Процесса соблюдали права обвиняемых в мафии, гарантированные Конституцией Российской Федеративной Республики. Не слишком сложная задача. Формальность, скорее...

004.

Все жилые дома в центральной усадьбе «Победы» стояли вдоль главной улицы. Чтобы дойти до крайних строений, Новикову понадобилось двадцать пять минут. За ними дорога начинала петлять и пропадала в поле. Где-то там, за поворотом, располагалось отделение, в котором жил обслуживающий персонал животноводческого комплекса. Собственное молочное стадо в «Победке», насколько успел понять Новиков, было большим. В этом убеждал и специфический запах, доносившийся легким ветерком.

Новиков вернулся к перекрестку. В здании правления он уже побывал вчера. Рядом — средняя школа. Дальше шли, как он помнил, хозяйственные объекты: автобаза, строительный цех, овощехранилище, сыроварня, коптильня, колбасный цех, электрическая подстанция и что-то еще. Производственные объекты интереса для Новикова не представляли, поэтому он свернул направо — к двухэтажному особняку с подобием колонн. Не было никаких сомнений в том, что это Дом культуры. Да и на ржавом металлическом щите еще можно различить надписи: «Смотрите сегодня» и «Смотрите завтра».

Лет тридцать назад, когда сибирская пшеница ворвалась на мировой рынок, крестьяне приободрились. Денег им стало хватать даже на

излишества. В те же годы Дома культуры начали строить все. Хвастались перед соседями, страшно гордились и даже соревновались в том, у кого Дом получился выше, больше и культурнее. А через десять лет мировой рынок предпочел сибирской пшенице дешевое зерно из Аргентины. Прибыли упали. Финансирование культуры урезали. Судя по всему, в «Победе» даже кинозал давно работал с перебойми.

Новиков подпернул широкие штанины модных джутовых брюк и аккуратно присел на парапет недействующего фонтана. Поковыряв землю тупым носком ботинка, он вздохнул. Рыцарь ордена Святого Георгия Победоносца, Кавалер Меча и Молота третьей степени Дмитрий Новиков даже себе не хотел признаться в том, что волнуется, как выпускник десятимесячных юридических курсов дистанционного обучения.

За время работы Арбитром Новиков провел уже двадцать шесть Процессов. И двадцать шесть приговоров привел в исполнение. Его стремительной карьере завидовала как минимум половина управления. Еще бы, любимец Владлена Пономарева. Как считали многие, Его Превосходительство видел в нем своего будущего первого заместителя. Никто даже не догадывался, что небо над головой Новикова не всегда было столь безоблачным. И что до сих пор он так и носил на себе отметину Мальчика из Интеллигентной Семьи...

Родители Новикова — инженеры-путейцы. Они постоянно переезжали с места на место. И родился Дима на очередном железнодорожном перегоне — где-то между Карасуком и Кулундой. Правда, когда подрос, родители получили небольшие должности в управлении Западно-Сибирской железной дороги и осели в Омске. Неудивительно, что после окончания школы Дима хотел только одного — поступить в высшее техническое училище инженеров железнодорожного транспорта на факультет подвижного состава. Дима бредил тепловозами и электровозами. Назубок знал их технические характеристики и даже на звук мог определить модель пролетающего мимо локомотива.

Сметливый студент попал в поле зрения Минбега на последних курсах. А после вручения диплома Диму пригласили на беседу в старый трехэтажный особняк на Тополином проспекте. О том, что это было собеседование, он догадался не сразу. А когда догадался, категорически отказался от заманчивого предложения. Локомотивное депо, в котором он несколько лет проходил практику, уже подготовило место для пытливого молодого специалиста. Директор даже обещал помочь с жильем. К защите дипломного проекта Дима успел жениться на сокурснице Ане и обременить себя семейными проблемами, а депо взялось выступить гарантом для получения ипотечного кредита и даже погасить половину суммы за своего специалиста.

Но и Мининстерство безопасности не отступило. В итоге Дима Новиков все же оказался в штате управления. Вот тогда и начался его стремительный карьерный рост. Сначала восемь месяцев он отучился в Академии Минбеза в Коломне, потом два года отработал в отделе экономической безопасности — оперуполномоченным. Колосовский, Тевризский и Тарский уезды Новиков исколесил вдоль и поперек. Практически сутками сидел в засадах, выслеживая бригады «лесных братьев», которые беззастенчиво вывозили из Омской губернии миллионы кубометров соснового леса.

Потом Новиков был тяжело ранен во время операции в одном из глухих таежных лесхозов и после поправки год отработал в должности аналитика. Попутно он получил второе высшее образование — уже заочно. Диплом экономического факультета Омского университета оказался совсем нелишним. Перспективного молодого сотрудника вскоре отправили в университет Лозанны — прослушать двухлетний курс юриспруденции. За счет управления, естественно.

Вернулся он в Омск уже советником третьего класса и заместителем начальника отдела общей безопасности. И снова работал сутками, мотаясь по отдаленным южным уездам. Когда его начальник неожиданно для всех подал рапорт о досрочной отставке, Новиков тут же принял отдел. Спустя год советник безопасности второго класса Дмитрий Новиков стал помощником Председателя Большого Жюри. А еще через год был назначен Арбитром и возглавил Третий полевой Трибунал. В тот же день, когда вышел приказ о его назначении, Тайный Совет ордена Святого Георгия Победоносца торжественно вручил новому адепту символический знак принадлежности к ордену — рыцарский жезл. Мечты сбывались.

О своей юношеской любви к локомотивам Дима Новиков давно позабыл. Он хотел стать Арбитром. А те, кто в разное время оказывался на пути к этой заветной цели, по разным причинам покинули управление. И никаких мук совести по этому поводу Новиков не испытывал. Ему лишь не давали покоя два Процесса — первый и последний. Как он опозорился на первом Процессе, знали все, но давно забыли. Четыре года с тех пор прошло. О неудаче на двадцать шестом Процессе не знал никто. Казалось бы, можно и не беспокоиться. Все улики он сумел вовремя уничтожить. Плохо только, что в порыве пьяной откровенности созрел во всем своей жене — Анне...

Массивная дверь Дома культуры приоткрылась. На крыльцо выскользнул мальчик лет двенадцати с книгами в руках. Новиков отметил про себя, что посетить местную библиотеку нужно обязательно. Из головы не выходила молодая женщина, которую он увидел за завтраком. Было в ней что-то особенное. Во взгляде, походке, осанке,

повороте головы. И девять из десяти, что она работает либо в этом очаге культуры, либо в школе. Так что в школу тоже придется зайти. Или потолкаться где-то поблизости, чтобы появился формальный повод для более близкого знакомства...

За то время, пока Новиков проводил рекогносцировку местности, Жора успел протестировать оборудование и настроить защищенный канал связи с управлением через собственный спутник Минбеза. Решетку приемной антенны он довольно ловко замаскировал на крыше гостиницы.

— Спасибо, Георгий, — небрежно кивнул Новиков, разглядывая аналитическую справку. — Теперь моя очередь поработать. Обедайте без меня. Далеко не отлучайтесь. Ваша помощь может еще понадобиться...

Новиков плотно прикрыл дверь комнаты и опустился на жалобно скрипнувшую кровать. При дневном свете гостиница производила еще более гнетущее впечатление, чем ночью. Было по-прежнему холодно. Оставалась, правда, надежда, что ближе к вечеру комнату прогреет солнце. Справку, подготовленную Жорой, он сразу отложил в сторону. Сибирская горячка — это крепкий орешек. С длинной историей...

Первый известный случай *Hysteria Siberiana* произошел в Тобольской губернии в 1869 году и был зафиксирован земским врачом и писателем Владимиром Еремеевым в его записках о путешествии по Сибири, изданных по возвращении в Санкт-Петербург. Крестьянин Сысой из села Черное пахал поле. Неожиданно для всех он бросил свой плуг, остановил лошадь, посмотрел долго и внимательно на закатное солнце, а потом снял рубашку и, не разбирая дороги, побрел через пашню. Догнавшие его односельчане остановить Сысою побоялись. На свое имя он не откликнулся. И вообще ни на что не реагировал. Невидящими глазами он смотрел только вперед. Шел и улыбался.

Шел он долго: четыре дня и три ночи. И все время на запад. При этом преодолел расстояние почти в три сотни верст, чем установил своеобразный рекорд, который до сих пор так и не перекрыт. На территории соседнего уезда крестьянин Сысой упал и мгновенно умер на глазах двух опешивших жандармов. Прибывший по требованию жандармов земский врач Владимир Еремеев признаков насильственной смерти на теле умершего крестьянина не обнаружил. Еремеев пришел к выводу, что смерть Сысоя наступила в результате остановки сердца. Все свидетели происшествия лишь разводили руками в недоумении.

Еремеев поговорил с крестьянами не только из села Черное: он объехал и другие села уезда, чтобы собрать более полную информа-

цию. Не исключено, как он написал потом в своей книге, что от подобного недуга сибирские крестьяне страдали и ранее. Еремеев же назвал этот недуг Сибирской горячкой.

А мировую известность болезнь получила с легкой руки Харуки Мураками — дотошного корреспондента японского агентства новостей «Асахи». После подписания в Кенигсберге мирного договора между Россией и Германией в феврале 1917 года, бывший младший офицер двадцать седьмого полка Квантунской армии тайно проник на территорию России. По поддельным документам политэмигранта из Кореи расторопный японец проехал весь Дальний Восток и добрался практически до Урала. От этого путешествия осталась большая серия очерков, которую он позднее собрал в одну книгу и назвал «На Север от границы, на Запад от солнца».

Добавили известности Сибирской горячке спустя полтора десятка лет и французские экзистенциалисты — Жан-Поль Сартр и Альбер Камю, которые с восторгом писали о том, что более экзистенциального образа смерти, чем Сибирская горячка, и придумать невозможно. И еще целых два десятилетия молодые бунтари и европейские радикалы всех стран и всех мастей уезжали на поиски Смысловых Горизонтов во Внутреннюю Сибирь. Там и пропадали, естественно.

Интерес Европы к Сибирской горячке подогревался и регулярными сообщениями об эпидемиях. Причем большая часть этих сообщений была откровенной выдумкой ушлых газетчиков из «Гардиан», «Ле Фигаро» и «Санди Таймс». А те случаи, которые действительно имели место, никак не могли стать достоянием общественности, поскольку сразу закрывались российскими властями грифом «Совершенно секретно».

К единому мнению о том, что же такое Сибирская горячка, медики не пришли до сих пор. Достоверно было известно лишь одно: от этого недуга страдают исключительно сибирские крестьяне. Все остальное — сплошная эмпирика. Вирусная теория академика Шевелева, которой придерживалась официальная медицина, все эти годы оставалась и постоянным объектом для критики.

Особенное недовольство вирусная теория вызывала у специалистов Института судебной психиатрии имени Сербского. Психиатры утверждали, что Сибирская горячка — это психическое заболевание из группы аффективных синдромов. Оно вызывается отнюдь не каким-то там вирусом, который за эти годы так и не сумели выявить, а органическим поражением центральной нервной системы. Подобная идея, кстати, высказывалась еще в начале прошлого века известным русским психиатром, в честь которого заболевание и получило свое второе название — синдром Кукель-Краевского.

Впрочем, и в сообществе психиатров тоже имелись разногласия. Некоторые считали, что поражение центральной нервной системы при синдроме Кукель-Краевского вызывалось не органическими нарушениями, а интоксикацией организма. Следовательно, и сама болезнь является тяжелой формой острого интоксикационного психоза. Правда, при вскрытии трупов крестьян никаких следов известных ядовитых веществ в них не обнаруживалось. Значит, как считали сторонники этой теории, необратимые изменения в психике сибирских крестьян вызывало вещество, ядовитые свойства которого пока еще не изучены. Точку в теоретических спорах поставил, как всегда, Минбез. У министерства появилась своя теория, которая утверждала, что Сибирская горячка — это последствия малефиция...

Последняя по времени масштабная вспышка Сибирской горячки произошла пятнадцать лет назад. Все случаи отмечались в южной степной и восточной лесостепной зонах. Причем заболевание в тот год стало приобретать настолько массовый характер, что медики снова заговорили об опасности эпидемии. Семнадцать случаев было зафиксировано в Черлакском уезде, десять заболевших обнаружили в Кормиловском уезде и семеро — в Калачинском. И всего за три месяца.

Губернию срочно закрыли для въезда и выезда. Силами батальона быстрого реагирования губернской жандармерии и 7-го отдельного бронекавалерийского полка Министерства по чрезвычайным ситуациям был организован круглосуточный карантинный контроль на всех автомобильных и железнодорожных магистралях, которые пересекали Омскую губернию. В помощь местным Трибуналам специальным Указом Председателя Временного Правительства РФР были откомандированы в Омскую губернию еще десять полевых Трибуналов из соседних губерний.

За месяц в трех уездах были приговорены к высшей мере наказания двадцать два малефика. С благословления Владыки Пимена — митрополита Тобольского, Омского и Тарского — Арбитры незамедлительно привели приговоры в исполнение. На этом эпидемия завершилась. С тех пор был официально зафиксирован единственный случай заболевания Сибирской горячкой. Тринадцать лет назад этот недуг поразил механизатора Москаленского уезда, когда тот распахивал на своем тракторе поле под зябь. Этот случай был тщательно расследован. Малефика обнаружили в соседнем поселке. Его приговорили к высшей мере наказания. А иного Уголовный кодекс и не предусматривал, собственно. В одной из последних его редакций законодатели приравнивали малефиций к наиболее тяжким и опасным преступлениям против личности...

005.

Самое холодное время суток — раннее утро. Новиков не любил его в любое время года. А особенно осенью. Когда солнце только готовится вынырнуть из-за горизонта, осенняя сырость проникает под любое количество одежд. Он начал замерзать буквально сразу, как только вышел из гостиницы. Плотнее запахнув куртку, Новиков снова пожалел, что оставил в Омске любимый свитер из мягкой шотландской шерсти.

Над скошенным полем клочками висел туман, краешком захватывая и дорогу. На обвисших проводах находилась сонная стайка воробьев. Где-то вдалеке лаяли собаки. Новиков посмотрел на часы и огляделся по сторонам. Ровно пять утра. Не опоздал. И место не перепутал. Вот покосившийся столб. Там в дымке тумана угадывались три копны сена.

Он остановился и прислушался. Вскоре из тумана послышался приглушенный скрип. А еще через некоторое время проявился силуэт лошади, запряженной в телегу.

— Доброе утро, Дмитрий...

— Доброе утро, Илона, — удивленно пробормотал Новиков. — Это и есть ваш сюрприз?

Она мягко прыгнула с телеги и откинула с глаз неподатливую челку.

— Нет, к сожалению. Сюрприз сегодня не в форме — захворал. А эту юную особу зовут Удача. Можете ее погладить, если хотите.

Новиков осторожно приблизился к лошади и почувствовал терпкий мускусный запах. Удача скосила на него карий глаз и тихонько всхрапнула.

— Не бойтесь. Она не кусается. А хотите угостить даму яблоком?

— Нет, спасибо. Как-нибудь в другой раз. А где вы взяли лошадь?

— На конюшне.

— Как это я сам не сообразил? — Новиков с кряхтением забрался в телегу. — Попробую отгадать. Сейчас мы поедем куда-то очень далеко...

— А у вас есть по этому поводу какие-либо возражения?

— Никаких, — вздохнул Новиков, пытаясь уместиться на клочке сена. — Для вас я готовь на любые подвиги. А тут всего лишь нужно проехать на лошади. Что я, на лошадях никогда не ездил?! Да они у меня, понимаешь, табунами в квартире пасутся. Кстати, ее действительно зовут Удачей? Или вы так пошутили?

— Можете не сомневаться, Дмитрий. Это самая настоящая Удача. Ну, трогай, милая! — Илона слегка потянула за вожжи. — Мне показалось, что личное знакомство с этой особой не станет для вас лишним. Или я не права?

Удача тронула с места легкой рысцой...

С Илоной все получилось легко. Как-то само собой. Дом культуры вновь попался ему по дороге. И он туда зашел. Побродил в тишине по двум этажам. В холле второго этажа наткнулся на стол для русского бильярда. В стойке торчали два кия. Да и шары имелись в наличии, как ни странно. Новиков проверил пальцем сукно. Покрутил в руках кий, сделал несколько пробных ударов. Правда, ни один шар в лузу не закатил. Тем не менее наличие в такой глуши вполне приличного бильярдного стола Новикова порадовало. Будет чем отвлечься, если тоска одолеет.

Библиотека обнаружилась в самом дальнем крыле. Стеклопанельная дверь, к его удивлению, была приоткрыта, а стол библиотекаря пуст. Большую комнату почти полностью занимали высокие стеллажи с книгами. Никаких тебе книгохранилищ и хмурых библиотечных черберов, как в его детстве. Все книги в открытом доступе. Новиков побродил вокруг двух крайних стеллажей и не удержался, приметив знакомые корешки собрания сочинений Дюма-отца. Он снял с полки и раскрыл томик «Графа Монте-Кристо».

— Книгами интересуетесь? — раздался сзади женский голос.

Уже давно Новикова не заставляли врасплох. И если сейчас к нему смогли подойти со спины, значит, он на длительное время утратил контроль над обстановкой. А чтобы навсегда распрощаться с жизнью, достаточно всего пары секунд...

— Извините, что взял без разрешения.

Он быстро поставил на полку толстый красный «кирпич», обернулся и увидел ту, о которой не переставал думать последнее время. Женщина доброжелательно улыбнулась.

— Недавно к нам приехали? Я заметила вас пару дней назад в столовой...

— Да, мы инженеры-наладчики, — кивнул Новиков. — Из акционерной компании «РусАгроСибирь». Новую сушилку в зернохранилище монтируем. А вы, значит, библиотекарь?

— Не совсем. Библиотека уже неделю не работает. Разве вы не заметили объявления на дверях?

— Простите, не разглядел.

— Библиотекарь — мама моей ученицы. Когда она надолго уезжает, то разрешает мне брать книги самостоятельно. Но если вам очень хочется, вы тоже можете взять что-нибудь. Я заполню формуляр...

Молодая женщина присела, изящным движением закинула ногу на ногу, взяла ручку и посмотрела на Новикова. Тот быстро отвел взгляд от ее коленей.

Тонкий изгиб бровей, серые глаза, высокий лоб, удлинённый овал лица, тонкий аристократический нос. Густые темные волосы средней длины собраны в хвост. Слова с шипящими согласными она произносит мягко, не по-сибирски. А некоторые гласные слегка растягивает, словно перекачивая во рту маленькие камешки. Но эта легкая неправильность в речи, по мнению Новикова, только добавляла ей шарма. Как и слегка подчеркнутые скулы, и азиатский разрез глаз...

— Да, неплохо бы взять книгу, — заметил Новиков. Он не мог упустить возможности закрепить знакомство. — Не знаю, что и выбрать... Может, посоветуете?

— Мы ведь даже не знакомы. Как же я догадаюсь, что вам может понравиться?

— Тогда давайте знакомиться, — сразу откликнулся Новиков. — Меня зовут Дмитрием. По образованию — инженер-механик. Работу свою не люблю. Больше чем работу не люблю необязательных людей. Люблю рыбалку, но не утреннюю, на зорьке, а вечернюю. Машину чиню самостоятельно. Люблю комфорт. В разумных, конечно, пределах. Люблю вкусно поесть и хорошо поспать. Прогулки по парку люблю. Вечером, когда тихо. Да и по набережной Иртыша прогуляться тоже люблю. С друзьями люблю посидеть. Но не в шумной компании, когда много пьют, а так — за чашкой чая. В общем, люблю жизнь в разных ее проявлениях!

— Впечатляющая характеристика... — Она прошла в самый дальний угол и сняла с полки небольшой томик в черном переплете. — Думаю, это вам будет интересно. У вас есть какой-нибудь документ с собой?

— Не прихватил. Что же делать? Я могу вечером принести...

— Вечером, пожалуй, нет необходимости. Лучше завтра. Так и быть, поверю вам на слово.

— Сознайтесь, это потому, что у меня глаза честные, — рассмеялся Новиков. — А вдруг первое впечатление обманчиво, и на самом деле я — предводитель банды, которая промышляет книгами из сельских библиотек?

— Тогда это станет для меня очередным уроком по многообразию жизненных форм...

— Кстати, а как же мне называть столь великодушную даму?

— Bravo, господин инженер. Сознаюсь, давно не приходилось разговаривать с интеллигентным человеком. У нас, знаете, процесс знакомства упрощен до примитива. Меня зовут Илона, если вас это интересует.

— Прекрасное имя. Значит, завтра в это же время? — уточнил Новиков.

— Что завтра?

— Встречаемся завтра. Я ведь документ должен вам предъявить. На предмет идентификации. Вы уже забыли, Илона?

— Извините, задумалась. Только приходите чуть позже. Завтра у меня в это время урок...

Всю дорогу до гостиницы Новиков мысленно произносил ее имя. Он раскатывал его на языке, пробуя на вкус. Что-то было в нем острое и горько-соленое одновременно. Откуда же взялась на его голову эта Илона? Нет ответа.

Книгу Новиков сжимал крепко, как добытое в тяжелом бою сокровище. Когда выбрался из Дома культуры, рассмотрел внимательней. Название безыскусное — «Мысли». Но фамилия автора оказалась знакомой. Паскаль — это не тот ли математик, случаем? На обложке никаких рисунков. Матовый ледерин, теплый и приятный на ощупь. Сунув томик во внутренний карман куртки, Новиков хмыкнул. Мысли одолевали его. Разные. В основном неприятные...

Третий день — и ни одной зацепки. Это плохо. Это очень, очень плохо. Повода для паники еще нет, но уже обозначился повод для беспокойства. В двадцати пяти случаях Арбитр Новиков находил малефика уже на второй-третий день. Еще пару дней занимал у него сбор доказательств. Как правило, на пятый день он уже предъявлял обвинение. Еще несколько дней занимал Процесс. Потом он публично оглашал приговор и приводил его в исполнение. Так что максимум через двенадцать дней он возвращался домой — в Омск.

Исключением стал лишь двадцать шестой Процесс, мысли о котором Новиков гнал от себя последние полгода. За это время он пережил и служебное расследование, и домашние скандалы, и госпиталь, и жалкую попытку суицида с пьяными соплями, и обследование комиссией армейских психиатров. Потом ему пришлось вытерпеть курс медикаментозной и два курса позитивной терапии. В итоге все аттестационные и медицинские комиссии признали: годен. А что им оставалось делать? Когда попросит Его Превосходительство Владлен Пономарев, даже макаку признаешь годной к аналитической службе.

— Извини, сынок, что не находил времени поговорить с тобой по душам. — Пономарев втянул в себя запах доминиканской сигары и откинулся в кожаном кресле с высокой спинкой.

В тот вечер Его Превосходительство был в хорошем настроении. Новиков заметил это и сам. Да и помощник Пономарева успел шепнуть на ухо: держись, мол, Димка, пользуйся моментом.

— Как настроение?

— Боевое, Ваше Превосходительство!

— За что тебя любил всегда, так это за оптимизм. И за мозги твои золотые...

Мог ли Новиков отказаться? Нет, не мог. Не каждого Пономарев приглашал в десять вечера к себе в кабинет на чашку смородинового чая. Не каждого расспрашивал о делах. Не у каждого, прихлебывая чай, интересовался здоровьем супруги.

— О том знаешь, что мой первый зам в отставку собрался? — поинтересовался наконец Пономарев.

Так и не раскуренную сигару он с тяжелым вздохом отложил подалше. Спрятал в стол и даже закрыл ящичек на ключ.

— Конечно, знаешь. По глазам твоим хитрым вижу. В общем, так скажу тебе, Дима: хватит симулировать. С завтрашнего утра приступай опять к работе. В Русско-Полянском уезде объявилась Сибирская горячка. Как раз для тебя задача. А когда вернешься в Омск, потолкуем. И тебе пора расти, да и мне кадры пора омолаживать.

Мог ли Новиков отказаться? Конечно, не мог. Хотя и Адвокат его, проверенный двумя десятками процессов, давно уже в другом месте работал. И Алексей — технарь от Бога — тоже не смог ждать, пока Новиков из депрессии выйдет. Да и не в этом даже проблема. Она, похоже, скрывалась в самом Новикове. Исчезло у него ощущение тревоги, притупилось чувство опасности, растворился весь кураж, как и не было его никогда.

Растолстел Новиков. Мозги заплыли жирком. Раньше ему, как хорошему вычислителю, хватало нескольких минут. Он пробегал глазами по всем документам, целиком охватывая последовательность событий, анализировал и буквально с ходу выдавал готовый результат. Теперь же второй день не мог управиться с отчетом уездного дознавателя. А строчки аналитических справок расплывались перед глазами, набегая друг на друга, и корчили рожицы.

Он перепробовал все. Сначала просто лежал на кровати, потом ходил по комнате, по коридору гостиницы, по деревенским улицам. Дышал свежим воздухом и наоборот — задерживал дыхание. Прислушивался, принюхивался, концентрировал внимание. Пробовал голодать. Плотно наесться тоже пробовал. Даже на голове пытался стоять. Но по-прежнему не возникало в ней ни единой подсказки. Ничего. Пустота. Вакуум...

006.

Небо быстро светлело. Новиков уже привык к легкой тряске, но никак не мог смириться со скрипом древней телеги. Противный звук. Неужели механики не могли хотя бы оси смазать? Да и подшипники на колесах заменить не помешало бы.

Новиков не засекал время по часам, но ему уже казалось, что эта грунтовка не закончится никогда. За всю дорогу Илона произнесла не больше пяти фраз. В основном, интересовалась: не замерз ли случаем? Сама Илона была одета в рабочий комбинезон на синтетическом пуху, поэтому от холода не страдала. А Новикову оставалось только терпеть. И с надеждой посматривать на восток. Чем быстрее взойдет солнце, тем раньше начнет нагреваться воздух.

Удача бежала уже по нетронутой степи, рассекая невысокие заросли диких злаков. Вокруг растянулись бескрайние просторы Южно-Сибирской равнины. На запад, на север, на восток и на юг — один и тот же унылый пейзаж Курумбельской степи. До самого горизонта. Насколько хватало глаз. Лишь на востоке, освещенном первыми лучами солнца, взгляд цеплялся за заросли низкого степного кустарника, за которыми проглядывала цепочка невысоких холмов. Именно к этим холмам, как понял Новиков, и направлялась Илона...

— Почти приехали. — Она обернулась к Новикову. — А вы молодец, господин инженер. Похвально, что не жалуетесь. Потерпите еще немного. Когда приедем, выдам вам за это теплую куртку и кружку горячего кофе.

— А куда мы едем? — поинтересовался Новиков.

— Прямо. — Илона махнула рукой. — К тем курганам. Там у меня «лежбище». Если приглядеться, можно уже отсюда разглядеть его деревянную крышу. Вон там, между вторым и третьим курганом.

Новиков кивнул головой. Кивать ему было легче, чем говорить.

Из-за горизонта наконец показался краешек солнца. Первая волна яркости покатила по степи. Сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. А за первой через пару минут прокатилась и вторая волна, еще более теплая. Унылый пейзаж потонул в море света.

— Признайтесь, такой красоты вам видеть еще не приходилось...

— Не приходилось, — согласился Новиков.

Раньше он никогда не обращал внимания на восход. Недосуд было.

— Рада, что не ошиблась в вас, — улыбнулась Илона. — Непосредственная реакция на дикую природу у человека городского полностью отсутствует. Он может воспринимать красоту лишь в адаптированном виде. И, желательно, малыми дозами.

— Наверное, вы просто любите степь.

— А разве можно ее не любить? Степь только на первый взгляд выглядит однообразной. Она очень разная, поверьте. Зимой, летом, весной, осенью, днем, вечером, утром, ночью. Она все время разная...

— Да, наверное, — задумчиво кивнул Новиков. И подумал о том, что основную часть евроазиатской степной зоны уже распахали под

посевы пшеницы и кукурузы. Северный Туркестан, Забайкалье и Монголия — вот, пожалуй, и все места, где еще сохранился нетронутый цивилизацией пейзаж. Здесь, например, оказалась слишком высока засоленность почвы. Уездные фермеры сначала пытались найти денег на рекультивацию и обессоливание, но так и не смогли убедить потенциальных инвесторов...

«Лежбище», как назвала его Илона, выглядело солидно. Просторная землянка в полный рост с деревянным щитовым полом и двускатной деревянной крышей. Все было сделано надежно и аккуратно. Илона откуда-то выудила спиртовку и быстро нагрела в металлической кружке воду для кофе. После первых же глотков обжигающей черной жидкости Новикову стало легче.

— Интересное у вас убежище, — заметил он. — Сами возводили фортификационное сооружение?

— Ученики помогали. Старшеклассники.

— А зачем, если не секрет? Вы тут отработывали с ними действия пехотного взвода в обороне?

— Мы тут наблюдали за крапчатыми сусликами в их естественной среде обитания.

— Мне казалось, что вы детей истории России обучаете, — искренне удивился Новиков.

— И истории, и биологии. Учителей в школе не хватает. Меня попросили — я не смогла отказаться. Я ведь диссертацию по социальной философии в свое время защищала. А философия, согласитесь, все же ближе к истории, чем физика или математика.

— Тогда я ничего не понимаю, — сознался Новиков. — Вы биолог или философ?

— Если быть совсем точным, я — этолог. Предваряя ваш вопрос, отвечаю: этология — это наука, которая изучает поведение животных... Вы, Дмитрий, не старайтесь понять все сразу. Давайте я вам еще воды для кофе подогрею.

— От кофе не откажусь. Может, просветление в голове наступит. А то странно все как-то... Биолог, простите, этолог, кандидат философских наук и очень красивая женщина. Как это может быть связано с сельской школой да еще в такой, извините, глуши?

— И что я могу вам на это ответить? Хотя мне действительно льстит ваша оценка моих внешних данных.

— Но вы допускаете, что слишком выделяетесь на общем сельском фоне, — не отступал Новиков.

— Допускаю, — кивнула Илона. — Но я очень стараюсь. Не выделяться...

— У вас плохо получается. Вы ведь не сибирячка.

— С чего вы взяли? Я коренная омичка.

— Уж простите, не поверю...

— А вы наблюдательны, господин инженер. Я родилась в Омске, но выросла действительно не в Сибири. Меня воспитывал дед по отцовской линии. Мой отец — латыш. А у деда хутор под Лиепаей. Вернулась я в Омск уже после окончания биофака Тартуского университета... Ну, вот. Разболталась я с вами. Простите, Дмитрий, но мне Удачу нужно распрячь. Да и дневник наблюдений заполнить. Поскучайте некоторое время...

Прихватив с собой кружку с кофе, Новиков устроился на краешке деревянного ската. Солнце уже довольно высоко поднялось над горизонтом. Потеплело. Удача, освобожденная от упряжи, пощипывала ковыль. Илона принесла из телеги кожаный кофр, на котором Новиков заметил логотип Санкт-Петербургского оптико-механического завода, достала из него внушительную оптику и закрепила на штативе.

Новиков хмыкнул. Дорогой прибор. Да и штатив не из дешевых — телескопический. На все это понадобился, видимо, не один месячный оклад школьного учителя. Поток его мыслей опять вернулся в привычное русло. Отчет уездного дознавателя Новиков прочитал уже столько раз, что знал его почти наизусть. Классический случай Сибирской горячки, словно из учебника. Пострадавшие — два оператора зерноуборочных комплексов. В приложении было несколько протоколов допросов бригады. Отдельным протоколом оформлен допрос самого бригадира Плотникова.

На полях «Победы» бригада работает второй год. Ни с кем из местных жителей операторы не знакомились. Элитный отряд сельского товарного производства. Так что в протоколах допросов бригады никаких зацепок. В протоколе допроса управляющего тоже ничего интересного Новиков не заметил. Правда, ему показалось странным, что управляющего «Победы» в тот момент не оказалось на месте. Как это можно понять? Идет уборка. Пшеница рекой стекается на ток. Самый, можно сказать, ответственный момент. А управляющий уезжает в Русскую Поляну. И повод-то незначительный. Может, конечно, к любовнице ездил, поэтому и несет теперь всякую околесицу. Сознаться боится. Но проверить его не помешает. Недаром этот Василий Васильевич ему сразу не понравился...

Электронный блокнот, к радости Новикова, оказался в кармане. Он поставил пером знак вопроса напротив фамилии управляющего, а потом еще раз проглядел результаты технического анализа. Накануне вечером Жора завершил загрузку «объективов» на всех, кто проживал в центральной усадьбе товарищества и в двух его отделениях. Из по-

лутора тысячу человек вычислитель сразу выделил сотню. Это те, кто попал в круг подозреваемых лиц не менее чем по одному ключевому параметру. Поиск по трем параметрам сузил круг подозреваемых до 15 фамилий. Но был один подозреваемый, который соответствовал всем десяти ключевым параметрам — Илона Яновна Райнис, учитель поселковой средней школы.

Вообще-то, уникальный случай, когда технический анализ дает такой точный результат. Прямо хоть сейчас предъявляй Илоне Яновне обвинение. Но Новиков не торопился. Именно уникальность его и смущала. Малефики хитры и осторожны. Если бы гражданка Райнис действительно была малефиком, то не стала бы так откровенно подставляться. В общем, спешить не стоило. Да и технический анализ — это еще не доказательство. Согласно Уголовно-процессуальному кодексу и Федеральному закону «О малефиции», на его результатах не могла строиться доказательная база...

— Вы не слишком скучаете? — Илона оторвалась от оптики и сделала пометку в тетради. — А то потом всем расскажете, что я завезла вас в глушь и бросила. Мне стыдно будет.

— Скучать в вашем присутствии невозможно. А если вы разрешите мне заглянуть в трубу, то я вообще стану самым счастливым человеком на свете.

— Неужели вас так просто можно сделать счастливым?

— А вас нельзя?

— Боюсь, мне для этого нужно нечто большее...

Новиков прильнул к окуляру.

— Ничего не вижу. Впрочем, нет, уже вижу. Там действительно суслик...

— А вы ожидали увидеть слона? — Илона рассмеялась. — И что делает этот суслик?

— Стоит. Столбиком. Головой крутит. Теперь исчез. Теперь опять появился. Опять головой по сторонам крутит...

Новиков оторвался от окуляра. Нет, без оптики не разглядеть — слишком далеко.

— Вы так рано встаете и проезжаете такое большое расстояние, чтобы посмотреть на этого грызуна?

— Ну, не только на него. В районе курганов обитает несколько колоний грызунов. Эта — самая большая. И самая замечательная. Я на нее случайно наткнулась и уже два года веду дневник наблюдений. Просто потрясающий результат!

— Вы шутите...

— Нисколько. У этой колонии крапчатых сусликов очень высокая степень социальности. Особь, которую вы видели, патрулирует терри-

торию. Причем в разные дни колония выставляет разное количество патрульных. Сегодня охраняется весь периметр. Почему? Видимо, именно в это время высока вероятность появления их главных врагов — степных сарычей. Я насчитала сегодня двадцать охранников. У них очень четкая задача — вовремя предупредить группу о приближающейся опасности. Питаются они в строгой очередности. Причем за год еще ни разу не ошиблись в оценке опасности.

— Вы не преувеличиваете?

— Нисколько. Смотрите сами. — Илона махнула рукой. — Вон там, над курганами, если присмотреться, уже можно различить три темные точки. Это сарычи. Когда хищники подлетят поближе, прислушайтесь.

Через несколько минут точки в небе приобрели классические формы хищных птиц. Три сарыча беззвучно парили над курганами. Новиков прислушался и одновременно прикинул к окуляру. В густой траве он уже не смог разглядеть ни одного грызуна, но их пересвист стал громче.

— Слышали? — шепотом уточнила Илона. — Заблаговременно подаю сигнал к отходу.

— И что теперь?

— Колония на некоторое время заляжет по норам. Когда сарычи сообразят, что ловить им здесь уже нечего, то найдут более доступную дичь у других курганов и улетят обратно — к месту гнездования. Примерно на час-полтора мне придется сделать перерыв в наблюдениях. И в это время я смогу покормить вас бутербродами.

— Вы удивительная женщина, — заметил Новиков. — Зачем вы привезли меня в степь?

— Еще не догадались? — Илона хитро прищурилась. — Думайте, думайте, господин инженер. Это именно то место, где очень хорошо думается...

007.

Карта получилась что надо. Масштаб — один к десяти тысячам. Жора постарался на славу. Линии напряженности М-поля вычертил с точностью до одной сотой. Красные и зеленые изгибы замкнутых полевых контуров плавно растекались по центральной усадьбе и по двум отделениям «Победы», образуя причудливые узоры.

— Нет слов, Георгий. Мое восхищение. Сколько замеров сделал?

— В пятистах точках, — гордо сказал Жора. Похвала Новикова пришлась ему по душе. — Напряженность М-поля, в принципе, средняя для такой территории. Чуть повыше на восточной окраине, но тоже в пределах допустимых отклонений. Несколько значений в центре

тоже оказались чуть выше средних. Небольшой зубчик есть и в рай-оне кафе. Но посмотрите сами, Дмитрий Евгеньевич, какой странный всплеск вот здесь...

Жора ткнул пальцем в красный зигзаг. Новиков пригляделся. В центр полевого контура попадало несколько строений.

— Контора, школа и конюшня, — пояснил Жора. — Вы не думай-те, я по три раза перепроверял результаты замеров.

Новиков несколько минут молча разглядывал карту. Повышенная напряженность М-поля оказалась в том районе, где часто бывает Илона Райнис. Это знает Новиков. Этого не может не знать и Жора. Да и в результаты электронного поиска он тоже заглядывал. В этом можно не сомневаться.

Школа и конюшня... Мог ли Жора подправить показания прибо-ра? Теоретически, да. На практике подделка легко выявляется. И про-щай тогда Жорина блестящая карьера в управлении. Рапорт и отстав-ка. По собственному желанию, так сказать. В любом случае, Жорин намек Новиков понял. И принял к сведению. Факты вещь упрямая. А смутные подозрения и логические конструкции, уважаемый Дмитрий Евгеньевич, к делу не пришьешь...

— Где Вера?

Жора опустил глаза.

— Она сказала, что больше в зернохранилище ни ногой.

— Это почему же?

— Она сказала, что плевать хотела на всю вашу маскировку.

— Значит, бунт, — пробормотал Новиков.

— Я, конечно, извиняюсь, Дмитрий Евгеньевич. Но эта курица в чем-то права. Сколько дней мы здесь ковыряемся? Скоро я эту су-шилку действительно соберу...

Жора вздохнул и обвел взглядом обширное помещение зернохрани-лища. Они приходили сюда каждый вечер, когда заканчивалась вторая рабочая смена, брали ключи от подсобки у хмурого цехового мастера по имени Вадим и несколько часов делали вид, что работают. Основная нагрузка ложилась, естественно, на Жору. Вера по приходу забивалась в угол бытовки и принималась читать дамские романы, огромные запасы которых она обнаружила в доме у Анжелики Ивановны. Новиков во-обще ничего не замечал. Он задумчиво бродил по пустому зернохрани-лищу, что-то бормотал и перелистывал на ходу свою папку с бумагами. А Жора оказался мертво прикован к ящикам с оборудованием.

От нечего делать он рассортировал их при помощи ручных талей, открыл, очистил оборудование от консервирующей смазки и подгото-вил к монтажу. Не трогал только электрическую часть и автоматику сушилки. Вещь импортная. Мало ли что...

— Так где, говоришь, Вера?

В голосе Арбитра послышался металл. Жора благоразумно решил с ним не спорить.

— На автобазу пошла, — признался он. — Помните водителя, который нас подвозил на молоковозе. Толиком его зовут. Вот с Толиком у нее эта... любовь. Он ее на молоковозе по вечерам катает, а она и счастлива, дурочка. Нет, слаба все-таки наша Вера на передок!

Новиков нахмурился. Задумчиво пожевал нижнюю губу. Но промолчал. И больше в тот вечер к этой теме не возвращался. А ранним утром сорвался в соседнюю деревню — «Рассвет». За ним, как заметил Жора, прислали машину из уезда. Вернулся поздно, когда Жора уже спал. Спрятал свою «Осу» и снова ушел.

Той ночью усталый, грязный и злой Новиков хотел только одного — помыться. Поэтому забрался на верхнюю полку парилки и лежал там до тех пор, пока мог терпеть. Хорошо, что баня в этот поздний час была пустой — никто не мешал. Потом он смыл с себя первый слой липкой грязи и снова нырнул в парилку. И так три раза...

В «Рассвете» страсти бушевали целый день. И было от чего. За сутки погибли сразу два пайщика — тракторист и электрик животноводческого комплекса. Электрик получил наряд на ремонт силового оборудования, которое приводит в движение выгребной элеватор. Отключил питание на распределительном щите, как и положено, но по каким-то причинам забыл повесить на щит предупредительную табличку. Через двадцать минут пришел оператор кормораздатчика. Обнаружил, что электричество отсутствует. Не долго думая, он пошел к щиту и включил рубильник. А в это время электрик стоял по колено в жиже. Триста восемьдесят вольт согнули его в баранку. Одно успокаивает, что мучился недолго.

Хуже пришлось трактористу. Тот возвращался вечером домой и решил сократить путь. Почему он не заметил ограждение вдоль силосной траншеи — никто так и смог понять. Ограждение было. Инженер по технике безопасности клялся и божился, что было. Тем не менее трактор вместе с трактористом ухнул в четырехметровую траншею, до отказа заполненную густой силосной массой, на скорости тридцать километров в час.

Спихватились только утром. Сначала долго искали трактор. Потом искали тягач, чтобы вытащить его из траншеи. Пока цепляли крюк тягача за трактор, еще один механизатор чуть на дно не ушел. В общем, тракторист задохнулся. И выражение ужаса, застывшее на его лице посмертной маской, Новиков не сможет забыть, наверное, еще долго. Он ни минуты не сомневался в том, что происшествия в «Рассвете» — дело рук того же малефика, который наслал Сибирскую го-

рячку на операторов из бригады Плотникова. И сейчас это чудовище ходит где-то неподалеку...

В кухне Илоны горел свет. Жила она прямо в здании школы. В небольшой однокомнатной квартирке. Все прежние проекты сельских школ предусматривали такое жилое помещение в дальнем крыле. По мысли архитекторов, здесь могли временно разместиться молодые педагоги, пока для них строится более комфортабельное жилье.

Новиков наклонился к земле, на ощупь выбрал камешек поменьше и осторожно бросил его в окно. Он не понимал, почему пришел к Илоне. Ноги сами принесли.

— Кто там? — После непродолжительной борьбы с шеколдой она выглянула в темноту. — Вот уж не ожидала увидеть именно вас, господин инженер. Какими судьбами? Бойскаутское детство вспомнили?

Новиков пожал плечами.

— Ну, заходите, раз пришли.

— А как?

— Через окно, естественно. В принципе, ко мне можно попасть и через главный вход, но там сидит школьный сторож, а мне бы не хотелось, чтобы он вас видел. Да, подождите секунду, пока я свет выключу.

С первой попытки Новиков потерпел неудачу. Нога соскользнула с цоколя.

— Навык потерял, — смущенно прошептал он, потирая ушибленный локоть. — Давно не заходил в гости через окно. Уже лет двадцать, как минимум.

— Еще одно такое громкое падение — и завтра весь поселок будет знать, что по ночам в мои окна залезают мужчины, — прошептала ему в ответ Илона. — Давайте же вашу руку, Дима!

Вторая попытка оказалась более удачной. Новиков перекинул себя через подоконник. Правда, умудрился зацепиться за что-то карманом куртки. Он присел на табурет и прикрыл рваную дыру рукой.

— Не огорчайтесь. Я залатаю вашу куртку. Будет, как новая, — успокоила Илона. — У вас лицо какое-то странное. Неприятности?

— Не обращайтесь внимания. Я к вам не жаловаться пришел. Просто увидел свет в окне и понял, что не смогу вернуться к себе в гостиницу, если не увижу вас прямо сейчас. Это глупо, да?

Лицо Илоны скрывала темнота. Она вздохнула.

— Почему вы молчите? У меня нет ни единого шанса?

— Не знаю, если честно. Вы мне сразу понравились, Дима. Но лучше бы вы ушли...

— Не выгоняйте. Я не уйду. Буду, если хотите, спать на коврик в прихожей, гавкать на непрощенных гостей и сторожить вашу квартиру...

— Может, вы чаю хотите?

— Да. Я хочу чаю. А покрепче у вас ничего нет? Хотя, да, откуда...

От голубого пламени газовой конфорки стало чутьочку светлей. Некоторое время оба молчали, слушая тихое бормотание закипающего чайника.

— Знаете, Илона, со мной с некоторых пор странные вещи стали происходить, — прервал молчание Новиков. Он склонился над маленьким столом и сжал голову двумя руками. — Я, наверное, сумбурно говорю... Вы только не пугайтесь. У меня есть неожиданное предложение. Давайте уедем вместе.

— Куда? — Брови Илоны взлетели вверх.

— Это не важно. Куда-нибудь. Подальше от «Победы». Зачем вы живете в этой глуши? Что вас здесь держит — муж? Мы уедем, куда скажете — в Омск, в Саратов, в Мурманск, в Лиепаяу, в Крым. Я знаю замечательное место на восточном побережье Крыма, куда не добираются туристы. И море там красивое. Море, на самом деле, не хуже, чем степь.

— Мы там будем жить долго и счастливо. И умрем в один день...

— Илона достала из шкафчика заварочный чайник, ополоснула его кипятком и засыпала щепотку сухой смеси из серого бумажного пакета. — Муж меня не держит. Мы развелись пять лет назад. Да и замужество продлилось недолго — ровно три месяца. Не возражаете против рябины с шиповником?

— С шиповником? Нет, не возражаю. Но я так и не услышал ответа... Мне сложно сейчас вам все объяснить. Если не хотите уезжать со мной, уезжайте одна. Я вам помогу. У меня не очень много денег, но на первое время вам хватит. Вы же уехали из Омска, так почему не хотите расставаться с этой деревней?

— В тот момент я оказалась в сложной ситуации. — Илона вздохнула. — И выбора у меня не было. Кафедру социальной философии в университете расформировали по решению Большого Жюри, а философский факультет перепрофилировали в богословский. Знаете, что после этого следует?

— Знаю, — кивнул Новиков. — Оргвыводы.

— Я была счастлива, когда мне разрешили занять место учителя в этой сельской школе. Да и то, знаете, спасибо директору. Она сильно рисковала.

— Сочувствую. Запрет на профессию — это неприятно...

— А сейчас мне никто ничего не сможет запретить. Я занимаюсь своей научной работой. Когда закончу эксперимент, то сяду писать докторскую диссертацию. Так что отъезд в мои планы никак не вписывается. И не уговаривайте...

— Поверьте, вам грозят гораздо худшие неприятности, чем тогда.
— Что может быть хуже, чем невозможность заниматься любимым делом? Не знаю, что вам про меня наболтали, но я уверена — все будет нормально. Вы пейте чай, Дима. Он остынет.

Новиков сделал большой глоток и поперхнулся. Напиток оказался слишком горячим.

— Я вас понял, — сказал Новиков. — У вас здесь есть друзья?

— Друзья... — Илона задумалась. — Боюсь, у меня уже не тот возраст, когда быстро приобретаешь друзей. Все мои друзья остались в Тарту и Лиенае.

— А враги?

— Ну и вопросы у вас... Мне кажется, врагов я тоже не успела нажать. Что еще вас интересует?

— Все. Как жили последний месяц, с кем встречались, что говорили и кому, куда уезжали и когда. Не заметили ли вы чего-нибудь странного в поведении соседей и ваших знакомых?

Илона пристально посмотрела в глаза Новикову.

— Я вам, если помните, рассказывала о социальной активности животных, — произнесла она, доливая чай в его кружку. — Так вот. Социальность, Дима, обусловлена весьма банальной причиной — стремлением к выживанию. Это базовая потребность любого животного — выжить. Именно поэтому они сбиваются в стаи, стада, табуны, группы. Но внешняя среда изменяется быстро. И если бы поведенческие типы формировались у животных только генетическим путем, то есть передавались по наследству в виде условных рефлексов, то большинство видов, можете мне поверить, давно бы исчезло. Но животные научились передавать поведенческие навыки более оперативно — негенетическим путем. Этологи называют такой способ «сигнальной наследственностью»...

— Не улавливаю вашу мысль, — признался Новиков.

— Хорошо, постараюсь выразиться яснее, — вздохнула Илона. — Внутри любых социальных групп выживают не все, а лишь некоторые — ядро сообщества, которое находится на верхних этажах социальной структуры. А периферийные особи — это некий буфер между этим ядром и агрессивной внешней средой. Попросту говоря, потенциальные смертники. И во внутривидовой борьбе, Дима, жертву уже не спасают такие формы защитного поведения, как устройство нор или миграция. Социальная особь, мигрирующая в одиночку, станет либо добычей хищников, либо будет вынуждена примкнуть к другой социальной группе, где ее ожидает аналогичная роль подчиненной особи-смертника. Теперь я ответила на ваши вопросы?

— Теперь, да, — согласился Новиков. — Только очень уж безысходная у вас получается теория.

— Ничего не поделаешь. Это общая теория эволюции биологических систем...

008.

— Только этого нам не хватало!

Жора брезгливо сбил на лету буро-зеленое насекомое размером с палец и тщательно растоптал его каблуком. Саранча наступала второй день. До жилья она не добралась, но в семи километрах от центральной усадьбы «Победы» все поля покрылись сплошным ковром из непрерывно жующих насекомых, которые уничтожали на своем пути все, что можно было съесть хотя бы теоретически. Густая туча пруса встала на крыло в степях Северного Туркестана, без особого труда преодолела полтысячи километров, перемахнула через границу и опустилась на крайнем юге Омской губернии. Поля «Степного», «Рассвета», «Южного» и «Целинного» саранча зацепила только краем. Зато «Победе» не оставила ни малейшего шанса...

Вспышки популяции пруса, да еще такой поздней, не ожидал в этом году никто. Не хватало и ядохимикатов для обработки пораженных саранчой полей. На складе Агрохимической компании нашлось всего три бочки, да и те завалились с позапрошлого года. Чисто случайно. Из трех специализированных самолетов два стояли на плановом ремонте, а за недельную аренду оставшегося самолета компания запросила такую сумму, что управляющего «Победы» чуть инфаркт не хватил.

Пока старший агроном метался в панике между полями и поселком, управляющий обрывал телефон, пытаясь получить помощь от какой-нибудь из многочисленных федеральных структур. С большим трудом он нашел небольшой запас ядохимикатов на уездном складе территориальной управы Министерства по чрезвычайным ситуациям. Пока расставлял людей, чтобы начать опрыскивание полей хотя бы вручную, уголившая первый голод саранча уже начала опустошать яйцеклады. На одном квадратном метре дотошный старший агроном насчитал 120 кубышек. В каждой такой кубышке было около ста яиц. Следующей весной из них прожорливым потоком ползут личинки пруса. Так что поддержка с воздуха требовалась срочно...

Жора затоптал окурки и покосился на Новикова, который стоял рядом и подозрительно молчал. Накануне вечером Новиков опять встретился с управляющим. О чем-то они поговорили на повышенных тонах. Новиков вернулся в гостиницу в расстроенных чувствах. К тому же он третий день не вспоминал про зернохранилище и про «легенду». С тех пор как съездил в «Рассвет».

В тот вечер Жора забрал ключ от бытовки у привычно хмурого Ва-

дима, прождал в пустом зернохранилище полтора часа, но так никого и не дождался — ни Веры, ни Новикова. Весь вчерашний день он не высовывал носа из гостиницы. Провалился в ступоре на койке. Только на обед сходил. А Вера перестала появляться даже в кафе. Совсем на Толике своем заклинилась...

— Поедешь со мной, Георгий? — безразличным тоном поинтересовался Новиков.

Жора с готовностью кивнул. Во-первых, если начальство предлагает работу, то лучше от нее не отказываться. Во-вторых, он готов был поехать куда угодно, лишь бы не оставаться одному в опостылевшей гостинице.

— Тогда захвати оборудование. Хочу напряжение М-поля замерить.

— Так вы считаете, что саранча...

— Я еще ничего не считаю. Но и в такие совпадения тоже не верю.

Жора собрал рюкзак за полторы минуты и выскочил на крыльцо в тот момент, когда во двор гостиницы свернула машина управляющего — полноприводный «Скаут» Нижегородского автозавода.

— Павел, — представился усталый парень за рулем. На вид ему было не больше двадцати. — Василий Васильевич не смог приехать.

— Ничего, — сказал Новиков, устраиваясь на переднем сиденье. — Мы понимаем.

— Он просил передать, что машина в вашем распоряжении до вечера.

Как только миновали последние дома поселка, лобовое стекло яростно атаковала саранча. Павел включил дворники и сбросил скорость. Новиков обернулся к Жоре, который расположился сзади в обнимку со своим рюкзаком.

— Ты за свой радиотелефон на меня не обижайся, Георгий. Приедем в Омск, я тебе новый аппарат куплю...

Жора и сам не понимал, зачем прихватил с собой телефон. Из вредности, наверное. Новиков считал, что никакой связи с внешним миром у полевого Трибунала быть не должно. О чем и предупредил Жору с Верой еще перед командировкой. В своей обычной манере, которая не предполагает обсуждений. Жоре это не понравилось. Вот он и взял свой аппарат. Хотя и звонил-то по нему всего пару раз. В первый раз подруге, а во второй — матери. И сразу попался.

Когда Новиков увидел в руках Жоры радиотелефон, то разъярился не на шутку. Выхватил и тут же приложил его об угол. Пискнув на прощанье, трубка скончалась. Что было потом, Жоре и вспоминать теперь стыдно. Он тоже не сдержался. Высказал Новикову все,

что думает о его методах руководства, и быстро заперся в своей комнате...

Чем дальше они удалялись от поселка, тем медленнее продвигались вперед. Саранча так густо облепила лобовое стекло, что дворники уже не справлялись. Павел сбросил скорость до минимума и вел машину почти вслепую.

— Все! — Водитель не выдержал и заглушил двигатель. — Дальше не могу. Так и в кювет загреметь недолго!

— А ваши «отравители» далеко отсюда работают? — поинтересовался Новиков.

— Мы до них совсем немного не доехали, — обрадованно пояснил Павел. — Метров через сто должен быть поворот на третий проезд. Они на этом проезде расположились. Как трактор с бочкой увидите, в том направлении и идите. А я вас тут обожду...

Жора выскользнул из машины и быстро захлопнул дверь. Такой мерзости ему видеть еще не приходилось. Казалось, все окружающие предметы состоят из шевелящихся насекомых. Сплошная копошащаяся и стрекочущая масса буро-зеленого цвета накрыла машину, поле, дорогу. Когда эта масса приподнималась с земли, воздух тоже становился живым...

Новиков сразу спрятал голову под курткой. Жора последовал его примеру.

— Впечатляет, — заметил Новиков и обернулся к Жоре. — Трактор с бочкой видишь?

— Нет.

— Я тоже не вижу. К тому же ничего не слышу из-за этого стрекотания. В общем, сделаем так. К «отравителям» мы не пойдем. А то и машину свою найти потом не сможем, и ядами вдобавок надышимся. Сделаем три замера прямо на дороге. Через каждые сто метров. По моим прикидкам, мы сейчас в центре стаи...

Передвигаться по дороге, оккупированной тучей саранчи, оказалось не так-то просто. Поначалу Жора пытался раздвигать ползающих насекомых ногами. Но они взлетали и тут же опять оседали на дорогу. Когда Жора увидел, что значительно отстал от Новикова, то пересмотрел тактику: стал наступать прямо на живой ковер. На громкий хруст под ногами он старался не обращать внимания...

Снимать показания пришлось вслепую. Но при всех недостатках своего характера Жора оставался профессионалом. Он справился.

— Ну и как? — поинтересовался у него Новиков.

— Сложно сказать. Коэффициент рассеивания слишком высокий. Посмотрим, что покажут замеры еще в двух точках. А лучше бы четвертую точку добавить — на перпендикуляре.

Новиков с сомнением огляделся вокруг.

— Насчет перпендикуляра ничего обещать не могу. Правда, этот паренек, как его там зовут, не помню, говорил про дорогу через поле. Чем не перпендикуляр? Если мы найдем ее, конечно...

На три замера ушел час. Оба выдохлись.

— Возвращаемся, — скомандовал Новиков. — Без четвертой точки обойдемся. А данные замеров обработаешь в машине.

— Да я и так могу вам все рассказать, Дмитрий Евгеньевич, без детализации. Кривая напряженности М-поля идет от поселка. Пиковое значение должно получиться недалеко от того места, где мы оставили машину.

Волна саранчи с шорохом приподнялась над краем поля и на пару секунд накрыла обоих.

— Да пошли вы, сволочи! — раздраженно отмахнулся Новиков. — А знаешь, Георгий, о чем я сейчас думаю? О том, как хорошо было бы оказаться дома. Прямо сейчас. Посидеть в кресле под торшером, прочитать свежую газету. Выпить порцию коньяку. Потом поесть борща. Моя супруга замечательно готовит борщ. Это ее главное достоинство, по правде сказать. А еще я хочу пройтись по городу. И чтобы не по делу, а просто так. Представляешь? Ты идешь, Георгий, а подошвы пружинят на каменной мостовой Любинского проспекта. Вокруг тебя магазины, витрины. Красивые девушки идут тебе навстречу и улыбаются. Темнеет. Фонарики кругом зажигаются. И главное, никакой саранчи. Разве не замечательно? Сколько мы дней в этой «Победе»?

— Шестнадцать, если не считать сегодняшний, — откликнулся Жора.

— Думаешь, мне здесь нравится? Я все вижу. И недоумение в твоих глазах. Вижу, что ты давно хочешь задать мне один вопрос. Спрашивай, Георгий. Самое время. В более отвратительной обстановке мы еще не скоро окажемся...

— Может быть, я чего-то не понимаю, Дмитрий Евгеньевич... — Жора упаковал оборудование, крепко застегнул рюкзак и забросил его на плечо. — Но почему вы до сих пор не предъявили обвинение этой ведьме?

Новиков усмехнулся.

— Какой именно?

— Илоне Райнис, понятное дело. И Сибирская горячка, и саранча — ее проделки. Тут и к гадалке не ходи. Вот в соседнем «Рассвете», поговаривают, тракторист с электриком погибли. Комиссия сделала заключение, что это были несчастные случаи. А ведь ее видели там накануне. После того, как она в «Рассвете» побывала, все и случи-

лось. Не верите? У нее же на лбу написано, что она ведьма. Она и вас приворожила, — заключил Жора. — Точно говорю!

— Приворожила, говоришь, — хмыкнул Новиков. — Это как?

— Очень просто: присушила. Ведьмы — они все могут! Мне одна такая в прошлом году рассказывала. Сначала они на мужика чары насылают, потом для закрепления своих чар подсыпают ему какой-то особый порошок в еду или в питье. Хлоп — и готово. В общем, если на крючок к ведьме попал, то уже никуда от нее не убежишь. Скажет: в колодец прыгать, — так и прыгнешь, как миленький. Вы, главное, не пейте ничего, что она дает. Ведьмы любят свои отвары под чай маскировать.

— И откуда, интересно, у тебя такие глубочайшие познания?

— Из достоверных источников.

— Георгий, ты это серьезно сейчас говоришь? — Новиков даже остановился. — Может, ты мне еще расскажешь, как ведьмы по субботам садятся на помело и летают на шабаш, где танцуют голыми при луне, едят мозги девственников и запивают их кровью невинных младенцев, убитых ими в чреве матерей? А еще расскажешь мне, как они плюют ядом, предсказывают будущее, а по воскресеньям тянут жилы из своих мужей. Ты где нахватался этих средневековых суеверий? В книжках сумасшедших доминиканцев?

— Насчет шабаша врать не буду — не видел. Но мужика присушить — это для любой ведьмы плевое дело. Не хотите — не верьте. Я просто предупреждаю, чтобы вы с Илоной Райнис были осторожней. Лучше, конечно, под арест ее взять. Я тут с местным приставом вчера разговаривал...

— Так, Георгий, похоже, ты опять не в свое дело пытаешься влезть, — не выдержал Новиков.

Все жители деревни, считая детей старше трех лет, уже знали о Трибунале, но это еще не означало, что каждый техник может теперь запросто болтать о делах Трибунала с представителями другого силового ведомства. Новикову такие контакты были совсем не по душе.

— Никакой самодеятельности я не потерплю, Георгий. Малефиций — это уголовно наказуемое деяние. Расследование, дознание и иные процессуальные действия по фактам малефиция производят специально уполномоченные государством лица — Арбитры. Пункт первый статьи третьей Уголовно-процессуального кодекса. А препятствование расследованию, которое ведет Арбитр, — это уже статья триста двадцать седьмая Уголовного кодекса. Срок — от трех до семи лет лишения свободы. Ты в тюрьму хочешь?

— Нет, не хочу, — буркнул Жора, пряча взгляд.

— Значит, с частным сыском завязываешь. Еще раз узнаю, что ты

разговаривал с приставом или с жандармами — упеку за решетку. И я не шучу.

Оставшуюся часть пути они преодолели уже молча...

009.

Когда Новиков открыл глаза, Илона уже проснулась.

— Что-то случилось?

— Просто не хотела тебе мешать. Ты беспокойно спал. Говорил во сне. С кем-то спорил, кричал...

В неплотно зашторенное окно заглядывала темнота. Судя по звуку, дождь еще не закончился. Он не прекращался вторые сутки...

Новиков подсветил циферблат часов. Ровно четыре. Потом спустил ноги с тахты и сел, сторбившись. В голове крутились обрывки сна. Опять кошмар. Он куда-то бежал. За ним гнались. Но не люди, а какие-то насекомые, похожие на сусликов и с прозрачными крыльшками, как у саранчи. Он в них стрелял, но никак не мог попасть. Две полные обоймы патронов тридцать седьмого калибра. Такой дозы свинца хватило бы, пожалуй, и слону...

— Я должен тебе все рассказать.

Илона промолчала.

— Никакой я не инженер...

— Я знаю. Если хочешь сказать, что ты Арбитр, то я и сама обо всем догадалась. Это нетрудно. Сначала две смерти от Сибирской горячки, потом приезжает жандарм из Русской Поляны, а после появились вы — якобы инженеры. Как ты помнишь, мне уже приходилось иметь дело с Арбитрами из Большого Жюри. У них такой же взгляд, как у тебя, Дима... Ты меня в чем-то подозреваешь?

— Если честно, не знаю. Я просто схожу с ума. Как все эти крестьяне. А может, Сибирская горячка — это и не болезнь вовсе? А если крестьянам открывается какая-то истина, узнав которую и умирать не страшно? Ведь все они умирали с улыбкой. Я видел множество фотографий. Они выглядят счастливыми. Почему же никто на это не обращает внимания? Не знаешь? Вот и я не знаю. Скажи, когда ты последний раз была в «Рассвете»?

— На прошлой неделе, кажется.

— Зачем?

— Проверяла работы. У них в школе проводили тестирование по биологии среди старшеклассников. А что?

— Нет, ничего. Пока я еще держу ситуацию под контролем. И мое мнение имеет определенный вес. Но это всего лишь мнение. Догадки, логические умозаключения. А есть факты. Малообъяснимые, непонятные и неприятные...

Новиков замолчал. В тишине был слышен жестяной стук тяжелых дождевых капель, разбивавшихся о карниз. По ногам потянуло холодом. Новиков с большим трудом подавил желание закурить. В последнее время такое желание возникало у него все чаще, а справляться с ним становилось все трудней...

— Я так долго тебя искал. И теперь очень боюсь потерять.

— Мы встретились не в самое лучшее время, Дима. — Илона вздохнула и потянулась к торшеру. — Может, ты поспишь? Время еще есть.

— Не могу.

Натянув рубашку, он ощупью пробрался на кухню и по дороге опять приложился коленом о косяк. Тихо выругался, энергично растер колено и потянул на себя ручку холодильника. Как назло там осталось только молоко. Новиков поморщился. Молоко он ненавидел. Родители считали, что оно богато кальцием, поэтому крайне полезно для формирующихся костей. И маленькому Диме приходилось пить его литрами.

Недолго думая, он набрал в стакан холодной воды из-под крана. На его вкус она оказалась солоноватой. Все южные территории губернии добывали питьевую воду из артезианских скважин. Впрочем, сейчас в пресной питьевой воде недостатка не было. Она струйками стекала по мокрому оконному стеклу и бурными потоками разливалась по асфальту школьного двора. А лужи при этом пузырились и пенились...

Илона завернулась в махровый халат и свернулась калачиком поверх одеяла. Новиков прилег рядом.

— Я скоро вернусь. Время пролетит быстро, даже заметить не успеешь.

— Успею. У тебя есть дети?

— Сын. Ему тринадцать.

— Ты счастливый. Я тоже всегда хотела родить мальчика. Не получилось.

— А почему же развелась с мужем?

— Не поверишь. Он за три месяца успел переспать со всеми моими коллегами. Может, я и не права, конечно. Может, не со всеми, а только с тремя...

— А ты роди сына от меня, — предложил Новиков. — Я знаю, ты будешь ему хорошей матерью. Со своей стороны обещаю стать ему хорошим отцом. Я обязательно отыщу малефика. И мы сразу уедем. И поселимся там, где теплее. В Крыму, например. Ты мне веришь?

— Нет, не верю. Извини, Дима, но ты и сам себе не веришь. Выживание не для всех...

— У нас есть разум, а у животных только инстинкты. — Новиков уткнулся носом в ямочку на тонкой шее, втянул воздух и задержал дыхание. От волос Илоны пахло чем-то очень знакомым. Горьковато-дымным.

— Это распространенное заблуждение. Якобы разумная деятельность человечества сформировала культуру, которая уравнивает шансы на выживание. Чтобы ты знал: у животных тоже есть культура. И даже не в зачаточном состоянии, как принято думать. Я тебе потом про нее расскажу, если захочешь. Это как раз по теме моей будущей докторской диссертации. О специфических особенностях сигнальной наследственности в больших социальных группах.

— Я как всегда не понимаю больше половины из того, что ты говоришь. Мне иногда кажется, что ты сознательно издеваешься над малограмотным. Вот и книжку подсунула такую, что я над ней всю голову сломал...

— Прочитал? — удивилась Илона.

— А то! «После смерти господина Паскаля тело его вскрыли и обнаружили, что желудок и печень его сморщены, а кишки в гангрене. Но самое удивительное было обнаружено при вскрытии головы. Оказалось, что череп его не имел швов, кроме лямбдовидного, что, очевидно, и было причиной сильнейших головных болей, коими он страдал всю жизнь». Волевой был мужчина.

— Это единственное, что ты запомнил?

— Кое-какие мысли мне тоже показались любопытными. Вот, например, такая: «Мы почти не думаем о настоящем. Мы вспоминаем прошлое и предвкушаем будущее, словно хотим поторопить его слишком медленный шаг. Мы так легкомысленны, что мечтаем о воображаемых временах и бежим от единственной существующей действительности. Настоящее никогда не бывает нашей целью. Только будущее — наша цель. Получается, что мы вообще не живем, а лишь собираемся жить. При этом постоянно надеемся на счастье, но никогда не добиваемся его, и это неизбежно».

— Для первого раза вполне достаточно. — Голос Илоны повеселел. — Ладно, одевайся, любимый. Иди и думай о настоящем!

Сверху на куртку Новиков натянул красный дождевик из толстого полиэтилена. Подарок от завхоза. Цвет, конечно, демаскирующий, но уж очень не хотелось мокнуть под дождем. Даже пластик дождевика не успевает просыхать, а уж куртка неминуемо расплзлась бы за это время по швам.

Покидать квартиру через окно Новиков уже приноровился. Правда, на этот раз он приземлился не слишком удачно — в лужу. Прежде чем натянуть капюшон, посмотрел по сторонам. Никого не заме-

тил. Потом обернулся и помахал рукой Илоне. Она махнула ему в ответ и тихо прикрыла раму...

На подходе к гостинице Новикова кольнуло нехорошее предчувствие. На часах только половина шестого, а в окнах Жоры горел свет. Да и Жора, как заметил Новиков, уже сидел на кровати одетый. Это Жора-то, который при любой возможности мог проспать до обеда.

Открывая входную дверь, Новиков прислушался. На всякий случай снял пистолет с предохранителя и переложил поближе — в карман куртки. Все последние дни он с оружием не расставался.

— Дмитрий Евгеньевич! — выскочил ему навстречу Жора. — У нас проблема, Дмитрий Евгеньевич! Очень большая проблема!

Судя по всему, он поджидал Новикова давно. А то и вообще не ложился спать...

— Георгий, не суетись. Давай по порядку. И без эмоций, если возможно.

— Так я и даю, — выпалил Жора. — По порядку и без эмоций. Вера пропала!

— Как пропала? Куда пропала? — В первую секунду Новиков растерялся.

Оказалось, что Веру никто не видел уже несколько дней. Сначала Жора не волновался. Мало ли, все бывает, загуляла девушка. Потом не выдержал и пошел в гости к Анжелике Ивановне. С целью мягко навести справки. Но и хозяйка Веру давно не видела. Мало того, несколько дней, по ее словам, не появлялся на работе и Толик.

Об этом Толике Анжелика Ивановна вообще была не самого хорошего мнения. Не пара он для Веры. Ох, не пара! Она и ей говорила об этом. Но ведь вы знаете Веру — своенравная девушка. Никого не слушает. Сначала перестала разговаривать, а потом и вовсе к Толику съехала. А у этого Толика с головой проблемы. Хотя, может, и не с головой, но проблемы есть. Станный он. Ни с кем не дружит. Два года один живет. С тех пор как родителей схоронил. Да и родители его очень неожиданно умерли. Молодые еще были. Обоим чуть за пятьдесят. Два с половиной года назад мать вдруг захворала и слегла. Буквально за месяц высохла, как тростиночка. Врачи ничего так и не смогли сказать. А спустя полгода он и отца схоронил. Говорили, инфаркт.

Брат у него есть старший — Максим. Так вот, он даже на похороны не смог приехать, с родителями попрощаться. Он на Камчатке служит — штурманом на атомоходе «Куриль». Толик ему телеграмму не отправил. Забыл, говорит, замотался. Ну, один раз забыл — бывает. Когда мать хоронил. Но как можно дважды забыть? Нет, дважды забыть никак нельзя.

А Максим приехал спустя полгода. В отпуск. Видимо, кто-то из соседей ему про такое дело написал. Сходил он на могилки родителей. О чем-то они с Толиком поговорили. И после этого разговора Максим весь день черный ходил, как туча грозовая. Лица на нем не было. А на следующее утро уехал. Даже не попрощался ни с кем. И еще потом говорили, что с его подводной лодкой какая-то неприятность случилась. Сам Максим чудом жив остался. Ему еще медаль потом дали — «За личное мужество»...

— Где он живет, этот Толик, знаешь? — оборвал Новиков.

Жора испуганно кивнул.

— Бегом, Георгий. Мы и так много времени потеряли...

Новиков летел вперед, почти не разбирая дороги. Жора тяжело дышал ему в затылок, но старался не отставать. Дождь тоже не давал себе отдыха ни на минуту.

— Этот дом? — уточнил Новиков. Казалось, он даже не устал.

Жора кивнул. Сморщенный от старости дом, осевший в землю чуть ли не по самые окна. Вокруг покосившийся забор. Калитка на одной ржавой петле. Перепутать он не мог.

В руке у Новикова тускло блеснул пистолет. Привычным движением он накрутил на ствол массивный шумодав, сдвинул предохранитель в сектор стрельбы короткими очередями и передернул затвор. Патрон в стволе. К бою готов...

— Пошли. Только тихо. Не привлекая внимания.

За соседним забором сонно тявкнула собака. Откликнулись псы из ближайших дворов. Скрипнула чья-то калитка. В шесть утра поселок уже просыпался...

Новиков внимательно обследовал дорожку к крыльцу. Ее когда-то регулярно посыпали битым кирпичом. Но это было давно. Сейчас весь дом выглядел нежилым. Ставни плотно закрыты. На дверях мощный засов.

— Говоришь, один жил? — уточнил Новиков.

— Ага. С тех пор как родителей похоронил.

Короткой очередью Новиков снес засов.

Из распахнутой двери потянуло чем-то затхлым. Скрипнула половица. Кто-то внутри есть... Нет, показалось...

— Останься на улице! — бросил Новиков и нырнул в темноту.

Вышел он через две минуты. Присел на мокрое крыльцо. Скрутил со ствола шумодав и неторопливо спрятал оружие в наплечную кобуру.

— Пылищи там метровый слой. Похоже, в этом доме никто не жил минимум пару месяцев.

— А где же тогда Вера?

Новиков пожал плечами.

— С Толиком, наверное. Где же еще ей быть...

010.

Управляющий сдал за последние дни. Бравые усы обвисли, лицо осунулось, а пегая щетина пробивалась неприглядными клочками. Прикоснувшись к своей щеке, Новиков вспомнил, что он тоже давно не пользовался бритвой. Недосуг было. Искал по всему уезду Толика. Вместе с жандармами. Наивный Толик полагал, что сможет от него спрятаться. Не удалось.

Новиков шел по его следу почти трое суток, неутомимый, как хорошая гончая. Мало спал и практически ничего не ел. Нашел в ста километрах от «Победы», в свинарнике, который арендовали очень дальние родственники Толика. За неделю тот выползал на воздух всего три раза. И только по ночам. Там же, в свинарнике, обнаружилась и Вера — потрепанная, грязная, вонючая, но счастливая. Впрочем, усиленные поиски оказались напрасными. Толик не был малефиком. Он был просто дурачком. Местным деревенским дурачком...

Новиков оставил его в участке уездной жандармерии. На трое суток. И попросил жандармов придержать уголовное дело о похищении должностного лица полевого Трибунала. Пусть Толик посидит в участке, подумает. Вера тоже пусть подумает. Если напишет рапорт и признается, что уехала с ним добровольно, Толика освободят из-под стражи и отпустят на все четыре стороны. Но тогда хлебать тюремную баланду придется ей. Как минимум пару лет. Да, в этом мире за все приходится рано или поздно расплачиваться, дорогая Вера Сергеевна. В том числе и за любовь...

— Ой, дядь Вася, простите, я не знала, что вы не один!

Рыжая девушка лет шестнадцати в модных брюках с бахромой заглянула в кабинет управляющего, стрельнула глазками в сторону Новикова, который прикрыл глаза, откинувшись на спинку продавленного дивана. Улыбка на ее лице сразу сменилась испугом. Дверь тут же закрылась. Узнала, видимо. Обычное дело...

Со временем Новиков привык и просто перестал обращать внимание на то, что люди его боятся. Привык и к тому, что всегда ходит по пустым деревенским улицам, ест в одиночку, а если забредает случайно в магазин или в аптеку, то оттуда поспешно исчезают другие покупатели. Сами продавцы, судя по всему, тоже были бы рады исчезнуть, но не могли. Отчего их лица становились суровыми и печальными одновременно...

— Так мы едем? — напомнил о себе Новиков.

— Да, да, конечно...

Управляющий устало поднялся, опираясь руками о массивный стол. Он тоже боялся Арбитра. Было заметно.

— Вы не знаете... э-э... Дмитрий Евгеньевич, когда же все закончится?

— Что закончится?

— Ну, все это... — Управляющий еще больше смутился.

Новиков демонстративно постучал пальцем по циферблату.

В приемной к ним присоединился Жора.

— А мне с вами можно?

Новиков кивнул. Он минимизировал свои усилия. Если и говорил, то односложно. И отвечал только на правильно сформулированные вопросы. А при возможности ограничивался жестами и мимикой. Зато Жора, как ни странно, стал проявлять в последнее время чудеса коммуникации. Активно интересовался всем, что происходит. Его активность даже раздражала, но Новиков понимал, что Жора — это так, цветочки. Гораздо больше его раздражали низкое небо над головой и многодневный ливень, который сменился теперь мелким дождичком...

Управляющий с кряхтением втиснулся в водительское кресло своего «Скаута». Новиков устроился на заднем сиденье. Вместе с Жорой. Было не очень удобно. Колени упирались в спинку переднего кресла.

— Нет, ну за что мне такая напасть, а?

Риторический вопрос управляющего Новиков проигнорировал.

— На следующей неделе внеочередное собрание наблюдательного совета. И что я скажу?

— Правду, — равнодушно сказал Новиков и отвернулся.

— А какую правду? — Лицо управляющего сморщилось. — Что третья часть урожая осталась в поле и осыпалась. Что остатки доела саранча и теперь у меня вместо полей сплошной яйцеклад. После Плотникова ни одну бригаду не удалось заманить на наши поля. Все боятся. И еще неизвестно, что будет в следующем году. А чем я буду собирать пшеницу, даже если она вырастет? Серпами? Теперь вот ящур на мою голову свалился. А вы знаете, какое у меня маточное поголовье? Даже из Подмосковья за нашими телочками приезжали. Наши коровки после второй лактации уже не молоко давали, а чистые сливки!

— Ничего, обойдется...

Управляющий только махнул рукой.

Новиков и сам прекрасно понимал, что пайщики скоро порвут своего управляющего на лоскуты. Кто-то же должен остаться виноватым. Убытки, конечно, можно списать на форс-мажор, и объявить себя банкротом. Грамотный адвокат без проблем докажет в суде, что

последствия малефиция — это обстоятельства непреодолимой силы. Вот только убытки у «Победы» оказались слишком большими.

Молодняк уже не спасти. Смертность среди молочного стада тоже грозит быть высокой. Подходящую вакцину местным ветеринарам найти не удалось. У животных обнаружилась редкая и самая страшная разновидность ящура — «тигровое сердце». Последняя эпизоотия, когда был выявлен подобный вирус, случилась лет тридцать назад. И даже не в России, а в одной из глухих северных провинций Китая. Последствия для животноводства той провинции оказались весьма плачевными — вирус выкосил половину поголовья домашнего скота.

Федеральная санитарная служба только добавила суматохи. Она свирепствовала в «Победе» уже третий день. Всю мясную и молочную переработку опечатала. Прибывшая бригада инспекторов на выездах расставила кордоны, чтобы инфицированные корма не просочились за территорию карантинной зоны. Санврачей нисколько не волновал вопрос убытков. Их заботил лишь ареал распространения вируса, поскольку во внешней среде вирус ящура сохранялся, как слышал Новиков, до нескольких недель. А при низких температурах и гораздо дольше.

Итог: даже выжившие коровы товарное молоко смогут давать еще не скоро. Да и санитарная служба еще не скоро разрешит хозяйству продавать молоко. Минимум через полгода. Заготовленные корма тоже придется уничтожить. Так что весной товариществу придется начинать с нуля. В страховые компании можно не обращаться. Если бы случилось наводнение или урожай от засухи пострадал — другое дело. А если управляющий сам треть урожая в поле оставил — с него и спрос. И за животными нужно было смотреть внимательней. Вакцинировать, в конце концов. Так что извините, господа. Заболевание крупного рогатого скота — это не страховой случай...

Шестицилиндровый движок «Скаута» молотил без напряжения. Медлительный и неуклюжий на асфальте, «Скаут» на раскисшей дороге проявлял чудеса резвости. Но Новиков ничего не замечал. Он с тоской смотрел в окно и видел мокрые поля, почти скрытые в дождевой дымке. У него опять начиналась головная боль. Аккурат над правой бровью. И неудивительно. Ботинки не успевали просыхать, носки были постоянно мокрые...

Ворота животноводческого комплекса оказались наглухо закрытыми. За ними стоял белый фургон санитарной службы, а поперек ворот красовалась кривая надпись: «Проезд категорически запрещен». Пришлось минут десять ждать. Сначала управляющий искал сторожа. Потом сторож с вытаращенными глазами бегал в поисках ключей.

— Какая вам конкретно ферма нужна? — мрачно спросил Василий Васильевич.

— Та, где первую заболевшую корову обнаружили.
Оказалось, что они ее уже проскочили. Пришлось возвращаться назад.

— А для человека ящур не опасен? — запоздало поинтересовался Жора.

Управляющий криво усмехнулся.

— В основном, нет. Если соблюдать минимальные меры предосторожности. Коров за вымя не щупать, молоко сырое не пить.

Жора покосился на Новикова. Тот вышел из машины и облачался под дождем в зеленатоватый пластиковый комбинезон с капюшоном и маской. Жора снова засомневался.

— Может, я вас в машине подожду?

— Нет, Георгий, сам напросился, поэтому будь любезен, — рассмеялся Новиков, натягивая на ботинки пластиковые бахилы, а на руки резиновые перчатки. — Комбинезон и для тебя найдется.

Сам управляющий только перчатки успел натянуть. Его тут же окружили трое молодых зоотехников и потащили за собой. Они возбужденно размахивали руками. Каждый доказывал что-то свое. Управляющий только успел крикнуть, что будет на пятой ферме...

Первое помещение оказалось пустым. Длинное и гулкое.

— М-да... — Новиков покрутил головой. Пластик шуршал и сковывал движения. — А коровы-то где? Они должны в стойлах быть.

— Ну, не знаю. — Жора испуганно оглянулся. — Где-то мычат. Я слышу. Да и зачем нам эти больные коровы? Нам коровы и не нужны. Вы же хотели помещение фермы осмотреть...

Новиков и сам уже не понимал, чего хотел и зачем вообще приехал на ферму. Думал, на месте все прояснится. Не прояснилось. Но и отступить было уже поздно. Почему бы тогда, действительно, не заняться осмотром помещений...

— Так, — заключил он. — Сколько понадобится времени на замеры?

— Полчаса, примерно.

— Встречаемся через полчаса на этом месте. А я пока по ферме схожу, осмотрюсь...

Коров он нашел. На улице, в большом летнем загоне. Внутри этого загона работали шесть девушек в защитных комбинезонах. Они ловили коров, привязывали их за рога к кормушкам и каждой обрабатывали вымя каким-то раствором. Коровам было больно. Они вздрагивали, смотрели на девушек грустными глазами и протяжно мычали, роняя изо рта густую пену. Остальные к кормушкам старались вообще не подходить, медленно перемещаясь по периметру загона. Новиков подошел поближе и разглядел на ухе крайней коровы бирку с

именем. Она сильно хромала и почти не стояла на ногах. Звали ее Хризантемой...

Жора задержался на пять минут.

— Не поверите! — возбужденно выпалил он. — Там, в одном месте, такая локализация сумасшедшая!

— Давай, веди к этой локализации.

Сам Новиков ничего особенного на ферме не приметил. Интуиция тоже помалкивала. Она молчала уже давно. Видимо, в тот момент, когда он приехал в «Победу», она и замолчала...

— Здесь, — махнул рукой Жора.

Распределительный щит. Шкалы приборов показывали, что он под напряжением. Триста восемьдесят вольт. Двадцать ампер. Над щитом балка. Сбоку — слева и справа — стояли штабеля деревянных ящиков.

— Параметры локализации? — уточнил Новиков.

— Полтора-два метра. Отрицательная.

Такой мощный фон могли давать только объекты большого размера. За ящиками не оказалось ничего. Под балкой вообще спрятать негде. Все на виду.

— Дуй, Георгий, за электриком. Пусть посмотрит внутри щита. Нет ли там, на его взгляд, лишних приборов. Впрочем, стой. Ты ничего не слышишь?

Жора прислушался.

— Нет. А что?

— Ничего, — смутился Новиков. — Послышалось, значит...

К поискам электрика пришлось подключать управляющего. Василий Васильевич безропотно согласился. Надо, так надо. Будет вам электрик, только сами никуда не лезьте...

Новиков и не собирался проявлять инициативу. Он еще не забыл случай на ферме «Рассвета», поэтому терпеливо ждал, прислонившись к стене и прикрыв глаза. Не нравился ему этот щит. И звук не нравился. Очень странный. Как будто барабаны бьют. Равномерно так. Бум-бум-бум. Сначала они били очень далеко. Теперь стали приближаться. И запах появился. На что-то очень похожий запах. На корицу? Точно — на корицу...

— Вы в порядке, Дмитрий Евгеньевич?

Это Жора. Щит открыт настезь. На руках электрика резиновые перчатки. Под ногами коврик.

— А это еще что? — искренне удивился электрик.

— Это череп, — устало пояснил Новиков. — Волчий череп. Теперь достаньте его оттуда и передайте мне. Только осторожней.

Он взял объект в руки и первым делом принялся. Запах корицы

слабый. Практически не чувствуется. На лобной кости рваное отверстие. Видимо, след от пули...

Зарвался маляфик. Стал оставлять улики. Значит, не так он всемогущ, как хочет о себе думать.

— Георгий, срочно найди пакет. Любой.

Новиков вспомнил, где видел этот череп. Или очень на него похожий. Причем, совсем недавно...

011.

— Настоятельно требую сдать личное оружие, Ваша Честь!

Жандармский ротмистр нагло ухмыльнулся в усы. За его спиной маячили два жандарма из батальона быстрого реагирования. Два красных шеврона, две пуленепробиваемые каски с защитными щитками на лицах, две автоматические штурмовые винтовки «Гюрза». Даже с плеч оружие снять поленились. И предохранители на местах. Никто не ожидает, что Арбитр может оказать сопротивление...

— В чем дело, ротмистр? Вы в своем уме?

Новиков внешне оставался спокойным.

Где же Жора? Где этот незаконнорожденный сын бабуина и каратицы? В голове опять стучали барабаны...

— У меня есть приказ о вашем немедленном аресте.

— Покажите.

Гербовую бумагу с голубоватым отливом Новиков буквально вырвал из рук жандарма и тут же порвал ее на четыре части. Не глядя. И бросил на пол.

Бойцы ББР рванули с плеч винтовки. Ухмылка ротмистра потухла. Он упал на колени и суетливыми движениями попытался собрать разлетевшиеся обрывки листа с водяными знаками.

— Да будет вам известно, ротмистр, что Арбитр полевого Трибунала при исполнении должностных обязанностей — лицо неприкосновенное. — В голосе Новикова звучала власть. — Пункт второй статьи третьей Уголовно-процессуального кодекса. Ваше начальство, ротмистр, очень плохо знает процессуальное законодательство. В данном случае ваши действия можно расценить как попытку оказать давление на Трибунал. Мало того, вы имели глупость угрожать мне оружием. А это уже Уголовный кодекс — статья сто двадцатая. Пункт четыре прим. От семи до двенадцати лет лишения свободы. Вы хоть понимаете, что наказание грозит лично вам, а не вашему начальству, ротмистр!

Жандарм переминался с ноги на ногу, сжимая в кулаке обрывки приказа. Он был растерян и не знал, что предпринять. Двое жандармов из ББР за его спиной смотрели в потолок и делали вид, что происходящее их никак не касается.

— Мой вам совет: возвращайтесь сейчас в управу и напишите в рапорте, что выполнить приказ не смогли. Причину придумайте сами. Десять суток гауптвахты — это не десять лет лагерей на острове Франца-Иосифа, поверьте. А если попадетесь мне еще раз, ротмистр, буду стрелять на поражение. Вам все ясно?

Ротмистр побледнел и пошел красными пятнами. Потом втянул голову в плечи, надул щеки, рывкнул что-то двум бойцам ББР и выскочил на улицу, громко хлопнув дверью. Те с дробным топотом бросились догонять своего командира. Спустя пару минут послышался и звук отъезжающего микроавтобуса...

И какому идиоту пришла в голову эта идея — взять под арест Арбитра? Если в жандармерии и раньше с кадровым составом были проблемы, то теперь наступил острейший дефицит. Нет, господа, ничего не выйдет. Вот когда Третий полевой Трибунал вернется в Омск, тогда и поговорим. Тогда я буду готов ответить на любой вопрос Большого Жюри. И не будут жандармы указывать Арбитра, как именно он должен вести дознание...

Новиков порылся в карманах куртки, нашел упаковку аспирина и разжевал две таблетки. Не запивая водой. С каждым днем он чувствовал себя все хуже. Голова раскалывалась на две половинки. Боль переместилась вправо и вниз — под глаза. И очень мешала думать. Кому же он помешал на этот раз? Неужели недооценил Василия Васильевича? Впрочем, без Жоры тоже не обошлось. Недаром он с самого утра не мог найти своего техника. Тот как сквозь землю провалился.

Новиков тщательно осмотрел все комнаты в гостинице. Вещи Жоры разбросаны по кровати. Остатки еды на столе. Засохшая корка хлеба. Открытая банка сардин. Недоеденная рыба на тарелке. Залапанный стакан.

Как только Новиков пытался сосредоточиться, голова начинала болеть еще сильнее. И барабаны. Если они затихали, то на очень короткое время. Просто он устал. Очень устал. Даже вчерашний вечер вспоминался с большим трудом. Хорошо, что Илону он нашел сразу. Она сидела в библиотеке. Выписывала что-то из большого тома энциклопедии Брокгауза.

— Это ты? — спросила она, не оборачиваясь. — Уходи...

— Почему?

— Больше не могу тебя видеть! Только не говори ничего. Просто уходи.

— Нет. Мне нужно с тобой поговорить. Именем Закона Российской Федеративной Республики...

Новиков закашлялся. Вроде бы привычная фраза, которую он

раньше произносил сотни раз, даже не задумываясь. И лишь сейчас неожиданно резанула ее фальшь.

— Ах, да. Прошу прощения, Ваша Честь, — язвительно заметила Илона. — Я вся в вашем распоряжении. Я теперь арестована?

— Мне нужно осмотреть школьный музей. Могу я это сделать?

— Конечно. Глупый вопрос. Арбитрам можно все. На счет сексуальных услуг тоже не беспокойтесь, Ваша Честь. В любое время дня и ночи...

Новиков молча выложил на стол томик Паскаля, который несколько дней таскал с собой. Его бросало в пот. Трое суток он практически не спал. А теперь вот пришел допрашивать женщину, которая была для него самым дорогим человеком на свете.

Пока шли к школе, он хотел только одного: не упасть. Голова предательски кружилась, а фонари водили яростные хороводы. Узнав Новикова, школьный сторож не показался из своей каптерки. Илона сама взяла ключи от музея.

В комнате зажглись лишь три лампочки из шести. В тусклом свете Новиков внимательно осмотрелся. Он был здесь пару недель назад. Заглянул в тот раз из чистого любопытства. В левом углу лежали осколки черепков, несколько черных наконечников для стрел, ржавые гвозди. Все экспонаты были любовно подписаны. В правом углу — деревянная прялка с большим колесом, стул с высокой спинкой, стол, старая деревянная посуда. Предметы быта сибирских крестьян, конец XIX века. Все, что смогли собрать школьники в поселке и его окрестностях.

Но сейчас его интересовал только центральный стеллаж. Третья полка сверху.

— Илона, где он?

— Кто? — искренне удивилась она.

— В прошлый раз я видел здесь череп степного волка.

— Да, кажется, здесь он и лежал. — Она наклонилась и прочитала табличку. — Кто-то из пятиклассников нашел его в прошлом году и подарил музею.

— Где он теперь?

Она пожала плечами.

— Понятия не имею. Унес кто-то. Волчий череп никакой ценности не представляет. Даже для школьного музея.

Новиков ухватился за стеллаж, чтобы не упасть. Голова кружилась все сильнее. Во рту появился привкус крови. Он даже не заметил, как прикусил нижнюю губу. Барабаны стучали так громко, словно были в соседней комнате. Запах корицы заглушал остальные запахи.

— Теперь на самом деле все очень плохо.

Илона что-то говорила. Ее лицо приближалось. Глаза были совсем близко. Большие серые глаза...

Тряхнув тяжелой головой, Новиков несколько долгих секунд пытался понять, где он находится. Кажется, в гостинице. Он задремал в комнате Жоры. А проснулся от громкого хлопка.

— Георгий, это ты?

Тишина. По углам уже начали сгущаться сумерки. Хотя боль почти прошла, но ясность в голове так и не появилась. В затылке ворочалось что-то темное и бесформенное. Новиков рывком поднялся с кровати и осторожно выглянул в коридор. Никого. Видимо, ветер захлопнул входную дверь. Непорядок. Стоило на пару минут принять горизонтальное положение, как сразу же отключился...

Сколько времени у него в запасе? Максимум неделя. Больше не протянуть, даже если упорно цепляться за каждый процессуальный крючок. Если Процесс против Илоны Райнис не начнет Новиков, его начнет другой Арбитр. Так что выбор у него невелик...

К вечеру дождь плавно сменился снегом, который кружил вокруг фонарей и таял, перемешиваясь с землей. Новиков не торопился. Он специально выбрал самую длинную дорогу к дому управляющего. Кажется, тот отправил свою жену к сестре в Русскую Поляну. Вместе с детьми. И хорошо. Значит, никто не помешает...

Дверь открылась прямо перед его носом.

— Вижу, что не ждали, — заметил Новиков и уткнул Жоре в живот ствол пистолета. — Быстро заходите назад. Оба.

Жоре пришлось пятиться задом.

— Извините, что пол вам испачкал. Непогода на улице, — хмыкнул Новиков.

— Ничего, — прошептал управляющий одними губами. Он опустился на стул и с трудом оторвал взгляд от пистолета.

— Сознавайся, друг мой Георгий, это твои проделки с черепом?

Жора промолчал, глядя в одну точку.

— Да, напрасно ты так поступил, Георгий...

— Ведьма она!

— Георгий, хочу напомнить, что мы здесь не в индейцев играем. Ошибка слишком дорого обходится...

— Ой, только не надо этого пафоса, — скривился Жора. — А кто по весне девочку невиновную приговорил? Я что ли? А ей и восьми лет еще не исполнилось. Могла бы жить и жить...

— Кто тебе рассказал про девочку? — вздохнул Новиков. — Впрочем, можешь не говорить. Мне уже все равно...

— И не скажу. Недолго вам осталось над людьми измываться. Зав-

тра утром здесь будет дознаватель из внутренней безопасности. И не один, а с группой силовой поддержки!

У «Осы» очень маленький свободный ход курка. Хорошее оружие...

Жора медленно сполз по стене, прижимая к груди простреленную ногу, и в голос завыл.

— Заткнись, а то вторая пуля попадет в голову, — предупредил Новиков. — Вообще-то, вас обоих стоило бы пристрелить, но настроения нет. Так что сегодня у вас счастливый день. Бинты есть?

Управляющий побледнел еще больше и быстро закивал.

— Неси. И липкую ленту тоже носи. Сначала его перебинтуешь, а потом примотаешь к стулу. Уж извини, тебя мне тоже придется упаковать. И не паникуй. Ничего с ним не случится. Рана чистая. Пуля прошла навывлет через мягкие ткани бедра. Кость не задета. Артерия тоже. Заживет, как на собаке. Пусть хоть память у него обо мне останется...

012.

Дальний свет Новиков не включил. Даже в такую скверную погоду мощный луч галогенных фар был бы заметен издалека. Спасало то, что «Скаут» управляющего цеплялся за дорогу уверенно. Может, и лучше, что мягкий первый снежок обернулся к ночи настоящей метелью. Больше шансов уйти незамеченными...

— И куда мы теперь?

Это была первая фраза, которую Илона произнесла за вечер.

— Сейчас будет санитарный кордон. — Новиков проигнорировал вопрос. — Это не жандармы. У парней другая задача. Нас просто попросят выйти из машины и пройти несколько метров через специальный лоток. Это для того, чтобы мы на обуви не вынесли за территорию карантинной зоны вирус ящура. Потом мы сядем в машину и поедем дальше. Не волнуйся, хорошо?

— Хорошо, — равнодушно сказала Илона. — Что у тебя с рукой?

— Так, за гвоздь в заборе зацепился, — отмахнулся Новиков.

И они опять замолчали...

Кордон представлял собой утоптанную грунтовую площадку, на которой стояла зимняя армейская палатка. Дорогу перекрывал даже не шлагбаум, а простой стальной трос с прикрученным проволокой знаком «Стоп». Новиков тормознул и коротко просигналил. Через пару минут из палатки показался заспанный солдатик.

— Все едут и едут, — проворчал он, застегивая бушлат на худой шее.

— Извини, друг. — Новиков продемонстрировал свою самую дру-

желобную улыбку. — Понимаешь, жене стало плохо. Беременная она. На третьем месяце. В прошлый раз именно на этом сроке выкидыш был, вот и везу ее в уездную больницу.

— Ну, тогда конечно, — важно закивал постовой, закрываясь воротником от пронизывающего порыва ветра. — Она из машины-то выйти сможет? Извините, но приказ был, чтобы всем выходить.

— Сейчас попробуем. Я же понимаю, что у вас служба такая.

Карантинная инспекция особо себя не утруждала, как отметил Новиков. Вместо штатного бетонного лотка выкопали в земле неглубокую ямку и засыпали ее соломой, перемешанной с известью. Впрочем, его это не касалось. От Новикова сейчас требовалось лишь выполнить формальность, что он и сделал. Просто потоптался по соломе. И Илону через ямку провел, бережно поддерживая под руку. После чего солдат опустил трос. Путь был свободен...

Опять начиналась головная боль. Новиков покосился на часы. Времени на самом деле не так много осталось. К утру Илона должна оказаться как можно дальше от «Победы». Пока все шло по плану. До Новосанжаровки осталось всего тринадцать километров. Оттуда до Бессарабки еще тридцать километров по хорошей трассе. В самом плохом варианте через час они уже будут на станции Граничная, где их ждет Борис...

— Нас найдут.

— Я так не думаю, — откликнулся Новиков, не отрывая взгляда от дороги. — Давай не будем начинать заново...

Он так и не смог уговорить Илону. Пришлось заталкивать ее в машину насильно. Но теперь и это было не важно. Голова Новикова работала с прежней ясностью. Впервые за два последних месяца он четко знал, что ему нужно сделать. Мозг опять просчитывал варианты со скоростью вычислителя. Приятное ощущение...

За крайними домами Бессарабки он вывернул на объездную дорогу. Она вела напрямик к грузовому терминалу. Еще несколько минут — и показалась площадка перед КПП. Это и был железнодорожный таможенный переход «Граничная».

Новиков притормозил. Вытащил из кармана трубку радиотелефона, которую позаимствовал у Василия Васильевича, и набрал федеральный номер.

— Боря, это я... да, хорошо, жду тебя в машине...

Боевой товарищ за эти годы не слишком изменился. Разве что походка стала тяжелее, да бородку он отпустил. Впрочем, Боря дослужился уже до начальника таможенного перехода, а продвижение вверх по карьерной лестнице без изменений не проходит. Новиков знал это по себе...

— Глазам не верю, ты ли это, Ваша Честь? — закричал Борис, запрыгнув на заднее сиденье.

Новиков обернулся и крепко сжал протянутую ладонь.

— Извини, не понимаю ничего в таможенных знаках отличия. Не иначе уже майор?

— Выше бери. Советник таможенной службы. Это как армейский подполковник. Ах, простите солдафона, мадам. — Борис церемонно склонил голову. — Вместо того чтобы сначала с дамой поздороваться, кинулся обнимать старого друга. Виноват!

— Боря, у Илоны очень мало времени, — мягко напомнил Новиков.

— Опять виноват, — Борис заговорщицки незаметно подмигнул Новикову. — Конечно, у таких красивых женщин никогда не бывает времени. Они всегда спешат. Впрочем, я опять не о том. Перехожу к главному. Я договорился. Груз доставят в срок и по указанному адресу.

— О каком грузе идет речь? — поинтересовалась Илона и покосилась на Новикова.

— Трепло же ты, Боря. — Новиков расплылся в довольной улыбке. — И когда ты станешь серьезным?

— На своих похоронах, командир. Обещаю! А груз, Илона, специального назначения, и его на седьмом пути ожидает большой состав. Пришлось его задержать...

Новиков сразу стал серьезным.

— Не снимут на границе?

— Обижаешь, Ваша Честь. Это специальный состав. В нем 120 опломбированных вагонов. Пограничники только внешний осмотр производят. Они ведь понимают, что мимо российской таможни мышка не проскочит. А в локомотивы вообще никто и никогда не заглядывает. На этом плече десять бригад работает. Пограничники всех железнодорожников как облупленных знают.

— А на той стороне?

— Люди Амангельды будут ждать в Кзылту. Оттуда по Трансазиатской трассе до Атерау, а там уже прямая дорога через Каспий на Баку. Оттуда в Потти. И вперед, по морю Черному, как просил. Само собой, с новым паспортом. Хотите с иранским, хотите с пакистанским. Пришлось мне самого Амангельды из постели поднять. Он, конечно, поворчал по-стариковски, но все понял правильно...

Новиков непроизвольно сглотнул. У него засосало под ложечкой. Амангельды Абилев — опальный лидер всех жунусов Южного Туркестана, наркобарон, торговец оружием и террорист, объявленный в международный розыск. Круги от брошенного в речку камешка докати-

лись до моря и вызвали цунами. Еще немного — и начнут сдвигаться материковые плиты...

— Тебе оторвут голову, Боря. Это в лучшем случае.

— Внешнеполитическая ситуация, как ты понимаешь, сейчас сложная, — вздохнул он. — Если Амангельды добро не даст, никто и пальцем не пошевелит на той стороне. А разве Боря не понимает, что сам погибай, а товарища выручай. Не бери в голову. Заводи мотор и проезжай через КПП. Даже я не могу такой состав долго держать. А с проблемами мы разберемся потом — в рабочем порядке...

На станции их встретил слепящий свет прожекторов. Диспетчер отдавал команды по громкой связи, глухо шипела пневматика тормозных колодок, лязгали автоматические стрелки, дробно перестукивались вагоны, несущиеся вниз с сортировочной горки. А сверху над этим хаосом из звуков проносились сигнальные гудки маневровых тепловозов. Новиков на секунду зажмурился и только сейчас понял, как ему не хватало навязчивой железнодорожной суеты.

— Это и есть наш груз? — удивился помощник машиниста.

— Есть возражения? — поинтересовался Новиков. Борис предупредил, что с локомотивной бригадой общение нужно минимизировать.

Парень смутился.

— Давайте я вас в машинное провожу. Там шумновато, но дорога недлинная.

— Спасибо, я сам справлюсь, — твердо сказал Новиков. Он до сих пор помнил каждый уголок локомотива и без труда нашел нужное место в машинном отделении. Сумку с наспех собранными вещами Илоны он положил на инструментальный ящик.

— Значит, я теперь стала грузом, — тихо сказала Илона, опускаясь на промасленный пол. — Дама сдавала в багаж: диван, чемодан, саквояж...

— Через два месяца мы опять будем вместе. — Новиков повторял эту фразу как заклинание. — А если уедем вдвоем, будет только хуже. Арбитры не исчезают бесследно. Большое Жюри решит, что ты меня похитила, и тогда тебя будут искать даже под землей. Уж я-то знаю.

— Я все понимаю, Дима...

Илона подтянула колени к подбородку. Свет моргнул. Вибрация в машинном отделении усилилась. Машинисту, видимо, дали «желтый».

— Не забудь про блокнот с моими инструкциями, — торопливо напомнил Новиков. — Он в левом кармашке сумки. Денег на дорожные расходы должно хватить. Как приедешь в Очаков, снимешь комнату. Я там написал адрес: улица Морская, 19. Спросишь бабу Тасю.

Если что, иди в порт и разыщи Володю Сергиенко. Он в лоцманской фирме «Таурус» работает...

— Мы больше не увидимся, — тихо сказала она. — У меня предчувствие. Если я сейчас уеду, больше никогда тебя не увижу...

— Глупости, — сказал Новиков. — Не нагоняй тоску. Ты помнишь, что я тебе обещал? Мы проживем долго и счастливо. Главное, делай все, как я говорю.

— Не уходи. — Голос ее задрожал. — Ты даже не представляешь, как сильно я тебя люблю. Я еще никого и никогда так не любила, как тебя. Я не смогу без тебя жить...

Машинист подал сигнал. Локомотив тронулся с места. Новиков ничего не успел сказать в ответ. Ему не хватило воздуха. Он наклонился к губам Илоны. И почувствовал соленый привкус ее слез...

Новиков стоял на платформе до тех пор, пока из вида не скрылись габаритные огни последнего вагона. Потом стряхнул с волос снег и медленно побрел в сторону КПП.

— И куда ты теперь? — поинтересовался Борис, притушив окурочок каблук.

Новиков пожал плечами. Вытащил из его пачки сигарету, прикурил и закашлялся.

— У меня как всегда есть два варианта. Один из них плохой, а второй — очень плохой... Ты уверен, что локомотивная бригада не подведет?

— Абсолютно. Хочешь, я тебе отзвоню на трубу, когда ее встретят на той стороне?

— Никогда не забуду, что ты для меня сделал...

— Брось, Дима. Если бы не ты, я бы так и остался лежать на пятнадцатой деляне лесхоза «Дальний».

— Похоже, пора прощаться, а то уже на лирику потянуло, — усмехнулся Новиков.

Борис крепко сжал его руку.

— Держись, Ваша Честь. Назло врагам...

013.

«Скаут» основательно припорошило снегом. Новиков завел двигатель, выкрутил на полную мощность регулятор печки и стряхнул снег с лобового стекла. Долго устраивался на холодном сиденье. Поля вокруг стояли белые. И ему подумалось, что зима в этом году будет ранней. Как два года назад...

Проскочив Бессарабку, он притормозил на обочине — неподалеку от заправки «Роснефти». Понял, что силы его иссякли. Да и спешить было уже некуда. От вычислителя остался выгоревший и оплавлен-

ный корпус. Вся информация, которая хранилась на его жестких дисках, восстановлению не подлежит. И нет уже давно ни распечаток, ни прочих вещдоков. Ничего нет. Есть только Жора, примотанный липкой лентой к управляющему «Победы». Но им обоим спешить тоже некуда — могут подождать до утра.

Глаза сами собой закрылись. Новиков погрузился в сон. И сразу увидел мать. Она сидела за старым кухонным столом. В своем любимом платье в узкую полоску. Уже два года прошло после похорон, а он так и не удосужился поставить ей нормальный памятник. Отцу успел сделать плиту из дешевой мраморной крошки, а на могилке матери второй год стоит деревянный крест.

— Как ты, Димочка?

— Все хорошо, мам. У меня все в норме. Как всегда...

Он присел рядом. Она улыбнулась и накрыла его руку своей сухой ладошкой.

— Я тебе не говорила никогда, прости. А ведь твой дед из этих краев родом — из Бессарабки.

— Значит, я тоже из крестьян. Забавно...

— А еще я тебе хочу сказать, сын, что мы с отцом всегда тобой гордились. И в школе, и в институте. И потом, когда ты стал работать в этом своем управлении. Ты не переживай ни о чем. И обо мне не беспокойся. У меня все нормально. И у папы. Он тебя очень любит, сын. Ты помни, что мы оба тебя любим...

Из объятий сна Новикова вырвала мелодичная трель телефонного звонка. Он негнущимися пальцами подхватил трубку и с трудом нажал клавишу ответа.

— Дрыхнешь? — Это был Борис. — Десять минут не могу добудиться...

— Извини, Боря. Как там?

— Порядок в танковых войсках. Груз доставлен в целости и сохранности. Дней через пять будет в пункте назначения.

Несколько минут Новиков сидел без движения. Потом машинально покрутил настройку магнитолы. Динамики на всех частотах выдавали шорох пустого эфира. Опять захотелось курить. Он вышел из машины и вернулся назад — к заправке. В сторону таможни с торжествующим ревом пронеслись две фуры по сорок тонн, обдав его жарким выхлопом дизельных двигателей. Новиков свернул к светящемуся стеклянному пузырю круглосуточного кафе. Уж там-то точно должны быть сигареты. Да и чашка горячего кофе.

На звук колокольчика подняла голову пожилая женщина за стойкой.

— У вас открыто? — на всякий случай уточнил Новиков.

— Конечно, Дима. Заходите. — Женщина приветливо улыбнулась, поправив фирменную шапочку. — Только прикрывайте дверь плотнее. Сегодня на улице прохладно. Хотите кофе?

Новиков опешил. И даже подумал, что еще не проснулся. Кого он не ожидал увидеть на ночном шоссе, так это Анжелику Ивановну — тихую старушку, которая последние двадцать лет жизни стенографировала заседания наблюдательного совета «Победы».

— Ничего не понимаю, — пробормотал Новиков. — Это действительно вы, Анжелика Ивановна? Вот это встреча. И как вы здесь очутились?

— Не удивляйтесь, Дима. Моя сестра живет в Бессарабке и работает в этом кафе — сутки через трое. Она заболела. Я была у нее в гостях, вот и вызвалась подменить, чтобы менеджер ее не ругал. Дело-то нехитрое. А то ведь уволят сестру. В нашем возрасте, Дима, очень трудно искать новую работу.

— Ну и ну! — Новиков рассмеялся.

— Вы садитесь, Дима. Ночь была тяжелая, как я вижу. Отдохните немного, попейте кофе. Какой вам кофе сделать — «экспресс»?

— «Эспрессо», — машинально поправил Новиков. — Только двойной, если можно.

Он выгреб из кармана горсть мелочи вместе с грязными бумажками и положил на стойку, не пересчитывая. Монетки печально брякнули.

— Надеюсь, хватит. Это мои последние деньги.

Анжелика Ивановна отмахнулась.

— Что вы, Дима, уберите. Я вас с удовольствием угощу. Только подождите пару минут, пока я кофе в автомат засыплю. Здесь старая модель стоит — ручная. Хозяин прижимистый...

Новиков втиснулся за маленький угловой столик. В придорожном кафе было светло, тепло и уютно. Толстое стекло отсекало ночь, дорогу, грызущую тоску по Илоне и все будущие неприятности. Вот так бы вечность сидеть, глядя в темноту окна, и не думать ни о чем...

— Простите за наглость. Можно мне еще пачку сигарет в придачу? — осведомился Новиков.

— Конечно, — кивнула Анжелика Ивановна.

На столике задымилась чашка с ароматным густым напитком. Рядом легла пачка легкого «Дуката».

— Вы курите, Дима, если хотите. — Анжелика Ивановна присела напротив и опять улыбнулась. В этот раз немного грустно. — Пепел можно в блюдце стряхивать...

Новиков отхлебнул кофе и почувствовал привкус корицы. Ее легкий и почти неуловимый аромат витал и в воздухе. Он мысленно отмотал пленку памяти на пару витков назад. Звенья цепочки мгновен-

но выстроились в другой последовательности. Вера, Толик, Жора, управляющий. И везде она — Анжелика Ивановна, божий одуванчик. Хорошая должность — секретарь. Можно оставаться в тени и всегда при этом быть в курсе событий...

— А вы не боитесь, Анжелика Ивановна? — усмехнулся Новиков.

— Чего?

— Ночь, дорога. Вы одна. Мало ли...

— Нет, Дима, в моем возрасте бояться нечего. Уже догадались, значит...

— Да уж, догадался. Только слишком поздно...

— Вы не бойтесь, ничего я вам в кофе не подсыпала. Не верьте всяким страшилкам. Это просто сорт такой — «Мокондо», с легким привкусом корицы. Мой любимый...

— И что мы будем делать ввиду вновь открывшихся обстоятельств?

Анжелика Ивановна отвела взгляд. Новиков тремя большими глотками опустошил чашку.

— А вы можете будущее предвидеть или это тоже детские страшилки?

— Мы можем влиять на полевые структуры. Это не совсем то, что принято считать предвидением, но все же близко.

— Значит, поймать вас невозможно, пока вы сами себя не раскроете...

— В принципе, невозможно. Я понимаю, о чем вы сейчас подумали. О тех несчастных женщинах, которым вынесли приговор. Но сегодня, Дима, вы сделали очень большое дело — спасли Илону Райнис. Вы даже не представляете, как это было важно.

— Для кого? — угрюмо поинтересовался Новиков.

— Для всех, Дима. — Она подлила ему кофе и придвинула чашку поближе. — Для вас, для меня. Как бы странно это ни звучало: для всех людей. Поверьте, я знаю. Она проживет еще долго, напишет и докторскую диссертацию, и еще множество других научных работ по сигнальной наследственности, внутривидовой агрессии и по альтруизму. И академиком она тоже станет — в Сорбонне. Правда, значение ее научной деятельности люди поймут еще не скоро — лет через девяносто. Зато потом, когда поймут и осознают, сразу начнут пробиваться ростки совершенно иного социума. Сначала слабые и едва заметные, но они довольно быстро наберут силу...

Новиков слушал невнимательно. Он уже понял, что с Илоной все будет в порядке, а воспринимать информацию о том, что произойдет через сто лет, просто не было сил. Его интересовал сегодняшний день. В самой далекой перспективе — день завтрашний.

— С Илоной мы больше не встретимся? — уточнил Новиков.

Анжелика Ивановна замолчала и долго смотрела в окно, за которым уже начинался рассвет.

— Можете не отвечать. Я все понял.

— Но встреча с вами стала очень важным моментом в ее жизни. Я бы даже сказала — переломным.

— Спасибо, — усмехнулся Новиков. — Одного не могу понять, почему вы сами ничего не сделали, если такие всемогущие?

Анжелика Ивановна развела руками.

— Дима, я не сказочная фея с волшебной палочкой. Я такой же человек, как и вы. И мои возможности ограничены. Вы в цифровых технологиях разбираетесь?

— Предположим, — кивнул Новиков.

— Тогда простой пример. В вашем министерстве есть сеть, куда подключены все вычислители. Значит, есть и специальные устройства — маршрутизаторы. Они не могут изменить информацию, которая через них проходит. Они могут лишь изменить направление, в котором идет трафик. Вот мы и есть — маршрутизаторы. И можем лишь изменить направление трафика. Чтобы, например, судьба некоей Илоны Райнис сложилась именно так, а не иначе. А спасти ее должны были именно вы...

Отступившая ненадолго тоска навалилась опять — черная и безнадежная.

— Мне пора. Спасибо вам за кофе.

— Могу я сделать что-то для вас, Дима?

— Вряд ли. До светлого будущего я не доживу — это точно. Для меня все останется по-прежнему. Да и люди по-прежнему будут умирать от Сибирской горячки.

— Увы, полевые структуры обладают сильной инерционностью. Трудно рассчитать, где «порвется» в следующий раз. Но мы делаем все, что можем. И по возможности компенсируем, так сказать, неудобства. Хотелось бы помочь и вам, Дима. У вас есть мечта?

— Вы же не сказочная фея, а всего лишь водитель трафика.

— Ну, бывают у людей и скромные мечты.

— Если выкручусь, буду искать Илону. Боюсь, вы мне в этом деле не помощник...

Новиков забрал со стола пачку сигарет и направился к выходу. Но у двери остановился. Перед глазами молнией пронеслась картинка. Маленькая колония грызунов в ярко-желтой степи и три хищные птицы над курганами... Думайте, господин инженер, думайте. Здесь очень хорошо думается...

— А кто же тогда сарычи? — поинтересовался Новиков, обернувшись.

— Вы о чем? — удивилась Анжелика Ивановна.

— О грустном. Впрочем, прощайте. И постарайтесь впредь со мной не встречаться.

— Я все же попытаюсь вам помочь, Дима, — сказала она, но Новиков за звоном дверного колокольчика ничего не услышал. Он залюбовался ярким солнечным диском, который приподнимался над домами Бессарабки.

«Скаут» управляющего остался дремать на обочине. Новикову неожиданно захотелось пройтись пешком. Заправка быстро скрылась за поворотом. Дорога, на сколько хватало глаз, была пустой и упруго отзывалась на каждый его шаг. Идти было легко. Необычайная легкость появилась и во всем теле. Солнце согревало спину. Новиков снял куртку, чтобы не мешала, и зашвырнул ее в кювет. Он шел на запад по белой разделительной полосе и улыбался...

014.

Шесть полос умытого дождем асфальта трассы «Киев—Одесса» растянулись черной лентой до самого горизонта. Стрелка спидометра желтого «nissan-patrol» уже пару часов лежала в крайнем правом секторе. Костя покосился на жизнерадостного водителя и снова отвернулся к окну. Все произошло неожиданно. Референт министра приехал утром в гостиницу, разбудил и сказал: надо уезжать. И еще сказал: потом все объясним. Косте ничего не оставалось, как разглядывать аккуратные теплицы под пленкой и небольшие деревеньки, мелькавшие в разрывах лесополосы. Счет километрам он давно потерял. Он даже не знал владельца машины. Кажется, он из Одессы, и каким-то образом связан с его киевскими партнерами...

В коротком новостном блоке на радио мелькнуло знакомое слово. Он внимательно прислушался. На станции Чоп украинские таможенники задержали партию танковых двигателей, которые проходили в таможенной накладной под видом тракторных моторов. Некая частная украинская компания отправляла их в дружественную Уганду. Танковые двигатели, как пояснили журналистам бдительные таможенники, были любовно перекрашены в желтый цвет.

Теперь-то Костя понял истинную причину утренней суеты. А так хорошо все начиналось. Возврат НДС из бюджета за экспортные поставки — это практически легальный бизнес. Прогнал пару составов через харьковскую таможню, вернул их назад и все — считай деньги. Так нет же, его киевским партнерам оказалось этого мало. Сначала их на броневую сталь потянуло. А теперь еще и движками от Т-80М решили поторговать. Максимум через пару дней станет ясно, что двигатели ушли с омского завода. Закрутится такая карусель, что чертям в аду тошно станет.

Костя ожесточенно выдернул из карманов оба телефона. Они захлебывались дикими трелями.

— Ты где? — взвизгнула первая труба голосом жены. — Вчера тебя весь день какие-то люди искали. А с утра следователь приходил из областной прокуратуры. Милый, приезжай и разгребай свое дерьмо самостоятельно!

— Заткнись, дура! — рявкнул он в ответ. — Я тебе что говорил: свали на время к своей мамочке. И не звони мне больше. Я тебя сам найду, когда нужно будет.

На второй звонок он даже отвечать не стал. Опустил стекло и оба мобильника выбросил на дорогу. Порыв ветра снес их под заднее колесо тяжелой фуры. Костя посмотрел в панорамное зеркало заднего вида и подумал о том, как было бы здорово все время лететь над этой черной полосой. Вперед и только вперед. И ничего при этом не знать...

— Выпить есть? — поинтересовался он у водителя.

— Сзади. В баре.

Костя дотянулся и выудил из бара коньяк. «Новая Каховка». Сгодится...

— Мы вообще-то куда едем?

После двух больших глотков обжигающей жидкости в бутылке стало меньше примерно на треть. Коньячный спирт начал расходиться по телу приятным теплом.

— В одно тихое место, — пояснил водитель. — Борис Сергеевич позаботился, вас уже там ждут.

Мысль неплохая, в принципе: пересидеть, пока волна не уляжется. Только Костя умный. Нет на шарике таких мест, где можно спрятаться от Романа Анатольевича. Но этого он вслух говорить не стал. Просто сделал еще один большой глоток...

Как приехали, он уже не помнил. Проснулся в широкой постели. С ощущением дикой жажды. Через неплотно прикрытые шторы прорывалось солнце. Костя прищурился. Нащупал часы. Семь утра. Но спать уже не хотелось. Видимо, давала о себе знать четырехчасовая разница между Сибирью и Украиной. В холодильнике на счастье обнаружилась минералка. Он жадно осушил сразу две бутылочки «Эвиан». Прихватив еще одну бутылочку с собой, вышел прогуляться.

Трехэтажный особнячок не имел никаких вывесок. Явно не гостиница. Слишком приличный витражный фасад. Небольшая территория огорожена забором из мелкой стальной сетки. Жухлая трава. Несколько бетонированных дорожек. Одна из них заканчивалась у крутого обрыва. Внизу шелестело море, к которому спускалась широкая лестница. Пляж с традиционными зонтами засыпан мелким белым пе-

сочком и огорожен с двух сторон каменными насыпями молдов. Место достаточно пустынное. Костю это порадовало...

Первым делом он спустился к морю. Снял ботинки и прошелся по пенной полосе отлива. Сначала вода неприятно обжигала босые ступни, но несколько минут спустя ноги уже привыкли к холоду. Привыкли и к мелким камешкам. У самого берега вода оказалась мутноватой — с рыжим глинистым оттенком. Но чем дальше, тем больше она набирала прозрачной бирюзы. На выпуклой линии горизонта белело судно. Слева в утренней дымке можно было разглядеть город и стрелы портовых кранов, за которыми растянулась длинная и узкая полоска суши. Справа из моря выросстал скалистый островок.

Костя обогнул разрушенный край мола. На самой большой глыбе сидела девушка. Она что-то набрасывала в альбоме огрызком карандаша.

— Простите, — громко сказал Костя. — Вы не подскажете, как называется этот город?

Она вздрогнула и обернулась.

— Вы меня напугали, если честно.

— Простите еще раз, — смутился Костя. — Я не местный.

— Я уже поняла...

На вид не старше двадцати пяти. Тонкий изгиб бровей, серые глаза, высокий лоб, удлинённый овал лица. Густые темные волосы средней длины собраны в хвост. Слова она произносила мягко, а гласные слегка растягивала, словно перекатывала во рту маленькие камешки. Эта легкая неправильность в речи, по мнению Кости, только добавляла ей шарма. Как и слегка подчеркнутые скулы, и азиатский разрез глаз...

— Этот город называется Очаков.

— Очаков? — Костя наморщил лоб. — Что-то страшно знакомое...

Девушка рассмеялась.

— А вы, наверное, бизнесмен?

Костя доброжелательно улыбнулся в ответ, как бы извиняясь за свою неосведомленность.

— А вы, наверное, думаете, что только бизнесмены не знают, чем знаменит город Очаков? Хотя, вы не столь далеки от истины. Бизнес — он регламентирует. Поэтому некоторые люди выглядят... э-э-э... немного неадекватно. Вне рамок своей профессиональной деятельности, естественно. Но я не бизнесмен. Если вас это действительно интересует, я — арбитражный управляющий.

— Как же вы оказались в этом пансионате?

— Не помню, — честно признался он. — Кстати, Костя.

— Вот на этом месте остановимся. Прощайте, «кстати Костя». Мне пора уходить.

Девушка поднялась и отряхнула с джинсов налипший песок.

— Всего один вопрос. Вы завтра утром сюда придете?

— Нет. И не надо меня искать, «кстати Костя». — Она взмахнула рукой и, перепрыгивая с камня на камень, скрылась на другой стороне мола.

На следующий день Костя крепился до вечера. Но чем больше он старался не думать о своей новой знакомой, тем чаще возвращался в мыслях к тем нескольким минутам на берегу. Он плотно пообедал и поужинал. Побродил по пустым коридорам, обошел вокруг пансионата. Перебросился парой фраз с неразговорчивой горничной. Его так радовала тишина, что даже неприятности незаметно стали отходить на второй план. И сам завод, и уголовное дело, которое возбудила прокуратура, были очень далеко. Как Марс...

Через три дня Костя нашел незнакомку. Именно там, где советовал поискать бармен — на Черноморской косе. Она сидела на трухлявой коряге, выброшенной морем. В этот раз на ней были бежевые шорты, бежевый хлопковый свитер крупной вязки и белая бейсбольная кепка. Альбом с карандашными набросками лежал в сторонке. Она читала книгу.

— Я вас не искал, — сразу пояснил Костя. — Наша сегодняшняя встреча — это чистая случайность. Вы верите в случайности?

— Верю, — серьезно ответила она и положила в потрепанный томик закладку. — Здравствуйте, «кстати Костя».

— Интересная? — Он кивнул на книгу.

— Очень. Советую.

Фамилия автора показалась знакомой — Паскаль. Но уточнять Костя не стал.

Девушка подвинулась. Костя присел. Несколько минут оба молчали. Странное дело, рядом с ней он не ощущал неловкости. Они просто сидели и молчали. И вместе смотрели на солнечные блики, скачущие по кончикам волн.

— Простите за Очаков. Приезжает какой-то пень и даже не знает о существовании вашего города. Это обидно, конечно.

— Я сама приехала лишь полгода назад.

— Знаете, а я тоже всегда хотел жить у моря, — признался Костя. — Но пока, увы, не получается.

— Арбитражное управление не отпускает? Странная у вас работа. Расскажите, чем вы там управляете, если это не секрет.

— Скучное занятие, на самом деле. — Костя вздохнул. — Как вспомню, у самого скулы сводит. В общем, так. Если предприятие не

может вернуть долги, то арбитражный суд на место директора назначает меня — арбитражного управляющего. Я пытаюсь найти деньги. И еще пытаюсь вытащить предприятие из ямы, чтобы оно смогло рассчитаться по долгам. Это в идеале, конечно.

— А на самом деле?

Круглый камешек так и просился в руку. Костя поднял его с песка и мощным броском закинул далеко в море. От резкого движения заныла кисть.

— Лучше и не спрашивайте, как на самом деле...

Только на следующий день Костя узнал, что девушку зовут Мариной. Еще он узнал, что она любит одиночество и каждое утро старается бывать на Черноморской косе. Приезжает пораньше, пока никого нет. А оттуда едет на работу.

Еще через пару дней Костя едва смог дожждаться утра. Он вскочил в пять, марш-броском добрался до косы и еще полчаса бродил по отливу. В тревожном ожидании. А вдруг она сегодня не появится? Но Марина появилась. И помахала ему рукой еще издали — от лодочной станции.

Потом они гуляли по берегу. А когда пошел дождь, они спрятались под навесом.

— Можно задать вам очень странный вопрос?

— Не робейте, Костя, вы же арбитражный управляющий.

— В общем, мне кажется, что я знаю вас уже давно, — сказал он.

— У вас никогда не возникало похожего ощущения.

Марина нахмурилась.

— Раньше — нет. А теперь... Мне тоже кажется, что я вас знаю. Странно, да? Я даже помню какой-то тусклый свет. И шум...

— Вы сидите на полу...

— А у вас перебинтована рука...

— И вы плачете...

Марина отпрянула и сжала голову руками.

— Ничего не понимаю. Кто вы такой, Костя? Разве так бывает?

Костя не знал, как ответить на этот вопрос. Он обнял ее и прижал к себе. Марину била крупная дрожь.

— Теперь все будет хорошо, — уверенно сказал он.

Марина всхлипнула. Крупные капли дождя барабанили по дырявому навесу и оставляли глубокие воронки в песке. А вдалеке из дымки выплывал маленький приморский город Очаков. Город, где сбываются мечты...

ПОХИЩЕНИЕ ПЕРСОНЫ

В 1968 году в Италии вышла на экраны криминальная лента «Похищение персоны» Джанфранко Мингоцци, не имеющая никакого отношения к фантастике. Но ее название отсылает нас к одному из ключевых мотивов фантастической литературы и кино — заимствованию, подмене или же насильственному присвоению чужого лица.

У знаменитого японского писателя Кобо Абэ есть роман «Чужое лицо», экранизированный в 1966 году режиссером Хироси Тэсигахарой. И довольно забавно, что этот фильм описывается американскими критиками как «выдающаяся гипербола на тему Франкенштейна». Однако при сопоставлении «Чужого лица», например, с «Женщиной в песках» (они, в общем-то, сходны по манере) выясняется любопытная закономерность. «Чужое лицо», наполненное приметам урбанистической, цивилизованной жизни середины 60-х годов (пусть и в достаточно условной форме), неизбежно представляется устаревшим, вышедшим из моды. Зато фантастические сцены в приемной врача, где герои будто окружены стеклянными стенами, в которых ничего не отражается, а собственные лицо и

сущность становятся неидентифицируемыми, производят столь же сильное впечатление, что и эпизоды надвигающихся зыбучих песков в более прославленной ленте Хироси Тэсигахары. Жертва неудачных химических опытов неотвратимо теряет самого себя, выбрав чужую маску вместо своего обезображенного лица.

В этом плане было бы куда интереснее сравнить «Чужое лицо» с «Человеком тьмы» (1990) Сэма Рэйми. Философско-фантастическая подоплека сюжета об ученом Пейтоне Уэслейке (беспощадные гангстеры вынудили его стать Человеком Тьмы, и он должен принимать чужой облик, чтобы отомстить) придает картине Рэйми некое культурологическое реноме, перекликаясь с произведениями литературы и кино, ставшими

классикой фантастики. Хотя само-го режиссера, который был известен как создатель двух серий фильма ужасов «Зловещие мертвецы» (гораздо позже он сделает две части «Человека-Паука» — тоже ведь о модифицированном герое!), больше занимает развлекательно-приключенческая, зрелищная стихия действия.

Возвращаясь опять в 60-е годы, надо непременно отметить итало-французскую ленту «Три шага в бреду»/«Необыкновенные истории», созданную по трем рассказам Эдгара Аллана По, одного из родоначальников мистической литературы. Особый интерес представляет вторая новелла «Вильям Вильсон», снятая французским режиссером Луи Маллем и показывающая двойственность сознания, что мечется между вымыслом и реальностью и пытается избавиться от химер, им же самим порожденных. В сюжете о двойнике, преследующем главного героя, Малль воспроизводит давнюю культурную традицию, генеалогию темы раздвоенности человеческого существования, изначально поделенного на добрые и злые стороны. Точен выбор Алена Делона на роли двойников: Луи Малль словно почувствовал внутреннюю амбивалентность облика и характера самого актера, который вынужден играть в жизни и искусстве красиво-

го, преуспевающего «баловня судьбы», но скрывать от посторонних свою мятущуюся душу.

Наконец, есть важный смысл и в том, что итальянец Бернардо Бертолуччи поставил свою третью ленту по мотивам повести «Двойник» Федора Достоевского именно в 1968 году, когда социальные потрясения, предсказанные режиссером еще за четыре года до этого в картине «Перед революцией», принесли только боль, разочарование, отчаяние. Мучительное раздвоение сознания, разорванность бытия, ощущаемые подспудно в ситуации «перед революцией», приобретают угрожающий, губительный для индивида характер. Взвинченный, экспрессивный, «безумный» стиль этого фильма соответствует эпохе разброда и шатаний, смятения личности, которая не тождественна сама себе, расколота на две половинки, причем двойник выступает в качестве партнера, точнее — соучастника, а еще вульгарнее — поделника. Он не просто представляет злую и враждебную сущность, некоего «мистера Хайда», проявляющегося в результате научных экспериментов в «докторе Джекиле» — вот еще один популярный мотив в кино. Этот персонаж находится в негласном словоре со своим «положительным» визави, молодым буржуа Якобом,

выполняет за него скверные деяния, всю грязную работу, давая возможность остаться непричастным и лишь предаваться рефлексии по поводу грубой действительности, которая не оправдывает ожиданий.

Весьма любопытно, что новый всплеск интереса к социально-философской теме «похищения персоны» возник в кинематографе на стыке тысячелетий. Хотя это связано и с тем, что стремительное развитие компьютерных технологий привело к реальной возможности осуществления прежде казавшихся фантастическими замыслов великих писателей XIX века — от Гоголя («Портрет») до Оскара Уайлда («Портрет Дориана Грея») — о трансформации и полной замене человеческого лица. Закономерно, что кинематографисты опять обратились к уэллсовской идее превращения человека в невидимку, попутно скрестив этот мотив со стивенсоновской историей материализации раздвоенного сознания.

В «Hollow Man» (перевод «Полый человек» все-таки точнее, нежели принятое «Невидимка») Пола Верховена, снятом аккурат к 2000 году, амбициозный ученый Себастьян Кейн (в исполнении Кевина Бэкона, который благодаря своему

двойственному имиджу способен запросто играть и положительных, и отрицательных персонажей) теряет контроль над вырвавшимися наружу потаенными желаниями. Словно становится одновременно и доктором Франкенштейном, и созданным им Монстром. Однако заявленный вуайеристский план повествования, как бы изначально присущий кинематографу, брошен постановщиком на полпути. И вообще «Полый человек», оказавшись своеобразным кладбищем нереализованных возможностей, превращается в довольно пустенький фантастический боевик по-голливудски, в котором самое интересное — это виртуозные спецэффекты, демонстрирующие перетекание видимого в невидимое и обратно: творцы экранных фантазий в очередной раз превзошли сами себя. Лента напоминает собственного заглавного персонажа, придумавшего особую полую маску для неразличаемого лица, чтобы можно было, надев черные очки и плащ, разгуливать по городу. Если разобраться, внутри этот hollow man — как типичный образчик made in Hollywood, на самом деле полый. А напоследок вдруг понимаешь, что самым обидным промахом для талантливой и знаменитой постановщика, награжденного почетным «Золотым Леопардом» на МКФ

в Локарно-2000 за вклад в развитие киноискусства, стало не использование в фильме «субъективной камеры», когда героя-невидимку следовало бы полностью подменить активно движущейся кинокамерой.

В «Симоне» (2002) Эндрю Никкола, который еще будучи сценаристом ленты «Шоу Трумена» (1998) Питера Уира язвительно и хлестко высказался в по поводу перспектив создания выдаваемой за настоящую иллюзорной реальности, идея сотворения из компьютерной девушки-модели голливудской кинозвезды подавалась, несомненно, в сатирическом ключе. И, между прочим, во время съемок этой картины канадская фотомодель Рейчел Робертс должна была, согласно контракту, скрывать ото всех свое подлинное имя и выступать под псевдонимом Анна Грин (Green — в честь термина *green screen*, обозначающего кинематографический метод запечатления того, что фактически отсутствует в кадре). Никкол в большей степени пародировал систему создания киномифов на «фабрике грез», нежели подвергал сомнению сам принцип компьютерно-генерированного изображения, уже применявшийся в целом ряде фильмов.

Кажется, впервые и особенно эффектно это было сделано в «Форресте Гампе» (1994) Роберта Земекиса, который поместил выдуманного персонажа в реальную кинохронику и даже заставил его на экране пожать руку президенту Джону Кеннеди. Спустя ровно 10 лет тот же Земекис снял «Полярный экспресс», где применил новую технику ради полной подмены живого действия тем, что нарисовано с помощью компьютера. И от этого испытываешь немалое разочарование — словно смотришь кино с высокотехнологичными куклами или клонами. Хотя ко всему «полярному антуражу», включая в первую очередь кинематографически выразительный поезд, и к порой сумасшедшим панорамам камеры, совершенно невозможным в обычных фильмах, вряд ли могут быть какие-то претензии. Но вот героев-то нет, за исключением лишь кондуктора да пары-тройки других взрослых персонажей вроде таинственного бродяги на крыше состава и толстого машиниста. Дети (так уж повелось в американской анимации) на редкость противны чисто внешне, ведут себя как аутисты, движутся довольно неестественно, мимика их однообразна. Чуть живее и интереснее по характеру только афроамериканская девочка, ставшая подружкой главного героя — мальчика, уже не веряще-

го в Санта-Клауса, но все равно отправившегося к Северному полюсу на «Полярном экспрессе».

Спрашивается, зачем понадобилось Земекису тратить на производство громадную сумму в размере \$165 млн (еще \$60 млн ушло на рекламу), если можно было бы обойтись по примеру Керри Конрана («Небесный капитан и мир будущего») более скромным бюджетом, создав всю экранную действительность на компьютере, а облики реальных актеров, включая давно умершего патриарха Лоренса Оливье, дополнительно впечатать в изображение. А может, стоило делать в «Полярном экспрессе» компьютерную анимацию в духе «Истории игрушек», хотя и там человеческие персонажи явно проигрывают игрушечным. И если мы вспомним различные анимационные произведения современного голливудского кинематографа, то, пожалуй, лишь в «Шреке» и «Шреке-2» есть по-настоящему привлекательные герои-люди (допустим, принцесса Фиона). В остальных случаях наиболее симпатична лишь всевозможная живность. А с рисованными или компьютерно-генерированными лицами детей на экране все обстоит так, будто создатели лент ненавидят эту часть человечества.

Вот и «Последняя фантазия: Духи внутри» (2001) японца Хиронобу Сакагути, опередившая появление американских «человекоподобных» анимационных кинопроизведений, выигрывает как раз за счет того, что персонажи — только взрослые. И фантастический сюжет о пришествии на Землю в 2065 году загадочных фантомов с другой планеты дает возможность понастоящему воспринимать явно ненатуральное изображение в нужном ключе — как типичный апокалиптический боевик вроде «Матрицы». В «Последней фантазии» словно и нет особой разницы, реальные актеры или компьютерные марионетки, столь похожие на людей, гоняются за неизвестными инопланетными сущностями. И даже в единственной любовной сцене женщина-ученый Аки и капитан Грей сливаются друг с другом в невероятно правдивом поцелуе, которому вполне могли бы позавидовать истинные исполнители из плоти и крови. Тем более странно, что весьма дорогостоящая (\$137 млн) картина Сакагути, сделанная абсолютно на западный манер и лишенная каких-либо азиатских примет, провалилась в американском прокате с результатом всего лишь \$32,1 млн.

Уже упоминавшийся фильм «Небесный капитан и мир будущего» (2004) Керри Конрана тоже не вы-

звал большого энтузиазма у публики, собрав в США только половину собственного семидесятимиллионного бюджета. Кстати, сумма «небольшая», особенно в сопоставлении с затратами на «Полярный экспресс» или другие голливудские блокбастеры вроде «Человека-Паука». И эта экономия видна, что называется, невооруженным глазом, поскольку Конран полностью сделал фильм с использованием технологии CGI, когда все, что окружает героев на экране, на самом-то деле пририсовано. Американцы даже попытались выдать данное кинематографическое творение за самый первый образец в истории, хотя были подобные опыты и у французов («Англичанка и герцог» Эрика Ромера), и у японцев («Шпион Зорге» Масахиро Синоды). Однако в мультибюджетной фантастике с грандиозными декорациями и всевозможной машинерией это действительно внове — иначе бы «Небесный капитан и мир будущего» обошелся в две сотни миллионов!

И вообще этот фильм напоминает ловкую, хоть и изысканную компиляцию из чужих сюжетов и идей, оказываясь своего рода аналогом «нового ковчега Тотенкопфа», так же развивая на протяжении всего повествования принцип реанимирования мира, как и в случае с экранным изображением Оливье. То

есть перед нами — абсолютно вторичная реальность, и для окончательной иллюзорности происходящего не хватает только того, чтобы и остальные актеры были заменены собственными отражениями. Тогда бы действительно возник тотальный «облик грядущего».

Если же судить по новаторским экранным опытам Роберта Родригеса, то этого режиссера ни в фильме «Дети шпионов 3D», ни особенно в «Городе грехов» ничуть не смущает реальное присутствие звездной команды голливудских исполнителей на компьютерно-генерированном фоне. Вдобавок можно облик Сильвестра Сталлоне разделить на пять ипостасей, а сидящего в инвалидной коляске Рикардо Монтальбана заставить выделывать номера похлестче, чем во времена его кинематографической юности. Или же создать не только виртуальную действительность видеоигры в третьем измерении, но и чрезвычайно стильную (в манере film noir) атмосферу вообще несуществующего в природе большого города из криминального комикса, где действуют такие узнаваемые герои с подлинными лицами известных актеров.

Собственно говоря, вопрос заключается не в том, произойдет ли когда-нибудь окончательная заме-

на играющих людей компьютерными моделями. Ведь есть такие великие режиссеры (каковым был, допустим, Робер Брессон), которые вообще предпочитают обходиться в кино лишь использованием непрофессионалов-натурщиков, превращающихся в их руках в своеобразные инструменты для извлечения нужных звуков. Лица исполнителей, мимика, жесты и манера держаться на экране выстраиваются в своего рода зримую симфонию. И судя по отзывам этих беспрекословно подчиняющихся чужой воле «марионеток» они испытывали во время работы с выдающимися мастерами кинематографа редкостное ощущение духовной сопричастности таинству, творящемуся у них на глазах. Вместо «похищения персоны» происходило обратное — возвеличивание собственной сущности.

Точно так же и в различных кинофантазиях определяющим становится не сам факт применения искусственно созданного изображения человека, а художественный результат, достигнутый с помощью новейших технических приемов. Это как раз тот уникальный случай, когда цель оправдывает средства. И напротив, трудно представить себе ситуацию, когда средства будут являться некоей индульгенцией, то есть прикрывать незначительность и даже нич-

тожность намеченной цели, когда происходит настоящее «похищение смысла». Хотя и предпринимаются неоднократные попытки выдавать современные блокбастеры за большие достижения кинематографа лишь на том основании, что в них как-то по-особому использованы спецэффекты.

Фильмы отнюдь не могут быть лучше или хуже от того, насколько удачно произведена подмена на экране, насколько ловко одно выдано совсем за другое. В конечном счете все решает исключительно талант постановщика. И нет принципиальной разницы — генерирован ли на компьютере облик героя или же воплощен истинным лицедеем. Между прочим, основа любого искусства — это лицедейство, грубо говоря, игра с помощью собственного лица, а в более широком смысле слова еще и перевоплощение, фактически — трансформация своей персоны в художественных целях. Так что внешне выглядящая фантастической идея «похищения персоны» оказывается на самом деле сутью актерства, разыгрывания в лицах, смены личин и масок, перемены ролей. И новый способ CGI надо рассматривать только как один из исполнительских приемов в сокровищнице настоящего мастера творческой имитации.

Сергей КУДРЯВЦЕВ

КАПКАН ВРЕМЕНИ

(SLIPSTREAM)

Производство компании Motion Picture Corporation of America, 2005.

Режиссер Дэвид ван Эйссен.

В ролях: Шон Остин, Ивана Милишевич, Винни Джонс и др. 1 ч. 29 мин.

Машины для перемещения во времени бывают разными — в виде автомобиля, крейсера, телефонной будки, кресла с колесиками, звездолета, наручных часов... Новая модель действующего межвременного переходника выглядит точь-в-точь как прозрачный корпус «сименса» 45-й серии. Разработан он тихоней-профессором Стюартом Конвеем (Шон Остин).

Функциональность приборчика Конвей решил проверить прямо в банке, аккуратно во время получения зарплаты: получить наличные, перемотать таймер на десять минут в прошлое, получить еще разок, перемотать, получить... Ну кто же знал, что за ним устроили слежку агенты ФБР, и पुще того, в момент темпорального скачка банк будет грабить банда отморозка Бриггса (Винни Джонс) — новоявленного «Буча Кессиди»? Результат — пара незапланированных трупов. Наш благородный герой решает все исправить, отматывает время назад — и в результате получает еще одного убитого, на этот раз агента ФБР. Дальше — больше. И вот уже несколько человек не могут вырваться из временной петли — ведь вернуться во времени можно лишь на десять минут...

Выделенный ван Эйссену мизерный бюджет не пошел на гламурные спецэффекты, отчего фильм ничего не потерял. Наоборот, использовав на полную катушку талант приглашенных актеров, удалось снять добротную ленту на тему, как опасны игры со временем.

Сюжетно картина Эйссена напоминает «Провал во времени» с Белуши, за исключением мрачной атмосферы фильма 97-го года. В «Капкане...» все намного мягче и в чем-то утонченнее. Блистательный актерский ансамбль, лихо закрученный сюжет, неутомительный экшн... что, несомненно, привлекло бы зрителя, если бы не резали глаз сюжетные нестыковки.

Но поток времени — такая вещь, о которой никто, кроме ученых, не имеет ни малейшего представления. Поэтому требовать от приключенческого боевика разнообразных научно-технических откровений о природе времени, по крайней мере, глупо — чай, не канал «Дискавери»...

Просто насладитесь неплохим зрелищем. Фильм того стоит.

Вячеслав ЯШИН

ОСТРОВ

(THE ISLAND)

Производство компаний DreamWorks SKG и Warner Bros., 2005.

Режиссер Майкл Бэй.

В ролях: Эван Макгрегор, Скарлетт Джоханссон, Шон Бин, Стив Бушеми, Джимон Хонсу и др. 2 ч. 16 мин.

У этого фильма были все предпосылки, чтобы стать одним из хитов нынешнего киносеzona. Солидный двадцатимиллионный бюджет; участие в проекте сразу двух монстров кинобизнеса DreamWorks и Warner, режиссер — мастер зрелищного кино («Скала», «Армагеддон», «Перл-Харбор»), парочка мегазвезд в титрах, например, Шон Бин или недавний Оби Ван Кеноби — Эван Макгрегор; модная и широко обсуждаемая тема клонирования...

Тем не менее, фильм в прокате провалился. Не пожелал американский зритель потреть блюдо, специально для него, американского зрителя, сваренное. Особенно работа на целевую аудиторию заметна в сценарных построениях: стоит возникнуть этическим уравнениям, как сюжет тут же упрощается. Вполне возможно, что именно поэтому, а также из-за некоторой «недожатости» ключевых моментов постепенно умнеющий зритель не принял этот фильм. Ведь само зрелище выглядит весьма захватывающим. И только ради визуального ряда — будто собранного «по нитке» со всех антиутопий подземного обиталища клонов, видов городов 2019 года, всевозможной затейливой техники из ближайшего будущего, блестяще снятых в стильной клиповой манере погонь — стоит посмотреть фильм.

Итак, в некоем подземном и донельзя автоматизированном городе обитают клоны, которые думают, что они — единственные оставшиеся в живых после техногенной катастрофы земляне. Их главная мечта — попасть на Остров, настоящий рай на земле. Главный герой неожиданно выясняет, что на самом деле все жители города — всего лишь запчасти для богатых и знаменитых из внешнего мира, а из тех, кого якобы отправляют на Остров, просто вынимают органы для пересадки, а потом утилизируют... Герой с подружкой бегут из подземного города и все оставшееся экранное время занимаются тем, что спасаются от преследующего их военного спецназа в совершенно незнакомом и непонятном мире... В лентах такого типа можно со стопроцентной гарантией ожидать хэппи-энда. И он случится, не сомневайтесь.

Тимофей ОЗЕРОВ

ПИДЖАК

(THE JACKET)

Производство компании Mandalay Pictures (США), 2005.

Режиссер Джон Мэйбери.

В ролях: Эдриан Броуди, Кайра Найтли, Дженифер Джейсон Ли, Крис Кристофферсон, Келли Линч, Бред Ренфро. 1 ч. 42 мин.

Ветерана войны в Персидском заливе Джека Старкса после тяжелого ранения демобилизуют из армии. По дороге домой Джек спасает маленькую девочку Джеки, затем влипает в историю с полицейским, и его обвиняют в убийстве. Из-за приступов амнезии Старкс ничего не помнит, и его помещают в психиатрическую клинику. Главврач больницы, доктор Беккер, для изменения склонности к насилию своих неуравновешенных пациентов использует экспериментальные лекарства и особые методы лечения. Джека накачивают наркотиками и помещают на несколько часов в закрытый бокс морга, где у него начинаются галлюцинации. В бреду сознание Старкса перемещается в 2007 год. Там он встречается с выросшей Джеки и узнает от нее, что он умер много лет назад. А в «настоящем» самого Джека его смерть наступит через несколько дней. Теперь, когда у Старкса есть возможность путешествовать во времени, он решает изменить и предотвратить злополучные события, а главное — узнать причину своей смерти...

Неровность сценария и наивность сюжета почти незаметны на фоне элегантного стиля триллера. В чем немалая заслуга не только Мэйбери, использующего съемки крупным планом, панорамы заснеженных зимних пейзажей и черно-белые интерьеры, но и игра Эдриана Броуди. По слухам, актер чрезвычайно внимательно отнесся к своему персонажу и использовал метод Станиславского, вживаясь в роль. Он не только сидел на строжайшей диете — что уже подвиг с его телосложением, но надолго замуковывал себя в замкнутом пространстве, а также много времени проводил в тюремной обстановке.

Если бы не ощущение недосказанности некоторых сцен, словно сокращенных и урезанных, и неоднозначный эпилог, «Пиджак» можно было бы отнести к психологическим триллерам на ту же тему — вроде «12 обезьян», «Донни Дарко» или даже «Эффекта бабочки», однако у этих картин был куда более закрученный сюжет. После просмотра лент такого рода у зрителя появляется возможность хоть на миг задуматься о смысле жизни и бренности всего сущего.

Вячеслав ЯШИН

ВЕРСИЯ 1.0

(ONE POINT 0)

Производство компаний Armada Pictures и VIP 2 Medienfonds (США—Румыния—Исландия), 2004.

Режиссеры Джефф Ренфро и Мартейнн Торссон.

В ролях: Джереми Систо, Дебора Унгер, Ланс Хенриксен, Удо Кир, Брюс Пэйн и др. 1 ч. 29 мин.

Программист Саймон (Джереми Систо), живущий в трущобном доме, каждое утро находит странные пустые посылки, неизвестно каким образом попадающие к нему в квартиру. Да и за собой Саймон начинает замечать странности. Он постоянно хочет покупать — но только молоко, и ничего, кроме молока. А еще у него начинаются визуальные и звуковые галлюцинации, его компьютер полностью забит вирусами, в квартире раздаются непонятные телефонные звонки, необычные соседи погибают один за другим. Короче, дело пахнет паранойей, но вскоре Саймон узнает невероятную правду: его организм заражен бета-версией электронного вируса, запущенного продовольственной компанией «ФЕРМА», скупившей на корню почти весь город... Как правило, когда клипмейкеры начинают снимать кино, результат далеко не всегда оправдывает ожидания. В основном дело не идет дальше качественного видеоряда и удачно наложенной музыки. К счастью, бывают и приятные исключения.

Соединив сюрреалистическую утопию в духе Оруэлла и Гиллиама с кафкиански мрачным восприятием окружающего мира, наложив все это на обыденность, кажущуюся наркотическим бредом от Филипа Дика, и основав все это на логических умопостроениях в стилистике «Экзистенции» и «Матрицы», режиссерам удалось создать нечто особенное. Ренфро и Торссон, использовав минимальный бюджет, сняли невероятно убедительный и мозаично-многогранный антирекламный триллер. «Версия 1.0» — из числа редких фильмов, страшных не сами по себе, однако вызывающих острый эмоциональный приступ фобии не только к настырной рекламе, но к всемогущим корпорациям, продвигающим свой продукт любыми средствами. Гражданская ли позиция, неприятие зомбирования сограждан или же иные причины побудили режиссеров снять фильм, идущий вразрез с привычным им рекламным бизнесом, но результат ошеломляющий: две номинации на лучший фильм, Гран-при жюри кинофестивалей в Каталонии и Санденсе и две награды Fant-Asia Film Festival. Неплохой результат для дебютантов.

Алексей АРХИПОВ

ЧУЖОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

(ALIEN ABDUCTION)

Производство компаний The Asylum и Chapman/Leonard Studio Equipment Inc., 2005.

Режиссер Эрик Форсберг.

В ролях: Меган Ли Этридж, Грифф Ферст, Марисса Морсе, Джилон Гай, Патрик Томасси, Бобби Джеймс и др. 1 ч. 35 мин.

Молодая женщина Джин и трое ее друзей отправились в лес. Но веселое времяпрепровождение обернулось жутким кошмаром — среди ночи путешественники были атакованы злобными пришельцами. Очнувшись, героиня обнаруживает себя в клинике, где ее исследуют и проводят всевозможные тесты. Девушку ждет незавидная участь: для других пациентов, побывавших в лапах инопланетян, подобные исследования закончились весьма плачевно. Медицинский и военный персонал бездушен и жесток, а опыты, проводимые над пациентами, безумны.

Создатели ленты достаточно вольно обращаются с известными сюжетами, коих в картине можно обнаружить великое множество. Самым ярким является эпизод с побегом через лес, снятый точь-в-точь как в «Ведьме из Блэйр». Это накладывает отпечаток на восприятие триллера — он начинает выглядеть пародийным трэшем. К тому же и повествование, и декорации похожи на видеоигру-бродилку от первого лица, в которой каждый шаг, каждый эпизод приводят к различным вариантам действий.

Несмотря на некоторые сценарные огрехи, связанные, скорее всего, с низким бюджетом, фильм вышел вполне «смотрибельным». С неожиданными сюжетными поворотами, которых так не хватает современному кино, и интересным эпилогом. В период расцвета научно-фантастического трэша 40-х и 50-х годов картина «Чужое вмешательство» вполне могла бы занять достойное место в нише классических «фильмов вторжения». Да и сейчас, в эпоху повального недоверия к правительствам, посеянного зернами «X-files», лента наверняка будет интересна поклонникам лозунга «Они среди нас!». Однако, чтобы удовлетворить потребности современного зрителя, расслабленного последними достижениями компьютерной графики, требуются куда большие финансовые вложения в спецэффекты и повышение «звездности» актеров. И если режиссеру удастся совместить свою независимость с переходом в высшую когорту фильммейкеров — зритель, вероятно, получит несколько оригинальных и кассовых лент.

Вячеслав ЯШИН

К Р И С Р О Б Е Р С О Н

О, ЕДИНСТВЕННЫЙ!

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

В золоте утра Цу И неподвижно стоял в Саду, Услаждающем Взор. Он смотрел на абаковых рыбок сквозь прозрачную гладь пруда и мыслью пытался постичь пределы и беспредельность. За стеной, в Запретном городе, уже закипала жизнь, туда и сюда сновали императорские пажи, евнухи и министры. Но здесь, в этом тихом саду, царил первозданный покой.

Кроме Императорской Счетной палаты, в которой Цу И, сменив своего отца, уже много лет служил старшим счетоводом, единственным местом, где он любил находиться, был этот сад. Несмолкаемый шорох костяшек, скользящих по смазанным стержням, ласкал его слух лучше музыки и был привычной биения сердца. И все же порой ритмы этой симфонии начинали его утомлять. В этих редких случаях утешением ему становились строгая тишина пруда и геометрическая красота окрестных угодий.

Как-то, в бытность свою старшим счетоводом, отец (Цу И тогда еще даже не поступил в ученики) объяснил ему, что главные враги счета — время и средства. Один человек с одним абаком, но неограниченным запасом времени, способен выполнить любую математическую операцию. Неограниченное число людей с бесчисленными счётами в руках могут произвести любое вычисление мгновенно. Но жизнь человеческая не безгранична и не безгранично число императорских слуг. В достижении равновесия между этими крайностями и заключается основная задача старшего счетовода.

Чтобы получать нужные императору ответы, в Императорской Счетной палате искусно орудовали счётами сотни людей. Но за каждым шелчком костяшки о костяшку наступало мгновение тишины, и эта пауза, пусть и мимолетная, всегда напоминала Цу И о крайних точках достигнутого равновесия между пределами и беспредельностью. В этот краткий миг враги счета торжествовали победу.

Когда-то в детстве Цу И видел радостный сон. Бескрайняя равнина, насколько хватало глаз, была запружена людьми. Их головы склонились над деревянными рамками, их пальцы пляшут по вишневым костяшкам, и каждый из них выполняет лишь одну простейшую операцию, зато вместе, сообщая, они вмиг решают любую мыслимую задачу. В этом сне не было того предательского шелканья и клецанья, что всегда окружали отца: каждая секунда тишины заполнялась тут цокотом костяшек, рожденный в итоге звук был монотонен и глух, и ни один миг не был отличим от другого.

Лишь в полной тишине Цу И ощущал нечто подобное, и лишь ти-

шину Сада, Услаждающего Взор, он находил достаточно полной. Без единого слова и жеста, с улыбкой, закрыв глаза, стоял он у края воды и ощущал себя частью той безграничной равнины, где любая задача решается за один миг.

Шарканье ног по плитам дорожки заставило Цу И очнуться. В ворота сада неспешно входил королевский инспектор Ба И. Как и старший счетовод, он, похоже, находил успокоение в этих стенах молчания, и они нередко обменивались любезностями во время случайных встреч.

— Утро доброе, господин старший счетовод! — поздоровался Ба И, сходя к воде с бумажным свертком в руках. Остановившись напротив, у южного пруда, он ловко развернул обертку и извлек оттуда кусок ветчины, зажатый меж двух ломтиков хлеба. Пришедшее с самых окраин империи, с берегов далекой холодной Англии, это новомодное блюдо не нравилось Цу И. Он был консервативнее, чем готовый к авантюрам инспектор.

— Столь же доброе, сколь сердце императора, — отозвался Цу И, чуть склонив голову. Под его началом трудились сотни людей, и следовательно, в иерархии жизненного храма Цу И стоял на ступеньку выше инспектора. Но, отдавая дань тому огромному влиянию и свободе, что императорской милостью были дарованы последнему, старший счетовод, разумеется, всегда выказывал тому уважение, граничащее с подобострастием.

Ба И кивнул в ответ и, отщипывая кусочки хлеба, принялся бросать их в воду. Населявшие южный пруд абаковые рыбки — красивый, но донельзя медлительный гибрид — закружились в неспешном танце, хватая губами крошки. В изменчивом солнечном свете, преломленном сонной водой, их золотые чешуйки сверкали и играли, как самоцветы. Этих рыбок вывели путем скрещивания особей, отличавшихся наибольшей склонностью к плаванию тесными стайками. Цель состояла в том, чтобы, задав рыбкам задачу вспылками фонарика, получить ответ, подсчитав их число в подплывшей стае. Однако во время испытаний выяснилось, что хотя рыбы решения и отличаются достаточной точностью, они все же не имеют никакого смысла: любой ученик в Счетной палате производил эти операции быстрее. Впрочем, перенесенные химические и биологические воздействия не пропали даром: чешуя ленивых абаковых рыбок выглядела куда эффектней, чем у исходного вида. Так что в Саду, Услаждающем Взор, плодам неудачного эксперимента нашлось подходящее место.

— Да простит меня старший счетовод, — заметил Ба И, стяхивая с ветчины последние крошки и направляясь к северному берегу, — но порой мне кажется, что движения этих несчастных созданий до сих пор напоминают скольжение костяшек по стержням абака. Даже устремляясь за пищей, они выстраиваются в равновеликие колонны и ряды...

Оторвав от куска ветчины тонкую полоску, инспектор бросил ее в пруд — и тот вспенился и забурился, лишь только мясо коснулось воды. Ил, поднятый со дна силой образовавшегося водоворота, окрасил воду в пепельно-серый цвет.

— Поразительно верное наблюдение, — согласился Цу И, подходя к инспектору и любуясь причудливым танцем искр у поверхности.

Абаковые рыбки этого вида были намного проворнее своих медлительных соседей, но столь же непригодны для вычислений. Воплощенная прожорливость, они произошли от плотоядных рыб, завезенных с южного континента западного полушария. Повинуясь сигналам с воздуха и получая в награду сырое мясо, они выполняли вычисления быстрее любого работника Счетной палаты, но с неприемлемо высокой погрешностью. Как и их неповоротливые собратья, эти хищные создания отличались диковинной внешностью (радужная чешуя в сочетании с бритвенно острыми зубами и зубчатыми плавниками), поэтому из Императорского Министерства по Экспериментам перебрались в сады, когда Цу И был еще ребенком.

— Рыбы лишь подражают процессу подсчета, как птица-пересмешник — человеческой речи: грубо и бездумно. — Цу И вздохнул. — Человеку, увы, пока нет замены.

Инспектор хмыкнул и бросил в воду остатки ветчины.

— Но разве костяшка счётов знает о своем предназначении? — спросил он. — Разве не одному счетоводу известен высший смысл?

— О, досточтимый инспектор. Точно так же и император, Сын Неба и Владыка десяти тысяч лет, повелевает людскими жизнями и судьбами. Нам нет нужды вдаваться в высшее устройство, куда нас ведет его рука.

Эта цветистая фраза не вполне точно отображала настоящие мысли Цу И по данному поводу, но такой ответ был более дипломатичен, чем тот, что напрашивался сам собой.

Инспектор хмыкнул снова и вытер пальцы обшлагами длинных рукавов. Потом, глянув через плечо Цу И на вход в сад, Ба И вскинул брови и кивнул.

— Должно быть, вы правы, — сказал он с легкой усмешкой. — Кажется, одну из костяшек, вас или меня, в скором времени сдвинут отсюда. Можете угадать, какую?

Цу И обернулся: к ним приближался императорский паж.

— Вот и я не могу, — сказал инспектор раньше, чем Цу И успел ответить. А когда паж с поспешным поклоном вручил старшему счетоводу пергаментный листок, Ба И усмехнулся и, кивнув еще раз, вновь сосредоточил взгляд на рыбках. От мяса уже ничего не осталось, но в илистой серой воде все еще кипела пена.

В тронном зале его ожидали министры и придворные, евнухи и слуги, императрица-мать за ширмами, ее фрейлины с нарисованными масками лиц и даже сам император на Золотом троне Дракона. Все взгляды были прикованы к неподвижному кубу какой-то машины. Словно ядовитая жаба, она маслянисто и хищно поблескивала на лакированном паркете, а рядом нервно переминался ее хозяин, чужеземный демон.

У дверей тронного зала старшего счетовода встретил министр-распорядитель. Метнув в опоздавшего Цу И негодующий взгляд, министр буквально втащил его в зал. Оба тут же упали на колени и, склонившись в земном поклоне перед императором, дважды коснулись лбами холодного пола, ожидая дозволения встать.

— Сын Неба не любит, когда его заставляют ждать, — сказал император, лениво поглаживая пальцами красно-золотую безделушку. — Приступайте.

Когда император выпрямился и опустил руки на резные подлокотники старинного маньчжурского трона, Цу И увидел, что предмет на монарших коленях — миниатюрная копия Императорского космического судна. Более крупная модель, в половину натуральной величины, висела под потолок зала. Это была внушительного вида конструкция из красного, покрытого лаком вишневого дерева и тонкой золотой филигрании, с изящно изогнутыми плавниками стабилизаторов и имперским гербом над лобовыми иллюминаторами. То, что император не любил ждать, ни для кого не было секретом. Взойдя на трон Дракона десять лет назад, он с тех пор интересовался лишь одним — полетами в космос — и тратил на это все средства самого могущественного государства на земле. Столетия назад его предки завоевали три четверти мира, дед и отец продолжили начатое и привели под красное знамя Поднебесной оставшиеся страны, а теперь император Земли стремился покорить звезды.

За годы его правления четыре из пяти запросов на вычисления, поступавших в Императорскую Счетную палату, исходили из Министерства Небесных Путешествий — учреждения, созданного специально для развития и совершенствования искусства космических полетов. Цу И никогда не придавал этому особого значения. Просматривая полученные решения и заверяя их своей печатью — иероглифом, означавшим одновременно «завершение» и «удовлетворение», — он никогда не задумывался, зачем ученым, мудрецам и алхимикам нужны эти ответы. Старший счетовод резонно полагал, что его дело — считать, а уж о применении этих результатов пусть беспокоится кто-то другой... И вот, впервые представ перед светлые очи императора, Цу И обнаружил, что он-то и есть в конечном итоге этот «кто-то другой».

Тем временем министр-распорядитель сделал заморскому демону знак, и тот нерешительно шагнул вперед. Он был длинный, тощий и белый, с копной светло-русых волос и жидкими усиками, спускавшимися к подбородку вдоль уголков рта. К переносице демона были прикреплены круглые стекла в оправе, а черный шерстяной костюм был заношен до прозрачности и лоснился на коленях.

— Десять тысяч извинений, Ваше Величество, — произнес министр-распорядитель с глубоким поклоном, — однако позвольте представить вам Проктора Непиера, научного атташе в столице Империи от покоренных земель Британии, столетия назад завоеванных славными предками Вашего Величества.

Император слегка склонил голову, давая понять, что согласен выслушать чужеземца.

— О, император, да будет благословенна ваша снисходительность! — воскликнул Проктор Непиер для начала. — Я пришел к вам в поисках покровительства.

Пальцы на монаршей руке нервно дрогнули.

— Я прибыл к этим берегам по поручению преданного вам правительства моего острова, — продолжал Непиер, — для содействия императорским исследованиям. Моя специальность — логика и анализ, но в последние годы меня все больше увлекают вопросы вычисления. Размах грандиозных планов Вашего Величества беспримечен. Но покорение Луны и дальних планет, изучение движения небесных светил — все это требует множества сложных расчетов. Каждое же вычисление, в свою очередь, требует средств, времени и сил. Я льщу себя надеждой, что все эти затраты можно уменьшить на порядок, дабы ускорить ваше продвижение к цели.

В душе Цу И, который и не подозревал, зачем его вызвали к императору, зародились самые мрачные предчувствия. Огромным усилием воли он сдержал желание заставить заморского демона замолчать. Но его кулаки в глубине длинных рукавов сжимались все сильнее.

— С милостивого позволения Вашего Величества, — заливался тем временем Непиер, — я вкратце поясню основы моего открытия. — Он махнул рукой в сторону промасленной конструкции. — Главный принцип работы этого устройства заключается в особой системе счета. Назовем эту систему «бинарной». Изобретенная в Европе, она тем не менее корнями уходит в глубь древней китайской философии, а потому, на мой взгляд, достойна быть представленной вашему монаршему взору.

Император шевельнул бровями, что приравнялось к одобрителю кивку, и чужестранец продолжил:

— Триграммы И-Цзин базируются на структуре инь и ян — силах природы, дополняющих друг друга. Эти триграммы, кирпичики, из которых строится И-Цзин, состоят из сплошных и прерывистых линий. Из этой-то пары значений и может быть образовано любое множество комбинаций. Двести лет назад один ученый немец по прозвищу Готфрид Лейбниц положил эту базовую структуру в основу полноценной системы счисления, в которой любую величину можно закодировать с помощью двух символов. Он выбрал для этого арабские цифры 1 и 0, но вместо них можно подставить иероглифы инь и ян — система по-прежнему будет работать. Все дело в декодировании. Используя арабские обозначения, единица обозначается как «1», два — как «10», три — как «11», четыре — как «100» и так далее...

Император демонстративно вздохнул и выразительно взглянул на крошечную модель космического корабля — это означало, что представление ему наскучило.

— О, черт... — испуганно пробормотал Непиер и поспешил добавить: — Что и подводит нас к моему открытию. — Он повернулся и шагнул к стоявшему позади сооружению из лоснящегося металла. Высотой оно было в человеческий рост и почти такой же ширины — грубый куб из меди и железа, совершенно неприглядный на вид и без единого украшения. Сверху конструкцию венчала латунная рамка с деревянными дощечками: на каждой — число или математический знак. На лицевой, повернутой к императору, стороне куба имелась панель с выпуклыми медными кнопками: три ряда по пятнадцать

штук. Блеск металлических частей машины несколько мерк под слоем масла и сажи.

— Я назвал это устройство аналитической машиной. Приводимая в действие обыкновенным мотором, она состоит из множества переключателей, каждый из которых с помощью шестеренок и зубцов может быть установлен в положение «вкл» или «выкл». Приписывая каждому из двух положений бинарные значения, мы, таким образом, можем представить любые числовые значения — было бы только достаточное количество переключателей. Учитывая пять операционных переменных и возможность мгновенного отображения результата, — он указал на дощечки, венчающие устройство, — в теории, аналитическая машина способна решить любое заданное уравнение. Каждый, кто хоть немного владеет чтением и обучен вводу чисел, может производить сколь угодно сложные вычисления быстрее и точнее целого штата обученных счетоводов. Это, разумеется, всего лишь экспериментальная модель, способная оперировать ограниченным набором чисел, — смущенно признался Непиер и тут же торопливо добавил: — Но при соответствующем финансировании я мог бы сконструировать машину, свободную от ограничений.

У Цу И кровь застучала в висках, хотя внешне перед лицом императора он был все так же молчалив и спокоен.

— Вы позволите? — спросил Непиер, поглядывая то на императора, то на свое творение и нагло приподнимая бровь.

Император едва заметно шевельнулся, и министр-распорядитель тут же шагнул вперед.

— Можете продемонстрировать свое устройство в действии, — провозгласил он, чуть склонив голову, но при этом не спуская глаз с Непиера.

Нервно отерев потные ладони о полупрозрачные штаны, Непиер опустился на корточки и ухватился за деревянную рукоятку позади машины. Скрючившись, с усилием на бледном лице, он провернул рукоятку на дюжину оборотов. Грохот при этом стоял такой, что у Цу И заныли зубы. Когда старшему счетоводу стало казаться, что он не вынесет этой муки, двигатель наконец зачихал, закашлял и, вздрогнув, воспрял к лязгающей жизни. Из щелей металлического куба повалили клубы едкого дыма, а с одного бока закапало масло, собираясь в грязную лужицу на лакированном полу.

Облизнув губы, Непиер обошел машину кругом и, встав спереди, положил пальцы на ряды медных кнопок.

— Начнем с простого, — объявил он. — Кто-нибудь может продитковать мне два числа?

Ответить никто не рискнул: все напряженно следили за грохочущей машиной, опасаясь какого-нибудь подвоха.

— Вот вы, сэр, — обратился Непиер к Цу И, — не могли бы назвать пару чисел?

Под устремленными на него взглядами, среди которых не последним был взгляд императора, Цу И только и оставалось, что кивнуть и проглотить просившиеся на язык слова.

— Один и два, — произнес он, опустив глаза долу.

Окинув напоследок собрание взглядом, словно в ожидании других вариантов, Непиер пожал плечами и одну за другой нажал четыре кнопки.

— Я приказал машине подсчитать сумму названных величин, — объяснил он. — Как только я нажму последнюю кнопку, — Непиер выдержал драматическую паузу, — вычисление начнется, и вы тут же увидите результат — вот здесь, сверху.

Выдавая склонность к театральным эффектам, Непиер медленно отвел руку назад и демонстративно нацелился пальцем на последнюю кнопку. Щелчок — и машина задымила и захрипела пуще прежнего. Под финальный грохот правая дощечка на крышке устройства завертелась на медной оси и остановилась на цифре три.

— Вот! — торжествуя воскликнул Непиер. — Ответ верный и получен без всякого человеческого вмешательства, кроме начального ввода цифр.

— Я видел лошадей, — спокойно заметил император, — которые выделывали трюки посложнее.

— Ваше Величество, — вмешался министр, сделав шаг вперед, — возможно, здесь требуется более показательная демонстрация. Господин старший счетовод?

Цу И вздрогнул и, повинувшись приглашающему жесту министра, нехотя двинулся вперед, до боли сжимая кулаки. Министр тем временем шелкнул пальцами, и откуда-то из тени на середину зала выскользнул паж с маленькой скамеечкой в одной руке и абакон в другой. Поставив сиденье на пол в нескольких шагах от дьявольской машины, паж протянул счета Цу И и с низким поклоном снова растворился в тени.

— С позволения Вашего Величества, — продолжал министр, — я бы предложил Проктору Непиеру с помощью машины и нашему досточтимому старшему счетоводу с помощью абака произвести не-

сколько вычислений. А Ваше Величество посмотрит, кто из них справится с заданием быстрее и точнее. Такой опыт скажет нам больше, чем любая демонстрация.

Император шевельнул бровями.

— Начнем, — объявил министр.

Цу И опустился на скамеечку. Лежащие на коленях счеты были прохладными и гладкими на ощупь. Он провел рукой слева направо: костяшки свободно скользили по стержням. Встряхнув счеты, Цу И сдвинул костяшки к исходному положению и, застыв пальцами над правым рядом, приготовился.

Министр-распорядитель руководил испытанием, диктуя цифры и арифметические операции с листочка, извлеченного из недр рукава. Он явно подготовился к этому состязанию машины с человеком заранее. Впрочем, весь этот спектакль был изначально задуман и поставлен именно министром-распорядителем, хотя ни один из актеров не признался бы в этом даже самому себе.

Первое задание заключалось в простом сложении: нужно было подсчитать сумму двух шестизначных чисел. Устройство Непиера еще гудело и плевалось, а у Цу И уже был готов ответ: машине понадобилось втрое больше времени, чтобы показать результат подсчета на деревянных дощечках.

Следом шло умножение, и Цу И снова финишировал первым. Однако на этот раз промежуток между ответом Цу И и ответом Непиера сократился: машина оказалась лишь вдвое медлительнее.

Третьей операцией оказалось деление четырехзначного числа на шестизначное. Цу И с колотящимся сердцем прокричал свой ответ лишь мгновением раньше Непиера. Министр назвал победителем старшего счетовода, даже после того как Непиер возразил, что машина настроена на деление до двух знаков после запятой, а значит, его результат точнее.

Четвертым, и последним, заданием было извлечение кубического корня из шестизначного числа. На этот раз, не желая повторять предыдущую ошибку, Непиер, как только были названы числа, крикнул, что ответ должен быть дан с точностью до сотых. Министр, не сводивший глаз с участников состязания, кивнул. Цу И, который уже всю трудился над решением, почувствовал ледящее прикосновение ужаса. При извлечении кубического корня каждый знак после запятой на порядок увеличивает время подсчета, а он и без того не был уверен, что закончит первым.

Цу И погрузился в работу, забывая даже дышать: только пальцы мелькали над костяшками. Он чувствовал, что ответ уже близко и лишь доли секунды отделяют его от лавров победителя... Мерзостную громыхающую машину и этого заморского мошенника разоблачат, а положению старшего счетовода и всей Императорской Счетной палаты уже ничто не будет угрожать...

— Готово! — воскликнул Непиер, отступая на шаг от аналитической машины, чтобы продемонстрировать результат. С маниакальным блеском в глазах он глядел прямо на императора, открыто и бесстыдно, словно ожидая аплодисментов.

Цу И окаменел. Лихорадочно проверив свои мысленные подсчеты, он понял: до ответа ему еще так далеко, что не хватит и нескольких минут. Он поднял голову, увидел цифры на дощечках и сразу определил: ответ верен.

— Что ж, вот все и решилось, — провозгласил министр-распорядитель. — Из четырех заданий традиционные методы оказались сильнее в большинстве случаев. Лишь подгоняя параметры испытания под возможности машины, Проктору Непиеру удалось вырваться вперед. А значит, его устройство — абсурд.

— Но... — начал было Непиер. Однако взглянув на каменное лицо министра и дворцовую стражу, окружавшую зал по периметру, чужеземец передумал. Он признал, что победителя нужно определять по результатам большинства тестов, и вынужден был смириться с итогом испытаний. Протестовать сейчас значило лишиться в лучшем случае репутации, а в худшем — чего подороже.

Цу И, к которому еще не вернулся дар речи, нетвердо поднялся на ноги и отдал счета пажу, снова возникшему из ниоткуда. Поклонившись императору, он попятился к дверям, заливаясь краской самоуничижения.

— Сын Неба просит одну минутку, — заявил вдруг император, в позе которого появилось подобие интереса. — Скажи, британец, сколько времени и труда тебе нужно, чтобы завершить те улучшения, о которых ты говорил? И кто тебе может помочь в этом? Как много твоих соотечественников преуспело в искусстве обращения с этой машиной?

Непиер, который уже печально зачехлял свое детище, мигом вскочил на ноги. Потерев нижнюю губу замасленным пальцем, он ответил:

— Чтобы избавиться от существующих ограничений — несколько месяцев, Ваше Величество. От силы — год. Еще столько же, чтобы

обучить людей: сейчас только я один разбираюсь во всех тонкостях работы с этой машиной. Я один, — не без гордости повторил он.

Император на удивление четко кивнул, даже дважды.

— Теперь оставьте нас, — велел он, и все повиновались.

За дверями тронного зала, пока Непиер вместе с командой пажей и евнухов разбирал и упаковывал свое сокровище, министр-распорядитель тронул Цу И за локоть.

— На минуточку, старший счетовод, — сказал он, увлекая того в укромную нишу, подальше от любопытных ушей.

— Благодарю вас, господин министр, — шепотом воскликнул Цу И, — за то, что позволили мне оказать нашему императору маленькую услугу.

— Я всего лишь выполнял свой долг, — скромно отозвался тот. — Запомните, однако, что благодарность императора за верную службу всего лишь уравновесит его недовольство вашим опозданием.

— Приношу свои извинения, — покорно ответил Цу И. — Но мне кажется странным, что вы послали за мной в Счетную палату в тот час, когда меня, как вам прекрасно известно, там не бывает. Разве при испытании иноземной машины не мог присутствовать один из моих подчиненных?

— Возможно, — сказал министр, прищурившись, — я просто запятовал, что вас не бывает в этот час в Счетной палате, и мне не пришло в голову, что кто-нибудь другой из ваших людей сгодится для этой цели. Но, возможно, — министр поднял вверх длинный палец, — это все же к лучшему, что на испытании присутствовал член Счетной палаты вашего уровня. Я всегда был уверен, что вы, господин старший счетовод, найдете решение даже там, где другой не увидит и проблемы.

— Но среди сотен тех, кто под моим началом совершенствуется в искусстве вычисления, очень многие близки к мастерству. — Цу И помолчал, а потом добавил: — Вы могли пригласить на испытание любого.

— М-м, — промурлыкал министр-распорядитель, — любой не смог бы показать столь очевидно, что устройство этого британца не соответствует требованиям императора. Теперь же столько талантливых счетоводов не останутся без работы.

Цу И не стал напоминать собеседнику, что упомянутые требования были выдвинуты вовсе не императором, а им самим, министром-распорядителем. Император же, судя по столь необычному его инте-

ресу к творению Непиера, был не до конца убежден министровым спектаклем. А значит, вопрос о нецелесообразности применения аналитической машины — не такое уж решенное дело, как хотелось бы надеяться.

— Не смею возражать, — ответил старший счетовод, поджав губы и посерьезнев. — Благодарю вас за эту мысль и ценю ваше доверие. Хотя меня в его методе более всего опечалило отсутствие красоты.

Министр понимающе кивнул и, подхватив полы одеяния, поплыл прочь, оставив Цу И в одиночестве.

Утро следующего дня застало Цу И в Саду, Услаждающем Взор, с закрытыми глазами, возле северного пруда. Почувствовав чье-то присутствие, он открыл глаза и увидел стоящего рядом королевского инспектора Ба И. Странно, что Цу И не слышал, как тот подошел.

— Чудесное утро, господин старший счетовод, — промолвил Ба И. На этот раз это было скорее утверждение, нежели вопрос.

— Да, господин инспектор, — ответил Цу И, глядя в воду. Она была мутной и серой, так что рыбки почти не просматривались. — Помоему, действительно, чудесное.

— Кто-нибудь мог бы заявить, — продолжал Ба И, — что это весь странно после происшествий нынешней ночи.

— Происшествий? — В голосе Цу И прозвучал интерес.

Инспектор вытащил из рукава завернутый в бумагу ломоть хлеба с мясом, развернул его и принялся бросать в пруд кусочки копченой свинины.

— Угу, — промычал он, уставившись в воду — тихую и спокойную, за исключением кругов, разошедшихся от брошенных крошек. — Кажется, рыба сегодня не голодна, — заметил он рассеянно, прежде чем поднять глаза и встретиться взглядом с Цу И. — Да, происшествий. Гость Запретного города, чужеземный изобретатель, испытыв счастье встречи с императором, бесследно исчез где-то в промежутке между тронным залом и главными воротами. Его изобретение обнаружили разбитым на кусочки в Большом внутреннем дворе: коробка, в которой оно лежало, видимо, упала с высокого балкона — однако случайно это произошло или по злему умыслу определить невозможно. Император потребовал от нашего управления тщательного расследования, поскольку он, кажется, собирался поручить чужеземцу какое-то задание. Но гостя не сыскать, и задание может так и остаться невыполненным. Все это не лучшим образом сказывается на нраве Сына Неба и Владыки десяти тысяч лет.

Цу И закивал, придав лицу приличествующее случаю выражение тревоги и любопытства.

— Что до самого чужеземца, — прибавил Ба И, пожав плечами, — как я уже сказал, он будто сквозь землю провалился. — Инспектор помолчал и добавил совсем обыденным тоном: — Вы ведь, кажется, присутствовали вчера на той аудиенции? Вам он, случайно, после этого не попадался?

Цу И покачал головой и честно ответил:

— Нет.

Старшему счетоводу нечего было бояться. Все его участие в этом деле заключалось лишь в нескольких верных словах, сказанных наиболее смышленным подчиненным, да полоске бумаги, которую в ранний утренний час доставил ему один из младших учеников. На этом листке, без подписи или личной печати, был начертан только один иероглиф, означавший «завершение», но подразумевавший «удовлетворение».

С раннего детства Цу И привык заниматься тем, что находил решения. Как эти решения использовали другие, было не его заботой.

— Хм, — снова промычал инспектор и, глядя на тихие воды пруда, покачал головой. — Быть может, их сегодня уже кормили, а?

— Возможно, — согласился Цу И.

Инспектор с разочарованным вздохом бросил остатки мяса в северный пруд, а кусочки хлеба — в южный, где ленивые рыбы начали свой медленный обеденный танец.

— Ну что ж, служба императору призывает меня вернуться, — сказал инспектор Ба И, отряхивая ладони, — так что мне пора. Надеюсь, я увижу вас завтра?

Цу И кивнул.

— Да, — молвил он, — пока что я никуда не собираюсь.

Инспектор попрощался кивком, на который Цу И ответил легким поклоном, после чего старший счетовод остался в саду один.

Цу И заглянул в пруд: ил начинал оседать на темное дно, открывая взору абаковых рыбок. Выстраиваясь в четкие ряды, они давали кому-то ответ на неведомый вопрос. Старший счетовод прикрыл глаза и в наступившей тишине представил бесчисленных людей, без устали трудящихся над бесчисленными счётами. Он думал о бесконечности и улыбался.

Перевела с английского
Зоя ВОТЯКОВА

Д Ж О Н М И Н И

БОМБА-СВАСТИКА

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

Огромный черный треугольный силуэт скользнул над головой, раздирая внутренности дисгармоничными волнами шума. Развернувшись в боевую позицию, дракон повис над колонной Нельсона. Стайка мирных голубей будто взорвалась и тут же рассеялась над Трафальгар-сквер, едва только тень врага коснулась мостовой.

«Хейнкель драке 22-Е». Я немедленно определил видовую принадлежность летательного аппарата, под крыльями которого уже шевелился, стремясь на свободу, смертоносный груз. Шум крыльев каменными волнами рушился вниз, а я посмотрел вверх — примерзнув к месту, невзирая на всю подготовку — и судорожно сглотнул, увидев это зрелище. Огромные кресты люфтваффе дополняли черные паучьи свастики, подвешенные в бомбовых люках.

Бежать!

Я приготовился сорваться с места... и в этот самый момент увидел ее. И влюбился.

Так бывает в весеннюю грозу, когда небо темнеет, и вдруг вопреки всему чья-то фигура на земле вспыхивает собственным белым светом... Это была она. Зачесанные вверх медовые волосы, бледное треугольное личико цвета слоновой кости над опрятным серо-голубым мундиром Королевских ВВС, округлившиеся глаза...

Их гибельный взгляд соприкоснулся с моим.

Боже мой. Какая красота...

И тут посыпались бомбы-свастики.

Она замерла в нерешительности возле высохшего широкого фонтана — черные изваяния львов остались за моей спиной. Ощувив движение над головой, я немедленно сорвался с места.

Когда я оказался возле нее, она уже сбросила туфли. Ухватив горстью куртку на спине — идеальной спине — незнакомки, я едва не приподнял ее, и мы, пронзая время, изо всех сил рванули в сторону высокой и бледной церкви Святого Мартина в Полях, а сверху на нас падали большие когтистые кресты.

Они шелкали, дергались, готовясь убивать.

Беги.

Мысли ее превратились в мои собственные, слились воедино, пусть движение не позволяло нам заговорить: мы стали приматами, бегущими в смертельном испуге и азарте борьбы за свою жизнь.

Быстрее.

Внезапно мы оказались возле стены здания, я повернул было в сторону Чринг-кросс, но она потянула меня влево, и мы затормози-

ли возле груды мешков с песком как раз в тот самый миг, когда за спиной рыкнуло. С нарастающим грохотом похожие на огромных соединенных черных червей бомбы хлестали неистово, разбивая гранит, как папье-маше; внутреннее давление в них нарастало, разрывая мешочки с вирусной отравой и пузыри с кислотой.

Спотыкаясь, мы бросились вниз по ступеням, и чьи-то добрые руки втянули нас в помещение. Мы стояли внутри полутемной церковной крипты — в безопасности.

Уцелели...

И в этот полный восторга момент мы крепко обнялись и поцеловались, словно можно было навсегда слиться в этом порыве счастья.

Я спросил ее:

— Ты выйдешь за меня замуж?

И она ответила:

— Да.

И тогда мы назвали друг другу свои имена.

Так уж было принято в те дни, когда никто не знал, что ждет его завтра и послезавтра — жизнь или смерть.

— Меня зовут Лаура. — Она еще не отдышалась, но, несмотря на это, голос ее был волшебно мелодичен.

Сумрачная, освещенная лишь мерцающими оранжевыми огоньками свечей крипта была полна народу. Люди сидели на полу и стояли у стен. Некоторые из них были в гражданской одежде, однако в основном нас окружали военнослужащие в защитном обмундировании. Люди горбились, стоя на трехсотлетних плитах пола, погрузившись в собственные думы или же негромко переговариваясь друг с другом.

Однако для меня здесь существовала только Лаура — подлинная и прекрасная.

— Слышишь?

Руки ее напряглись, и я услышал чистый, серебристый свист, внезапно заполнивший пространство.

Сдержанно улыбнувшись, она шепнула:

— А теперь подождем.

Издали донесся грохот, и мне невольно представились вспышка огня и волна жара. И тут все услышали странный и жуткий крик раненого бомбардировщика-дракона.

Спитфайры!*

* Марка английских истребителей. В данном произведении обыгрывается название этого истребителя, переводящееся как «извергающий пламя», весьма подходящее для боевых драконов. (Здесь и далее прим. перев.)

По подземелью пробежал радостный крик.

— Сукин сын Джерри* получил по заслугам.

Позже мы узнаем все обстоятельства: и как отважные молодые люди забрались в крошечные кабинки, устроенные на хребтах серебристо-зеленых рапторов, и как соединились с нервными узлами своих небесных коней, и как, сложив крылья, низринулись с облаков, а потом как можно шире расправили их — целя под огромные треугольные крылья, мимо потрясенных пилотов, увидевших, что принесенная ими смерть обращается против них самих.

Свирепая схватка оказалась нелегкой, ибо драконы люфтваффе прилетели с собственным эскортом — изумрудно-зелеными «мессершмиттами фальке 104», страшными соколами, блестящими под лучами солнца. Вскоре над осажденным Лондоном завязались поединки: более быстрые немцы догоняли маневренные спитфайры — с обеих сторон отважные молодые люди, наделенные железной волей и молниеносной реакцией, сражались за свои государства, рискуя собственной жизнью.

Огромный бомбардировщик-дракон, нанесший удар по Трафальгар-сквер, получил серьезные повреждения в первые же секунды: от языков пламени и строп, брошенных с проскользнувших мимо спитфайров. Раненый черный дракон поднялся повыше, напрягая треугольные крылья, однако раны были смертельными, в теле его разрывались жизненно важные органы, и экипаж ничего не мог сделать... чудовище по плавной дуге направилось к водам Темзы.

Оно рухнуло в волны, и высоко взметнувшийся фонтан проглотил надежды противника захватить экипаж живым: люди не могли уцелеть, когда хребет дракона переломился пополам.

Потом, уже вечером, толпа взрослых с редкими вкраплениями неэвакуированных детей следила с набережной за тем, как флотские тральщики вытаскивали огромную тушу: прозекторы Королевских ВВС уже ожидали на берегу.

Однако все еще ярившаяся над головами воздушная битва уже отодвинулась в сторону, по крипте побежал вздох облегчения, засветились огоньки сигарет.

— Вот, — Лаура передала мне мои очки. — Конечно, если они тебе пригодятся.

Очки пережили нашу гонку лишь для того, чтобы свалиться на могильный камень под нашими ногами. Одно из стекол треснуло.

— Спасибо. — Я убрал их во внутренний карман пиджака, дву-

* Пренебрежительная кличка немцев у англичан, аналог нашего Фрица военных времен.

бортного, коричневого, теперь изрядно запыленного, и огляделся в поисках шляпы. — Могут еще пригодиться.

— Для маскировки? Совсем рядом с Уайтхоллом? — На изящных губах появилась улыбка. — Или же простые стекла можно использовать не известным мне способом?

— Ты очень наблюдательна.

— Не только... Подозреваю, что мы направлялись в одно и то же место, любимый.

Потом провыли сирены отбоя воздушной тревоги, и настало время идти.

Когда мы пересекали площадь, в чистом небе маячил один лишь далекий дирижабль службы обнаружения, его синие жабры трепетали, извлекая из воздуха посеянные врагом разведывательные семена и споры микробов.

Рука об руку с Лаурой мы обогнули еще шевелившиеся куски черных каучуковых каркасов бомб-свастик, в то время как скарабеи, потребляющие остатки бомб, ползали среди обломков, направляемые техниками в асбестовых костюмах. Экипажи уборочных верблюдов уже пускали в воздух антивирусный туман над разлитыми повсюду желтыми и мерзкими по виду лужами.

Осторожно ступая, стараясь не угодить в кислотные лужицы и озера токсинов, мы свернули к Уайтхоллу. Удивительно, но военные действия не коснулись бульвара. Бело-серые здания горделиво стояли во всей своей красе; их укрытые мешками с песком оконные переплеты времен Регентства*, за которыми угадывались плотные маскировочные шторы, скрывали прокуренные кабинеты Военного министерства, запасные помещения Адмиралтейства и Военной разведки.

В этих домах размещался интеллектуальный центр британской оборонительной машины в те мрачные дни отчаянного сопротивления перед почти неминуемой капитуляцией, когда казалось несомненным, что блицкриг уничтожит нас всех.

На ступеньках перед высокими массивными дверями — мы действительно направлялись в одно и то же место — Лаура легонько поцеловала меня в щеку. Потом мы вошли внутрь, и Лаура по-военному козырнула часовым, в то время как я вежливо кивнул, подчеркивая тем самым свое якобы штатское положение.

В фойе сердце мое затрепетало: мы расставались впервые.

Клубы сизого трубочного дыма окутывали кабинет Старика: темные, обитые панелями красного дерева апартаменты, полные портре-

* Конец восемнадцатого — начало девятнадцатого века.

тов суровых предшественников. Я заглянул внутрь из приемной, подождал, пока из кабинета выйдет группа женщин. Половина из них были в мундирах вспомогательного женского корпуса ВВС и корпуса медсестер: цокая высокими каблуками, деловито шурша длинными юбками и прижимая к груди поупитры, дамы проследовали к выходу.

Персонал разведки подвергался антиаллергенным инъекциям и онковакцинации. И все же некоторые женщины терли покрасневшие глаза, с явным облегчением покидая продымленную комнату.

— Ну, входи, старина, — донесся из-за огромного стола голос адмирала. — Садись на скамью.

— Сэр.

Я автоматически кивнул секретарше, внушительной мисс Пласт — ее карие глаза были так не похожи на глаза Лауры, — и вошел внутрь, закрыв за собой тяжелую дверь. Старик указал мне на кресло мундштуком трубки.

Лаура...

— Итак, Флеминг... — слова Старика вернули меня к делу. — Вас ждет срочное задание.

Откинувшись на жесткую спинку, я приготовился к худшему.

— Не пора ли вам, — его крупные пальцы барабанили по кожаному верху пресс-папье, — вернуться обратно «в поле»?

Нет. Слишком рано.

Отчасти мне было уже довольно всего этого: лечения сном в темной палате бирмингемского госпиталя, где меня по самые жабры накачали морфием и Бог знает, чем еще; а потом — бесконечных тренировок в продуваемом ветрами Ретленде, где я перенастраивал собственные нервы в опустевших классах бывшей школы. Я тоже преподавал там: старый моряк, блохастый и израненный помойный кот, цинично излагающий подробности своего жестокого бытия зеленым новичкам, которые относились ко мне с преувеличенным почтением.

Это понятно: в их глазах светилась присущая молодости тайная уверенность в собственном бессмертии и непреклонная убежденность в том, что вопли в объятиях заплечных дел мастеров из гестапо и изломанный труп, брошенный вниз лицом на вонючую мостовую, не имеют никакого отношения к их собственному будущему, а взяты из чужого завтра.

— Вы посылаете меня на оккупированную территорию?

Часть моей души желала вернуться: есть нечто волнующее в пребывании на краю бездны. Однако, так сказать, в целом мое «я» хотело Лауру: мир мой сделался теперь иным.

— А куда же еще? — он нахмурился. — Мы сумеем начать эту операцию, лишь поставив во главе ее агента определенного типа. То есть вас, Флеминг.

— Благодарю, сэр. — Я воспринял его слова как комплимент.

— Вы знакомы с нановирусами. Словом, — он метнул в меня взгляд из-под густых белых бровей, — наши кузены, которые за морем, собирают лучшие мозги — не одних янки, а всех, кому удалось бежать из Европы — для работы над одной исследовательской программой. В случае удачи их Бруклинский проект положит конец войне в мгновение ока.

Я поежился. По коже пробежал холодок.

— Тебе не понравились мои слова. — При внешней грубоватости Старик умел ощущать настроение собеседника едва ли не на уровне телепатии. — Стратегические аспекты не подлежат оглашению.

Чем больше ты думаешь о долгосрочных эффектах, тем скорее твой палец дрогнет на спусковом крючке в самый неожиданный момент. Чересчур глубокая подготовка опасна.

— Дело в том, — высеченное из гранита лицо пересекла улыбка, — что резонанс ты ощутишь достаточно быстро, поэтому я говорю тебе об этом сейчас.

Такое проявление заботы с его стороны меня просто встревожило. Кроме того, теперь я должен был думать и о Лауре.

— Так что же произошло с этим проектом? — спросил я у Старика.

— Пока ничего. Однако подобная программа существует и у наци. И если они опередят нас, мир окажется под сапогом Адольфа, не успеешь ты и глазом моргнуть. Так что мы должны поспешить, чтобы не дать им такой возможности.

— Так точно, сэр.

И эти три чеканных слова стали моей присягой на верность: командованию, будущему, решениям, которые навсегда преобразили мою жизнь.

В моем кармане лежал пропуск, позволявший мне проходить любой контрольно-пропускной пункт Союзников даже в том случае, если в документах было прописано имя Генриха Гимmlера и я при этом вопил во всю глотку куплет нацистского гимна «Хорст Вессель». Я воспользовался этим пропуском, приняв приветствие старшины, вытанувшегося передо мной в струнку.

Дождавшись мгновения, когда створки противозвушной двери, сделанные из толстой шкуры меганосорога, приотворились, я про-

скользнул в дверь, застучав каблуками по хитиновым ступеням, ведущим в Тактический Бункер.

На обзорном балконе уже стоял посетитель. Я узнал адмирала Квинна, а он меня — нет. Посмотрев мне в лицо, он осторожно кивнул — именно так, как положено старшему офицеру здороваться с облаченным в штатское служакой из Уайтхолла.

Открыв пачку сигарет, он протянул ее мне.

— Нет, спасибо, сэр.

— Потрясающее зрелище. — Он закрыл пачку, и она исчезла в недрах темного, украшенного позументами мундира. — Вам не кажется?

— Как всегда.

Под нами тонула в тенях ухидившая вдаль на две мили пещера, свод которой поддерживали массивные колонны, а пространство между ними повсюду пересекали темные блестящие волокна, образовывавшие Черную Сеть. Внизу, под нашими ногами, казавшиеся совсем ничтожными в окружении этого хитросплетения, снова крошечные, облаченные в мундиры фигурки штабистов из Стратегического командования, державшие в руках свои планшеты, словно талисманы. У некоторых на плечах сидели сине-алые вестовые транспугаи, готовые исполнить поручение. Однако внимание вошедшего сюда человека, в первую очередь, привлекала сама Сеть.

Черные тросы толщиной в колонну Нельсона чередовались с зарослями достигавших толщины моей руки канатов, разделявшихся на миллионы едва заметных черных, как сама ночь, нитей; их провисшие контуры складывались в трехмерный лабиринт, сложность которого не была подвластна обыкновенному рассудку.

И по нитям этим ползала одновременно во всех мыслимых направлениях та единственная армия, которая могла помешать Гитлеру уничтожить Европу: черные микропауки и их более крупные, размером с древесный лист, товарки, чьи раздутые брюшки готовились раскрыться, выпуская мириады отпрысков. И каждое маленькое паукообразное благодаря импринтингу уже несло в себе определенные правила поведения: соединяя миллионы особей, сообщество это образовывало призрачный, бестелесный гештальт Черной Сети — паразитическими способностями, которые однажды способны принести нам победу.

— Простите, адмирал.

Собственные шаги по хитиновому трапу показались мне странно гулкими — я спустился к дисплею Северо-Атлантического театра. На

широкой настольной карте были отмечены пути следования жизненно важных для нас караванов, составленных из левиафанов класса Либерти... Американская помощь, которая — да благословит Господь наших братьев — избавляла Британию от голода.

Однако мы лишь отчасти могли контролировать перемещение эскадр вражеских подводных истребителей-акул, нападавших на торговые суда под серыми беспокойными волнами, что слишком часто заставляло прибегать к помощи конвоев из боевых касаток, составлявших костяк Флота Его Величества.

Потом я подумал о захваченных врасплох у причалов Перл-Харбора колоссальных бегемотах-авианосцах янки, с немислимым визгом сгоравших в атаке японских гидр, под сокрушительными языками пламени драконов, поднявшихся с воздушных носителей Ямамото. Не одни мы пострадали в этой войне.

Однако всякие военные соображения оставили мой ум, едва только я заметил возле стола эту элегантную фигурку: прикусив губу, она передвигала длинной указкой крошечную модель каравана в ее новое расчетное положение.

Лаура...

Имя ее прозвучало в моей памяти молитвенным вздохом.

А потом она оторвалась от карты, улыбнулась и помахала мне рукой.

Крошечная, сложенная из кирпичей и побеленная кабинка оказалась безупречно опрятной — ни колечек, оставленных на столе горячим стаканом, ни треснувшей чашки. Толстые, пропущенные под потолком паропроводы испускали тепло, время от времени оттуда доносился стук — словно кто-то собирался выбраться наружу. Длинный шнур от чайника висел на крючках над плакатом ПАУКИ ВРАГА ОКРУЖАЮТ НАС. Тугие кресла и потертый диван придавали помещению вид школьного холла, памятного по дням невинной юности.

Все это было до 38 года...

Лаура прикоснулась к моему плечу.

— Что с тобой?

— Легкий приступ малярии, — назвал я привычную отговорку... но это была Лаура. — Если честно, припомнилось кое-что довольно скверное.

Ноябрь: холодный и свежий ветер, дующий по Фидрихитрассе...

Даже теперь он преследовал меня.

И лучи утреннего солнца ложатся на усыпанную битым хрусталем мостовую.

— Старик снова посылает тебя во внешний мир, — не спросила, а констатировала она.

— А какое задание выпало тебе, дорогая?

— В настоящее время я готовлю техническую поддержку поездки одного человека на американский юго-запад.

— В самом деле?

Мне было предназначено встретить тебя, моя любимая.

— Ах, да. — Она передала мне чашку на аляповатом блюде в цветочек. — А ты слышал об Альберте Эйнштейне?

— Да. Он прославился...

— Идея проекта принадлежит ему.

— Прости?

— Он убедил Рузвельта. Подписал открытое письмо вместе с несколькими коллегами из Принстона и еще Бог весть откуда. Бруклинский проект вырос из этого письма.

— Я не знал этого.

— Этот Эйнштейн — настоящий гений. Все знают его специальную теорию многообразия...

— Структура ДНК, — произнес я. — Эволюция на основе репликаторов. И миграции генов.

Лаура, сидевшая словно натянутая струна, с чашкой чая в руке, кивнула, будто это было известно всем. Над нашими головами вновь звякнула паровая труба.

— Дело в том, — она посмотрела вверх, ожидая, пока утихнет шум, — что появление его специальной теории было неизбежным. Но общая теория множеств представляет собой плод мысли гения, опередившего свое время.

— Если бы он не родился... Или если бы он не был евреем, то мог бы стать наци.

— Не надо говорить такие вещи. — Лаура поежилась.

Чай в моей чашке остыл, и я поставил ее на паркетный пол.

— Прости.

Она прикоснулась к моей руке:

— Как нам повезло, что мы встретились. Это не предполагалось...

Мой мир, лишенный Лауры, навсегда остался бы пустым и блеклым.

— Может быть, у SOE* и не было таких планов — в отличие от Провидения.

* *Special Operations Executive* — название особой секретной службы, учрежденной в Великобритании во время войны.

Снаружи прозвучали шаги. Мы подождали, однако человек миновал дверь. Лаура прикоснулась к моей щеке.

Я нагнулся к ней, и мы поцеловались.

Через неделю я стоял на краю оранжево-розовой пустыни под безоблачным лазурным небом и добела раскаленным солнцем. Жар воздушной топки палил меня, стискивая в своем невидимом кулаке.

Дорога, стрелой пролегавшая по пескам, исчезала за невысоким гребнем. За моей спиной прямые рельсы — не надо забывать, где я нахожусь — сверкали серебром под воздушным маревом. Уменьшавшийся в размерах поезд, растворяясь в дрожащем воздухе, пыхтел, пожалуй, слишком глухо для столь сухой атмосферы. Я проводил его взглядом.

А потом оказался в одиночестве посреди безводного и бесконечного ландшафта, совершенно не предназначенного для жизни.

У ног стоял потрепанный чемоданчик, побывавший со мной на Дальнем Востоке и в оккупированной Европе, хотя никакие наклейки на нем не свидетельствовали о путешествиях. Шерстяной костюм, идеальный для английской весны, отягощал плечи; пальто, оставшееся сложенным на чемодане, и вовсе казалось нелепым.

Как и эта явка, устроенная вдалеке от города и от глаз предположительно наводнявшей его «пятой колонны». Едва ли я мог выглядеть подозрительнее... если бы только здесь нашелся агент, способный следить за мной, пока жара и обезвоживание не свалили меня.

Я распустил галстук.

Сбоку от меня горизонт прятался за фиолетовыми горами. Интересно, не найдется ли снега на их вершинах? От мысли о тающей в сложенных ладонях льдинке невозможно было оторваться. Много ближе передо мной, подняв руки вверх, застыли, словно застигнутые врасплох на месте преступления, сотни кактусов сагуаро, похожие на зеленые заглавные буквы «пси».

Линейка Брейтуэйта щелкнула меня по костяшкам пальцев, когда я занулся на спряжении греческого глагола...

Проклятые школьные дни. Как изгнать вас из памяти?

Прекрати ныть...

В Африке тысячи солдат пребывали сейчас в гораздо худших условиях. По крайней мере, здесь можно было не опасаться, что из-за горизонта вот-вот вынырнут тирекс-танки Роммеля, начиненные тяжелым оружием...

Вот.

Вдалеке, над полосой смешанного с щебенкой асфальта показались облачко пыли.

Я ожидал на солнцепеке и был безоружен. Если приближались неведомые мне враги, они просто не могли знать меня в лицо; когда они окажутся вблизи, отсутствие оружия убедит их в том, что меня нечего опасаться. Ну а я всегда мог положиться на собственные руки.

Ребром ладони по гортани жандарма. И он валится, хрипя, прижимая руки к горлу, выкатив глаза от нехватки воздуха...

Скверное воспоминание. Однако я не мог избежать убийства и успел убраться до того, как прибыли офицеры из ваффен СС: те самые, которых вызвал... — уверен, что это было именно так, — которых вызвал жандарм. В темном переулке, под проливным дождем...

Соберись.

Ну же. Немедленно.

Оливковый джип-раптор уже заметно приблизился, так что стало видно водителя: белая рубашка, широкий алый галстук полощется на ветру. Я невольно глотнул, позавидовав этому парню.

Взбрыкнув короткими сильными ногами, джипо притормозил, подняв облачко мелкого оранжевого песка. Что-то блеснуло — смотри в оба, — однако это было не оружие: левую руку водителю заметил стальной крюк.

— Залезай, приятель.

Я выровнял дыхание, готовясь перейти к действиям.

— Становится холодно, — заметил я непринужденно, — декабрь на дворе.

— Ага, правильно. Ну, садись что ли?

Я ждал.

— Ладно... Бывает и до минус семи. — Ястребиное лицо нахмурилось. — Или до девяти? А ведь пришлось учить и латынь.

Пароль и отзыв составляли случайные цифры, никакой прямолинейности — и упомянутый мной декабрь можно было понимать неоднозначно, а отзыв предусматривал разницу в три единицы. Там, откуда я приехал, к таким вещам относились серьезно.

Забросив чемодан и пальто на заднее сиденье, я сел на пассажирское место и протянул руку.

— Приветствую вас.

— Разрешите представиться. Мое имя — Феликс. Феликс Лейхтнер, хотя я подумываю о том, чтобы сменить фамилию. Но мой старик будет кипятишься.

— Можно вообразить. Я...

— Твое имя мне известно. Держись.

Он повернул ключ, и джипо с урчанием ожил. Затем Феликс резко развернул его по невозможной дуге — я успел заметить крохотный бурый силуэт следившей за нами земляной белки — и вдавил в пол педаль акселератора. Мембраны приборной доски засветились красными огоньками, когда мы рванули с места по пустынной дороге... Ветер бил в лицо, позади клубилось облако пыли, а перед нами, насколько хватало глаз, простирались оранжевые пески, раскаленные и величественные, и пустыня эта умела убивать столь же уверенно, как и град посланных солдатами вермахта пуль.

Какой необъятный простор.

Над головой в глубинах лазурного неба кружил одинокий орел. Если откажет джипо, скоро ли явятся мерзкие стервятники? Повсюду дышал жаром песчаник; поодаль пестрели слоями скалы, где зелень мяты чередовалась с сахарно-белыми и черными прослойками.

Захочет ли Лаура перебраться сюда после войны, чтобы жить здесь со мной? Представьте себе сложенный из сырца домик возле крохотного, затерявшегося в пустыне городка. И чем я буду зарабатывать на жизнь? Созданием пейзажей штата Нью-Мексико?

Вдруг посреди бескрайнего простора перед нами возник контрольно-пропускной пункт.

Мы проскочили под карамельным полосатым шлагбаумом, прежде чем тот полностью поднялся — Феликс успел при этом небрежно козырнуть часовым, не отрывая протеза от руля, — и вылетели на Мейн-стрит: широкую пыльную колею между рядами деревянных белых домов. Их нехитрая внешность была исполнена особого обаяния, как и любые казармы в любой точке земного шара.

Однако стоящие лагерем солдаты не живут в отдельных домах, возле которых суетятся стройные жены в тонких хлопковых платьях...

— Смотри-ка повнимательнее на дорогу, известковая душа.

— Но за рулем — ты.

— Однако кто из нас уставился на миссис Теллер? Сомневаюсь, что ты захочешь ступить на эту землю не с той ноги, мой друг.

Я покачал головой.

— Мне это не грозит.

— Я слышал о тебе другое, — Феликс резко остановил джипо. —

Впрочем, тебе же лучше. А это... — заменявший ему руку стальной крюк блеснул в воздухе, — это дом, наш милый дом.

Два скверно обитых кресла накалялись под солнцем в чересчур жаркой лоджии. Мы повернули их друг к другу, и я извлек из чемодана баллончик с инсектицидом (ни один москитомикрофон не выдержит обрызгивания аэрозолем), чтобы Феликс мог дать мне указания.

— Во-первых, у Оппенгеймеров сегодня очередная вечеринка. Оппи тебе понравится. Еще будут марсиане...

— Не понял... — инструктаж принял несколько неожиданный оборот.

— Дружеское прозвище. Группа венгерских ученых: Вигнер, Сцилард, Теллер, фон Карман. Ждут Джонни фон Неймана из Принстона.

— Не слышал о нем.

— Забавный парень. Жену зовут Кларой, особа малость сварливая. Сам он по своей специализации представляет собой нечто вроде вашего Тьюринга. По-моему, они даже встречались.

Я пожал плечами, но внутренне поднапрягся. Тянет из меня информацию?

— Ну, поехали дальше, приятель, — Феликс вздохнул. — Ваши генетики из Блетчли-Парк вносят основной вклад в войну, а ты обладаешь нужным уровнем допуска, чтобы быть в курсе. Если бы не англичане, мы так ничего и не узнали бы про геномы и нервные узлы нацистских коммуникацион-пауков.

Я чуточку расслабился:

— Я не знал уровня твоего допуска, старый фрукт.

Феликс посмотрел на меня с недоверием:

— Надеюсь, это не оскорбление?

— Боже мой, конечно же, нет. Вот что, а нельзя ли нам перебраться туда, где подают кофе?

— Конечно, можно. — И когда мы встали, он добавил: — А я думал, что вы, англичанки — известковые души, пьете один только чай, старина... старый фрукт.

Я покачал головой и в глубине души пожелал, чтобы Феликс не оставлял меня одного среди ученых мужей и их малость сварливых супругов. Лучше коротать дни, обмениваясь шуточками насчет янки и нас, известковых душ, чем иметь дело с ведущими мозгами военной науки.

Впрочем, Лаура... Ее-то общества мне не хватало больше всего.

Но если нам удастся пережить этот кошмар и создать желанное для нас обоих будущее, овчинка окажется стоящей выделки.

Тайны и тайны кругом.

Даже в длинной общей столовой мы разговаривали только на самые невинные темы, обоснованно полагая, что галдеж и стук ложек не смогут укрыть наших слов. Феликс заметил тот интерес, с которым я проводил взглядом пробежавший мимо нас взвод.

Ребята были как на подбор — стройные и сухие, а мне следовало держать соответствующую физическую форму. После того как меня перекинут в Европу, загар может вызвать подозрения; впрочем, меланин-реверсоры ликвидируют последствия пребывания на пустынном солнце.

Мы возвратились в мое временное пристанище, и Феликс проинструктировал меня в вопросах безопасности.

— Ядром, — сказал он, садясь, — станет группа так называемых Воздушных рейнджеров.

— Но...

— Они отобраны из лучших людей Донована и следят за учеными и ходом исследований пристальнее, чем предполагают интеллектуалы.

— Возможно, я не интеллектуал, — процитировал я девиз артиллеристов Королевского флота, — однако умею поднимать тяжести.

— Именно так. Их труд легко недооценить.

Итак, оперативники из OSS* здесь. Весьма интересно.

— А не могу ли я потренироваться с ними? Мне необходимо поддерживать форму.

Утренние пробежки вокруг Гайд-парка и вечерние занятия в индийском клубе позволяли мне кое-как перебиваться в Лондоне. Однако мне нужно было больше, а тренировочная часть в Ретленде осталась на другом краю света.

— Если они отыщут для тебя подходящее обмундирование... Кстати, встают они очень рано.

— Хорошо. Остальное время можно будет отвести мозговой деятельности.

— Ты не знаешь и половины всего. Дик Фейнман — сущий маг, в буквальном и переносном смысле этого слова. День-другой он смо-

* *Office of Strategic Services* — федеральное разведывательное ведомство, занимавшееся в 1942—1945 годах сбором стратегической разведывательной информации.

жет уделять тебе час или два, но тебе самому придется по-настоящему потрудиться.

— Хорошо... А что это за человек?

— Кто, Дик? Изрядный шутник и весельчак. Вскрыл сейф командира базы и оставил поздравительную открытку с приколотым к ней письмом на французском языке.

Я потер лоб тыльной стороной ладони. Разница в часовых поясах, долгий перелет через океан на птерадроне фирмы «Де Хэвилленд*», а потом продолжительное путешествие на поезде. Серьезное испытание.

— Жена Фейнмана сейчас находится в санатории возле городка. По всей видимости, умирает. Так что все его шутовство — попытка скрыть отчаяние.

Я моргнул и отвернулся.

Лаура... мне не хватает тебя.

— Поразившую ее бактерию подкорректировали инженеры Сопротивления. Дик ненавидит нацистов больше, чем кто бы то ни было.

Я промолчал, однако забрало мое было опущено, и Феликс ощутил вибрацию.

— Впрочем, — в ястребиной улыбке не было веселья, — можешь дать Дикю подзаработать.

«Чаттануга Чу-Чу» вырывалась из радио, пока мы ввинчивались в собравшуюся на вечеринку компанию. Ориентируясь по фотографиям из личных дел — мне разрешили ознакомиться с ними, и Феликс висел надо мной все время, пока я читал, — я узнавал их: вот Оппенгеймер, вот Вигнер, а вот и Теллер.

В сторонке стройный и остроумный Фейнман веселил кучку жен своих коллег каким-то фокусом. Впрочем, гипнотизировали дам скорее его искрящиеся глаза, чем ловкость рук.

— А сам он никакой опасности не представляет? — пробормотал я.

— Возможно, и нет. — Феликс поглядел в сторону буфета.

Он понял меня. Представителю «пятой колонны» незачем выставляться в столь подозрительном виде: зачем совершать двойной обман? Однако шизоидное поведение нередко среди академиков...

Природная паранойя — смягчающее обстоятельство.

Симпатичная женщина предложила нам выпить. Ее ослепительная улыбка, адресованная сухому лицу Феликса, мгновенно окаменела, когда он прикоснулся к бокалу своим стальным крюком.

* Английская авиастроительная компания.

— Отличный хрусталь.

— Гм, спасибо... — и она отошла.

Я поглядел на Феликса:

— Это было несколько жестоко.

— Зато откровенно. — Он слегка пожал плечами. — К тому же смущает далеко не всех.

— А как ты им объясняешь свое...

— Обычное ранение... подхватил сильнейшую аллергию — и все.

Я кивнул. Персонал OSS настолько накачивали антивирусными препаратами, что тела их отвергали любую обработку клон-факторами.

— Ну, *Фред*... — Перед нами возникла еще одна улыбающаяся женщина, смутить которую было просто невыносимо. Она воспользовалась именем-прикрытием Феликса с иронией, словно зная, что оно не является подлинным.

— Как дела? — спросил Феликс.

— Почему бы тебе не представить меня своему другу?

Простая вежливость, но никак не флирт.

— Меня зовут Брэнд. — Я тоже прибег к псевдониму. — Джеймс Брэнд.

— А кроме того, он — известковая душа, — вставил Феликс. — Но в этом не виноват.

— Ах, как мило.

— Джеми, это миссис Оппенгеймер.

Женщина протянула мне руку.

Некоторое время мы обменивались любезностями, а она указывала на интересных людей: «Это мой муж, которого молодежь зовет Оп-пи» — и жаловалась на скудость удобств в построенном на скорую руку городке.

— Но мы стараемся, — заключила она. — К тому же у нас важная миссия, и мы это осознаем.

Тут кто-то отвлек ее внимание, и, вежливо попрощавшись, дама отправилась дальше. Мы с Феликсом остались стоять, а несколько наиболее энергичных мужчин закружились в танце с собственными женами под музыку Гленна Миллера. У себя дома они бы сейчас пели о том, как вывесят свои стиранные кальсоны на линии Зигфрида.

Для веселья было чересчур жарко. И я ощутил облегчение, когда Феликс взял меня под руку и повел к занавешенной двери мимо Фейнмана и его поклонниц.

— ...не надо так шутить, Дик, — говорила одна из красавиц. — Это гадко.

— Дамы, ничего личного, — ухмыльнулся Фейнман. — Вес любого человеческого тела на десять процентов состоит из бактерий. Любого тела, не только вашего. Они кишат внутри нас, обмениваются генетическим материалом...

Возмущенные охи. Смешки.

— Вы, Дик, воспринимаете мир в таком свете, — в разговор вступила тощая женщина, коротко прикоснувшаяся к колену Фейнмана, — каким его не видит никто другой.

Неужели только я один заметил тень, пробежавшую в его глазах: мысль об умирающей жене?

— Но есть же красота в этом танце жизни, разве вы не видите? Можно понимать, как устроено все вокруг, и все же воспринимать мир эстетически.

— Угу. Просто вы не такой, как все мы.

— Не стану возражать.

Все рассмеялись.

— Однако, — теперь уже разволновался Фейнман, — мы не так уж сильно отличаемся друг от друга, иначе человек не мог бы образоваться из химических соединений, составляющих части двух людей — причем не находящихся в родстве, если только здесь нет никого из Кентукки — и слившихся воедино. Именно так получаются дети.

— Но, Дик, я думала...

Мы миновали их, а за дверью, в пустыне уже царила ночь.

Над головой по черному бархату были рассыпаны ослепительные серебряные звезды, каких никогда не увидишь в Англии. За нашими спинами раздался взрыв хохота.

— Все это заставляет нас понять, — буркнул Феликс, — насколько мы ничтожны. Наверное, человечество заслужило свое поражение.

Я оглянулся на теплый свет, на отдыхающих ученых. Неужели наше спасение действительно там?

— Напивается и флиртует? А почему нет?

Мы вышли на середину пыльной, освещенной лунным светом колеи, считавшейся здесь дорогой.

— А ты знаешь, — проговорил Феликс, — двое из них вычислили: если взорвется нуклеиновая бомба, реакция может распространиться на всю биосферу и за какие-то часы уничтожить всю жизнь на планете. Именно всю.

Я остановился.

— Шутишь?

— Нет.

— А Фейнман из этих двоих?

— О, нет. Он считает, что все сработает.

Поглядев вверх, я попытался представить, что именно эти далекие, горящие в бесконечной тьме, вечные звезды могут думать об эфемерных смертных созданиях, столь непринужденно планирующих собственное уничтожение. А умеют ли они, эти звезды, смеяться, умеют ли плакать от жалости? Или они просто ничего не заметят?

Уравнения испещряли пыльную доску, чередуясь с упрощающими диаграммами, которые Фейнман придумал исключительно для того, чтобы втолковать мне вещи, которые понимали только ведущие ученые планеты. Эйнштейновы матрицы возникновения являлись мерой базис-базисной и ген-генной взаимозависимости; гамильтонианы описывали эволюционное расширение в морфологическом фазовом пространстве...

А пульсирующая мигрень, начинавшаяся за моим правым глазом, упрямо распространялась все глубже и глубже.

— ...а потом ты деполяризуешь бифланцевый конфаблятор и болтологический поток дестимблефицируется.

Записав половину этой абракадабры в перехваченный спиралью блокнот, я остановился:

— Э-э, что...

— У меня возникло чувство, — Фейнман уже ухмылялся, — что вы перестали следить за ходом объяснений.

Положив на стол авторучку, я потер лоб.

— Существует некоторая вероятность того, что вы правы, — признался я.

— Вы в этом не одиноки. Эйнштейн ненавидит квантовую эволюцию. Мстительно ненавидит.

— Но он хотя бы понимает ее.

— Я мог бы и не заходить настолько далеко. — Фейнман присел на ближайший стол (комната была оборудована на двадцать человек, однако он реквизирует ее для нашего собеседования), подбросил в воздух мелок и поймал его. — Теорию не понимает никто. Мы просто знаем, как ею можно пользоваться.

Я пристально глядел на ученого.

Фейнман обладал воистину магическим интеллектом. Все, что он объяснял, становилось очевидным, превращало меня в гения, и потоки энергии уже захлестывали мой разум. Лишь впоследствии, в одиночестве размышляя над функционированием клетки, я пойму собственную ограниченность.

— Если вы объясните мне, зачем вам понадобилось знакомиться

со всем этим, — произнес он осторожно, — мы сможем сосредоточиться на необходимом.

Разгласив цель моей миссии.

Однако Фейнман был прав. Я не сумею справиться с делом без крепкой и конкретной накачки фактами.

Вздых вырвался из моей груди.

— Я должен уметь, — я поглядел в сапфировое небо за окном, — с первого взгляда опознавать все теоретические выкладки, связанные с созданием нуклеиновой бомбы. Причем достаточно хорошо, чтобы отличить блеф от подлинной идеи... или от подлинной почти на сто процентов.

Озорной огонек в глазах Фейнмана погас.

— И вам нужно научиться этому быстро?

— Именно.

— Кошмар, — не сказал, а буквально выдал он. — Ну, ладно. — Фейнман соскочил со стола и принялся энергично стирать с доски все написанные им уравнения. — Тогда беремся за работу.

— Вы понимаете...

— Я понимаю, где вы намереваетесь заниматься этим делом, мой друг. — Фейнман приподнял бровь. — Вы самый натуральный живой шпион, работаете в SOE и будете изучать планы врага in situ. Так сейчас выражаются на королевском английском?

— Примерно так.

Фейнман ухмыльнулся, но я заметил легкую тень, пробежавшую по его лицу.

— Ну тогда... — и с итонской полировкой усвоенного в Бронксе произношения он пожелал мне, — тогда истинно английской удачи тебе, старина.

Под железным цилиндром ангара было сумрачно и жарко. Накапливавшаяся по ходу тренировки усталость лишь увеличивала жару и духоту. Ударить ладонью-пяткой-локтем, сморгнуть с глаз соленый пот, вернуться.

— Жестче! — рывкнул Мешок Роджерс.

Запыхавшийся противник попытался схватить меня за запястье, однако наши тела сделались скользкими от пота (оливково-зеленые майки заметно потемнели), и движение его оказалось неточным. Я ударил соперника в подбородок, заставив отступить на шаг.

Мы не давали друг другу расслабиться и в итоге едва стояли на ногах, не в силах даже посмотреть друг на друга. Тогда Мешок объявил перерыв.

— Пять минут, — строго сказал он, пока мы хватали воздух ртами. В углу одного из рейнджеров выворачивало наизнанку.

Тут Мешок Роджерс нахмурился, поглядев через мое плечо. Я обернулся.

Рослый бритоголовый замахнулся кулаком.

— Перехвати! — скомандовал Роджерс, рассчитывая, что невысокий партнер заблокирует удар здоровяка. Однако движение вышло слишком сильным и быстрым, и коротышка не сумел остановить его...

— Черт, — пробормотал Мешок.

...и кулак рослого нанес обманчивый апперкот. Охнув, малыш свалился на землю.

Мешок шагнул вперед, но я оказался ближе.

— А по-моему, приятель, — протянул я, — ты принял неправильное решение.

Я не стал останавливаться.

— Ты что, сдурел? — вытаращил глаза бритоголовый.

Быстрым движением обеих рук я взял в захват его массивную руку и выполнил бросок. Он ударился коленями, в глазах вспыхнула боль.

— Капитан Ферберн считает такое движение нападением, — заметил я.

Мне-то было прекрасно известно, сколь пагубным для противника может оказаться кистевой бросок.

Я отвернулся, стараясь не смотреть на Роджерса, который тщетно пытался спрятать широкую улыбку. Мой партнер приподнял брови и присвистнул:

— Так ты действительно работал с...

Он замер в тот самый миг, когда я ощутил за спиной движение воздуха, пригнулся, повернулся на месте...

Громадная тень миновала меня. Мешок Роджерс выбросил вперед массивную лапищу, и рослый упал. И тут Мешок взлетел в воздух, соединив сапоги для убийственного, как конское копыто, удара...

— Не надо, Роджерс!

...Но в последний миг он развел ноги, и каблуки сапог ударили в мат с обеих сторон поверженного рейнджера, подняв облако пыли вместо ожидавшихся капель крови.

— А это, — ухмыльнулся Мешок, — так называемый вариант Эпплгейта.

Не столь давно невысокий и поджарый капитан Ферберн, демонстрируя свое боевое искусство представителям армии, забросил эта-

кого медведя, откликавшегося на имя Рекс Эпплгейт, прямо на колени кого-то из старших офицеров.

На Эпплгейта это, во всяком случае, впечатление произвело. И теперь он возглавлял армейскую программу обучения элитных и разведывательных подразделений смертоносным боевым наукам — японским и китайским техникам рукопашного боя в манере шанхайской полиции.

А также, как слышал я, среди клиентов его числились неисправимые домоседы — сотрудники ФБР. Организация эта заранее тревожила себя мыслями о том, как она сумеет справиться с демобилизованными военнослужащими после окончания войны, если те будут обладать боевым искусством, не известным указанной службе. Посему они и взялись за дело. Нам в голодной Британии было пока не до размышлений о том, как обеспечить безопасность в мирное время.

— Неплохо, мистер Бренд, — хлопнул меня по плечу Мешок Роджерс, когда мы гуськом выходили из ангара, раскрасневшиеся и усталые.

— И ты неплохо выглядишь, Мешок.

Пересмеиваясь и обмениваясь грубыми шутками — в частности, насчет рослого парня, — группа повалила в душевую. Я отделился от них, направившись к своему дому.

Над головой сияло пустое утреннее небо, синее и безмятежное.

Неужели мы просто примитивные животные, всегда готовые пролить чужую кровь?

Но проходя по безлюдной и пыльной улице, еще тихой перед началом рабочего дня, я думал о том, возможны ли вообще рациональные решения в мире, где изнеженные интеллектуалы, гордость цивилизации, со своими досками и мелом, со своими исписанными блокнотами, способны изобрести оружие уничтожения куда более смертоносное, чем разрывающие артерию зубы, чем клинок, вспарывающий живот под грохот грязной битвы... где они могут вызвать вселенскую катастрофу с помощью разорванных цепочек ДНК и экоразрушения, терзая жизнь на расстоянии, но оставаясь при этом вдалеке от вони, ран и страха, вдалеке от грязного, кровавого и мерзкого дела убийства.

Феликс возвратился за два дня до моего отбытия только для того, чтобы попрощаться. Мы стояли на окраине временного, но сулившего изменить слишком многое городка, разглядывая едва посеревшее небо над просторами пустыни штата Нью-Мексико и не нуждаясь в словах.

Наконец настало время отъезда. Феликса ждал приземистый «форд», черно-зеленый панцирь которого покрывал слой пустынной пыли, за рулем сидел лохматый шофер.

— Путешествуешь в роскоши, — заметил я.

— Назад в Вашингтон, на штабную работу, — Феликс поднял левую руку, глянул вдаль из-под полированного крюка. — Именно это я всегда и хотел.

— Справишься.

— Не сомневаюсь. Буду учить новобранцев. — Он вдруг ухмыльнулся. — Ну и хлебнут они у меня — из ушей польется.

— Ничего, они разберутся.

Мы обменялись рукопожатием.

— А ты береги свою задницу, известковая душа.

— Сам не оплошай, старый фрукт.

Он забрался на заднее сиденье своего транспорта и кивнул мне на прощанье. Я провожал взглядом его «форд», пока машина не превратилась в черного жучка посреди марсианской красной пустыни.

Настала моя последняя ночь в Нью-Мексико. Полный смутного беспокойства, я шел по Мейн-стрит, превратившейся под лучами луны в серебро, а потом повернул налево, миновав помещение командира, потом Оппенгеймера...

Свет.

Я инстинктивно пригнулся. Луч фонарика, мелькавший изнутри за темным окном, вдруг исчез.

Грабитель? В конторе Оппи?

Главное — не спугнуть злоумышленника. Я аккуратно, ступая с носка на пятку, подобрался к стене, потом к двери.

Дверная ручка повернулась без звука. Я осторожно вошел в дом и прикрыл за собой дверь, отгородившись ею от ночи.

В коридоре было темно. Пробираясь на ощупь, я подкрался к углу, заглянул за него. Это был не кабинет Оппи.

Взломщик последовал дальше. Фонарик его светил теперь из поперечного коридора. Тени зловещим образом перемешивались с тьмой, однако передо мной находилась самая обыкновенная аудитория...

— Интересно, — донося до меня его голос, тихий, но вместе с тем прекрасно узнаваемый.

Какого черта здесь делает Фейнман?

Пожав плечами, я сжал кулаки и расслабил руки, а потом шагнул вперед, изготовившись нанести удар.

Но когда я остановился у двери и заглянул внутрь, Дик Фейнман,

скрестив ноги, сидел на крышке стола и с дьявольски проказливой миной светил фонариком на черную доску, где не было написано ничего такого, что оказалось бы для него секретом.

Тут я вспомнил, что завтра ему предстояло присутствовать здесь на лекции Теллера, и на доске рукой Теллера заранее были выписаны нужные уравнения.

Я кашлянул.

— Готовитесь к утренним занятиям, мистер Фейнман?

Он вздрогнул, неторопливо улыбнулся и показал на уравнение.

— За ночь я могу решить его, — проговорил он, — на все про все у меня уйдет около трех часов. Я знаю, что Эд со своими друзьями потратил на вывод без малого год. И если я предъявлю решение через десять секунд после начала лекции...

Беззвучно расхохотавшись, я покачал головой:

— Вам нет нужды кого-то потрясать.

— Знаю. Но надо же и развлекаться.

Спустя мгновение он соскользнул со стола и прикоснулся к моему плечу.

— Пойдемте.

Он первым вступил в темный коридор, словно не было ничего из ряда вон выходящего в том, что его ночью застали в чужом доме, на территории совершенно секретного военного объекта.

Я оказался прав в отношении того способа, которым он попал в кабинет Оппенгеймера. Пригнувшись к замку, Фейнман повозился с ним буквально секунду, а потом настежь распахнул дверь.

— Она же была заперта, не правда ли, Дик?

— Не слишком надежно.

— Слава Богу, что вы на нашей стороне.

Мне приходилось уже бывать в конторе Оппи, однако я не заглядывал в боковую комнату, которую открыл Фейнман. На полках стояли стеклянные демонстрационные ящики — и странные тени шевелились в них под лучом фонарика Фейнмана, — маленький лабораторный стол приютился в дальнем конце помещения.

— Образцы, — пояснил Фейнман. — Ничего не открывайте. Мы не в защитных комбинезонах.

— Что вы...

Судорожно сглотнув, я замер на месте, и тьма словно качнулась вокруг меня. Я против воли содрогнулся всем телом — будто бы нервами моими управлял кто-то извне. Я ничего не мог поделать с собой, оставалось только ждать, пока припадок закончится сам собой. Впрочем, много времени мне не потребовалось.

Передо мной была рука из стекла.

Именно такой она показалась мне: прозрачная, превосходно вылепленная, вплоть до костей, сухожилий и вен. В других ящиках располагались иные прозрачные члены человеческого тела, некоторые с фиолетовым оттенком — словно вырезанные из кварца.

— Консервирующая окраска, — пояснил Фейнман. — Иногда захожу взглянуть, просто чтобы напомнить себе о том, каким жутким делом занимаюсь.

Я покачал головой, пытаясь прогнать нахлынувшие воспоминания. Ни обработка морфием, ни долгие исповеди у святых отцов из SOE не могли вытеснить эту память.

— Что с вами, мой друг? Вам превосходно известна наша программа.

Я как агент спецслужб обучен хранить спокойствие на допросе, оставаться в чужой стране незамеченным вражьем оком. Но это...

Осколки стекла, сверкающие на мостовой...

Этого я никогда не забуду.

— Я был там, — шепнул я, не стыдясь выкатившейся на щеку слезы, — в Германии, во время Хрустальной Ночи.

— Великий Боже!

Я посмотрел Фейнману в глаза.

— Что-то в ту ночь я нигде не видел Бога.

Воспоминания, сделавшиеся неизгладимыми.

Тот, девятый ноябрьский день 1938 года выдался холодным. Я был в Равенсбрюке, впрочем, это неважно, ибо в ту ночь каждый город, поселок и деревня в Германии покорились дьявольской силе, подмявшей страну, все, кроме горстки людей, которым хватило отваги, дальновидности и порядочности выступить против этой силы.

Отряды СА приступали к своему делу в плотных шинелях поверх коричневых мундиров, но только сначала. По ходу ночи работа согревала их, выволакивавших евреев из домов, поджигавших еврейские предприятия, осквернявших насилием улицы, осененные гением Моцарта, Шопенгауэра, а о том, что творилось в спальнях еврейских домов, знали только запечатлевшиеся в памяти женские крики и рыдания.

Головорезы из СА были повсюду, и то, как они избивали обреченных, мог видеть всякий немец, выглядывавший из-за плотной шторы или осмеливавшийся выйти наружу, а инфекционные отряды СА разъезжали во взятых напрокат автомобилях и грузовиках. Те из них, кто опрыскивал несчастных, делали свое черное дело в защитных перчатках и колпаках, явным образом не веря в свою расовую чистоту,

поскольку вирусные комплексы были гарантированно безвредными для лиц с подлинно арийским геномом.

Я лишь смотрел, не имея возможности противостоять насилию.

Опрысканные не успевали вскрикнуть, поскольку голосовые связки начинали кристаллизоваться одними из первых, как только охваченные ужасом легкие втягивали полный вирусный туман, обрекая своих обладателей на смерть. Когда развлечение близилось к концу, когда сопротивляющаяся плоть превратилась в стекло, а в емкостях кончилась жидкость, начались грабежи и поджоги. А потом, вкусив крови и вооружившись топорами и любым подручным материалом, они вернулись к оставшимся на улицах трупам, теперь превратившимся в стеклянные статуи, и занялись новым делом, взмахами своих орудий демонстрируя собственное решение *Judenfrage*, Еврейского Вопроса.

На следующий день, когда первые группы узников отправились на грузовиках в Дахау, я обходил улицу за улицей, вглядываясь и вникая, впитывая каждую деталь жуткого зрелища, хотя протестовала вся моя кровь, каждый нерв в моем теле стремился убраться подальше, забыть о том, что я стал очевидцем Хрустальной Ночи.

А на камнях мостовой, под жидкими лучами зимнего солнца искрились алмазами осколки.

Трансатлантический перелет в пассажирском чреве серого разведывательного дракона прошел в причудливых и тошнотворных снах — мне снились Дик и Мешок, а более всех Лаура — в странно мрачном, сюрреалистическом ландшафте... добрая улыбка превращалась в этом хаосе в насмешку, а введенное в кровь вещество перестраивало суточный ритм, растворяло меланин, возвращая коже присущую европейцу бледность.

Сопровождавший меня и сделавший инъекцию юный младший офицер SOE — неужели в эту организацию берут теперь даже школьников? — не промолвил ни слова во время моего краткого бодрствования.

Параноидальная жилка во мне протестовала против медицинской обработки, практически лишившей меня сознания, сделавшей неспособным защитить себя. Однако я находился не в пассажирском рейсе и не имел права отказываться.

Наконец я полностью очнулся, посмотрел сквозь прозрачную мембрану на ночное небо, на покрытые серебристыми барашками волны внизу и громко рассмеялся. Младшего офицера это встревожило, но я только мотнул головой, не желая делиться с ним воспоминанием.

Дик Фейнман провел меня к связистам около одиннадцати утра, сразу после того, как мы с рейнджерами закончили нашу «интеллектуальную» разминку. О том, что задумано нечто необычное, я мог догадаться по улыбкам дам. Как всегда, комнату заполняли блестящие черные нити, по которым двигались коммуникацион-пауки размером от булавочной головки до ногтя, их тораксы были раздуты с помощью молекулярно-кодированных жидкостей, носивших у инженеров название *inforpus*.

И вот, при первом ударе часов внезапно произошел сдвиг фазы. По моей шее пробежали мурашки, когда половина пауков привстала на крошечных задних ножках и подняла передние в приветствии; я вдруг понял, что весь их строй образует кресты Юнион Джека, государственного флага Британии.

Дик тоже отдал мне честь и улыбнулся.

С такой же улыбкой я снова провалился в сон, не обращая внимания на нервные вибрации, исходившие от сопровождавшего меня юнца, понимая, что они могут означать только одно: течение дел ускорилося, и меня немедленно отправят за рубеж.

Оказавшись в Лондоне, я проскочил через Уайтхолл быстрее, чем вошедшая в поговорку доза «Слабительных солей Эндрю» через желудок. Окончательный инструктаж почему-то проводился на Бейкер-стрит, и по прошествии всего двадцати минут я оказался на месте.

Хотя меня здесь превосходно знали, пришлось полностью пройти проверку на всех трех проходных, лежавших на пути к сердцу огромного кубического муравейника. Здание, прежде служившее штаб-квартирой корпорации «Маркс & Спенсер», теперь более интересовавшейся работой над кодами, чем продажей шерстяных свитеров, все еще сохраняло атмосферу деловитой эффективности. Серый угольный колосс был лишен окон (за исключением внешних помещений, где секретные работы не производились), и в этом бесконечном тождестве нетрудно было заблудиться.

— Флеминг? Ну как дела, старик?

— Понемногу, Лео. А ты, вижу, подыскал для меня подходящее дельце?

— Гарантированное и надежное.

— С возвратом вложенного капитала?

Мы оба расхохотались.

Однако речь пошла о кодах и шифрах; инструктировал меня перед заданием нервного вида офицер в массивных очках и с залезшими назад волосами. Темный, не по размеру костюм болтался на его тощих плечах.

Я не был знаком с ним лично, однако знал, что фамилия его Тернер. Агенты внешней разведки говорили о нем как о человеке, наделенном потрясающим интеллектом. При планировании операций он уделял стадии возвращения своих людей столько же внимания, сколько и фазе внедрения. За это его любили.

Однако мне было известно и то, что командование использовало Тернера весьма экономно, прибегая к его участию лишь в тех чрезвычайно рискованных проектах, где возможная выгода перевешивала вероятную опасность, с точки зрения штабных аналитиков Уайтхолла.

Он выглянул из кабинета в приемную:

— Я уже готов принять вас, старина.

— Очень любезно с вашей стороны. — Я последовал за Тернером в лишенную окон комнатку и сел возле стола. — Льюис продержал бы меня под дверью минут пятнадцать — просто для того, чтобы напомнить, кто здесь босс.

— Так, — Тернер снял очки, в которых, на мой взгляд, не нуждался, протер их широким шелковым галстуком и водрузил на прежнее место. — Вы ведь закончили Харроу*.

— Однако вы-то учились в Итоне.

— Не совсем так. В классической мужской школе Барнсли. По стипендии, — добавил он с лукавой улыбкой.

Я подумал о том, что сотворил бы Фейнман на том минном поле, которым является наша всемогущая, но бессовестная классовая система.

— Вы обманываете меня, — сказал я Тернеру, надеясь, что он воспримет мои слова как комплимент.

— Начнем с языка. — Приступая к делу, он сплел пальцы. — Вы достаточно свободно владеете польским?

Мое личное дело лежало перед ним закрытым.

— Так себе.

— Вам не придется выдавать себя за местного уроженца, — заверил меня Тернер. — По документам вы будете немцем, и я уверен, что язык не составит для вас проблемы. Вы умеете различать местные диалекты?

Я кивнул, понимая, что подлинный инструктаж еще впереди.

— Очень хорошо. — Тернер выложил рядом несколько больших глянцевого черно-белых фотоснимков: темный лес, серое, как сланец, побережье, крутые волны. — Здесь вам предстоит работать. Балтийское море. Вам нужны эти люди.

* Одна из девяти английских привилегированных школ, где учатся дети из высшего слоя общества.

Их было двое, фотографии три. Четкие портреты мужчин в официальных костюмах с галстуком-бабочкой; как я понял, двое ученых. Классические арийские профили.

— Кодовые обозначения — Вильгельм Первый и Вильгельм Второй, — сказал Тернер. — Фамилии их окутаны государственной тайной рейха, однако имена действительно одинаковы. А на фотографиях, как можно понять, мы видим результаты пластической операции.

— Окончательные? — Мне необходимо было знать, не прибегли ли они еще к одному вмешательству.

— Надеюсь. Оба они слишком заняты, чтобы выкроить время на дополнительную операцию.

На третьем фото, снятом на аэродроме на фоне эскадрильи драконов, Вильгельм Второй находился на заднем плане группы, в центре которой располагался Герман Геринг. Хотя фигура ученого пряталась за остальными, его черный эсэсовский мундир нельзя было не заметить.

— Почему их двое? — спросил я, понимая, что это удваивает риск. *Заливистые свистки. Отзвуки мужских голосов, гуляющие в переулках. И лай собак-убийц.*

Я постарался прогнать воспоминание.

— Этот, — Тернер указал на Вильгельма Второго, — проектирует то, что в авиации зовут полезной нагрузкой. Его институт в Берлине занят той же работой, что и наши друзья в Нью-Мексико.

— Вы посылаете меня в Берлин?

Взгляд его серых, как мутная вода, глаз остановился на мне, и я подумал было, что волнение Тернера способно сорвать еще не начавшееся задание.

— Проникновение и уход из этого города займут слишком много времени, — ответил он ровным тоном. — Не говоря уже о прочих трудностях. Вильгельм Первый разрабатывает нимфокластерных драконов дальнего радиуса действия в генетически изолированном исследовательском институте на острове Узедом.

— Хорошо. Пусть будет Балтика.

Вдох. Выдох. Сохраняй спокойствие.

— А этот парень, Вильгельм Второй — Вилли Цвай, как у нас его начали называть — похоже, вступил с нами в контакт. Полагаю, в порядке страховки, на тот случай, если Германия проиграт войну. В настоящее время он, видимо, считает, что вероятность этого весьма мала.

В данный момент большая часть нацистов не сомневается в своей окончательной победе.

— Так мы не знаем наверняка, кто вступил с нами в контакт? — Вопрос этот был для меня важен.

— Не совсем. Польская разведка уже извещала нас о существовании этой исследовательской базы. — Тернер постучал по фотографии леса. — СС могли заметить действия разведчиков-партизан и подстроить ловушку.

— Великий Боже!

— Если бы я считал этот сценарий вероятным, — в голосе его прозвучал холодок, — я не посылал бы вас. Это вам ясно?

— Ясно.

— Вилли Цвай намеревается приехать на базу из Берлина. И я надеюсь, что вы и ваша группа встретитесь с тем Вильгельмом, который отправил сообщение...

— Контакт был произведен через третье лицо?

— Конечно. Но из содержания следует, что инициатива исходит либо от Вильгельма Первого, либо от Вильгельма Второго: переданная нам информация может быть известна только этим людям.

О деталях спрашивать незачем. Если бы они имели отношение к делу, Тернер сам бы сказал мне.

Он перечислил возможные сценарии; ни один из них не сулил мне ничего приятного. Худший вариант заключался в том, что проект мог оказаться незавершенным или фиктивным, и передо мной была открыта ловушка, предназначенная для лица, обладающего достаточными познаниями, чтобы с беглого взгляда опознать работы по созданию нуклеиновой бомбы.

— Это все, — сказал он наконец. — А теперь Томас Кук позаботится об остальном.

Официально этот отдел именовался «Обмундирование, транспорт и вооружение», однако мы называли его Агентством Кука, потому что оттуда нас посылали в экзотические края, где можно было познакомиться с интересными людьми и при удаче избежать необходимости убивать их.

К счастью, и мы возвращались — достаточно часто.

— Большое спасибо. Сразу же, как прибуду на место, пришлю вам открытку.

Я вновь набрал коммутатор.

— Уайтхолл, сорок один — девяносто восемь, — сказал я телефонистке.

И вновь мне ответили только долгие гудки.

Прежде чем я оставил Бейкер-стрит, Лео назначил мне встречу. Он ожидал меня на пересечении двух лишенных окон коридоров, ко-

торыми я должен был проследовать к выходу, и, ухмыляясь, выслушивал, как одетый в мундир сержант давал наставления потерявшей-ся медсестрице, которая мило хмурилась, с трудом разбирая шахтерский акцент шотландца.

— Вот что, милашка, первым делом ты свернешь налево...

— Пойдем, — проговорил Лео, — тебе надо еще кое-кого повидать.

Мы вошли в его кабинет, однако там оказалось пусто. Лео удивил меня тем, что нахлобучил сомнительного вида фетровую шляпу, а потом влез в пальто.

— Идем к Виктории*.

— И как она поживает?

— Когда только, Флеминг, ты наконец повзрослеешь?

Пока мы шли по Бейкер-стрит, я подумал, что производители мешков для песка процветают — если судить по грязным штабелям возле каждого окна и двери. Я посмотрел вверх: на чистое небо накатывала сливочно-серая туча. Дождь будет кстати.

— А как поживают твои медсестрицы, Лео?

— Число вторичных посылок резко уменьшилось.

Агенты благословляли его за это. Рентгеновский контроль на пропускных пунктах, споровые туманы и естественные опасности часто уродовали криптоциты, переносимые птицами или курьерами под ногтями. И если командам Лео удавалось выделить из поля отчасти рандомизированную базовую последовательность, а по сути дела дешифровать код, которым агент пользоваться не намеревался — это избавляло нас от повторного путешествия, почти до нуля снижало вероятность попасть в плен.

— Итак, кого же нам предстоит увидеть?

— Обещаю, этот человек понравится тебе.

Вечерело, становилось прохладно, и, свернув на улицу Виктории, мы пошли резвее. Потом мы остановились напротив Вестминстерского собора, перед его радующей глаз смесью красно-кирпичного и серого цветов и рвущейся ввысь двцветной башней. Лео направился через дорогу, я последовал за ним.

Внутри собор казался почерневшим от сажи, мрачным и впечатляющим. Следуя за Лео, я вошел в какую-то укромную боковую дверь, кивнул встретившемуся священнику и поднялся по скрипучей деревянной лестнице. Оказавшись на самом верху, Лео постучал в дверь.

— Это я.

* Имеется в виду улица Виктории.

— Раз ты, входи.

За дверью находился небольшой, обшитый дубовыми панелями кабинет, все полки были плотно заставлены книгами. Из-за письменного стола навстречу нам поднялся рыжеволосый человек.

— Это Джек, — представил Лео, обращаясь ко мне. — Заранее предупреждаю: он иезуит. Поэтому не начинай никаких споров, проиграешь.

Я с улыбкой протянул руку:

— Не буду. Как поживаете, святой отец?

— Джек. Прошу вас.

Лео окинул взглядом книжные полки:

— Лучшего генетика у нас нет.

— Есть. — Джек указал мне на деревянное кресло. — Ты слишком скромничаешь, Лео.

— Не думаю. Мне хотелось бы обратиться к тебе за помощью в одном вопросе...

И поскольку они немедленно погрузились в беседу относительно свойств фагопереносимых рэндомизаторов, я подошел к полкам, которые только что рассматривал Лео. Над полками возле изображения Святого Сердца висело небольшое простое распятие. А под ними были плотно притиснуты друг к другу корешки: Уоллес «Происхождение человека», Шредингер «Волны жизни», сочинение Гиббона «Упадок и падение Римской империи». И все, что написал Иммануил Кант — в оригинале. «Анатомия» Грея. «Левиафан» Гоббса. Тонкий томик «Эмергенических преобразований» Римана. «Князь» Макиавелли, на английском и итальянском языках. И «Тарзан» Эдгара Райса Бэрроуза.*

На столе возле дешевой статуэтки одетого в бурый балахон святого лежал экземпляр «О войне» фон Клаузевица.

— Интересно, — пробормотал я.

— Святой Григор Мендель? — спросил Джек, ошибочно истолковав объект моего интереса. — Он один из моих героев.

— Естественно. — И я подумал о том, как он может относиться к Клаузевицу.

— А вы никогда не задумывались о том, насколько изменился бы мир, если бы папский легат не извлек из безвестности работы этого человека и не сделал бы их знаменитыми для всего света?

— Гм...

— Боюсь, ты имеешь дело с простым обывателем, — заметил Лео.

— Труд моей жизни, — Джек протянул мне шарик голубого геля.

* В этом перечне смешаны подлинные и вымышленные книги.

— Вот. Новое антивирусное средство. Лучшее из всех, которыми мы располагаем.

Итак, ему было известно, что мы отправляемся на оккупированную территорию.

— Благодарю вас, святой отец. То есть Джек.

Но Джек уже откупоривал бутылку божолы, и мы выпили под паростов, а потом принялись болтать обо всем — начиная с девиц (Джек много смеялся), затем отдав должное Канту и закончив войной в Африке.

Лишь потом, в конце этого долгого и веселого вечера, когда за нами с Лео явился шофер из SOE, я стал размышлять, зачем все это придумано. Неужели Лео решил подбодрить меня в последний день перед отправлением навстречу опасностям? Оживленно болтавший возле меня на заднем сиденье Лео казался слишком свежим и невинным для нашего коварного мира. Но даже поддерживая этот беззаботный треп, я мог думать лишь об одном человеке, который был теперь по-настоящему важен для меня, о той точке опоры, вокруг которой кружил лживый хаос.

Ночной полет.

Я согнулся в своей прозрачной оболочке...

— Осталось тридцать секунд, — инструктор-парашютист осмотрел меня и кивнул.

Угрюмый стрелок заглянул в длинный фюзеляж. Должно быть, хотел убедиться, что я стою таких трудов: по пути нас обстреляли зенитки, в воздух наверняка уже поднимались эскадрильи легких птерофайтеров. Да и полет в обратную сторону не будет прогулкой.

Что касается меня...

— Готов...

Люк откинулся. Инструктор простер руку в мою сторону.

— Пошел!

А потом меня окружила тьма и сталкивающиеся в ней ветры. Страх ныл в груди, а оболочка превратилась в кокон.

Темнейшая ночь была над и подо мною. Кокон кувырнулся...

И упал.

По залитой серебристым лунным светом влажной траве бежали волны: защитная сфера и парашютная мембрана растворялись у подножия темной, как сама ночь, живой изгороди. Я ждал... но тут прозвучал негромкий шепоток, и я припал к земле. На фоне лунной ночи обрисовались тени: их было четыре или пять.

Напрягая зрение, часто и неглубоко дыша, я согнулся как спринтер на колодках, собранный и готовый к немедленному старту...

— Привет, дорогой. — Слова эти, пролившиеся на меня в ночной прохладе, пробили мою тренированную оборону, и я едва не задохнулся.

— Лаура?

Следовало догадаться. Даже начальная стадия проникновения, установка, требовала специальных знаний.

— *Dzien dobry...* — произнес мужской голос. В руках этого человека блеснула металлом винтовка.

— *Milo mi pan roznaé,* — ответил я ему.

Однако мне хотелось видеть фигурку, находившуюся в центре группы.

Лаура здесь!

Началась неделя мечты и кошмара, состоявшая из дней, проведенных в укромных уголках — то на чердаке, под звуки доносившегося с улицы немецкого говора; то на пришедшей в изрядный упадок ферме, откуда нас спугнула краснолицая крестьянка. Оставив укрытие, мы устремились к лесу — и начались ночи, проведенные в пути по вересковой пустоши, которая постепенно превратилась в пологие холмы, покрытые густым лесом, где на земле шуршали всякие мелкие твари, где ветер стучал ветвями да время от времени вдруг хищно вскрикивала сова. И Лаура, моя Лаура, была рядом со мной.

— Ты умеешь хранить тайну, моя дорогая, — проговорил я. — Но мне следовало бы догадаться, почему Лео вздумал развлекать меня в Лондоне.

— Я не делала тайны из своих чувств, мой дорогой.

Родственные души, и не только.

Во время ночных переходов мы шли бок о бок: держась за руки, а иногда, чтобы согреться, опуская соединенные ладони в карман еи или моего пальто. Сопровождавшие нас четверо польских агентов двигались во мраке с непринужденностью огромных и готовых ко всему котов, настолько острым было их ночное зрение; они бесстрастно воспринимали наши отношения, обходясь без шуток.

Им было превосходно известно, с какой легкостью стремительные и губительные превратности одного дня войны могут разлучить возлюбленных.

Наконец, проведя несколько часов в холоде, под кустами, где мы укрывались от метавшихся над головами летучих филермышей, чьи

темные силуэты время от времени прорезали лик странной золотой луны, по извилистой лесной тропке мы спустились к городу.

Остановившись на краю леса, мы осмотрелись. На востоке небо уже чуть посветлело, и звезды блистали на обретающем военно-морскую синеву занавесе, а мы стояли, вдыхали пахнувший сосной воздух, пытаюсь взглянуть в очертания остроконечных крыш над мощеными улицами. Патрулей не было видно.

А потом под деревянной балкой шевельнулся ставень, и чья-то рука выложила полосатое посудное полотенце на гранитный карниз. Это был сигнал.

Один за другим мы пересекали открытое пространство — под немы вопли собственных нервов, ожидавших града пуль, которого все не было и не было. Сняв обувь, в носках мы ступали по холодной неровной мостовой, направляясь к задней двери нашего приюта, к спасительной кухне.

Первое утро выдалось самым тяжелым.

Надев поношенное пальто, прикрыв голову выдавшей виды шаблю, Лаура подошла к собравшейся внизу группе рабочих, а я следил за ней из окна чердака. Наконец подъехал темно-зеленый открытый заврофолькс, и с него соскочил немецкий солдат, лязгнув подковками сапог по мостовой. Он постучал по бронированной шкуре; задняя стенка кузова развернулась, образовав рампу, по которой рабочие могли забраться в машину, чтобы их доставили на очередную долгую смену.

Фолькс пробрался в узкую улочку между покосившимися домами, круто повернул в конце ее и исчез из виду.

И Лаура делает это уже не первый месяц, сказал я себе.

Но и давнее прикрытие можно разоблачить.

Весь остаток дня, не имея возможности выйти, я бесился на чердаке, пытаюсь изгнать волнение физическими упражнениями: делал приседания, отжимался, подтягивался на балках и молотил воздух, словно отрабатывая убийственную технику по системе Ферберна.

Потом, когда нервы мои наконец успокоились, я распростерся на полу, сжимая в руках воображаемое ружье и мысленно внимая тому выстрелу, который намеревался из него произвести. Ничего другого я сделать не мог.

А потом настал вечер, Лаура поднялась на чердак, и я обнял ее так, словно бы никогда не собирался разжимать объятий, впитывая холодок ее кожи, вдыхая принесенные одеждой и волосами слабые

лабораторные запахи, чересчур поглощенный ее благополучным возвращением, чтобы говорить.

Она поцеловала меня, и растворенный этим взрывом тепла я отдался мгновению, когда общение не требовало слов.

На четвертый день ожидания, следя за пыльным и бледным янтарем солнечного луча, пробирающегося по узловатым доскам, я услышал, как внизу стукнула дверь. Я подскочил на месте.

Эльза, наша пухлая рыжеволосая хозяйка, громко поздоровалась с вошедшим. Потом на крутой лестнице прозвучали негромкие шаги, и я пригнулся, изготовившись к бою...

— Это я.

Узнав голос Петра, я расслабился. Он командовал группой, Лаура звала его Петя, но я предпочитал полное имя. С остальными — Зеноном, Станиславом и Каролом — мне почти не приходилось разговаривать.

— Привет, Петр. Все в порядке? — голос мой прозвучал более напряженно, чем хотелось бы.

— Пока, — на худом и бледном лице его, лице слишком много повидавшего человека, не было заметно никаких эмоций.

— Готов к выходу? — По моей коже пробежали мурашки.

— Через несколько часов. А ты не промахнешься?

Я понял: Петр и его люди были охотниками, они не доверяли моей меткости.

— Перед войной, — пришлось пояснить мне, — я занял второе место в Бисли.

— Бисли?

— На первенстве страны по стрельбе из винтовки.

— А... Это хорошо.

Пусть будет так — ради Лауры.

— Теперь отдыхай, — добавил Петр, — я зайду за тобой, когда все будет готово.

— Подготовлюсь и я.

Наконец вечернее летнее небо померкло, и снизу донесся стук.

— Пора, — услышал я голос Петра.

Люди с видимой опаской пробирались по старинным улицам, а неровные окна покосившихся домов словно в упор смотрели на темно-серые мостовые. Люди знали, что за ними ведется постоянное наблюдение: глазами летучих филермышей, глазами патрулей ваффен СС. Хозяйка, желающая избавиться от старого постояльца; вознена-

видевший учителя двоечник; завистливый сосед, год за годом копящий в душе мстительное чувство, — любой из них мог сделаться информатором, высказать свои подозрения Sicherheitsdienst'у, убедить самих себя в нелояльности соотечественников к оккупантам.

Но как они будут смотреть в спину своим жертвам, вводимым взводом солдат, чьей самоуверенной силе нечего противопоставить? Смогут ли они потом забыть страдания, которые причинили тем, кто пал жертвой хранителей арийского образа мысли?

Каждый из нас является продуктом той культуры, которую мы...

Заметив впереди серые мундиры, я на мгновение остановился.

Не останавливайся.

Шагавший впереди Петр не замедлил шага, обнаружив тем самым больший профессионализм, чем я.

— Papiere*.

Я примерз к земле, внутри все напряглось.

— Ihre Papiere. — Ко мне протянулась рука, в голосе патрульного слышалось нетерпение. — Schnell.

Но боковым зрением я смотрел на руки его товарищей, на их жадные пальцы, готовые выхватить маузер и с мгновенной радостью уничтожения нажать курок.

— Bitte, — протянул я бумаги.

Мы, агенты, привыкли отпускать всякие гадости в адрес Агентства Томаса Кука, шутить по поводу суетливых матрон и старикашек, работающих в этом отделе, однако изготавливавшиеся ими документы были хороши.

— Also gut.

Он вернул мне бумаги, и настал миг наибольшей опасности: если я не сумею подавить это невероятное облегчение, если рухнет мой защитный фасад, не сдерживаемый более уздой страха, это станет знаком моего разоблачения. Однако они отправились дальше, хотя и не в ногу, и болезненное ощущение собственной смертности волнами омывало меня. Теперь некоторое время мне ничего не грозило.

Шаркающая походка впереди — Петр как раз огибал угол — вернула меня к реальности. Здесь твоя безопасность представляла нечто эфемерное, гарантировать себе жизнь ты мог только до следующего патруля, и мне следовало взять себя в руки, чтобы все мы не погибли.

И Лаура тоже.

* *Документы.*

Осколки на мостовой...

Ради Лауры я наклонил голову вперед, отправив свои фальшивые документы внутрь слишком тонкого пиджака, и пошел вперед.

Остановившись у края леса, там, где кончались жилые кварталы, мы следили за вооруженными патрулями, с началом комендантского часа расплывавшимися по переулкам, надменно вышагивавшими между простых смертных, зная, что по малейшей своей прихоти могут вторгнуться в чужой дом, нагло оправдывая любое нарушение чужих прав именем темной силы, правившей этими некогда цивилизованными людьми.

Когда мы уже быстрым шагом углубились в темнеющий лес, заморосил мелкий дождичек, похожий на безмолвные слезы.

А потом настало время меткого выстрела.

Сырая трава согнулась подо мной, однако я сразу забыл про холод, когда приклад прикоснулся к плечу; разглядывая подножие башни, охранявшей узкий проход, я начал выравнивать дыхание. В перекрестье прицела бледной тенью внутри темной будки маячил часовой.

— Другие часовые, — шепнул Петр, — почти не видны.

Вдохни...

Не оборачиваясь, я ощущал за своей спиной теплое дыхание трех польских бойцов, приготовившихся к бою.

— Три. Два. Один. Пошел.

В моем распоряжении было ровно двадцать секунд.

Задержи дыхание.

Палец мой сделался влажным, глаз тоже.

Ничего.

Поместить фигуру по центру прицела...

Задержать...

Дрожь... Выровнять.

Ну.

Движение пальца.

Изображение изменилось, поле зрения затмила тень, я не вижу...

— Он упал.

Поздравляю с успехом.

Пневматическая винтовка, тихая и точная, — лучшее оружие снайпера. Защитные звуковые поля не разрушат в ней никаких ганглий; никакой звук порохового выстрела не привлечет на наши головы рать солдат вермахта и ваффен СС.

Тяжесть винтовки оставила мое плечо, сильные руки коснулись меня.

— Теперь пошли.

И я снова оказался на ногах.

Впятером, быстро и безмолвно, мы рвались вверх по склону, надсаживая легкие и сбивая ноги. Возле меня бежал Станислав, самый высокий из поляков; вооруженный винтовкой Браунинга, он не отставал, несмотря на ее вес.

Когда мы оказались у башни, Станислав сбавил шаг и свернул к будке часового. Он снимет с убитого мундир.

— У тебя всего две минуты, — напомнил ему Петр.

Смена караула только что произошла. Судя по предоставленной Лаурой информации, патруль на следующем периметре примет Станислава за находящегося на посту часового: он из другой части и недавно переведен на это место.

— Без проблем. Пошли.

И мы продолжили путь по узкой выемке у подножия скалы.

Глухое ворчание. Серная вонь.

Мерзость.

Горячее дыхание коснулось моей кожи, громоздкий гиперкомодо, принюхавшись, лизнул мой пот своим раздвоенным языком, а потом повернулся и побрел назад в тень. У Петра подкосились ноги: он не был уверен в том, что ферошифр окажется верным; однако сверхчувствительный ящер нашел, что от нас пахнет как от друзей, а не как от врагов.

Затем в выемке вдруг появился широкий грузовой флатозавр, едва ли не царапавший обе стенки своими чешуйчатými боками. Старательно просчитав время, я прокатился между двумя массивными ногами и резким движением вцепился в гребнистые чешуи на брюхе, а животное волокло меня по земле, потом попытался закинуть руку и промахнулся, подтянул другую ногу и наконец зацепился обеими, как насекомое-паразит.

Наконец получив возможность оглядеться, я заметил силуэты трех своих товарищей — Петр, Кароль и Зенон прижимались к брюху, стараясь удержаться на нем, пока раскачивавшийся из стороны в сторону транспорт нес нас в сердце вражеской научной базы.

Через внутренний контрольный пункт. Под отголоски переговоров водителя и охраны.

— ...geht's mit dir?

— Ausgezeichnet. Arnold hat ein neues Madchen*...

Мы отправились дальше, и я расслабил руки.

Падение.

Спина моя ударилась о камень. Я рассчитал движение массивных ног...

А теперь катись.

В крохотном дворике отворилась деревянная дверь, и коротко блеснул голубой светлячок, прежде чем его укрыла маленькая ладонь.

Лаура.

Я первым вступил в узкий проход и торопливо провел кончиками пальцев по ее щеке: времени на другие приветствия не было. В скудном голубоватом свете я различил обшитые полированным красным деревом стены. Чье-то поместье?

Дойдя до конца коридора, мы свернули в поперечный. Когда под рукой вместо теплого дерева я нашупал влажный камень, а пол пошел под уклон, стало понятно — мы углубляемся в недра невысокого скалистого мыса, вдававшегося в холодные волны Балтики.

Арсенал был полон солдат, возившихся с оружием, офицеры отрывисто выкрикивали команды, а присматривал за всеми полковник гестапо в черном мундире. Пригнувшись за толстым трубопроводом, мы пробрались к казармам, возле которых обедали солдаты, а потом через внутреннюю дверь с феромонзамком, открывшуюся после того, как к замку притронулась Лаура, вышли к огромным ямам.

Над ямами пролегал узкий трап из влажного на вид хитина, который вел нас к бронедвери из шкуры мегарино. По обе стороны ее в небольших углублениях тускло-красной флуоресцентной краской светились две рукоятки.

Лаура склонилась ко мне:

— Я пойду первой, любимый.

Губы ее прикоснулись к моей щеке, и она ступила на трап, открытая взглядам любого часового, который мог сейчас оказаться внизу. Я отступил, пропустив вперед Кароля и Зенона — им придется придерживать обе рукоятки бронедвери, — и только потом шагнул на хитин.

Небольшие фосфоресцирующие коконы, то тут, то там прилепленные к стенам и потолку, создавали какой-то пепельный свет, пре-

* ...пойдет с тобой?.. Отлично. Арнольд завел себе новую девочку.
(нем.)

красно соответствовавший тем стенам, что доносились снизу, и тому зрелищу, что открылось под нами.

Ибо это было похуже Хрустальной Ночи.

То, что двигалось, ползало, трепыхалось и перетекало под нами, оставляя слизистый след на камнях холодных загонов или сливаясь с горной породой, некогда принадлежало к роду людскому и было теперь предано страданию худшему, чем самая мучительная смерть: томительной псевдожизни сырой, обнаженной плоти, покрытой незаживающими ранами, с которыми чередовались странные конечности — ветвистые, многосуставные или изъеденные язвами шупальца.

Петр охнул за моей спиной и шепнул:

— Бригитта...

Посерев словно пепел, он смотрел вниз на эту кучу живого мяса, между складками которой еще попадались полоски ткани — на одной из них желтела грязная шестиконечная звезда. Разрастаясь, пораженная опухольями плоть разодрала одежду. С наполненного жидкостью выступа, прежде служившего головой, невероятной маской сползали остатки лица, невысказанно искаженного и съехавшего на сторону; псевдорот исторгал неслышимый стон мольбы или узнавания.

Я схватил Петра за руку.

— Мы можем сделать только одно — отомстить за нее.

Он резко кивнул — жилы веревками вздулись на бледной шее — и последовал за мной.

И все оглядываясь, не выпуская из виду эти измученные человеческие останки, пока мы шли к бронедвери.

Кароль был у правой стороны ее, Зенон у левой.

— Jeden, dwa, trzy*...

Оба они одновременно нажали на рукоятки. Дверь сморщилась, а потом медленно свернулась назад, открывая за собой обитый стальными листами проход.

Каролю и Зенону придется остаться на месте, потому что если хотя бы один из них ослабит хватку, дверь захлопнется. Открыть ее можно было только снаружи. В случае необходимости можно было выйти и изнутри; однако движение внутренних рукояток приведет в действие каждую сирену в этом заведении, после чего наша миссия закончится в считанные секунды.

— Хорошо, — сказала Лаура. — Мы пришли.

* *Один, два, три... (польск.)*

Будем надеяться на то, что Вильгельм сумеет сделать то же самое. Мы углубились в недра стального коридора.

Лабораторные столы занимали помещение, в котором мог бы разместиться заводской цех. Лаура, Петр и я прошли по одному из проходов к сосновым ступенькам в противоположном конце зала, где и остановились. Ступеньки поднимались к стеклянной кабинке на помосте, однако кабинка — возможно, служившая лабораторией-изолятором — оставалась неосвещенной и безлюдной, как и все эти рабочие столы, пустые кресла в просторном и мрачном зале.

Высоко на стене висело алое знамя с вышитой на нем свастикой. На наших глазах медленно открывалась вторая дверь, приводившая в это помещение.

— Нет...

В зал вошли двое светловолосых мужчин в белых лабораторных халатах поверх безупречных костюмов.

Какое-то время мы просто смотрели друг на друга и молчали.

Контакт, осуществленный через третье лицо — школьную учительницу, не имевшую представления о том, кто из наци входил в соприкосновение с ней и с кем из участников сопротивления общалась она с помощью писем, передававшихся, естественно, не по почте, — свидетельствовал о проведении работ по созданию дракона дальнего радиуса действия с нуклеиновой бомбой в качестве полезной нагрузки, которую должны были изготовить вражеские нимфокластеры. Аналитики из Уайтхолла не сомневались в том, что в контакт вовлечен тот или другой из Вильгельмов, но ни одному из них не пришло в голову, что оба они решили изменить рейху. В особенности теперь, когда блицкриг превращал в прах города Англии, когда сапоги солдат вермахта маршировали по всей Европе и бывшие свободные страны сыпались, как домино, перед наступлением рейха.

Не нравится мне все это.

— Позвольте мне кое-что показать вам, — тот из Вильгельмов, что был пониже ростом, Вильгельм Первый, указал жестом на непрозрачную, жемчужного цвета панель в стене. И вновь по-английски добавил: — Подойдите сюда.

Стесняться было нечего. И я направился к нему, намереваясь предложить рукопожатие, но он отвернулся к пульту — панель стала прозрачной.

Я автоматически отступил в тень, однако это было излишним: лаборатория вокруг меня оставалась в полумраке, хотя просторный ан-

гар, открывшийся нашему взору, был ярко освещен накаливаемыми добела дуговыми лампами. Даже если техники внизу посмотрели бы на это окошко, они бы едва ли заметили нас.

— Бог мой, — пробормотал Петр.

Ибо мы увидели драконов такой величины, которой нельзя было даже вообразить: их расстеленные дельтовидные крылья заполняли гигантскую площадь — между их кончиками поместился бы целый квартал. В недра драконов загружали сферических опаловых нимф, их длинные усики аккуратно окружали объемистые мешки с желтком. Сброшенные над городом нимфы немедленно развернутся и, в считанные секунды сбросив оболочки, превратятся в небольших взрослых драконов, которые с запрограммированной точностью обрушат свой смертоносный груз на мирные города.

— Первые летные испытания, — ровным тоном произнес Вильгельм Первый, — дали удовлетворительные результаты.

— А каков их радиус действия? — спросил я. И поскольку он не ответил, добавил: — Was ist die Fliegweite?

— Zwei tausand Kilometer. — Он пожал плечами. — А может, и больше.

При радиусе в две тысячи километров драконы могли стартовать прямо отсюда — наци даже не придется переносить свои предприятия на территорию оккупированной Франции, как я предполагал.

Если лаборатории люфтваффе сумеют размножить этих гипердраконов достаточно быстро, если они сумеют произвести дюжину, а может быть, и два десятка эскадрилий, война с Англией закончится даже без ядерной бомбы, и англичанам придется учить немецкий — так, как некогда нашим предкам-саксонцам пришлось против собственной воли осваивать язык офранцузившихся норманнов. Однако новый режим сделается истинным кошмаром, какого не знали авторы средневековых сказаний со всеми их чудовищами и демонами.

— А вы, — я повернулся лицом к другому Вильгельму, — что вы рассчитываете получить от этого?

Они торопливо подкатили передвижные доски к сосновым ступеням возле изолированной лаборатории. Вильгельм Второй быстрыми движениями набросал мелом уравнения, а Вильгельм Первый комментировал их, устанавливая стеклянное блюдо на асбестовый коврик.

— Насколько я понимаю, — он подождал, пока я кивнул: мне было известно, что он не является специалистом по квантово-молекулярной теории эволюции, — существуют две проблемы. Первую представляет само ядро бомбы, снабженное самореплицирующимися прямыми аттракторов, рассчитанных на каскадирование в атмосфере.

Я похолодел.

— Вторую, — продолжил Вильгельм Первый, — представляет собой векторный триггер, питающий процесс своей энергией и выносящий икру наружу, обеспечивая тем самым распространение каскада.

Уже из разговоров на вечеринке в доме Оппенгеймеров я понял, что нацисты продвинулись достаточно далеко в решении проблемы и успели разобраться в триггерном механизме настолько, чтобы понять: он столь же важен для действия оружия, как и само нуклеиновое ядро.

По умножавшимся на доске формулам энзимов — Вильгельм Второй как раз отложил в сторону исписавшийся кусочек мела и взялся за новую палочку — я видел, что они, во всяком случае, овладели техникой проектирования ядра бомбы. И поскольку (вопреки инстинктивной убежденности Эйнштейна) такие характеристики, как разум, эволюционировали в природе слишком быстро, не укладываясь в Уоллесовы правила макроселекции, то Вильгельм Второй вместе с сотрудниками мог создать необходимые нити репликаторов за время куда меньшее всех несчетных тысячелетий, ушедших на обыкновенную эволюцию.

Как показали Шредингер и Бор, энзимы служат химическими наблюдателями вызывающих коллапс молекулярных волновых функций, который с учетом наложения вероятностей ведет к единственному исходу. Однако энзим, который постоянно «наблюдает» за молекулой, находящейся в одном и том же положении, не позволяет ей еще раз вступить в неопределенное, способное к реакции состояние, тем самым навсегда замораживая ее конфигурацию и энергию.

Тем не менее квантовая биология обладает другим, не совсем очевидным принципом, гласящим, что способ, которым произведено измерение, определяет его результат.

И работавшие в Нью-Мексико ученые воспользовались им. Если наблюдающий энзим сам подвергается медленным переменам, тогда он позволяет отсутствующей молекуле эволюционировать в соответствии с присущими энзиму биохимическими тенденциями.

— Итак, — спросил Вильгельм Второй, отворачиваясь от грифельной доски, — что вы думаете об этом, друзья мои?

Я попытался сохранить самообладание, однако Вильгельмы переглянулись, и я понял, что выдал себя.

Каких бы результатов они ни добились к этому времени, я теперь знал: наци обладают вполне жизнеспособной программой создания нуклеиновой бомбы. Уничтожение любой экосистемы — для них это вопрос времени.

— Also gut. — Вильгельм Второй кивнул. — Неплохо. Позвольте мне показать вам...

Звякнула далекая дверь, и оба Вильгельма одновременно побледили.

Вполне натуральным образом.

— Патруль! — выпалил Вильгельм Первый.

Явно явившийся не по расписанию.

— Быстро, — Вильгельм Второй указал на изолированную лабораторию. — Внутрь.

Петр опустил руку в карман пиджака.

Нет...

Невзирая на мой приказ, он, должно быть, прихватил с собой револьвер. Брать на базу огнестрельное оружие было нельзя. Первый же выстрел означал нашу смерть и провал поставленной задачи.

— Хорошо, — Петр посмотрел на меня, а потом вынул руку из кармана, без оружия. — Не спорю.

Лаура первой поднялась по сосновым ступеням.

Поспешим.

Внутри лаборатории Вильгельм Второй указал на два шкафа, вмонтированных в заднюю стенку. Он ткнул пальцем сперва в Петра, потом в меня.

— Вы оба, э-э, ihn verbergen...

— Прячьтесь, — перевел Вильгельм Первый, выглядывая в лабораторное окошко.

Лаура посмотрела на меня.

— Нет, — сказал я.

— Ты должен. — И с этими словами она провела пальцами по моим губам. — Места хватит только для вас двоих, а я зачислена в штат...

— Быстро, — Петр ухватил меня за рукав. — Так надо.

— Хорошо.

Повернув бакелитовую ручку, Вильгельм кивнул в сторону шкафов с прозрачными передним стенками. Внешняя мембрана медленно становилась черной.

— Производное чернил каракатицы.

Однако патруль был уже на пороге, и, не тратя времени на разговоры, я втиснулся на высокую полку, свернувшись клубком, а мембрана тем временем твердела, запирая меня в лабораторном шкафу.

Лаура...

Однако я видел, что творится в лаборатории, видел, как вздрогну-

ла Лаура, когда патруль появился внизу, в темной комнате, а оба Вильгельма обменялись несколькими фразами. Звуки сделались глухими, я почти не различал слов, однако пропитанная чернилами мембрана была прозрачна с моей стороны.

Едва ли не всхлипнув и часто дыша, я заставил себя притихнуть.

Изоляционная дверь открылась, появился офицер-эсэсовец в великолепном черном мундире с серебряными знаками и нашивками. Его круглое лицо можно было бы даже назвать приятным, если бы не тонкий фиолетовый шрам и безжизненный взгляд, скользнувший по мембране шкафа — я поежился, не сумев справиться с произвольной реакцией — и остановившийся на Лауре и обоих Вильгельмах.

— ...*Sie hier?* — Высокий голос его сумел проникнуть в мое укрытие.

Вильгельм Второй что-то пробормотал в ответ, из которого я разобрал только одно слово: *arbeiten*. Должно быть, сказал, что задержались за работой над важным делом.

Неужели эсэсовцы настолько не доверяют собственным специалистам?

Позади офицера место в дверях заняли два солдата в серых мундирах, державшие руки на маузерах. Однако именно эсэсовец с толстым белым баллоном у блестящего пояса пугал меня.

Лаура, любовь моя!

На микросекунду взгляд ее обратился в мою сторону. Потом она отвернулась и, потупившись, ответила на вопрос офицера.

Тут я заметил, что она держит стеклянное блюдо, взятое со стола, возле которого находился Вильгельм Первый; эсэсовец тоже заметил это, и шрам на его лице дернулся. В стороне замигал красный огонек, и я подумал, что, взяв посудину, Лаура ненароком включила какое-то потайное сигнальное устройство.

Офицер пролаял вопрос, но не стал ждать, пока шагнувший вперед Вильгельм Первый даст ответ.

Он немедленно сорвал с пояса баллон и ткнул его раструб в прекрасное лицо Лауры...

Нет! Лаура!

Попытавшись ногтями отдернуть мембрану, я, наверное, завопил, но было уже слишком поздно, брызнули мелкие капли спорового тумана, и женщина, которую я любил, превратилась в зомби еще до того, как мои пальцы прикоснулись к мембране.

Я замер внутри шкафа, не в силах осознать происшедшее, не в силах смириться с ним.

Один из солдат открыл было рот, чтобы заговорить, — должно быть, он услышал меня, — однако заметил белозубую улыбку эсэсов-

ца и промолчал. Он обменялся взглядом с напарником, и я прочитал в их глазах решимость оставаться в стороне от этого дела.

Лаура. О, моя Лаура.

Оправдания, объяснения. Я не стал бы возражать, если бы Вильгельмы раскололись и выдали нас с Петром или если бы ушли, оставив нас задыхаться и умирать. Но передо мной стояла Лаура, оболочка женщины, которую я любил: нас разделяли четверть дюйма непроницаемой мембраны и безутешная скорбь.

Когда мембрана наконец растворилась и мне помогли выбраться наружу, я едва осознавал, что вижу обоих Вильгельмов, что руки Петра держат меня железными клещами и что эсэовец вместе с патрульными уже ушел.

— Лаура... — проговорил я, обращаясь к той, что уже не слышала меня.

Которой уже не придет в голову ни одна человеческая мысль.

Я едва не протянул руку, чтобы коснуться ее щеки, однако побоялся инфекции; и это мгновение трусости я запомню навсегда. Впрочем, крошечные нарывы уже расползались по прежде безупречной, цвета слоновой кости коже: предвестники тех преобразований, которые скоро превратят эту плоть в подобие чудовищ из ямы.

Но неужели тень муки пробежала по этим прекрасным, но мертвым глазам?

Я надеялся на ошибку. Я молил Бога, чтобы она действительно умерла.

О, моя Лаура.

Кашлянув, Вильгельм Первый произнес:

— Мне очень жаль, сэр.

Приглядевшись, я заметил, как он судорожно сглотнул. Меня охватило желание убивать, рожденное из бури чувств, требовавших отпущения. Я мог уничтожить их, разодрав по косточкам...

— Друг, — Петр достал револьвер. — Скажи, и я пристрелю их обоих.

Выстрел станет самоубийством, однако мне было все равно. Оба Вильгельма замерли передо мной в смятении, не смея вымолвить ни слова.

Наконец я оторвал взгляд от той, которая была для меня всем, и спросил:

— Чего вы хотите? По-настоящему хотите?

— Итак, вы одобряете нашу методику создания бомбы? — спросил Вильгельм Второй. — И считаете ее реализуемой?

— Я...

Это мгновение могло погубить нашу миссию, а с нею весь мир. Исписанная почерком Вильгельма Второго грифельная доска и диаграмма на ней, как две капли воды схожая с той, которую рисовал Дик Фейнман, заставили меня замереть на месте.

— Я работаю, — произнес Вильгельм, — над теорией так называемого квантового эволюционного детерминизма. До завершения ее еще годы и годы, однако кое-какими выводами уже можно воспользоваться...

И я воспользовался ими: познаниями Дика относительно техники будущего, рассматривая формулу энзима, предназначенного для того, чтобы заставить эволюционировать реплицирующееся ядро, зная теперь, что у наци ничего не получится.

Я не выдал своих мыслей. Живая смерть, превратившая Лауру в зомби, лишила меня эмоций, способных обнаружить себя. Эта смерть спасла меня тогда, когда жизнь ничего больше не стоила.

— На мой взгляд, методика великолепна. Уайтхолл с восторгом примет вас.

— Но мне необходимо продолжить работу.

— Вы получите дом в Оксфорде, — пообещал я. — Просторный дом. С вами будут сотрудничать наши лучшие умы.

Ложь. Наша наука базировалась не в Оксфорде: он стал бы в таком случае слишком очевидной мишенью.

— Отлично, — промолвил Вильгельм Второй.

В глазах Вильгельма Первого созрело решение, и он отрывисто кивнул своему тезке:

— Желаю удачи, мой друг.

Развернувшись как по команде, Вильгельм Первый торопливо вышел из изолятора. Шаги его простучали по сосновым ступенькам, потом по полированному паркетному полу, а затем он исчез за боковой дверью под красным флагом.

— Насколько я понимаю, друг мой, — обратился я к Вильгельму Второму, — вы намереваетесь идти с нами.

Оставалось еще одно дело. Взяв в руку бутылку с каким-то реактивом, возможно, с перекисью водорода, Петр стащил с крючка возле двери белый лабораторный халат. Поставив закупоренную бутылку на пол, он надел халат поверх одежды.

— А теперь вы оба выметайтесь отсюда. Патруль может вернуться. И если они не проявят особой дотошности, то могут решить, — он указал в сторону Вильгельма Второго, — что я — это он.

Не отрывая глаз от Лауры, я ответил Петру:

— Хорошо. Мы уходим. — И склонившись поближе к ней, добавил: — Прощай, моя ненаглядная.

А потом я направился к выходу, не оглядываясь, предоставляя Вильгельму возможность последовать за мной, если он этого захочет.

Когда мы оказались у самого выхода из облицованного стальными листами коридора, Кароль и Зенон уже были на месте. Оба они держались за рукоятки и с любопытством посмотрели на нас.

— А где?..

И тут в лаборатории позади нас грохнул выстрел.

Лаура!

И я понял, что Петр даровал ей вечный покой единственным оставшимся у него способом.

— Пошли, — я потянул Вильгельма за рукав. — Теперь нам придется как следует поторопиться.

Он поспешил выполнить подразумевавшийся под этими словами приказ, не подозревая, что я разгадал его обман: такая конструкция никогда не сработает.

Так я спас мир, более ничего не стоивший для меня.

Внутри огромного помещения засуетились патрули, устремившиеся к оружейным кладовым; тяжелые сапоги глухо топали по устланым коврами дорожками коридорам. Однако они пропустили старшего научного специалиста, уходящего подалеже от неведомой опасности, вдруг объявившейся в лаборатории.

Мы были уже слишком далеко, чтобы услышать звуки стрельбы, однако я знал: Петр дорого продаст свою жизнь.

А потом было узкое дефиле, в дальнем конце которого лежали четыре окровавленных трупа — убитый в полном составе патруль, а наш друг Станислав, бледный, смертельно раненый, стонал на полу будки часового.

Подошедший к нему Кароль пробормотал какие-то утешительные слова и немецким кинжалом даровал нашему спутнику единственную возможную для него свободу.

Отупев и ничего не ощущая, я шел к лесу, начиная свой путь к свободе.

Позже была встреча с представителями Королевских ВВС, а затем полет на родину; однако меня поразила посттравматическая амнезия, как мне сказали потом, и остаток пути домой навсегда затерялся в моей памяти.

Правда, я чуточку помню отчет, который давал на уединенной илтирской ферме. Но полностью в памяти восстанавливается лишь

разговор со Стариком, состоявшийся после того, как я вернулся к своим обязанностям в Уайтхолле.

— Садись, — он указал корешком трубки в сторону жесткого деревянного кресла. — Мне очень жаль Лауру.

— Благодарю вас, сэр.

На столе перед ним грудилась стопка машинописных листов, диаграммы были подписаны мелким разборчивым почерком, который я не мог не узнать.

— Можете отправить их прямо в корзину, — я показал на бумаги.

— Они ничего не стоят.

В его серых глазах промелькнуло одобрение.

— Бесспорно, ты не высказал этого там. Но почему ты прихватил с собой бесполезный живой балласт?

Я закрыл глаза.

Лаура...

Во снах она всегда смотрит на меня.

— Возможно, ты слишком рано приступил...

Я поднял веки.

— Прошу прощения, сэр, — я должен был объяснить. — Это моя вина. Мне слишком многое было известно. Зная то, что показал мне Фейнман, я мог бы лично довести до ума тот неудачный проект. Я мог бы заставить нацистскую программу работать. Исправить ошибку Вильгельма...

— Нет, из всех людей именно ты никогда...

— Я мог это сделать и сделал бы, сэр.

Старик еще качал головой, обнаруживая слишком глубокую веру в собственного агента.

Я встал, подошел к окну и, соединив за спиной руки, принялся рассматривать серое изваяние, высившееся посреди улицы. Бульвар Уайтхолла, как я вдруг понял, слишком напомнил мне довоенный Берлин.

— Споровая инфекция, — сказал я негромко, — обратима, если ее вовремя перехватить. Они предложили бы мне вернуть Лауру, и я ничего бы не смог скрыть от них.

Заботливая рука легла на мое плечо: Старик впервые прикоснулся ко мне после рукопожатия, завершившего нашу первую встречу, состоявшуюся три года и целую жизнь тому назад.

— Поэтому он и захотел к нам. Вильгельм то есть, — вздохнул я.

— Он слишком боялся своих господ, чтобы остаться там. Возможно, он преувеличивал в отчетах собственные успехи. Но если бы он предложил им меня...

Незачем подчеркивать очевидное.

— Итак, наш новый нацистский друг — просто дешевка, — проворчал Старик.

От деревянных панелей кабинета пахло мебельной полиролью; с запахом ее конкурировал аромат трубочного табака; снаружи доносился крик одинокой чайки. Какая бессмыслица.

— Ты поступил правильно, — сказал он.

Вильгельм Второй так и не получил обещанного дома в Оксфорде. Увы, во время прогулки по Мальборо-даунз в компании телохранителей из SOE он поскользнулся на сырой траве и прискорбным образом сломал себе шею.

В Уайтхолле скорбящих не было.

Конечно же, мы выиграли войну. Гипердраконы могли бы переломить ход военных действий, однако, невзирая на все успехи Вильгельма Первого, его хозяева не сумели мобилизовать ресурсы, способные склонить чашу весов в их сторону.

В последние дни войны армия Сталина понесла чрезвычайно тяжелые потери, стремясь первой войти в Берлин. Многие знатоки тактики считали это явным безумием, поскольку союзники уже договорились разделить побежденный город между собой. Однако мне было очевидно, что истинной целью этого наступления был институт, в котором работал Вильгельм Второй. Сталину была нужна нуклеиновая технология, ведь это оружие впоследствии доказало свою силу, когда американская бомба разрушила внушительную часть экосистемы Японии. Я мог бы сказать Сталину, что он напрасно губит своих людей, однако его собственные разработки или безнадежно отставали, или, с его точки зрения, любые полученные научные сведения оправдывали людские потери.

А потом, когда радость победы вывела на улицы Лондона толпы людей, было уже и неуместно думать о невосполнимой для одного лишь тебя потере в этой войне, погубившей миллионы, десятки миллионов жизней.

Но в этом-то и было дело: каждый из погибших союзных солдат и мирных жителей, павших жертвами бомбардировок, голода и карателей, каждая из жертв Холокоста — все они были реальными людьми и создавали вокруг себя свой мир.

Я пытался подать в отставку, однако куда мне было идти? Отправиться писать пейзажи в штат Нью-Мексико? Но в том сне мою жизнь разделяла Лаура. В одиночестве такая перспектива казалась холодной и бесцельной.

И я остался на службе.

Отдел SOE понемногу канул в историю, приняв в мирное время сперва название DI6, а потом MI6. Потом ушел в отставку Старик, а я прослужил все пятьдесятые годы, пока воспоминания не сделались навязчивыми.

Каждую ночь мне снилась Лаура.

И наконец, в начале 1962 года я вышел в отставку.

На следующее утро — в разведке никто не ждет уведомления об увольнении — я сидел на скамейке в Сент-Джеймском парке, читая забытую кем-то «Дейли Скетч», вдыхая запах цветущих рододендронов, мимо которых раньше совершал свою неизменную пробежку.

Газетные заголовки были крупными. Западный мир, пережив припадок паранойи, вызванный кружащими над головой спутниками, был исполнен следующего чувства: ПОРА ВЕРНУТЬ СВОЕ НАЗАД.

Под «своим» в данном случае подразумевались Соединенные Штаты.

Журналистов интересуют личности, а окруженный их вниманием человек намеревался взлететь на огненном драконе в небо. Однако за этими заголовками... Ну, после того многозначительного отсутствия Вильгельма Первого на Нюрнбергском процессе я всегда знал, как сложатся дела далее.

Сняв газету, я швырнул ее в урну.

Трафальгар-сквер ничуть не переменилась с того самого дня, когда на нее упала бомба-свастика, соединив наши с Лаурой жизни.

Уайтхолл также остался прежним. Но к тому времени, когда я прошел Парламент-сквер и вышел на улицу Виктории, дома сделались прозрачными — зелеными, синими, красными, — медленно минуя стадию желе в своем морфологическом цикле, а под ними ярко разодетые лондонцы разъезжали на цветных тирексах по бульварам, сверкавшим как стрекозиные крылья.

Я вспомнил о том, как приятель Лео, священник Джек, говорил о значимости поворотных точек в истории, и подумал, что наследие Менделя только сейчас освоено в полной мере и действительно определяет облик современности.

Вестминстерский собор, как и Вестминстерское аббатство в дальнем конце улицы, сохранил свой первоначальный облик посреди преобразующейся биоархитектуры, а одноместные и двухместные планеры-альбатросы кружили над головами, давая возможность насладиться зрелищем.

Я поднялся по ступеням.

Высокий сводчатый потолок остался таким же черным, как был во время войны, ярко сияли огоньки свечей, и стеклянные витражи сверкали во всем своем великолепии. Пахло ладаном, священник в

алтаре служил мессу. Это был не Джек: он находился в Южной Америке, на миссионерской работе.

— Иже еси на Небесех, да святится...

Я повернул назад, к входу.

Для меня здесь не было места.

Прибегнув к услугам настоящего агентства Томаса Кука, я заказал билет. Отдел SOE давно уже был ликвидирован; и даже среди сотрудников МІБ немногие расшифровали бы это сокращение.

Как ни странно, мне казалось, что так и должно быть.

Стояла обжигающая жара, хотя весна еще только приближалась. Солнце пылало на безоблачном синем небе. Здесь было жарче, чем в Нью-Мексико, и еще влажность.

Я лежал в колючей и редкой, иссушенной солнцем траве, пробиравшейся из песка то там, то здесь. Мягкой тряпочкой я протер окуляр винтовки, прежде чем снова припасть к нему глазом. В толпе военные мундиры мешались с гражданскими нарядами. Женщины в песочного цвета платьях, широкополых шляпах и коротких белых перчатках. Моей цели не было видно.

Слишком рано.

Я отвернулся, положил на землю винтовку и поднял лицо к небу. Надо мной не было ни дирижаблей, ни летучих филермышей: их держали в стороне от этого места. И этой единственной прорехой в сети наблюдения я намеревался воспользоваться.

Жаркая Флорида: прошло три года с тех пор, как мы с Феликсом в последний раз ловили здесь рыбу — тогда он сумел вытащить огромного тунца, несмотря на торчащий вместо руки крюк, — и после этого я избегал встреч с ним. Однако общение с Феликсом помогло мне выйти на нужных людей, благодаря чему я и лежал теперь с заряженной пневматической винтовкой в руках, дожидаясь нужного мгновения.

Лаура, единственная моя...

Но это потом. А пока сосредоточься.

Огромный и великолепный серебристый гиперзавр ожидал старта: несравненно больших размеров, чем любой построенный прежде летающий дракон, переполненный энергией, готовый рвануться в небо, в пространство, облететь нашу планету с отважным одиноким пилотом на борту.

Я аплодировал его отваге.

Уже скоро. Подрегулируем прицел...

Вот он.

Тот, кого я искал, появился среди сановников на правительственной смотровой платформе, обращенной к мысу Канаверал. Облаченный в белый полотняный костюм, по-прежнему светловолосый — после войны он не стал утруждать себя возвратом прежней внешности, — он занял место возле пятизвездного генерала.

Тот похлопал его по спине и предложил сигару.

Богатство, слава, возможность открыть свободному миру путь в космос. Вопреки его прошлому: в годы войны он-де работал практически в условиях тюремного заключения.

Рев далеких сирен.

Начался отсчет.

Далекий рокот, с которым выхлестнулась энергия огромного гипердркона... языки белого пламени ударили вниз, яркие, как само солнце.

Перекрестье...

Дракон вот-вот оторвется, человечество делает шаг к звездам, но я вижу перед собой только эту белую голову.

Успокойся.

На сей раз со мной нет Петра, готового помочь; ответственность лежит лишь на моих плечах.

Вдохни...

Старт.

Рев оглушал даже здесь. Приветственные крики наблюдателей перекрыл рык поднимающегося дракона.

Задержи воздух в груди.

Вот он — в центре.

Согласен, это триумф всего человечества. Первый шаг по предстоящей нашему виду дороге.

В фокусе прицела: лицо, светлые волосы.

Я не ошибся.

А теперь жми.

За Лауру.

Я отвернулся, когда набирающий скорость серебряный дракон поднялся к зениту на высоком столбе пламени и дыма, уменьшаясь в лазурном небе, исчезнув в нем.

Рядом булькала кислота: шел процесс саморастворения винтовки.

Теперь все долги выплачены, любимая.

Я поднялся с задушенной песком травы и пошел прочь.

Перевел с английского

Юрий СОКОЛОВ

Ш О Н М А К М А Л Л Е Н

ГОЛОС

Иллюстрация Алексея МАЛАХОВА

СТАЛИ

Обрывается «Дневник Тиндейла» с резкой и шокирующей окончательностью взмаха палаческого топора. Эдвард и Уильям Тиндейлы погибли в 1406 году, когда во время испытаний взорвалась отлитая ими переносная кулеврина. Эта информация была не записью в дневнике, а значилась на ксерокопии, добавленной к нему сэром Стивеном Честером. Вплоть до 1404 года в дневнике по большей части шли записи о пороховых смесях и сплавах для отливки пушек. Остальное состояло из заметок и исследований в области оптики, астрономии, изучения особенностей птичьего полета и даже строительства кораблей. А 4 апреля 1404 года Уильям записал, что купил у какого-то рыночного торговца поющий меч и теперь собирается наблюдать за ним, пока тот не запоет. По виду меч был испанским, и Уильям называл его «Меч дона Альверина».

Как выяснилось, меч не пел, а говорил. Услышанное наверняка оказалось совершенно непонятным для Уильяма, но он как добросовестный ученый-наблюдатель записал все в точности, насколько смог. А я, будучи специалистом по раннему английскому и взяв за основу записи Уильяма, сумела вычленить из этой абракадабры слова, которые меч произнес на самом деле. С этими двенадцатью словами я провозилась больше часа: настолько невероятным казалось написанное и услышанное.

Заст раллна лондской колц вой стифи — было очень трудно объяснить. *Нужо што нибть ис супр марта* — тоже оказалось серьезной проблемой.

Я несколько раз прочла оба предложения вслух. И чем быстрее читала, тем больше они звучали так: «Застрыла на лондонской кольцевой, Стиффи. Нужно что-нибудь из супермаркета?». Слова, несомненно, были произнесены на английском, но транскрибированы человеком, непривычным к тому английскому, на котором мы говорим, и при этом он очень сильно полагался на звучание. Любой из братьев Тиндейлов мог записать исходные фразы подобным образом.

— Разумеется, я собираюсь проверить подлинность дневника, — сказал мне сэр Стивен Честер, когда я впервые прочла слова, которые попросту не могли существовать. Но тем не менее существовали.

Передо мной на столе лежали дневник Тиндейла и Меч дона Альверина. Был 2004 год, и я находилась в поместье неподалеку от Честерфорта, севернее Лондона. Сэр Стивен начал реставрацию фамильного склепа, желая превратить его в некую достопримечательность

для туристов, и в одном из гробов обнаружил дневник и меч. Он мало что смыслил в староанглийском, но все же сумел распознать слово «супермаркет» в версии Уильяма Тиндейла.

— И что вы думаете на этот счет? — спросила я.

— Но эксперт вы, Мишель. И я надеялся услышать хотя бы одну версию.

А у меня не было версий. Сэр Стивен наткнулся на мое имя в интернете, когда искал информацию об Эдварде и Уильяме Тиндейлах. Я всего лишь учительница средней школы, а не ученый, но еще на старших курсах университета Тиндейлы стали для меня навязчивой идеей. Немногие уцелевшие в архивах упоминания о братьях намекали, что это были яркие ученые-наблюдатели и первопроходцы, как минимум, равные да Винчи или Галилею. Я скопировала всю информацию о братьях, даже несколько клочков бумаги с их рукописными заметками. А дома у меня висела репродукция единственного портрета Уильяма Тиндейла. И еще я мечтала отыскать доказательства того, что они изобрели нечто важное, ну, скажем, микроскоп, но о чем из-за погубившего братьев несчастного случая мир так и не узнал.

— У меня нет теорий, почему меч произнес слово «супермаркет» в 1404 году, — призналась я. — Что же касается братьев Тиндейлов, то я полагала, будто знаю о них все, но ваш дневник — полная неожиданность. У вас нет с ними каких-либо семейных связей?.. Например, не был ли ваш далекий предок их покровителем?

— Насколько мне известно, нет. А что вы можете о них рассказать?

— Они были мастерами-оружейниками, а Эдвард к тому же занимался алхимией. Уильям еще мальчиком стал учеником ювелира, потом превзошел учителя, изготовив несколько часов с анкерным механизмом на коронных шестернях. Он также экспериментировал с линзами и смастерил некое устройство, которое назвал «составной машиной для приближения объектов». Если тут подразумевается телескоп, то произошло это на два столетия до общеизвестной даты его изобретения. А если микроскоп с несколькими линзами*, то и в этом случае братья намного опередили кого угодно.

** Как известно, микроскоп Левенгука состоял лишь из одной двояковыпуклой линзы и по сути представлял собой лишь очень сильное увеличительное стекло. Оптическая система, позволяющая регулировать степень увеличения, должна иметь не менее двух линз. (Здесь и далее прим. перев.)*

— Значит, Уильям был мозгом семейства?

— Они оба очень умны и весьма эрудированы для того времени.

Но Уильяма можно назвать мечтателем, а Эдвард имел склонность к организаторским делам и торговле. Когда та злосчастная кулеврина взорвалась и погубила их, они были в расцвете своего таланта и к тому же достаточно богаты, чтобы с комфортом жить и творить. Если бы они дожили хотя бы лет до тридцати пяти, то смогли бы произвести революцию в английской науке и промышленности. Этот дневник — несомненное тому доказательство. Заметки о работающем телескопе, наблюдения о лунных кратерах и спутниках Юпитера, схема устройства чугунолитейной печи и даже идея «непотопляемого» железного корабля.

Прочитав дневник, я попыталась вообразить, как изменился бы мир, если бы братья прожили еще лет тридцать или сорок и дали мощный толчок науке и производству Англии. Например, промышленная революция началась бы в конце 1500-х, а не 1700-х годов. А если бы Уильям преобразил астрономию и физику за двести лет до Галилея? Где бы теперь оказалось человечество?

Я открыла папку и показала сэру Стивену репродукцию единственного уцелевшего портрета Уильяма. Немного мечтательное выражение изобретателя никак не шло вразрез с тем, как я его представляла: целеустремленная личность, человек-практик. Если честно, то я испытывала к нему довольно странное влечение и, даже знакомясь с мужчинами, невольно искала сходство со своим кумиром. Но сэру Стивену я об этом, разумеется, ничего не сказала.

— Этот дневник мог бы стать одним из величайших открытий в истории науки, — заметила я, печально глядя на лежащую передо мной страницу ксерокопии.

— Мог? — переспросил сэр Стивен, в первую очередь, видевший в дневнике редкий материал, способный завлечь туристов в его поместье.

— Именно «мог», а не «может». Ведь записи о телескопе Гиндейла и его чугунолитейной печи соседствуют в дневнике со словами «супермаркет» и «лондонская кольцевая». И этого более чем достаточно, чтобы поставить на дневник клеймо: фальсификация.

— Но ведь его подлинность можно установить. С помощью углеродного анализа... или еще как-то.

— Правильно, но даже если определят, что бумага и чернила датированы примерно 1400 годом, дневник все равно сочтут ловкой подделкой.

— Все не обязательно. Видите ли, жена почти каждый день свя-

зывается со мной по радио из машины по поводу покупок в супермаркете или напоминает, чтобы я не забыл выключить духовку...

— Ну и что? Сейчас у всех мобильники.

— В том-то и дело, что у нас с ней две старомодные рации. Пользоваться ими гораздо дешевле, чем платить за два мобильных телефона. Сами понимаете, нам приходится затягивать пояса, пока финансовые дела поместья не обрели стабильность...

— Что ж, это многое объяснило бы, если бы именно вы услышали в 2004 году, как меч разговаривает. Но вопрос в другом: кто стал бы говорить о супермаркетах и лондонской кольцевой шестьсот лет назад? И вообще, как может меч говорить?

И тут я смолкла, вспомнив о том, что произошло по время регаты несколько лет назад. Я была членом университетского яхт-клуба. Собственных яхт у клуба не имелось, но мы становились матросами-добровольцами на частных судах состоятельных владельцев. Из-за каких-то особенностей изготовления металлическая мачта на одной из яхт превратилась в детекторный радиоприемник и ловила передачи береговой радиостанции. Детекторные приемники работают за счет энергии самого радиосигнала, батареи им не нужны. Если на такое способна мачта, то почему не меч?

— Что вы сказали? — переспросил сэр Стивен.

— Есть свидетельства того, как совершенно неожиданные предметы, наподобие вставных зубов или металлических печек, принимали радиопередачи. А я сама слышала музыку, исходящую от мачты на яхте.

— Значит, такое возможно и с мечом?

— А почему бы его не испытать? Несите сюда свою рацию!

Он принес устройство — большую и массивную модель, сделанную еще до эпохи мобильных телефонов.

— Я тут подумал и вспомнил: недели две назад Элен брала меч с собой в Лондон. Мы собирались оценить его перед тем, как застраховать.

— И он был в ее машине, когда она связывалась с вами по рации?

— Кажется, да. Но она бы услышала, как меч воспроизводит ее слова.

— Совсем не обязательно, если бы он лежал в багажнике или на заднем сиденье, заваленный покупками. Отнесите меч в другую комнату и положите на стол. А я попробую сказать вам что-нибудь по рации.

Сэр Стивен вышел, прихватив меч. Я подождала несколько минут, потом включила рацию и произнесла несколько слов. Вскоре я услышала приближающиеся шаги.

— Все-таки папа Мэри поступил очень гадко, — с усмешкой заметил сэр Стивен, войдя в комнату.*

— Что? Значит, меч действительно сработал как детекторный приемник?

— Слышно не очень громко, но весьма четко. Кстати, отличная мысль! Из этого меча получится хорошая приманка для туристов.

— Однако проблема остается. Радиопередатчик — штукавина очень сложная, к тому же требует источника питания. А в начале пятнадцатого века изготовить его не мог никто.

— Полагаю, супермаркеты в те времена тоже редко попадались.

— Не говоря уже о лондонской кольцевой магистрали. Ладно, мне пора доставать лэптоп и сканер. Вы точно не станете возражать, если я скопирую дневник Тиндейла?

— Копируйте что угодно. Но только попробуйте его опубликовать, и я тут же окажусь у вас на пороге, размахивая законом о защите авторских прав!

Он оставил меня наедине с дневником, и я принялась распаковывать портативный компьютер и ручной сканер. Сама идея общения с прошлым манила меня с невероятной силой. Даже под страхом смерти я не смогла бы сказать точно, сколько раз в своих фантазиях оказывалась на улицах Лондона конца четырнадцатого столетия, приходила в мастерскую Тиндейлов в мужском костюме и представлялась студентом из какой-нибудь очень далекой страны. Я сумела бы завоевать доверие Уильяма благодаря своим обширным познаниям. Стану подбрасывать ему идеи изобретений и смогу убедить, что пушки следует испытывать, укрывшись за прочным барьером. Это спасет братьев в 1406 году, и они совершат великие открытия. Теория гравитации Тиндейла, законы движения планет Тиндейла, телескоп-рефлектор Тиндейла, методы интегрального и дифференциального счисления Тиндейла!

Мои фантазии всегда обрывались на том месте, где я раскрываю свою тайну, Уильям узнает, что я девушка, и влюбляется в меня. А что делать потом? Остаться его женой в пятнадцатом столетии, где мне никогда не найти своего места? Перенести Уильяма в двадцать первый век, где ему до конца жизни уготована роль антикварной диковины? Но какие еще могут быть варианты?

Так что лучше оставить фантазии... и все-таки как было бы здоро-

* Мишель спела детскую песенку «У Мэри была овечка», которую записал Эдисон, проверяя изобретенный им фонограф. Правда, она не вполне согласуется с той версией для детей, которая изложена в знаменитом сборнике «Сказки Матушки Гусыни».

во спасти блистательных братьев Тиндейлов от безвременной гибели в 1406 году! Однако никому не дано вернуться в прошлое: оно столь же мертво, как братья Тиндейлы. Год за годом я повторяю эту истину своим ученикам. Ничто не может двигаться быстрее света, ничто не может перемещаться назад во времени.

Но внезапно я замерла, не донеся руку до клавиатуры компьютера. Сцепленные частицы. Где-то на краю сознания шевельнулось воспоминание о статье из какого-то научного журнала. Был проведен эксперимент, показавший, что сцепленные частицы оказались в состоянии взаимодействовать со скоростью, превышающей скорость света. Причем на несколько порядков. И если световой барьер преодолим, то не исключено, что остается надежда на путешествие в прошлое. Даже простого общения с прошлым станет достаточно для спасения братьев Тиндейлов.

Сцепление. Это слово обрело новый, экзотический оттенок, наполнилось возможностями. А могут ли предметы оказаться сцепленными не только в пространстве, но и во времени? Я уставилась на экран компьютера, затем проверила исходную сканированную страницу:

*Умэрри была ове чика,
Отец овчку застри лил,
Типер она биррет овчку вшкол
Между кускам и хлба.*

Стиль явно не соответствовал началу пятнадцатого века. Не более чем лондонская кольцевая или супермаркет. Именно эти слова я произнесла, решив испытать Меч дона Альверина в качестве радиоприемника. Они оказались записаны так, как мог воспринять современные слова житель пятнадцатого века — особенно если произнести их быстро и не четко. Но были ли они на странице несколько минут назад? Теперь я припомнила — я произнесла их, потому что они там оказались, но... у меня закружилась голова.

Уильям Тиндейл услышал мои слова и записал их в 1404 году! Еще живы последние ветераны битвы при Пуатье, а Жанна д'Арк даже не родилась. Меня услышал Уильям Тиндейл! Не медля более ни секунды, я схватила рацию и нажала кнопку передачи. Английский времен Тиндейлов я себе представляла достаточно хорошо, поэтому старалась произносить слова медленно, а фразы строить с учетом мышления слушателя, живущего в начале пятнадцатого столетия:

— Уильям Тиндейл из Лондона, я обращаюсь к тебе из будущего, через шестьсот лет. Это трудно объяснить... Наша натурфилосо-

фия очень развита, по сравнению с вашей. Представь, что ты задумал построить большой и прекрасный дом в течение десяти лет. Этот дом существует в будущем, но пока ты не можешь ни увидеть, ни потрогать его. Уильям, через два года ты погибнешь, испытывая новую кулеврину. Она взорвется, убив тебя и Эдварда. Пожалуйста, прошу тебя, испытывайте новые пушки, укрывшись за земляным валом.

Я смолкла, держа рацию перед губами. Что дальше? Я его предупредила. Возможно, он не погибнет. Возможно, станет английским Галилеем. Но вряд ли нам предстоит свидание. Даже при наилучших обстоятельствах он скончается за пятьсот лет до моего рождения. Ладно, представляю, будто это знакомство через интернет, решила я.

— Уильям, я женщина-ученый, и я восхищена тобой и твоей работой. Мы никогда не сможем встретиться, но я хочу подарить тебе несколько скромных знаков моего уважения. Это некоторые законы, которые управляют движением планет, устройство из линз и большого вогнутого зеркала для увеличения отдаленных объектов, двигатель, работающий на энергии пара и превышающий силу нескольких лошадей, кремневый замок, позволяющий мгновенно стрелять из кулеврин и обходиться без тлеющего фитиля.

Будучи преподавателем естествознания, я знала основные принципы множества изобретений. Я также обладала немалым умением вдальбливать научные принципы и законы оболтусам, которые предпочли бы вместо уроков завалиться в кафе. А каким учеником стал бы Уильям Тиндейл? У него живой ум, но он получил образование в четырнадцатом веке. Поэтому для начала я попробовала завоевать его доверие советами по поводу зернения пороха для повышения его качества, изготовления кулеврин с нарезными стволами и, разумеется, подробно описала конструкцию кремневого замка в комплекте со спусковым механизмом. Далее рассказала об устройстве часов с маятником, нескольких разновидностей телескопов, микроскопа, воздушных шаров-монгольфьеров, о принципе работы доменной печи и, наконец, парового двигателя. Наверное, зря я принялась за паровой двигатель, потому что на него ушла половина всего времени. Несколько раз я строго предупредила своего ученика, чтобы он не забывал о приспособлениях, защищающих паровой котел от взрыва, а потом взялась за описание корабля с паровым двигателем и о применении такого двигателя на фабриках.

На рации замигала лампочка — начали садиться батареи.

— Уильям, теперь я должна попрощаться. Искренне надеюсь, что

тебе понравились мои подарки. Но еще более страстно желаю, чтобы ты прислушался к моему совету насчет испытания кулеврин. Мое сердце и слова мудрости — это все, что я могу тебе дать, но они приведут тебя к процветанию и славе.

Я положила рацию, но никак не могла набраться храбрости и взглянуть на страницу дневника. Услышал ли он? Изменилась ли история от моих слов? Бросьте в реку камень, и круги на воде вскоре станут незаметными. Но перегородите реку плотиной, и ниже по течению все изменится. Доводилось ли мне прежде менять прошлое? Осмелюсь ли я сделать это снова? Смогу ли вообще заметить какие-либо изменения?

В комнату вошел Стивен, сопровождаемый слугой, который нес на серебряном подносе кофейный сервиз. Голову мужа охватывали наушники, и он почти не обращал на меня внимания.

— «Вольтер» совершил мягкую посадку на Европе, — произнес он, однако у меня создалось впечатление, что он сказал бы это, даже находясь в комнате один.

— Через сто лет после того, как Шеклтон ступил на Луну, — вздохнула я. — Кто бы мог подумать, что на это уйдет так много времени?

— Так много? — неожиданно громко воскликнул он, похоже, только что заметив меня.

— Луна в 1902-м, Марс в 1957-м и лишь теперь система Юпитера, — пояснила я.

— Да, тут ты права, Мишель. Ты не из тех, кто любит ждать, пока наступит будущее, ты... минутку. Они видят лед... много льда... там повсюду лед... под двигателями он растаял... и теперь вода снова замерзает... триумфальный момент для Франции... они открывают шампанское... Все! Не могу больше это слушать!

Он сдернул наушники и обошел стол, чтобы заглянуть в дневник. Там было страниц тридцать текста — базовые научные идеи и множество принципов различных изобретений.

— Ничего, кроме трех законов движения Бейкера и кое-каких практических советов по созданию парового двигателя, — произнес он с тем же разочарованием, какое испытывала я.

— Но в самом начале там есть упоминание о зачарованном мече, диктующем мудрые советы. И несколько слов благодарности отважной и умной леди, чьим голосом говорил меч, — заметила я.

— Ха! Какая чепуха! Эдвард и Уильям Тиндейлы были величайшими физиками-теоретиками и изобретателями всех времен, и главное, британцами! Это наверняка подстроенная французами мистификация.

— С чего ты взял? Бумага подлинная, чернила тоже. В конце концов, дневник нашли в твоей библиотеке.

— Он может оказаться древней мистификацией с целью оклеветать британскую науку. Мы пятьсот лет лидировали в мире, а потом явились французы и воспользовались нашими промышленными достижениями, чтобы вырваться в космос. И теперь они хотят все подать так, словно англичане никогда не были великими.

— С точки зрения теории заговоров, тут не хватает...

— Методы подобных подделок известны еще с 1850-х годов. Надо взять чистую бумагу начала пятнадцатого века и современные чернила, потом обработать рукопись катализатором молекулярного проникновения для ускорения абсорбции чернил. Оставить лет на сто для имитации реального старения, затем подбросить в мою библиотеку... что тут смешного?

Я с трудом подавила улыбку:

— С точки зрения теории заговоров, твоя идея не выдерживает никакой критики. Ах, французская интрига для дискредитации цвета британской науки шестисотлетней давности! Да только сама эта наука зародилась четыреста пятьдесят лет назад. Шестьсот лет назад Британии еще не было.

— Но ты меня поняла. Если этот дневник станет достоянием обществу, то превратится в доказательство того, что «Диссертации о природе» Тиндейлов — подделка!

— Подделка? — Я рассмеялась. — Дорогой, да ведь самый ранний из опубликованных экземпляров «Диссертаций» в Британской библиотеке Конгресса датирован 1412 годом!

— Ты прекрасно знаешь, о чем я. У них был этот меч. Меч в соседней комнате до сих пор принимает радиопередачи, это случайно получившийся детекторный радиоприемник. Он мог работать и в 1404 году. А о том, что этот меч — радиоприемник, известно уже более ста лет.

— Да у кого в 1404 году мог оказаться радиопередатчик! Первую трансатлантическую передачу Лавуазье провел лишь 1799 году, и даже тогда сообщение посылалось кодом Уатта.

— Кое-кто скажет, что это были инопланетяне.

— Стивен, если инопланетяне подсказали братьям все их изобретения и законы физики, то это сенсация.

— Ну да, конечно! Контакт с инопланетянами — это приманка, дабы породить у нас сомнения в приоритете Тиндейлов.

Проблема моего мужа в том, что его эксцентричность неотделима от чувства юмора. И в определенный момент даже самая откровенная чепуха становится в его сознании неотличимой от реальности.

— Стивен, как профессор теоретической физики я могу выдать любое количество иных объяснений. А как личность, наделенная гораздо большим, чем у тебя, здравым смыслом, могу высказать и несколько предположений.

— Хотя бы одно — как личность, — попросил он, скрещивая руки на груди и принимая театральную позу.

— Братья Тиндейлы сами подстроили эту мистификацию, просто ради шутки.

Такая версия оказалась для моего мужа слишком правдоподобной.

— Ладно, назови другое, но теперь уже как профессор физики.

— Темпоральное сцепление.

— Что? Ты намекаешь на радиопередатчики на базе эффекта квантового сцепления, с помощью которых астронавты на Европе мгновенно связываются с Землей?

— Со сверхсветовой скоростью, а не мгновенно, — автоматически поправила я. — Тут действует эффект пространственного сцепления, но давай лишь предположим, что возможно и темпоральное сцепление, во времени. И этот меч связан с самим собой, но только в прошлом. Поэтому любые радиопередачи, которые он принимает в 2004 году, принимаются также и мечом в 1404 году.

— Абсурд.

— О, да, как и версия по поводу инопланетян.

— Не версия, а моя теория заговора о мистификации, основанной на идее об инопланетянах. Давай уж все формулировать точно.

— Что ж, есть способ все проверить. Братья наверняка очень внимательно прислушивались к мечу, если он внезапно начинал говорить. Я подготовлю короткую лекцию об основах термодинамики, добавлю методику Гальвани для измерения скорости света, а в конце объясню закон относительности Фарадея. Вообще-то, придется добавить и кое-какую математику, иначе они не сумеют в этом разобраться. Могу еще описать способ изготовления примитивной батареи и даже электромотора. Пожалуй, еще инструкции, как сделать простейший искровой радиопередатчик.

— Ладно, ладно, на сей раз ты превзошла даже меня. Но какой в этом смысл?

— Все это появится в их рукописях. И в дневнике.

— Но ведь история изменится. И что ты этим докажешь?

— Многое. Я назову свое имя. Оно появится в дневнике. Если это случится, то о французском заговоре можно будет забыть.

Стивен пролистал дневник, время от времени ухмыляясь. Женщина, говорившая с Уильямом, явно была в него страстно влюбле-

на. Она называла себя ученой, а потом и учителем юношей и девушек. Немалая часть ее передачи была до смущения личной и до слезливости сентиментальной, и тем не менее я испытывала по отношению к ней удивительную симпатию. Ведь я сама решила стать ученой, прочитав в двенадцать лет биографию Уильяма. Он так никогда и не женился, этот факт наполнял меня странным удовлетворением, и раньше я часто фантазировала, что он хранил верность именно мне. Я мечтала изобрести машину времени и перенестись в начало пятнадцатого века ради встречи с ним. А когда вышла за Стивена, то едва не сочла это предательством, из-за которого дух Уильяма Тиндейла с печалью наблюдает, как я предпочла ему кого-то другого.

— Но если Тиндейлы действительно получают все научные знания из будущего, то британская наука и техника в любом случае окажутся дискредитированными, — почти серьезно заметил Стивен.

— Ну и пусть, мы ведь не обязаны публиковать этот дневник, — возразила я.

Было известно, что Меч донна Альверина представляет собой детекторный радиоприемник, и Стивен держал в поместье радиопередатчик для демонстрации этого явления гостям во время званных обедов. Я потратила около часа на подготовку заметок и составление передачи. Лицо Уильяма Тиндейла взирало на меня с шестисотлетнего портрета на стене. Несмотря на довольно примитивный стиль художника эпохи позднего Средневековья, привлекательность Уильяма была очевидной. Когда я оказалась готова, Стивен уже заснул в кресле возле кофейного столика, на котором стоял полупустой графин с портвейном. Я включила маленький передатчик.

— Уильям Тиндейл, это послание из будущего. Мое имя Мишель Эвелин Уотсон, и нас разделяют шестьсот лет. Передо мной твой портрет на стене, а вокруг — стопки твоих книг. Я знаю тебя настолько хорошо, что даже сумела полюбить, хотя ты обо мне не ведаешь. У меня золотисто-каштановые волосы до плеч, я примерно твоего роста и мне сейчас тридцать пять лет. Странно, правда? Мне тридцать пять, я еще не родилась, я мертва и давно похоронена, я неуклюжий подросток — и все это в твоём будущем. Хочу добавить кое-что к тому, что уже сообщила тебе и брату...

Тут я запнулась. Кто был автором более ранних передач, отмеченных в дневнике? Возможно, альтернативная я? Мишель Уотсон, которая больше не существует? Да, Уильям, несомненно, сформировал всю мою жизнь. В каком-то смысле он для меня значит больше, чем Стивен.

— Во-первых, я объявляю истиной то, что скорость света достаточна, чтобы преодолеть 186 тысяч миль за время между двумя ударами сердца человека в состоянии покоя. Скорость звука намного меньше и лишь примерно в тридцать раз превышает скорость, с какой может бежать проворный человек...

На передачу ушло довольно много времени. Мне пришлось говорить медленно, чтобы Уильям смог все правильно записать, и очень аккуратно строить фразы, дабы образованный человек в пятнадцатом веке смог понять сказанное, если как следует и достаточно долго поразмыслит. Наконец я завершила свою странную диссертацию по современной науке, выключила передатчик, потянулась и взяла дневник. Записи в нем кое в чем явно противоречили современным научным фактам, но мое имя отыскалось. Однако не мое звание, и это меня сразу насторожило. Я никогда не назвала бы своего имени, не добавив к нему звание. Ведь оно определяет мою флотскую должность и в какой-то мере само мое существование. Тем не менее вот оно, мое имя — между двумя подробными научными трактатами... где упоминается то, чего никогда не было. Закон относительности Фарадея? Всем известно, что лорд Исаак Ньютон открыл принцип относительности в семнадцатом веке.

Дверь открылась, я немедленно встала и отдала честь. Вошел барон Стивен Честер, следом за ним мой флотский командир и две женщины в гражданской одежде.

— Барон, позвольте вам представить командера* Мишель Эвелин Уотсон, — произнес мой командир.

Барон улыбнулся и принял приветственную позу, женщины остались позади него. Они явно были учеными, причем из учреждения настолько секретного, что даже его название публично не упоминается.

— У вас хороший послужной список, а вашими предками были многие прославленные герои, — сказал барон. — Офицер Уотсон находился на борту «Неуязвимого», когда флоты сэра Уильяма Магнуса и дона Мигеля сцепились в 1793 году на лунной орбите.

— Да, сэр.

— Они обменивались бортовыми залпами одиннадцать часов, осыпая друг друга снарядами. То была впечатляющая битва.

— Так точно, сэр.

— Далее, космоплаватель по имени леди Джеральдина Макгрегор

* Британское военно-морское звание, примерно соответствует капитану третьего ранга или старшему помощнику капитана.

служила помощником командера во время третьей высадки на Марс, в 1818 году.

— Так точно, сэр.

— А Роберт Третий Шотландский, насколько мне помнится, носил чин капитана. Что вы на это скажете?

— Я верноподданный офицер Каледонской империи...

— Прошу вас, командер, успокойтесь, — рассмеялся барон. — В вашей преданности Бритории никто не сомневается. Равно как и в вашей храбрости. Ведь вы стали первой женщиной, добравшейся до Альфы Центавра, не так ли? Пошли по стопам леди Джеральдины, ха-ха.

— Так точно, сэр. Но в той экспедиции я была лишь ученым-техником первого класса.

— Однако вернемся к этому дневнику. Его обнаружили, когда до триумфального возвращения вашего фазоиндукционного звездолета с артефактами погибшей инопланетной цивилизации оставался еще год. Там упомянуто ваше имя и весьма точно описана ваша внешность.

— Не могу объяснить ни того, ни другого, сэр.

И действительно, это меня порядком смущало. Я никогда не видела дневника, но зовут меня, несомненно, Мишель Эвелин Уотсон, я примерно одного роста с Уильямом Тиндейлом, и мои золотисто-каштановые волосы спадают на плечи в тех редких случаях, когда я не скальваю их на затылке. Барон попросил моего командира продолжить разговор, и тот представил мне одну из женщин, назвав ее доктором Бекер. Нервная натура, она говорила очень быстро и при этом постоянно жестикулировала.

— У вас очень... как бы это сказать?.. — начала она. — Ваше образование прочно базируется на широком диапазоне научных знаний в различных областях. И если бы кто-то вознамерился продиктовать эти два научных трактата Уильяму и Эдварду Тиндейлам, то вы для этого подходите как нельзя лучше.

— Извините, госпожа доктор, но это точно была не я.

— О, мы вам верим, но истина не всегда бывает такой, какой выглядит на первый взгляд. Я и моя коллега доктор Кэссин проделали большую работу в области математики темпоральных парадоксов и теории вероятности. Мы полагаем, что возможно наличие прошлого, прекратившего существование, но которое тем не менее может быть обнаружено. Некая персона, вероятно, из будущего Тиндейла, помогла ему это будущее изменить. В нашем будущем она не диктовала этих страниц, но все же она существует. Возможно, это вы. Слова продиктованы и записаны. Как такое могло случиться?

— Извините, госпожа доктор, понятия не имею.

— Это вопрос не к вам, командер. Если бы вы могли на него ответить, то не служили бы командером на патрульном крейсере, а возглавляли бы... гм-м... некое очень важное научное учреждение. Однако вернемся к проблеме. Мы выдвинули гипотезу о множественности вариантов прошлого, наподобие притоков реки. Одно прошлое может вытеснить, заменить другое, но настоящее всегда будет только одно. Весьма вероятно, что страницы этого дневника заполнены в двух или трех альтернативах прошлого, комбинация которых и составила наше настоящее. Математические расчеты...

— Если не возражаете, давайте перейдем к сути, — вмешалась доктор Кэссин. — Мы разработали математическую модель, показывающую, что можно совершить путешествие в прошлое, убить своего отца и тем не менее остаться существовать. Математика модели по большей части основывается на записях, найденных среди руин на Альфе Центавра.

Мы обнаружили там цивилизацию, погибшую в самом расцвете. У них имелись поселения и колонии на девяти других небесных телах системы Центавра. Все они также были уничтожены почти с хирургической тщательностью в ходе того же очень древнего конфликта. Имеются признаки тотальной межпланетной ядерной войны, однако уровень радиации на развалинах весьма незначителен. Объяснение здесь может быть только одно — если радиация снизилась столь существенно, то ядерный конфликт произошел миллионы лет назад. Цивилизация Альфы Центавра по своему развитию значительно превосходила нашу. А наши технологии развития вооружения всегда уступали технологиям постройки и оснащения космических кораблей. Самые ранние из наших космических сражений даже велись пороховым оружием.

Центаврианцев уничтожили пришельцы из другой звездной системы. Рано или поздно мы встретим потомков этих победителей, и когда это произойдет...

Кэссин пожала плечами и повернулась к моему командиру. Тот заговорил:

— Командер Уотсон, как оружие, найденное на той мертвой и побежденной планете, так и его конструкция и сами принципы действия на столетия опережают то, что мы можем изготовить сейчас. И тем не менее центаврианцев уничтожили. В наших военных лабораториях сумели воссоздать их оружие на основе того, что доставила ваша экспедиция. Но даже это оружие принадлежало побежденной расе, не говоря уже о том, что оно устарело более чем на миллион лет.

И мы полагаем, что если сможем э-э... подправить один из вариантов прошлого, то уже в нынешнем, 2004 году сумеем получить гораздо более совершенное оружие. А также предупредить своих ближайших потомков об опасности космических радиопередач, которые могут выдать расе-победительнице факт нашего существования.

— И тут в дело вступаете вы, — продолжил барон.

— Прошу прощения, сэр, но я вас не понимаю, — призналась я. От всего услышанного у меня даже закружилась голова.

— Вы прочитали сноски в дневнике Тиндейла?

— Я успела прочесть только основной текст, сэр.

— Похоже, Уильям испытывал к вам нежные чувства — точнее, к вашей альтернативной версии. А она (и это столь же очевидно) также была в него влюблена. Короче говоря, вы нужны нам, дабы прочесть Тиндейлам трактат о современной физике, химии, оружейном деле и электронике. А заодно и предупредить их о расе, уничтожившей цивилизацию в системе Центавра.

Когда тебе приказывают, есть только один ответ — «да». И вновь я оказалась наедине с портретом Уильяма Тиндейла и его дневником. На этих страницах я увидела «свои» слова — в том виде, в каком их записал ученый. А за ними следовало мое признание в любви к человеку, который умер в 1465 году в возрасте восьмидесяти восьми лет. Но для меня он остался двадцатидвухлетним и живущим в 1404 году.

Теории Уильяма Тиндейла и изобретения его брата изменили мир. Они стали первыми современными учеными. А мое обращение фактически заставит его отречься от чести считаться научным гением. Сможет ли он пойти на такое? Смогут ли он и его современники хотя бы понять смысл предупреждения никогда не пользоваться радио из-за опасности, исходящей от сверхсуществ? Всю жизнь я стремилась жить по стандартам моих предков. Мне это удалось, но что дальше? Производить на свет наследников с помощью подходящего партнера или быть оплодотворенной семенем какой-нибудь знаменитой и яркой персоны. Мой спонсорский баронат уже выбрал мне подходящего партнера, сына адмирала флота. Мне не оставили иного смысла в жизни, кроме как безропотно рожать.

На столе передо мной лежала книга — на сей раз переплетенная распечатка тщательно составленных лекций по науке и технике. Они были подобраны так, чтобы вытеснить предыдущие теории и изобретения. Эксперты надеялись, что с их помощью у британского королевства летательные аппараты и автоматическое оружие появятся к

1500-м годам, а лазерные пушки — еще через полвека. Некоторые теоретики полагали, что к концу того же столетия у англичан будет и работающий двигатель для звездолета, но мне эти предположения казались слишком амбициозными.

А что станет со мной? Еще девочкой я фантазировала о том, как построить в космический корабль машину времени, выхватить Уильяма Тиндейла из Лондона пятнадцатого столетия и до конца жизни путешествовать с ним по планетам Солнечной системы. Он и его брат — два столпа, на которых покоится нынешняя межзвездная империя человечества, они были источником того потока научных открытий и изобретений, который в 1761 году вывел людей в космос. Они были великанами, и мы все стоим на их плечах, но для меня в их жизни имелось и нечто более личное. Уильям Тиндейл никогда не был женат, хотя Эдвард стал отцом одиннадцати детей. Еще в школе я написала сочинение, в котором Уильям изобрел хроноскоп, заглянул в будущее и влюбился в меня. Рассказик получил высокую оценку, но и навлек на меня такой поток насмешек одноклассников, что с тех пор я никогда не упоминала о своих истинных чувствах к младшему из братьев Тиндейлов.

Мне предстояло зачитать тщательно подготовленный текст, но в нем имелись и помеченные места, в которых мне позволялось вставить что-нибудь личное. Эксперты считали: мне и далее следует высказывать те же чувства к первому и величайшему из современных ученых, которые проявляла более ранняя, альтернативная Мишель Уотсон. Однако рядом сидели еще четыре слушателя, что не очень-то вдохновляло на проявление эмоций. Щелкнув тумблером рации, я начала передачу.

— Уильям Тиндейл, я Мишель, твоя искренняя и верная поклонница из далекого будущего. Я сообщу тебе новые законы натурфилософии, а также изобретения, которые твой ум и мастерство способны воплотить. Иные же изобретения и принципы я передам для тех, кто придет тебе на смену, ибо они будут очень сложны и предназначены для времени, когда ученость в твоём мире значительно разовьется. Возможно, тебе будет трудно это понять, но постарайся верить моим словам. С помощью моих посланий ты и твой брат продолжаете изменять будущее. Когда-то я обращалась к тебе, будучи наставницей школьником, но в этом будущем я команду могучим кораблем, летающим между мирами. Если он зависнет над Лондоном, то протянется от Мургеята до Темзы, и даже самая малая из его бомбард сможет уничтожить обе армии в битве при Пуатье единственным выстрелом. Но хотя в моем подчинении и находится столь

огромная мощь, я страстно желаю доставить тебе радость и помочь в исследованиях.

Услышав эти слова, барон усмехнулся. Я подавила раздражение. Знал бы он, что я говорю совершенно искренне, все обернулось бы гораздо хуже — для меня.

— Уильям, даже самые одаренные ученые моего времени не понимают, что такое Меч дона Альверина. Некоторые полагают, что это игра природы, другие считают его странным подарком людей, на миллион лет опередивших нас в развитии. Какой бы ни оказалась истина, меч позволяет мне говорить с тобой. Каждый раз будущее меняется, и каждый раз меняюсь я, но то, что связывает нас, не сможет измениться никогда. Стальным голосом меча я уже разговаривала с тобой трижды. Это четвертый раз. Буду ли я любить тебя и дальше, когда ты вновь изменишь будущее? Скорее всего, да. Ведь и прежде это всегда повторялось. А теперь я сообщу тебе несколько новых законов того, что ты называешь натурфилософией. Основные из них имеют земное происхождение. Некоторые обнаружены в разрушенных городах на планете, неизмеримо далекой от нас. Слушай внимательно и пиши быстро, моя отважная и яркая родная душа.

Читая, я гадала, сумеет ли Уильям записать такие сложные понятия с достаточной точностью. Да, авторы сообщения повторили ключевые идеи несколькими различными способами, решив подстраховаться, но все же я сомневалась. Закончив, я взяла дневник Тиндейла, чтобы проверить шестивековую версию только что прочитанного. Сидящий рядом епископ Честер хмуро уставился на меня. Несомненно, из-за того, что я сняла вуаль. Однако у него нет иного выбора, кроме как потакать мне. Он был напуган. Все были напуганы.

Потому что далеко в космосе прямолинейная экспансия человечества внезапно наткнулась на жуткое препятствие. Подробностей не знал никто, ходили лишь слухи.

— Ты не могла бы читать быстрее? — процедил епископ. — Любой мужчина умеет читать вдвое быстрее тебя.

— Я читаю каждую страницу четыре раза, — пояснила я, не отрывая взгляда от дневника.

— Тебе нет нужды что-либо там понимать, сестра Мишель.

— Очень даже есть, епископ Честер. Сильно подозреваю, что вы пробовали других чтецов, дабы слать сообщения Тиндейлам, но Уильям и его брат их слова игнорировали. Однако полагаю, что ваши люди слишком много распространялись насчет адского пламени

и обязанности братьев абсолютно подчиняться церкви. Похоже, Тиндейлы были людьми свободомыслящими и с либеральными взглядами.

— Они были грязными атеистами, обреченными на вечное проклятие. И даже симпатия к ним подвергает опасности твою бессмертную душу.

— Атеисты или нет, но они чрезвычайно важны для каких-то ваших целей. И я должна знать, для каких именно.

— Должна? Ты женщина, и ты смеешь что-либо требовать от меня?! Меня, пастыря, Богом назначенного вести тебя к вечному спасению!

Моя жизнь была нескончаемой чередой вспышек гнева по сходным поводам. В этом конкретном не было ничего особенного. Монахиню, которую однажды привязали к раме-мишени напротив лазера с термоядерной накачкой, трудно запугать. Смерть уже положила руку мне на плечо, но потом решила, что не стоит ради меня утруждаться. Это произошло всего месяц назад. Мне уже зачитали обвинение в ереси и приговор великого инквизитора Британии. И сквозь окошко в стенке камеры я видела, как рука палача тянется к церемониальной черной рукоятке...

Я не закрыла глаза. Теоретически, при такой казни тело сгорает примерно за тысячную долю миллисекунды. Ничего не скажешь, гуманный способ лишения жизни, о какой-либо боли тут и речи быть не может. Но сквозь то же окошко я увидела, как в соседнее помещение вошел мужчина в пышно расшитой униформе и выстрелил в палача из резонансного пистолета. Тело палача развалилось на две аккуратные половинки. Лишь у того, кто занимает очень высокую должность в папском адмиралтействе, хватило бы власти и отваги так поступить.

— Я закончила чтение, — сообщила я епископу. — И теперь должна знать, почему Уильяму Тиндейлу нужно сообщить технологию, посредством которой можно уничтожить цивилизацию на планете.

— Я ничего не скажу!

— Тогда я ничего больше читать не буду.

— Ты подчинишься моему приказу! — завопил епископ, вскочив со стула и подбежав ко мне.

— Изобьешь меня снова, чтобы возбудить свои эротические фантазии? — осведомилась я, сидя неподвижно со сложенными на груди руками, хотя отлично представляла, что меня ожидает.

Не говоря больше ни слова, он схватил меня за капюшон сутаны, вцепившись пальцами в волосы, и принялся молотить лицом об стол.

При каждом ударе перед моими глазами вспыхивали голубые искры, а потом все затмила ослепительная зеленая вспышка.

Я подняла голову и обернулась. Объятый ужасом епископ оцепенело уставился на свою перерубленную возле локтя руку. Неподалеку с позолоченным резонансным пистолетом в руке стоял тот же мужчина, который убил палача. Раскаленные радиаторы на стволе исходили жаром, негромко гудели охлаждающие вентиляторы.

— Убирайся! — хриплым шепотом приказал он епископу.

— С-слушаюсь, боевой маэстро, — пробормотал Честер и робкими шажками попятился к двери.

Боевой маэстро! Их всего трое, и отвечают они только перед папой. В некоторых вопросах даже сам папа не может им приказывать, и они принимают решения на Военном Совете. Мужчина произнес несколько слов в какое-то устройство, шитое в рукав его куртки. В комнату торопливо вошли двое слуг. Один подобрал отрезанную выстрелом руку епископа и столь же торопливо вышел, а второй протер мне лицо чем-то очень холодным. Боль сразу отступила. Затем слуга просканировал меня диагностом.

— Оценка повреждений? — спросил боевой маэстро.

— Ушибы и ссадины, три шатающихся зуба, — ответил слуга, вставляя что-то в мою левую ноздрю. Послышалось короткое шипение, запахло горелым мясом. — Это остановит кровотечение, сестра. Тебе еще повезло, что носовой хрящ не сломан.

— Ты хотел сказать, что это епископу Честеру повезло, — заметил боевой маэстро. — Оставь нас.

Боевой маэстро медленно приблизился и остановился шагах в пяти от меня, скрестив руки на груди и наклонив голову. Я даже не представляла, что существуют люди, способные так обращаться с епископом.

— Ты, несомненно, считаешь меня чудовищем, — заговорил он, неожиданно взглянув мне в глаза, — но на самом деле я пощадил епископа. Потому что мог развалить его от головы до пениса. А так... не сомневаюсь, что ему уже сейчас прилаживают руку на место. Хочу извиниться за то, что позволил избивать тебя так долго. Я сидел за монитором в двух комнатах отсюда, наблюдая за тем, как ты читаешь, и мне понадобилось несколько секунд, чтобы добежать.

— Кто вы, Ваша Светлость? — спросила я, удивившись собственной храбрости.

— Я боевой маэстро Родригариан, принцепс папского Военного Совета Трех... но это не имеет значения.

Я моргнула. Не имеет значения? Второй по важности человек в папском Супрадиоме и самый могущественный из ныне живущих?

— Чем я могу служить Супрадиому? — спросила я, разводя руки в формальном жесте уважения.

— Человечество начало войну с неизмеримо превосходящей нас расой, упомянутой в дневнике Тиндейла, сестра Мишель.

Наверное, шок, который я испытала, со всей очевидностью отразился на моем лице. Хотя я и посвятила свою жизнь борьбе с тупостью, рядящейся в одеяния власти, эта новость стала для меня полной неожиданностью. Я промолчала.

Родригариан продолжил:

— Наше миссионерское рвение увело нас на две сотни световых лет от Земли. До сих пор нам встретились лишь шестнадцать видов более или менее разумных обезьян на четырех мирах. Мы основали миссии для их просвещения и начали обращать в истину святого писания. Мы обнаружили и два более разумных вида, чьи предки уже сочиняли философские трактаты, когда земляне еще только мастерили первые копья. Но тебе, разумеется, все это известно.

— Да, Ваша Светлость. Сейчас на этих мирах находятся наши инквизиторы, уничтожая языческие храмы и религиозные инфокристаллы, а заодно сжигая еретиков. И еще одну планету мы разбомбили дотла, когда она отказалась принять наших миссионеров. Я написала трактат, протестуя против такой жестокости... Однако вам, вероятно, все это известно.

— Воистину так. Теперь... теперь же мы встретили совершенно иную расу. Она очень развита, и подвластная ей мощь невообразима. Первый контакт с ними, кем бы они ни были, совершил миссионерский крейсер. Он передал на базу снимки, сделанные с предельной дистанции, потом объявил, что активирует оружие и идет на сближение, намереваясь потребовать от чужаков отдаться во власть милосердия священного писания. А следующий корабль, пролетевший через ту же область пространства, обнаружил лишь облако молекул, равное по массе крейсеру. Однако зонды слежения не зарегистрировали в том секторе энергетической вспышки. Крейсер испарился без использования какой-либо энергии, под влиянием некоей силы.

— Но... это же невозможно! Как такое можно проделать?

— Кто знает? Однако несомненно, что они способны превратить весь папский космофлот в газ с такой же легкостью, с какой мы зажигаем свечи на алтаре после мессы. И если такое произойдет, то вся мощь, поддерживающая духовный авторитет церкви, исчезнет. Начнутся волнения, бунты, еретические расколы. И один из них можешь возглавить даже ты.

— Ваша Светлость, я никогда не...

— Не разочаровывай меня, сестра Мишель. Я тщательно изучил твоё личное дело. Ты обладаешь огромными талантами и целеустремленностью. Ты нам нужна. Необходимо поднять технический уровень нашего флота и систем обороны, и сделать это очень быстро. Пока мы можем лишь гадать, насколько развита эта новая раса. Не исключено, что она опережает нас на тысячи лет. Возможно, останки первого порохового оружия погребены на их планете в слоях песчаника, которым уже миллион лет. И вопрос звучит так: есть ли у нас шанс уцелеть?

— При всем моем уважении, Ваша Светлость, я сформулировала бы его иначе: заслуживаем ли мы такого шанса?

Против ожидания монахини боевой маэстро рассмеялся:

— Вероятно, нет, сестра Мишель, однако есть и другой, более важный вопрос: будем ли мы уничтожены за то, что уже сделали? Исследования на планетах системы Центавра нашли признаки того же явления — испарения без выброса энергии.

— Как в случае с нашим миссионерским крейсером?

— Да. Уцелевшие записи указывают: чужаки, как и мы, обращали всех в свою веру. Однако ущерб, нанесенный нами за столетия религиозного насилия и фанатизма, будет возмещен. Сегодня вечером умрет папа, а с ним и некоторые кардиналы. В этом обвинят еретиков, но уже подготовлена почва для либеральных изменений. На все планеты послан эдикт, предписывающий немедленно казнить всякого, чей титул включает слово «инквизитор», а все миссии уничтожить. Но я опасюсь, что этого окажется недостаточно. Пять автоматических станций слежения уже внезапно замолчали, и не менее десятка миссионерских кораблей не вышли вовремя на связь со своими приходскими станциями. Нам предстоит сражение. И я хочу знать, есть ли у нас хоть какой-нибудь шанс на победу.

Главкомандующий вооруженными силами межзвездной империи спрашивает меня, есть ли у нас шанс в битве со сверхцивилизацией возрастом миллион лет! Я получила образование в монастыре и не готова к ответу на такие вопросы, но давно изучаю запретные истины и теории.

— У ос довольно развитая социальная структура, и уже миллионы лет они строят весьма сложные ульи, но все же они не изобрели лазерные орудия и звездолеты. Подумайте сами, ведь сложная социальная организация, средства общения и эквиваленты городов были у них задолго до того, как люди произошли...

Я спохватилась, едва не выболтав ересь о происхождении людей от обезьян, но боевой маэстро Родригариан лишь улыбнулся и кивнул:

— Ты хочешь сказать, что общество, находившееся на нашем уровне миллионы лет назад, с тех пор могло и не продвинуться далеко в своем развитии. Да, такое возможно. А может быть, нам просто фантастически везло.

— Не поняла, Ваша Светлость.

— Из трех тысяч систем, где мы побывали, только в системе Земля—Луна наблюдается идеальное солнечное затмение. Это чистое везение. Меч дона Альверина — еще один пример такого везения. Возможно, ни один ученый любой разумной расы с любой из планет не смог за всю историю Галактики создать передатчик темпорально сцепленной материи — включая наших грозных врагов. Не исключено, что в наших руках находится воистину уникальный предмет.

— Значит, у нас может оказаться преимущество, которого нет даже у них? Мы способны снова и снова ускорять свой научно-технический прогресс и создавать все более совершенное оружие в период между 1404 и 2004 годами.

— Доклады об остроте твоего ума не были преувеличением, сестра. Я тебе искренне благодарен. Итак, могу ли я рассчитывать на твою помощь? Прочтешь ли ты Уильяму Тиндейлу подготовленный нами трактат о технологии создания оружия?

Повисла пауза, но я выдерживала ее не ради драматического эффекта. Все это могло оказаться чудовищным обманом. Где гарантия, что были отданы приказы об уничтожении миссий, действительно ли существует разговор с целью устранения папы? Я окинула взглядом руки собеседника. На его пальцах не было колец.

— Согласна, боевой маэстро, но с одним условием, — объявила я.

— Назови его. В моем распоряжении вся промышленная мощь и богатство империи.

— Вы женитесь на мне и объявите своим личным стратегическим советником.

На сей раз настала очередь Родригариана сделать паузу и обдумать ответ.

— Я могу избавить тебя от монашеского обета в течение пятнадцати минут, затем организовать твой перевод в мою личную свиту... но так ли необходимо замужество? В конце концов, я ведь должностной ввнух, и прежде чем церковь санкционирует мой брак, мне придется имплантировать себе клонированные тестикулы.

— Меня не интересуют ни дети, ни супружеские отношения, Ваша Светлость. Если честно, то давно скончавшегося Уильяма Тиндейла я люблю гораздо сильнее, чем когда-либо смогу полюбить вас.

— Тогда зачем?

— В качестве жеста доброй воли. Взгляните и на положительную сторону, Ваша Светлость. После свадьбы рядом с вами окажется единственный человек, способный повлиять на братьев Тиндейлов. И они останутся под вашим полным контролем до тех пор, пока мы будем живы.

Церемония свершилась в течение следующего часа. А через пятьдесят секунд после свадебной клятвы я уже сидела с радиопередатчиком перед трактатом о принципах и технологиях создания оружия. Рядом сидел мой муж.

— Никогда не представлял себя женатым, — с оттенком легкой грусти признал боевой маэстро.

— Не печальтесь, Ваша Светлость. Как только я прочту все это моему истинному возлюбленному, мир сразу изменится. Прочтите дневник. Я уже была учительницей, ученым, исследователем, а теперь и монахиней.

— Бывшей монахиней.

— Гм-м, действительно. Через несколько минут я могу оказаться папой, а вы — ученым.

— Ты действительно любишь Уильяма Тиндейла? Он ведь мертв уже более пяти веков.

— Но стоит мне нажать кнопку передатчика, он оживет и начнет слушать меня в своей мастерской неподалеку от Доугейтского причала в Лондоне. И произойдет это в 1404 году, когда ему будет двадцать два года.

— Значит, ты любишь юношу, но все же вышла за меня?

— Ах, ему же тридцать пять, как и мне сейчас, и одновременно восемьдесят три, когда он лежал на смертном одре. Я всегда восхищалась им, а его портрет, на мой взгляд, просто очаровывает. Не очень-то подходящие мысли для монахини, но я и в молодости вряд ли служила идеальным образцом для невест Христовых.

— Пора начинать передачу, дорогая. Ты станешь говорить ему о своих чувствах, как это делали прежде другие, альтернативные Мишель?

— Я стану говорить искренне, от всего сердца.

Я взяла маленький передатчик и включила его.

— Уильям, это снова Мишель. Прошу тебя, прислушайся к моим словам, потому что на сей раз нашему миру угрожает большая опасность. Я сообщу тебе еще более сложные знания, которые ты должен передать будущим поколениям — тем, чьей учености окажется достаточно, чтобы их понять. Уильям, в этом будущем... нет, ты не поверишь, какой оказалась моя судьба в этом будущем, которое лишь од-

но из множества вероятных. О, как мне хочется обнять тебя и принадлежать лишь тебе. Но все же ты можешь слышать мой голос, а я могу прочесть твои слова в дневнике, который в любом из вариантов будущего, похоже, находят именно в 2001 году. Ведь мы любим друг друга, Уильям, а многие ли из тех, кто обладает друг другом во плоти, воистину могут назвать свои чувства любовью? А теперь слушай и все тщательно записывай.

Уильям всегда записывал очень тщательно. Просмотрев дневник, я не смогла заметить существенных ошибок на многих десятках страниц. Кое-что я даже зачитала вслух, пытаясь вообразить себя на месте той женщины из альтернативных вариантов будущего.

— Весьма необычно слышать, как вы повторяете слова вашего друга «я», Ваше Величество, — заметил профессор Честер, когда я положила дневник на стол. Он так и остался раскрытым на последней странице.

Пол убежища дрогнул — это еще один импактор, летящий почти со световой скоростью, пронзил защитную систему планеты и сдетонировал. Нам удалось нейтрализовать оружие врагов, действующее по принципу молекулярного разрушения, но у них имелся неиссякаемый арсенал. Хотя ни один из видов оружия чужаков не был абсолютно неуязвимым, по количеству они, похоже, превосходили нас во много раз. У Земли и человечества попросту заканчивались ресурсы.

— Хотела бы я знать, какое значение они придают этой бомбардировке, — проговорила я, размышляя вслух. — Почти вся наша промышленность и все системы оружия выведены в космос и рассредоточены.

— Тогда зачем мы тратим ресурсы на оборону этого убежища? — спросил Честер, проницательный, как всегда. — На это должна быть веская причина.

— Очень скоро ее не станет, мой верный и преданный друг. Промышленные астероиды можно оборонять и даже переместить, равно как инкубаторы и корабли обслуживания. И тогда даже твой университет будет обречен.

— Трудно в это поверить, Ваше Величество. Мы в девяти милях под землей.

— Прямое попадание в убежище разрушит шахты доступа. И даже если вы переживете ударную волну, то окажетесь замурованы тут навсегда. Как старший из оставшихся в живых членов императорской семьи я не могу такого допустить. Штат университета и сетевые информационные библиотеки будут распределены по нашим промышленным крепостям. А потом Землю предоставят судьбе.

Ответа не последовало — решение оказалось тяжким. Честер сидел и угрюмо молчал, погрузившись в размышления. Я взяла инфоблокнот с подготовленным текстом послания к братьям Тиндейлам и начала читать:

— Да будет известно, что Ее Императорское Высочество принцесса Мишель из дома Уотсон нашла вескую и хорошо обоснованную причину...

— Э-э... вам следует говорить «Величество», а не «Высочество». Ведь вы теперь правящий монарх.

— Верно, но написано это еще до того, как погиб мой брат. А тогда я была еще Высочеством, а не Величеством.

— Это великое несчастье, но погиб он смертью храбрых.

— Стивен, я не могу прочитать такое. Во всех моих прежних посланиях я была лишь умной девушкой, которая признается юноше в любви и сожалеет, что не может назначить ему свидание. Уильям Тиндейл знает *тех* Мишель, но не знает *меня*.

— Вы можете говорить все, что пожелаете, Ваше Величество. Теперь вы императрица и по законам Соларианской империи не отвечаете ни перед кем.

Я села за стол и прикрепила ко лбу сенсор, затем мысленно продиктовала несколько новых фраз, добавив их к тексту. Помещение вновь содрогнулось, когда взорвался очередной импактор, свет на мгновение потускнел. Завершив начатое, я взглянула на Честера. Тот уже стоял, с тревогой разглядывая длинную трещину на потолке.

— Ты действительно считаешь, что это нам хоть как-то поможет? — осведомилась я, опуская сенсор на стол.

— Мы сумели вырвать у них преимущество, поэтому они нас сейчас бомбардируют. Они и представить не могли, что мы бросим целый военный флот, лишь бы захватить неповрежденным хотя бы один их корабль с установкой искажения пространства. Теперь мы разобрались в основах этой технологии, и они стремятся уничтожить нас до того, как мы построим флот таких же кораблей.

— И эта операция едва не провалилась. Их корабль был только разведчиком, однако смог погубить три наших тяжелых крейсера. Я и сейчас подозреваю, что выстрел, которым мы вывели его из строя, был просто случайным.

— Случайным или нет, но теперь мы кое-что знаем об их технике... а также их физиологии. Наше оружие не уступает вражескому, и серьезный перевес они имеют лишь в технологии экранов с фазовым гистерезисом и в умении скрывать корабли внутри области искаженного пространства. Сообщите эти принципы Уильяму Тиндейлу, и к

тому времени, когда человечество доживет до очередной версии 2004 года, физика уже станет фольклором.

В этом я не сомневалась. Если не считать предисловия, текст был подготовлен нашими лучшими преподавателями. Получив такие знания, братья Тиндейлы теоретически окажутся в состоянии изготовить примитивный, но работающий резонансный пистолет, а возможно, и блок гравитационной индукции, способный перемещать их деревянные боевые корабли по воздуху и даже в космосе. Разумеется, текст включал и предупреждение о том, что на большой высоте нечем будет дышать. С теми знаниями, которые я сейчас держала в руках, Англия к 1470 году смогла бы покорить весь мир. Даже высадка на Луну вполне могла бы состояться еще при жизни братьев Тиндейлов. Но что дальше? И почему именно это? Я взглянула на Честера. Всю свою жизнь он маниакально и неудержимо стремился к прогрессу. И слово «почему» применялось лишь к результатам эксперимента, которые не соответствовали ожидаемым.

— В том 2004 году мы сможем противостоять их кораблям на равных, а то и превзойти их, Ваше Величество.

— Так говорят мне все, но теперь моя очередь спросить: почему?

— Я весь внимание, Ваше Величество.

— Почему, Честер? Что если вражеские корабли, защищенные вихрем искаженного пространства, есть лишь один из десятков, сотен или даже тысяч уровней и вариантов их ответа?

— Не уверен, что понимаю.

— Возьмем такой пример. Над вами кружит оса. Вы прихлопываете ее мухобойкой. Другие осы вылетают из гнезда и летают вокруг. Вы беретесь за инсектицид. Осы через несколько поколений становятся невосприимчивы к отраве. Вы пускаете в ход огнемёт. Тогда они начинают усиленно плодиться и устраивать гнезда в таких местах, которые вам недоступны. Вы накрываете весь континент термоядерными боеголовками. Тогда они переходят к подводной жизни и выводят потомство в океане. Продолжать?

— Так вы хотите сказать, что их нынешние корабли могут быть ответом на уровне мухобойки?

— Возможно. Не исключено, что они создавали оружие сотни миллионов лет, Честер, и вряд ли у них в арсенале только мухобойки. Допустим, с мухобойками мы справимся. Допустим, даже расскажем Уильяму о вражеских инсектицидах и огнемётах, но чем все кончится? А вдруг кто-нибудь из них придет к выводу, что мы слишком уж развились, и, пропустив несколько уровней обороны, прибежит сразу к противоосиной термоядерной бомбе?

— Это... гм-м... не согласен. На мой взгляд, они всегда будут переходить от уровня к уровню, и мы должны постоянно учиться у них чему-то новому. У нас есть дневник Тиндейла и Меч дона Альверина. А у чужаков их нет. Возможность связи с прошлым — наше единственное преимущество, но зато это преимущество огромно.

— Не уверена. Анализ дневника показывает, что после моих первых слов, адресованных Уильяму Тиндейлу, технологически мы продвинулись примерно на тысячу лет. И куда нас это привело?

— К завершению очень долгого пути. Мы подобны мышам, бросившим вызов тигру, и все же мы удерживаем исходные позиции.

— Да неужели? Их импакторы превратили всю поверхность Земли в груды щебня. Мы не знаем, где находится родная планета чужаков и есть ли она у них вообще. За пять лет, пока идет война, мы повредили десяток их кораблей, уничтожили три и захватили один. А они уничтожили семь тысяч наших.

— Война была неизбежной. Они атаковали нас первыми. Нападение оказалось совершенно неспровоцированным, потому что наши капитаны и адмиралы получили строжайший приказ — к чужим кораблям можно приближаться только с отключенным вооружением. Девяносто кораблей, сделавших попытку дружественного сближения с чужаками, были обращены в пар, и лишь после этого мы открыли ответный огонь.

— А мы так похожи на друзей? С 1851 года, когда принц Исамбард Брунель издал указ о закладке Соларианского военного космофлота, тот вырос до девяноста пяти тысяч кораблей. А вдруг пилотами чужих кораблей были пастухи, оберегающие свои мирные планеты? И они могли принять нас за волков, готовых бросить боевые корабли на все, что покажется нам легкой добычей.

— Без военного флота нас бы уже давно уничтожили.

— Однако чужаки не причинили вреда эсграм, волдеррам или сгортам, а эти цивилизации существуют уже десятки тысяч лет.

— Это бесхребетные философы. Они не представляют угрозы, у них даже нет звездолетов. Зато мы — другие, и мы не покоримся. Настало время нанести ответный удар. И эта возможность целиком в вашей власти. Уильям Тиндейл прислушивается к вашим словам. И это дает вам огромную власть.

— В каком смысле? Что ты предлагаешь?

— Тиндейлы спрятали и дневник, и меч, братья лишь опубликовали научные принципы и изобретения. Дневник и меч обнаружили всего несколько месяцев назад, когда был вскрыт фамильный склеп Честеров. Но почему эти вещи спрятали? А в том, что их именно

спрятали, никаких сомнений нет. Меч и дневник вложили в свинцовый гроб сэра Перси Честера — человека, никак не связанного с Тиндейлами. Эту могилу неизменно обнаруживают в 2001 году. Вы всегда рождаетесь и всегда становитесь поклонницей Уильяма Тиндейла. Вы есть то, что физики называют темпорально неизменной величиной.

— Знаю, знаю. Прошлое неизменно, но к нему можно кое-что добавить. Я имею общее представление о теории, хотя и не понимаю всей математики.

— Правильно, и таким способом мы можем в несколько раз ускорить научное развитие человечества. Скажите Тиндейлам, чтобы они не прятали меч. Тогда мы сможем постоянно сообщать о наших достижениях тем, кто их сменит, обеспечим непрерывную обратную связь. За шестьсот лет мы сумеем продвинуться на миллион лет, на несколько миллионов! И к новому 2004 году человечество может стать главной расой Галактики или даже нашего скопления галактик!

— Это лишь предположение, профессор.

— Вовсе нет. Для изучения этого плана был создан комитет лучших умов Соларианской империи. И то, что я вам сейчас сказал, основывается на их компьютерных моделях.

Сказанное оказалось для меня новостью, и к тому же тревожной.

— Почему мне ничего не сообщили?

— Не успели. Ведь вы стали императрицей и верховным главнокомандующим Соларианской империи всего одиннадцать дней назад. Ваша коронация еще не состоялась, и формально вы пока принцесса, а не императрица.

— Мне известны тонкости имперских законов и протоколов, профессор, — холодно заметила я. — Еще не наступило время для официальной коронации.

— И для моего сообщения. До сегодняшнего дня, — добавил он, выдавив улыбку. — Ваше Величество, никакого заговора нет. Все это отложили до момента, пока не будут решены вопросы с более высоким стратегическим приоритетом. И наиболее очевидный из них — вражеские импакторы.

— И что я должна сделать согласно вашему новому плану?

— Зачитать личное предисловие, потом краткое изложение наиболее передовых научных достижений человечества, а затем распорядиться, чтобы братья Тиндейлы не прятали меч после своей кончины, а оставили своим наследникам как неоценимое сокровище, как спасение человечества. Этот меч связан с самим собой, но только в шестивековом прошлом, он способен доставить в прошлое современные знания, порождая бесконечное число все более развитых вариантов

прошлого, которые поднимут человечество невообразимо высоко. Решать вам, Ваше Величество, и в этом решении заключается единственный способ одолеть расу, ныне гораздо более развитую, чем наша. Какова будет ваша воля?

Я уже приняла решение, но в придворные интриги и политику я оказалась втянута еще с детства, едва научившись связно говорить. Поэтому я выдержала очередную паузу, хмурясь и покусывая нижнюю губу.

— Я согласна с твоим планом, — наконец заявила я и была вознаграждена изумлением, мелькнувшим на лице собеседника. — Заприм дверь и отключи все коммуникаторы. Я не желаю, чтобы кто-то прервал общение с моим давно умершим другом.

Честер вызвал охранников и слуг, отдал им необходимые приказания и отослал. Потом вставил в дверной замок карточку-ключ и низко поклонился мне.

— Ваши желания исполнены, Ваше Величество, — объявил он.

— Превосходно. Теперь можешь сесть и послушать, но прошу воздерживаться от усмешек, когда я стану говорить о личном с моим самым платоническим из друзей.

— Я не смел и помыслить о подобном, Ваше Величество.

Я положила перед собой блокнот и начала читать:

— Уильям Тиндейл из Лондона, я знаю, ты меня слушаешь, потому что знаю также: каждый день ты держишь этот меч поблизости... точнее говоря, каждый день после моего первого обращения к тебе. Вот уже в пятый раз я, любящая тебя Мишель, говорю с тобой из будущего, минуя шестьсот лет. На этот раз я — Мишель Четвертая, императрица Соларианской империи. Сейчас наша империя атакована. Могущественные инопланетные враги, которых я описывала ранее, теснят нас и неумолимо сокрушают нашу оборону. При всей нашей военной мощи мы не в силах даже удержать позиции. Пять лет назад космический крейсер под командованием герцога Мандронитера открыл огонь по небольшому кораблю чужаков и уничтожил его. И с этого дня человечество оказалось в состоянии войны с инопланетной расой — настолько древней, что ты даже представить не можешь. Поэтому сейчас нам нужно передать философам и ремесленникам твоего времени некоторые принципы и схемы используемых врагами устройств, дабы обрести преимущество в войне, которая начнется через шестьсот лет в будущем.

Я продолжала читать, описывая принципы работы нашего лучшего оружия. Профессор Честер еще не понял, что я пока не произнесла слов любви своему кумиру из средневекового Лондона. В его пред-

ставлении, все шло хорошо, развивалось по его плану. Честер учел даже то, что верховный главнокомандующий Соларианской империи обязан постоянно быть при оружии. Точнее говоря, Честер полагал, что у него все под контролем, но я тайно провела программное сканирование своего антикварного церемониального резонансного пистолета и обнаружила блок перехвата управления, встроенный в программное обеспечение. Отец, хотя его скорая смерть почти не оставила нам времени на общение, все же научил меня величайшей осторожности. Теперь я лишний раз убедилась в правоте отца: ведь все придворные специалисты и техники заверяли, что мое оружие совершенно исправно.

Мать же обучила меня оптронике, и я, встроив в свое церемониальное оружие семнадцать тщательно замаскированных оптоволоконных кабелей, сумела обойти блок регулировки и управления пистолета. Как резонансное оружие он теперь стал бесполезен, зато мощный пусковой лазер, расположенный в резонансной камере, мог прорезать полдюйма стали. Любое внешнее сканирование программного обеспечения показало бы, что пистолет неисправен, но мне требовалось оружие, и теперь я им обладала. Я была готова к покушению на свою особу, но сейчас догадалась, каким образом оно планировалось.

— ...и теперь завершается моя техническая миссия, но не мои слова к тебе, Уильям Тиндейл, моему возлюбленному из далекого прошлого, — сказала я. — Прошу тебя, обрати внимание: величайшие натурфилософы моего времени решили, что тебе следует передать Меч дон Альверина и дневник своим наследникам. С их помощью они желают постоянно воздействовать на прошлое из будущего... *но они не правы!* Ради судьбы человечества умоляю — *не публикуй* ничего из сказанного мной и спрячь меч! — воскликнула я, одновременно выхватывая оружие.

Честер уже вытаскивал из кобуры свой резонансный пистолет, но луч моего лазера рассек его тело наискось вместе со стулом. Потом я выстрелила в нужную точку возле двери, где в стене находилось устройство, открывавшее и закрывавшее дверь, и заблокировала ее. Последний выстрел уничтожил камеру слежения. Находившиеся снаружи ответили тем, что обесточили помещение, лишив меня света, и пустили в комнату усыпляющий газ, но к тому времени я включила прицельный лазер вместо фонарика и последила к телу Честера. В кармане его камзола нашлись баллончик с кислородом и маска. Я сделала глубокий вдох и снова обратилась к Уильяму:

— Уильям, меня пытаются остановить, и жить мне осталось совсем недолго. Спрячь меч, уничтожь дневник, забудь все, что узнал, и

забуди меня! — крикнула я и глотнула кислорода. — Меч и дневник — это ключ к будущему, которое станет давать тебе только натурфилософию и конструкции оружия. Мир, в котором я живу — это огромное средневековое королевство. — Еще один вдох, и я услышала скребущие звуки — к двери прилаживали домкрат. — Три другие инопланетные цивилизации, с которыми мы вступили в контакт, кроме изучения природы развивали и моральные принципы. В результате они прожили без войн десятки тысяч лет, тогда как мы в нравственном отношении остались практически на вашем уровне.

Глотнув из баллончика, я направила оружие на дверь и выстрелила. Послышались крик боли и лязг металла, когда уронили домкрат.

— Уильям, единственный способ остановить войну с враждебными инопланетянами — сделать так, чтобы это будущее никогда не осуществилось. — Вдох. Звук шагов нескольких приближающихся людей. Я выключила радио. — У меня Меч донна Альверина, предательская мразь! — крикнула я и сделала очередной вдох. — Он у меня на поясе. Если выстрелите в меня из резонансного оружия, то уничтожите свою единственную связь с прошлым. — Я снова включила радио. — Извини, Уильям, пытаюсь выиграть время.

Снова вдохнув, я напряженно прислушалась, но ничего не услышала. Наверное, челядь совещалась, выбирая один из десятка способов пробиться ко мне.

— Уильям, я считаю тебя величайшим из когда-либо живших философов, но прошу тебя, умоляю: уничтожь это будущее! Никогда и никому не раскрывай того, что я тебе сообщила. Сейчас мои же придворные могут в любой момент выбить дверь. И тогда я направлю оружие на меч и уничтожу то, что связывает нас с твоим временем. — Последний вдох. — Я люблю тебя, Уильям Тиндейл. Прощай — и никогда не забывай меня!

— На этом текст обрывается, — сказал сэр Стивен, когда я пролистала несколько пустых страниц, следующих за последней записью.

Я закрыла дневник и уставилась на слова, вытисненные на его обложке: «Дневник Тиндейла». Потом взглянула на меч. Затем на сэра Стивена.

— Я журналист, пишущий о науке, а не редактор научной фантастики, — сообщила я.

— Но это не мистификация, — возразил мой собеседник.

— Стив, если ты вознамерился поразить меня своим писательским талантом, то выбрал для этого не лучший способ. В чем тайный смысл твоего приглашения? Если ты надеялся, что я стану твоей любовницей, то мой ответ: нет. Пусть я и разведена, но...

— Это очень серьезно! — рявкнул он, ударив кулаком по краю стола. Обычно сэр Стивен отличается уравновешенностью и даже в худших ситуациях владеет собой.

— Послушай, я совершенно не понимаю, чего ты добиваешься.

— Я отдал фрагмент одной из страниц на экспертизу. Бумага подлинная, чернила подлинные, и в наличии все должные признаки медленной химической реакции чернил с бумагой в течение шестисот лет. Значит, все это — реальность.

— Темпоральное сцепление? — Я рассмеялась, успев прийти в себя. — Что за чушь! Ты меня что, за дурочку держишь? Да, пусть я знакомлюсь с последними открытиями в физике только в журнале «Природа», но зато делаю это регулярно.

— А как же твои чувства к Уильяму Тиндейлу?

Эта часть дневника смущала меня больше всего. Еще на последнем курсе университета я увидела единственный уцелевший портрет Уильяма на выставке в Национальной портретной галерее Лондона. Не могу назвать свои чувства любовью с первого взгляда, но я купила репродукцию этого портрета и вставила ее в рамку. Я также изучила то небольшое, что было известно о талантливом оружейнике и его брате. Сведения о них обрывались 1418 годом, когда оба брата погибли у себя дома во время пожара, начавшегося после взрыва пороха.

— Я восхищаюсь братьями и полагаю, что Уильям весьма симпатичен.

— И такие же чувства к нему ты испытывала в других альтернативных будущих, порожденных тобой и Уильямом.

— Стив, шутка неплоха, но она зашла слишком далеко.

— Это не шутка, — упорствовал сэр Стивен. — Прочитай дневник еще раз. Там на двух сотнях страниц текста и чертежей описаны самые фантастические технологии. Мишель, если ты не воспримешь все всерьез, то это сделаю я. И отвезу дневник в другое место.

За его словами последовало длительное молчание. Я прошлась взглядом по нескольким страницам из середины дневника. Кое-какие физические теории выглядели вполне правдоподобно и легко проверялись экспериментально. Тревога охватила меня. Я видела карту практических научных знаний, отражающую только верные направления — ни единого тупика или ошибочного эксперимента. Императрица — последнее из моих альтернативных «я» — оказалась права относительно моральных принципов. А здесь они даже не упоминались.

— Послушай, Стив, допустим, все это настоящее. И что дальше?

— Да информация из этого дневника может в течение десяти лет перенести нас на пять столетий вперед, вот что! И через несколько

месяцев мы окажемся на Марсе, а через десятилетие — уже на Альфе Центавра.

— И снабженные оружием, способным стерилизовать целую планету между завтраком и утренним кофе. Да любой более развитой космической расе мы покажемся ордой Аттилы, вооруженной термоядерными боеголовками. Посмотри на эти чертежи. Всякий достаточно сообразительный псих сможет разнести городской квартал, например, вот этой штуковинной, резонансной кулевриной. Почти все части для нее можно купить в любом супермаркете, а затем собрать у себя в гараже.

— Ну и что? Это лишь означает, что доступ к дневнику Тиндейла следует ограничить. Мишель, у тебя был шанс. Извини, но мы говорили о судьбе человечества. Я немедленно отправлюсь с дневником в Лондон. Научные сведения, изложенные на этих страницах, требуют серьезной проработки. Когда будешь уходить, зайти к Томсону, он выпишет чек для компенсации твоих дорожных расходов.

С этими словами он взял меч с дневником и вышел. Я осталась наедине со своими мыслями. Во всех альтернативных мирах Честеры никогда не могли устоять перед искушением. Ощувив руку на плече, они не смотрели вниз, проверяя, не увидят ли там раздвоенное копыто. И еще я испытывала странное чувство утраты. Я осознала, слегка ревнуя, что из всех Мишель Уотсон лишь я одна не говорила с Уильямом Тиндейлом посредством Меча дона Альверина. Откуда-то издалека донесся низкий глухой звук. Потом в коридоре послышались шаги. «Томсон с чеком для меня», — предположила я.

Но вошел... Уильям Тиндейл, облаченный в красный плащ и какую-то форменную куртку поверх оливково-зеленых брюк. На поясе у него висел меч.

— Миледи, я здесь, — произнес он, разводя руки и кланяясь. — Какова будет ваша воля?

Часть моего мозга словно отключилась. Я смогла лишь отметить, что его речь и произношение современных английских слов значительно отличаются в лучшую сторону относительно лондонца из 1418 года. Наверное, он специально учился говорить так, как говорила я. Для образца у него имелось несколько часов звучания моего голоса во время передач, а к ним еще и четырнадцать лет для тренировок... Потрясение мое трудно было описать.

— Уильям?.. — выдохнула я, возблагодарив судьбу за то, что при его появлении все еще сидела.

— Да, это я. — Он застенчиво улыбнулся. — А ты моя единственная любовь.

Я медленно встала, обошла стол, взяла его за руку и лишь через некоторое время смогла ответить:

— И я люблю тебя не меньше. Но... я должна объяснить...

— Все, что было сказано, я слышал, — заверил он, приложив палец к губам.

Значит, он слышал наш разговор со Стивеном! Мы вышли из комнаты, держась за руки. Я не особенно удивилась, обнаружив в гостиной связанного Томсона с кляпом во рту. Мы вышли из дома и пересекли лужайку, направляясь к гостевой автостоянке. Там, неподалеку от пылающих останков автомобиля сэра Стивена расположился аппарат Тиндейлов. Возле него с поднятыми руками стоял Стивен, а за его спиной — мужчина, похожий на Уильяма.

— Это Эдвард, — пояснил Уильям, и его брат слегка мне кивнул. — У него нет голоса, но все же он может изъясняться.

Уильям показал на сэра Стивена, на горящую машину, а потом на предмет в руках Эдварда. Этот предмет мог бы принадлежать кисти Дали, если бы художника заперли в лаборатории алхимика, вкатили солидную дозу галлюциногена, а затем попросили изобразить что-нибудь интересное. Конструкция состояла из спиральных трубок, шаров из непрозрачного стекла, слоновой кости, обсидиана и хрусталя. Деревянный приклад, вероятно, был позаимствован у одного из первых мушкетов. Все эта мешанина деталей испускала жемчужное сияние, а та ее часть, что служила стволом, была направлена на сэра Стивена. Возле него лежали дневник Тиндейла и Меч дона Альверина. Эдвард коротко поклонился мне, но самодельная резонансная кулеврина осталась нацелена на сэра Стивена.

Братья Тиндейлы вняли моему предупреждению и не стали ничего публиковать. Однако в своей лаборатории они работали как одержимые и к 1418 году построили звездолет.

Корабль был размером с грузовой фургон, но имел форму соединенных основаниями луковиц и покоился на решетке из деревянных стержней — сплошные железные полосы, доски от бочек, медная обшивка и дубовые поперечины. Он был снабжен несколькими окошками из кристаллического кварца, напоминающими бойницы, а герметичность ему, судя по запаху, придавали замазанные битумом щели. Уильям показал мне корабль изнутри. Он обогревался и снабжался энергией с помощью технологий, которые приносили бы мне Нобелевские премии по физике минимум десять лет подряд, и тем не менее все это было создано из материалов и с помощью инструментов, доступных в Лондоне пятнадцатого столетия. Углекислота расщеплялась на кислород и графит каким-то аппаратом, смонтированным внутри привинчен-

ного к крыше деревянного корыта. Двигатель был тот самый, что описывался в дневнике как «асимптотическая граница, генерируемая сжатием кристаллов кварца, заключенных в оболочку из сплава золота и серебра, с точно заданной частотой при помощи...». Короче, даже сейчас я не до конца понимаю, как он работает. Братья этого тоже не понимали, они лишь следовали указаниям, продиктованным моим альтернативным двойником. А соорудив корабль, они воспользовались релятивистским растяжением времени, чтобы перенестись на шестьсот лет за несколько месяцев. Для этого им пришлось совершить более семидесяти полетов с субсветовой скоростью, и после каждого они возвращались на Землю для пополнения запасов свежего воздуха и провизии.

И все это ради нашей с Уильямом встречи.

Не могу сказать, как долго мы простояли, не в силах разжать объятия, прежде чем вышли из корабля. Нас ждали сэр Стивен и Эдвард.

— Он опасен, потому что знает много секретов из дневника, — предупредила я братьев.

Эдвард сделал жест оружием, приказывая Стивену войти в корабль, и мы с Уильямом остались наедине.

— Мы высадим его на планете, где живут мудрые и добрые звездные люди. Там он станет жить в монастыре, — пояснил Уильям.

— Так вы... встретили инопланетян?

— Мы ходили по их земле и советовались с их старейшинами.

— А я? Что станет со мной? Я знаю некоторые секреты из твоего дневника. Они остались в моей памяти.

— Ты поступишь так, как пожелаешь, — проговорил он очень тихо, словно боясь услышать мой ответ.

Он не доверял сэру Стивену, но доверял мне. И еще он предоставлял мне выбор, как это сделал рыцарь в «Повести об Уифе из Бата» по отношению к своей невесте.

— Если ты улетишь, то и мое сердце улетит с тобой, — искренне ответила я. — А я не могу жить без сердца.

Мы простояли возле корабля еще несколько минут, прощаясь с Землей 2004 года при свете догорающего автомобиля. Вскоре мы различили далекие звуки полицейских сирен и увидели прожектор подлетающего вертолета. И решили, что настал момент взять дневник Тиндейла и Меч дона Альверина и войти в корабль.

А потом мы исчезли.

**Перевел с английского
Андрей НОВИКОВ**

ПЕРЕМЕНА МЕСТ

Как мы уже сообщали, 23 мая в рамках Московского форума фантастики, ежегодно проводимого журналом «Если», состоялся традиционный «Круглый стол», в работе которого приняло участие более 30 писателей, журналистов и критиков. Тема «Круглого стола» была весьма актуальной: «Трэш в современной отечественной фантастике». После предварившего мероприятие доклада Дмитрия Володихина завязалась нешуточная дискуссия, с фрагментами которой мы сегодня знакомим наших читателей.

Дмитрий Володихин: Слово «trash» в английском языке имеет значение «хлам», «мусор», «макулатура», «литературная работа низкого качества», «вздор», «нестоящая вещь», «беднота». Любопытно, что сходно звучит слово «thrash» — «бить», «пороть» или «победить кого-то в драке». В мировую культуру слово «trash» вошло много лет назад со значением «барахло», притом барахло в большинстве случаев агрессивное. В русский язык оно перенесено с оттенком задворков. Русифицированное слово «трэш» притягивает к себе значения «грязь», «отбросы», «мордобой», «маргиналы», «хулиганье», «шпана», «зубы по полу», «мозги настезь». Иными словами, ближе к смыслу слова «thrash», а не «trash».

В нашем языке и в нашей культуре конкурируют два разных трэша. Это, во-первых, импортированный опосредованно вариант — через музыку и кино. На Западе существуют многочисленные раз-

новидности трэша в рамках тяжелого рока и «черного» (мрачного) кинематографа. Группы «Металлика» (ранние произведения), «Сепултура» — классический трэш, а вот «Ню Даут» с солисткой Гвен Стефани — уже поп-трэш, смягченная версия. По основному смысловому ряду субстилей ясно, что играют группы, практикующие трэш: дэт-трэш, блэк-трэш, торчер-трэш (от английских слов последовательно «death» — «смерть», «black» — «черное», связанное с сатанинством, и «torture» — «пытка»). В кино есть интеллектуальный трэш — например, «Бойцовский клуб», поставленный по тексту Чака Паланика, а есть более традиционная чернуха: трэш-хоррор «Дом 1000 трупов», трэш-комедии «Очень страшное кино», трэш-вестерн «13-й квартал». Есть довольно значительный пласт трэша и в литературе — главным образом, мэйнстримовской.

В российской музыке и российском кино традиции импортного

«культурного трэша» весьма прочны. В России он вызвал массу подражаний. Это, например, фильм «Гвозди» и независимый проект короткометражного кино «Высокий трэш». В последнем случае проект предъясняется как явление «протестной культуры», отрицающей ценности современного общества. В отечественной музыке распространены группы с убийственными названиями: «независимая глэм-трэш-ностальжи-панк группа «Ландыши», «арт-трэш-блэк-проект» Нэла Донскова «Восход черной луны», да и простых трэш-квартиров немало. Иными словами, в этой сфере присутствует и сложившаяся эстетика, и сложившаяся классификация субстилей, и даже сложившаяся иерархия профи.

В литературе России трэш еще не получил твердых позиций, но уже «прописан». Это книги Елены Трегубовой о диггерах (как самый яркий пример) и тексты ряда авторов основного потока, которые также с некоторой осторожностью классифицируются в качестве трэша («Осень» и «Последний сон разума» Дмитрия Липскерова). Тот, кто занимается трэшем профессионально, называется «трэшером».

Однако преобладает вторая версия трэша, основанная на ошибочной, но крепко прижившейся «мордобойно-задворочной» интерпретации. У нас трэшем называют книги, сработанные в наро-

чито брутальном стиле. Имеется в виду особый язык, насыщенный нецензурной лексикой и словечками «на грани», а также антураж в духе «кровь-дерево-мордобой» (далее КДМ). Наркоманы подрались с педерастами, заблевали туалет в кабаке, затем пришли менты и набили морды всем участникам потасовки, потом пришли вампиры и выпустили кишки ментам, но далеко не ушли — их самих покончили бесобои с во-от такими пушками, удоблив кафельный пол мужского сортира мозгами, соплями, кровяш-ш-шей и поносом тех, кто успел испугаться. Это — классический «русский трэш». И это не эстетика и не стиль, а устойчивая традиция. И не столько издатель требует дать ему КДМ, сколько автор по доброй воле орошает им текст. Издатель просит «баталовку» (Головачёв, Орлов, Злотников), а КДМ какую-то часть аудиотории, может быть, и привлечет, но гораздо бóльшую отпугнет. Дело здесь не в коммерции, а в состоянии души. В России «трэш-контент» не очень-то приспособлен к роли материала для интеллектуальной игры. У нас он — сплошной реализм. Он прочно вошел в быт, и каждый из русских писателей рубежа XX — XXI вв. хотя бы раз в жизни оказывался в гуще такого трэша, что хоть святых выноси. Наша реальность трэширована, наши мозги и наши души, к сожалению, заражены трэш-

вирусом. И те, кто пишет «русский трэш», никакие не трэшеры, а трэшевики, дерьмописцы, хотя это отнюдь не отменяет ни их таланта, ни их — в ряде случаев — достаточно честной по отношению к действительности позиции. Что происходит с ними? — естественное извержение внутренней темноты. Примеры? Пожалуйста: суицид в повести Елены Хаецкой «Семеро праведных в раю у Хозяина», тупая бессердечная уголовщина в цикле «Дым отечества» Андрея Столярова, густые пьянки в романе Виктора Бурцева «Пленных не брать!» или, скажем, мотивы неопрятной brutality в повести «Парикмахерские ребята» и романе «Дожди на Ямайке» Владимира Покровского. А бесобойнические сцены в романе Олега Дивова «Ночной смотрящий» — истинный «русский трэш». Да и моя повесть «Омерзение» пронизана этой традицией...

Есть ли у нас в фантастике образцы высокого, иными словами, интеллектуального трэша? Есть. Это, во-первых, книга Александры Сашневой «Наркоза не будет», о которой в журнале «Большой Город» писали как о «прозе задворков», и, во-вторых, повесть Василия Мидянина «Коричневое». В обоих случаях трэш-контент становится материалом для философических обобщений.

«Правильный» трэш представляет собой разновидность протеста

левых интеллектуалов в сфере культуры. Своего рода перекишенная и забродившая вудстоковщина. Крестный отец трэша — 68-й год. Поэтому мне лично все эти игры не близки и, даст Бог, никогда не станут близки. А уж тем более какой-нибудь поп-трэш, который сложился из осознания коммерческими структурами факта, что из образа любой революционности, даже столь агрессивной и невнятной, можно выжать приличную денежку. Наш русский «правильный» трэш проявился во всей красе в облике террористов-народовольцев, левых эсеров, анархистов, какой-нибудь чудовищной Марии Спиридоновой, какого-нибудь жуткого Каляева, батьки Махно и р-р-революционной матросни. Вот и хватит. Могила ему будет лучшим местом. Жаль, не все осознают, что наши бомбисты вековой давности и наши левые протестники сегодняшнего дня связаны очевидным духовным родством.

«Неправильный» трэш, т.е. тексты, насыщенные КДМ'ом — шрам современности на плоти литературы (и фантастики в том числе). Изменится общество, уйдет и КДМ, сгинет и весь «русский трэш». Возможно, стоит начать с себя и в себе давить расплодившихся тараканов трэша. Но это — долгосрочная программа...

Дмитрий Байкалов: По-моему, докладчик упустил еще один важный момент: почему же писатели

столь охотно и часто обращаются к трэшу? Мне думается, трэш, особенно для авторов молодых, это элемент самораскрутки, самопиара. За счет эпатажа привлечь к себе внимание читающей публики. Нередко очень неплохой текст искусственно приправляется трэшевыми сценами — и это вовсе не требование издателей, а прагматический расчет самого автора. Отрицательный пиар — тоже пиар. Таков закон рекламы. Подобные приемы давно используются в шоу-бизнесе, а современная литература, как это ни печально, явно стремится интегрироваться в шоу-бизнес.

Дмитрий Володихин: Да, в музыкальной, скажем, сфере это сплошь и рядом. Но если обратимся к фантастике — я с трудом могу припомнить авторов, нарочито использовавших трэш в целях самораскрутки.

Андрей Сеницын: Вот вам яркий пример последних двух-трех лет — Михаил Харитонов. Ни для кого не секрет, что под этим псевдонимом скрывается известный публицист-политолог, который использует свои профессиональные навыки пиара и в литературе.

Евгений Харитонов: Заметьте: это не обо мне.

Дмитрий Володихин: Здесь все-таки другой случай. Тексты Михаила Харитонова обильны трэшем, это правда, однако примерно

то же самое мы видим и в прозе Василия Мидянина. Трэш у этих авторов — элемент философской схемы.

Андрей Сеницын: Мне несколько раз приходилось редактировать произведения Харитонова (я выпускающий редактор его последних книг). На мой взгляд, редуцирование трэшевых сцен серьезно улучшает его произведения. Взять, например, повесть «Успех». После того как из текста были изъяты сцены поедания фекалий, набивания анального отверстия стеклом и прочая педофилия, — повесть в качественном и драматургическом планах только выиграла, стала адекватно читаемой, не утратив ни авторской идеи, ни философии. Я полюбопытствовал у автора: «Зачем ты все это натолкал в текст?», — на что получил лаконичный ответ: «Я на пути в большую литературу». А как известно, есть три признака так называемой Большой Литературы Новой России (далее — БЛ): однополый секс, наркотики, поедание фекалий. Если эти три момента присутствуют — текст можно смело записывать в БЛ. Если ничего такого мы там не встречаем — стало быть, это фантастика. Ну, а если присутствуют фрагментарно — значит, мы имеем дело с пограничным жанром. Таким образом, трэш в фантастике присущ лишь тем авторам, которые стремятся в БЛ.

Евгений Лукин: Попробую и я высказаться. Во-первых, я лишний раз убедился, насколько слово, хотя бы раз переночевавшее в нашей стране, начисто меняет свой смысл. Я так и не понял: то нехорошее слово, которое мы обсуждаем, через «th» пишется или через «t»? Если через «t», то это действительно обозначает мусор, это слово стоит почти на всех мусорных баках. И если речь идет о «замусоренности», а не только о драках и тому подобном, то из всего, что я тут услышал, у меня возникает вопрос: а чем в таком случае трэш отличается от реализма или натурализма? Кстати говоря, в начале XX века всех реалистов окрещивали именно натуралистами. Классический натуралист, к примеру, Куприн. Я не уверен в том, что литература оказывает сильное воздействие на жизнь и поэтому придерживаюсь аксиомы: «Чем меньше станет мусора в жизни, тем меньше будет его и в литературе». В обратном — не уверен...

Андрей Щербак-Жуков: Мне кажется, что уважаемый докладчик с самого начала использовал немного ошибочный посыл: он начал проводить параллели между музыкой и литературой. Дело в том, что музыкальный стиль трэш получил свое название от особой манеры игры на гитаре, буквально «бить по струнам», а трэш в литературе — это действительно му-

сорная литература, рамки которой, на мой взгляд, были докладчиком заужены. Литературный трэш, в сущности, синоним pulp fiction, то есть чтива одноразового использования: прочитал и выбросил в мусорный ящик. И в этом контексте не просто термин, перекочевав на русскую почву, претерпел метаморфозы, но и с самой литературой произошли очень интересные изменения. Изначально, как я уже сказал, на Западе трэш-литература родилась как «дешевый» вариант просто литературы — дешевый детектив, совсем низкопробная фантастика и т.д.

Дмитрий Байкалов: «Кровавая оргия в марсианском аду»...

Андрей Щербак-Жуков: Вот именно! У нас же получилось все с точностью до наоборот! У нас сейчас БЛ всю использует элементы трэша, элементы так называемых «низких жанров». В качестве примера достаточно назвать пресловутого Сорокина, постмодернистов Белоброва и Попова — вот где полно трэша! И действительно, проездным билетом в БЛ оказываются гомосексуализм, педофилия и прочие мерзости. В то же время фантастика начинает все больше заниматься тем, чем в XIX и первой половине XX века занималась БЛ, а именно постановкой философских, социальных, морально-нравственных проблем. Мейнстрим и фантастика вдруг поменялись функциями и художественными

приемами. В фантастике все больше приемов из мейнстрима (психологизм, реализм, социальный под-ход), а в БЛ, соответственно, все чаще заигрывают с «мусорными» элементами.

Мария Галина: Так ведь фантастика всегда была дидактична и этична. Она возникла (я имею в виду, когда выделилась в самостоятельное направление) как просветительская литература для подростков. Поэтому наличие этической составляющей в ней было обязательным условием игры. И если фантастика хочет сохранить себя как направление, должна такой и остаться. И те, кто пытается в фантастике играть во «все дозволено», пишут на самом деле не фантастику, а что-то совсем другое. Почему «Властелин Колец» Толкина имел такой бешеный успех? Помимо всего прочего благодаря четко выстроенной нравственной системе координат. А литература мейнстрима не подписывалась быть прекраснотушной, это полигон социальных идей и стилистических приемов, причем полигон неоднородный.

Аркадий Штыпель: Хочу сказать пару слов в защиту мейнстрима. И мейнстрим неоднороден, и трэш неоднороден. Я себе могу представить, как при должной коррекции из материала, взятого из желтой прессы, можно создать глубокое философское сочинение. И тот мейнстрим, которому

здесь выше приписывали все эти неблагозвучные качества, тоже не един. Есть произведения современных авторов, которые очень далеки от этого, но тем не менее являются мейнстримом. В этом году премия имени Ивана Петровича Белкина, вручаемая за лучшую повесть года, досталась писателю Владиславу Отрошенко за «Дело об инженерском городе». Этот писатель, кстати, весьма фантазмагоричен и очень далек от какой-либо трэшевости. Лауреат последнего «Букера» Василий Аксёнов с романом «Вольтерьянцы и вольтерьянки» (кстати, тоже отчасти фантастическим) также невероятно далек от всего этого. Получивший в этом году премию им. Аполлона Григорьева мейнстримовский роман «Все поправимо» Александра Кабакова (прославившегося опять же фантастической повестью «Невозвращенец») — хоть и сугубо реалистический, но тоже без особых эксцессов и избытков натурализма.

Андрей Щербак-Жуков: Однако сам Кабаков утверждает, что это мистический роман, ибо там присутствует дьявол...

Аркадий Штыпель: Да, есть там такой момент, но лишь в последней главе. В остальном — это добротная реалистическая проза, близко не подходящая к трэшу. Поэтому не стоит охаивать всю прозу в целом.

Евгений Харитонов: Я согласен с Аркадием. Если поднять подшивки последних лет главных «толстых» журналов, таких, как «Знамя», «Новый мир» или «Октябрь», то нетрудно обнаружить: никакого трэша там в принципе нет.

Александр Ройфе: Вернемся все-таки к сути дискуссии. Мне не кажется, что использование какой-то смежной лексики, неприятных образов или описаний половых извращений превращают произведение в трэш. Вещь может быть вполне целомудренной и при всем при том оставаться трэшем. Возьмем художественную книжку, например, о похождениях Супермена. Это будет самый натуральный трэш, однако лишенный какой бы то ни было грязи. Поэтому предлагаю следующее определение трэша: это постмодернистская литература, создаваемая на основе приемов, свойственных массовой литературе, а также на основе актуальных реалий. Хочу заметить, что трэш всегда актуален. Все приводимые выше примеры — и Белобров — Попов, и Михаил Харитонов, — все они четко завязаны на сегодняшний политический момент. И только по этой причине вся литература этого рода весьма недолговечна. Изменится политическая ситуация — устареют и эти книги. Ну, и о постмодернистской природе трэша. Любая трэшевая вещь — набор, компот, сплав готовых образов, сюжетов, приемов.

Евгений Харитонов: Иначе говоря, трэш находится за гранью самой литературы, суть — антилитература?

Александр Ройфе: Ну почему же... Это одна из разновидностей русской словесности, занимающая свою вполне конкретную нишу. Однако продолжу. Актуализация — как раз и есть элемент того самого эпатажа. Многие трэш-авторы пытаются привлечь к себе внимание, завоевать популярность именно скандальностью. Поэтому обращаются к тем темам, которые общество волнуют сегодня. А фантастику волнуют вопросы, скорее, вечные. Поэтому пересечения трэша и фантастики столь редки. И вряд ли эта связь станет постоянной.

Андрей Щербак-Жуков: Ты говоришь не о собственно трэше, а об игре в трэш. Тот же Сорокин совершенно искусственно привносит эти элементы в свои произведения.

Александр Ройфе: Эти элементы и составляют существо подобной литературы.

Владислав Гончаров: У меня создалось впечатление, что участники дискуссии слишком углубились в дефиниции и пытаются определить все и сразу. Я согласен с Александром Ройфе: то, что сегодня воспринимается трэшем, завтра уже может не восприниматься таковым. История литературы — тому подтверждение, ведь иные

произведения, считавшиеся брутальными для своего времени, нынче... классика. На мой взгляд, трэш определяется очень просто: это эпатаж с особым цинизмом. Правда, понятие цинизма в каждую эпоху разное... Куда больше волнует другая проблема: является ли эпатаж целью или средством достижения чего бы то ни было? И главная проблема сегодняшней литературы заключается в том, что средство превращается в цель, а цель исчезает совсем. Этакий трэш ради трэша. Возьмем такой неотъемлемый элемент современной брутальной прозы, как ненормативная лексика. В произведениях Хаецкой, как известно, хватает мата. Но у нее нецензурные слова используются лишь для того, чтобы подчеркнуть картину мира. При этом и сам автор, и его герои целомудренны. В какой бы крови и грязи эти герои ни находились, куда бы их ни заносила судьба. А у других авторов мат — это способ шокировать читателя. Как раз у Михаила Харитоновна была попытка использования трэша в качестве средства. Но в процессе творческой эволюции средство неожиданно стало самоцелью.

Дмитрий Володихин: Владислав подметил очень правильную вещь. Существует трэш коммерческий — это попытки использовать трэш-контент, чтобы книга, как говорится, «пошла». Существуют и иные виды трэша. Первый из них —

это интеллектуально-философский трэш. Он имеет отношение к мейнстриму и постмодернизму. При этом мейнстрим не является трэшем по одной простой причине: эти понятия из разных плоскостей. Существует трэш органический: люди через призму этого приема воспринимают мир. У них у самих брутальное настроение. Плохо ли это? Да, плохо.

Александр Громов: Я тоже согласен с Владиславом, но сформулировать суждение хочу несколько иначе. По-моему, господа, мы тут слишком заговорились. Мы вращаемся вокруг вопроса, можно ли из одного злочега перца сделать вкусное блюдо. Если трэш используется в качестве приема в сцене, где он уместен (и сцена сама к месту), то и спорить нечего. Разве мы перестали восхищаться «Макбетом»? Помните: «Жаба, в трещине камней/ Пухнувшая тридцать дней,/ Из отрав и нечистот/ Первою в котел пойдет». Типичный трэш XVI века! В конце концов, если трэш настолько близок сердцу какого-то автора — ничего дурного в этом не усматриваю. Пусть попробует. Разочек. Наверное, это даже будет интересно. Но если этот автор не может остановиться, то он справедливо будет обречен на малую читательскую аудиторию. Дело хозяйское!

Владислав Гончаров: Трэшеры имеют шанс захватить огромную аудиторию, но это будет вре-

менным явлением. Пройдет год—два—пять — и авторов этих не вспомнят даже.

Наталья Мазова: Вот что любопытно: на Западе — там это все тонко, игра на нервах. У нас на нервах этим не поиграешь — до какого-то момента не берет вообще, затем прорывается полностью, именно потому, что мы в этом самом и так сидим по самые уши. В комментарии к известной полемике писателей в четвертом номере «Если» главный редактор журнала хорошо подметил: почему-то все *это* пишут, но выбирают не *это*, а светлое и пушистое. Да, некоторые это пишут потому, что они, кроме этого, ничего в мире не видят и проецируют свою внутреннюю грязь наружу. Лично мне после прочтения подобных текстов хочется пойти и почистить все внутренности зубной щеткой. А зное количество литераторов это пишет потому, что боится свою внутреннюю «пушистость» показать. Писать про хорошее стало неприлично! Я открываю журнал, допустим «Реальность фантастики», читаю один рассказ, другой, третий и спрашиваю: зачем все это писалось? Там трэш уже не прием, а подростковая демонстрация собственной «крутости».

Владислав Гончаров: Для некоторых авторов трэш — своего рода акт самоочищения: взял свою внутреннюю грязь, выкинул на публику, а сам стал чистеньким...

Наталья Мазова: ...а мир стал грязнее... Я подхожу к главному: трэшевое поветрие наглядно демонстрирует тенденцию общей безблагодатности всех наших текстов. Мы считаем, что про грязь писать — достойно, а про хорошее — несолидно как-то.

Дмитрий Володихин: Может быть, дело в том, что о красивом и добром писать сложнее? Вообще нынешние авторы идут на любые уловки, лишь бы их не заподозрили в том, что своим творчеством они пытаются как-то повлиять на читателя, на общество в целом. Признаться, что твои книги способны воздействовать (положительно или отрицательно) — самый невыгодный шаг из всех возможных.

Евгений Лукин: По правде говоря, я продолжаю испытывать легкое недоумение. Наша дискуссия напомнила мне некогда виденное мною ток-шоу, в котором одна тетенька сказала: «Я не знаю, что такое интеллигенция, но она погубила Россию!». Мы так и не выяснили: что же такое трэш? Одно определение вплотную подошло к реализму. Другое было связано с «душевным стриптизом». Кто-то увидел в этом конъюнктуру, кто-то эпатаж. Возникает вопрос: а нужен ли вообще этот термин, если из-за него порождается такая путаница?

**Подготовили
Дмитрий БАЙКАЛОВ
и Евгений ХАРИТОНОВ**

ДИНОЗАВРЫ ИЗ ЛЕГЕНДЫ

Майкл СУЭЗНИК. КОСТИ ЗЕМЛИ. АСТ, ЛЮКС.
Серия «Альтернатива. Фантастика».

Этот автор известен как изощренный жонглер интеллектуальными концептами, формалист и постмодернист. Тем удивительнее встретить роман «Кости Земли», написанный в классических традициях hard science fiction. Антураж его знаком читателям рассказа «Скерцо с тиранозавром»: недалекое будущее, где благодаря машине времени стали возможны визиты в далекое прошлое. Причем использовать машину разрешается лишь палеонтологам (чтобы защитить историю человечества от временных парадоксов).

На страницах книги оставляют след десятки видов динозавров: кто неспешно ковыляет, кто стремительно преследует добычу. Но не динозавры являются главными героями и даже, возможно, не люди. Самый важный герой романа — наука, уникальный инструмент познания и преобразования мира, которым млекопитающие Homo sapiens вправе гордиться. Вопрос о том, что именно из себя представляет наука, рассматривается автором (к финалу выясняется, что не им одним) на частном примере палеонтологии. Это своего рода центральный стержень романа, без которого текст рассыпался бы на куски.

Дело в том, что сами по себе динозавры довольно скучны и не

очень-то привлекательны. Представьте себе плотоядного хомяка размером с дом и решите, где вы предпочли бы находиться — рядом с ним или подальше. Большинство людей выберет разумное решение, в пользу которого говорят природные инстинкты. Однако есть и меньшинство, которое руководствуется не инстинктами, а неутолимой жадной познания. Их немного: с детства эти люди увлекаются историями об ископаемых чудовищах, участвуют в полевых раскопках, с боями прорываются на биологический факультет и посвящают жизнь останкам гигантских ящеров, стараясь поменьше думать о заработке и побольше — о научной славе в кругу себе подобных. Вот с такими людьми мы и

сталкиваемся на страницах романа, получая возможность «примерить» на себя их взгляд на мир. В том числе — восторженное отношение к любой ископаемой реликвии, способность вслепую собрать скелет трицератопса из сваленных в кучу костей, умение в деталях продумать структуру биоценоза и при этом мыслить в масштабе геологических эпох. У строгих процедур научного поиска есть своя тайная поэзия, муза которой, несомненно, помогала писателю в работе над текстом.

От таинственных спонсоров человечества палеонтологи получают удивительный подарок: возможность «вживую» наблюдать за предметами их страсти, «расплачиваясь» за путешествия во времени своими научными работами. Поведение ящеров в естественной среде, брачные обычаи, типы реакций... Даже попав в аварию, ученые не прекращают исследования, ужасы двухлетней робинзонады им помогает скрасить разработка новых научных гипотез. (Особо следует отметить идею об организующей роли межвидового инфразвукового общения — причем тиранозавры тут выступают в роли главных «пастухов» для меньших завров. Трудно сказать, насколько такая гипотеза совместима с фактами современной науки, но она очевидно перекликается с образом «группового разума» у животных в винджевском «Пламени над бездной».)

Значительное внимание в книге уделено классической теме временных парадоксов — которых быть не должно, потому что иначе все

разрушится, но которые все-таки возможны, несмотря на жесткую систему мер по их недопущению. Друг на друга наслаиваются несколько образов, раскрывающих главную для Суэнвика тему власти: администрация путешествий во времени; тоталитарная секта христиан-фундаменталистов, не признающих учение об эволюции; тиранозавры-пастухи; таинственные спонсоры из далекого будущего, ненадолго давшие людям секрет машины времени, но не готовые воспринимать человеческую логику. В ходе борьбы за выживание возвышаются отдельные виды, затем им на смену приходят другие, а от прежних остаются лишь окаменевшие кости... На этой дистанции продолжительностью в полмиллиарда лет особенно несуразно выглядят различные ритуалы группового подчинения, принятые в человеческом сообществе.

Возможна ли свобода воли или это выдумка? А может, весь наш мир — чья-то выдумка, квазинаучный эксперимент, который в любой момент может быть завершен? Подобные темы присутствуют во многих романах автора, но в «Костях Земли» они раскрываются лишь к финалу книги — до которого нужно добратся сквозь неторопливый, местами тяжеловатый текст. Суэнвик — из числа тех писателей, кто способен долго взбираться трудной дорогой на вершину только для того, чтобы самому увидеть открывающийся сверху взгляд на долину людей.

Сергей НЕКРАСОВ

Рецензии

Терри ПРАТЧЕТТ

ПАТРИОТ

Москва: ЭКСМО;

СПб.: Домино,

2005. — 560 с.

Пер. с англ.

С. Уибарх,

А. Жижаренцева.

(Серия «Плоский

мир»).

20 100 экз.

Очередной роман о Ночной Страже начинается с появления между Анк–Морпорком и Клатчем «ничейной земли» — острова Лешп, поднявшегося со дна морского.

Причины для конфликта налицо, а тут еще и покушение на клатчского посла добавляет масла в огонь. В анк–морпоркских обывателях просыпается патриотизм, верх берет «партия войны», патриция Витинари отстраняют от управления городом...

Роман «Патриот» — не лучший из романов цикла о Плоском мире, но и не худший; Пратчетт слишком интеллигентен и недостаточно циничен, чтобы решить эту тему в парадоксальном и жестком ключе. Основная идея романа: порядочные люди есть везде (в данном случае — это те, кто при расследовании покушения на высокопоставленную особу в первую очередь подозревают своих); реваншисты, в отличие от *intelligent service*, дубоваты и мышей не ловят; есть нечто выше племенного кодекса чести; для выяснения отношений между враждующими сторонами вполне сойдет спортивный матч...

Несомненно, в наше время об этом имеет смысл еще раз напомнить, — кстати, как и о самой природе ксенофобии, о ее универсальных и безжалостных механизмах, — только вот кто услышит?

Впрочем, и сам Пратчетт полагает благополучное разрешение территориального конфликта настолько невероятным, что, кажется, готов вынести его в некую параллельную реальность.

На уровне микросюжетов все по–прежнему крепко, с обилием свойственных Пратчетту отсылок к знакомым событиям и культовым героям — схема покушения на клатчского посла явно апеллирует к убийству Джона Кеннеди; высмеиваются штампы и стереотипы стандартного обывательского представления о Востоке и «восточном менталитете», вновь вступает в игру Леонард Щеботанский, теперь уже как трагическая фигура, поскольку любое его изобретение норовят использовать в качестве оружия.

Мария Галина

Святослав
ЛОГИНОВ

**ДОРОГОЙ
ШИРОКОЙ**

*Москва: ЭКСМО,
2005. — 320 с.
10 000 экз.*

Путешествия лучше совершать со скоростью, достаточной для изучения окрестностей и местных нравов. И если пару столетий назад лучшим средством для этого служила карета, то в XXI веке вполне подойдет... трехвальцовый каток «ДУ-62». Именно на нем и отправляется в путешествие из Петербурга в Москву Юрий Неумалихин, сопровождаемый верным спутником Богородицей по кличке Манька.

На маршруте федерального значения, проложенном еще Радищевым, Неумалихин и Маня Богородица (несмотря на имя, попутчик мужского пола) сталкиваются с самогоном из одуванчиков, вездесущим и быстро делающим карьеру милиционером Синюхиным да известными приметами российской провинции — пьянством, пустыми деревнями и изобретателями двигателей, позволяющих развить сверхсветовую скорость.

Действительно, сложно придумать более эффективное средство для удара по российскому разгильдяйству, чем автопробег на асфальтовом катке: пусть скорость и небольшая, зато масса должный эффект гарантирует.

Новый роман С.Логина вышел в том же оформлении, что и книги Михаила Успенского, однако носит скорее сатирический, нежели юмористический характер. Роман похож на фельетон, раздавшийся в объеме за счет множества эпизодов. Скомканый финал обрывает путешествие сбившегося с маршрута Неумалихина, который, подобно герою Радищева, в Москву так и не попадает, зато оказывается на побережье Индийского океана, вызывая в памяти то ли омовение сапог российских солдат, то ли хождение за три моря с более благородными целями. Вместе с путешествием заканчивается и перечисление извечных и нынешних российских бед, собранных в роман с трассы асфальтового катка.

Однако нужно отдать должное наблюдательности автора: слепок с российской действительности, расположенной за пределами московской кольцевой, роман дает не фантастический, а вполне адекватный, и как следствие, невеселый.

Сергей Шикарев

Гай Гэвриел КЕЙ

**ПОСЛЕДНИЙ
СВЕТ СОЛНЦА**

Москва:

В. Секачев,

ЭКМО,

2005. — 544 с.

Пер. с англ.

Н. Ибрагимовой.

(Серия

«Меч и магия»).

5000 экз.

Среди авторов англоязычной (и не только) фэнтези последних десятилетий немало «наследников Толкина». Однако немногие могут претендовать на этот титул столь явно, как канадец Гай Гэвриел Кей, один из соредакторов «Сильмариллиона». Эта работа стала для Кея хорошим стартом в собственной творческой карьере, и теперь он уже далеко не новичок.

Российскому читателю представлено свежее произведение — прошлогодний роман «Последний свет Солнца». Канадский фантаст отдает дань излюбленному жанру параллельной истории. Не альтернативной, а именно параллельной. В книге фигурируют почти те же народы и государства, что и в истории реальной, причем примерно в тех же обстоятельствах — но под иными именами, и это дает возможность создавать нескованный рамками исторической прозы мир. В свирепых пиратах эрлингах легко узнать скандинавов, в их врагах сингаэлях — валлийцев, а в англсинах уж совсем невозможно не узнать англосаксов. И король Элдред, покровитель наук, чрезвычайно напоминает конкретную историческую личность — английского короля Альфреда. Действительно «альтернативных» элементов в мире Кея очень мало. Самый значительный — его народы—единобожники вовсе не христиане и даже не «как бы» христиане, а солнцепоклонники.

И все—таки все эти завязки на реальном историческом материале не отменяют главного: перед нами фэнтези, насыщенная фантастическим элементом даже в большей степени, чем в других книгах Кея. Не слишком мифологичные Аль—Рассан и Сарантия из прежних романов здесь на периферии. Питательный бульон «Последнего света Солнца» — мир северных мифов. Давно отмечено, что Кей передает их достовернее, чем многие иные авторы фэнтези. Сверхъестественное у него, как еще у лорда Дансени и как в подлинном северном эпосе, постоянно требует жертв, оно существует в мире одновременно и близком людям, и противостоящем им. Может быть, в сочетании достоверности построений и авторского таланта — залог успеха каждого романа Гая Гэвриела Кея.

Сергей Алексеев

Михаил ТЫРИН

**ОТРАЖЕННАЯ
УГРОЗА**

Москва: ЭКСМО,
2005. — 384 с.

(Серия
«Абсолютное
оружие»)
11 000 экз.

Бывший полицейский капитан Ганимед Сенин за-
вербовался в службу безопасности корпорации «Рус-
ский Космос», чтобы заработать прибавку к пенсии.
На планете Евгения во главе разведгруппы (скупые
упоминания о методиках оперативной работы укра-
шают текст) Сенин расследует сообщение о чрезвы-
чайной ситуации. Колония Торонто-9 пуста, кругом
лишь какие-то кровавые пятна... а через сутки она
полна жизнерадостных поселенцев, знать не знаю-
щих ни о какой «чрезвычайщине». После ряда при-
ключений выясняется, что земляне подверглись ата-
ке местной фауны: стрекающая током мочалка, кото-
рая лезет из всех щелей на базе, охотится на людей
и заменяет их «подражателями». Дубли сохраняют
весь жизненный опыт своего прототипа, память и
мышление и биологически от людей не отличаются —
за исключением того, что каждый стремится поско-
рее укукошить своего «оригинала» с целью занять его
место. Для борьбы с мочалкой создается специаль-
ный вирус, для опознания настоящих людей — слож-
ный биологический тест, а «двойников» на базе явно
больше половины...

Но едва начинает казаться, что плотоядная бодяга
разрастается во весь роман, автор выворачивает к
другим сюжетам (отмечу превосходный образ «вирту-
альной тюрьмы») и серьезным темам. Речь о нравст-
венном выборе. О том, как должен вести себя человек,
когда сталкивается с неодолимой силой, аморальным
действиям которой он неспособен противостоять —
будь это крупная корпорация или государство, веду-
щее на отшибе Галактики странную войну с сепарати-
стами. О главном отличии настоящего человека от
дубля: человек не может причинить своему двойнику
никакого вреда, а «подражатель» запрограммирован
на убийство оригинала. Это закодировано на геном
уровне или внедрено в подсознание? Существует ли
вообще физический носитель у нравственного чувст-
ва? Подобные вопросы и тексты заслуживают серьез-
ного отношения.

Сергей Некрасов

Владислав СИЛИН

**КОРОЛЕЙ
УБИВАЮТ
НЕУДАЧНИКИ**

*Москва: ЭКСМО,
2005. — 384 с.
(Серия
«Фантастика
Ника Перумова»).*
7100 экз.

В дебютную книгу молодого рижского фантаста вошли заглавный роман и несколько рассказов, один из которых, «Нагльфар», уже публиковался на страницах «Если».

Действие романа разворачивается в параллельных мирах, по которым странствуют герои.

Единственное, что оставили после своего посещения Земли лодоши — Пустые Норы, выполняющие функцию порталов между мирами. Этим открытием всю пользуются предприимчивые и любопытные люди. При этом происхождение Нор, а также принципы перемещений в иные пространства, описаны без конкретики, полунамеками, что оставляет читателю обширное поле для фантазии.

Главный герой, член рыцарского ордена теиров, а по совместительству маг-псионик Денис Завадский по долгу службы отправляется в один из «сопредельных» миров, Тшиин, где ему предстоит расследовать дело о загадочном убийстве местной принцессы, а заодно выполнять некую дипломатическую миссию.

Денис оказывается в центре дворцовых интриг и заговоров, где замешаны колдовство, высшая магия и в которых участвует почти весь высший свет Тшиина. Так что не просто детективу докопаться до истины. Тем более, что загадочные убийства не прекращаются...

Роман удивительно гармонично соединяет в себе черты нескольких жанров — фэнтези, детектива и космооперы. Большая удача автора — детально проработанный мир Тшиина. Думаю, что читатели по достоинству оценят особенности тшиинской речи, философию лодошей и прочие вкусности. Разве что финал несколько разочаровал — он вышел смазанным и блеклым.

Включенные в книгу рассказы так или иначе завязаны на сюжет романа. Пожалуй, зря только поместили их в конце сборника — в романе нередко даются ссылки на предыдущие события, которые как раз и описаны в рассказах.

Екатерина Кузнецова

Стивен БАКСТЕР

**КОРАБЛИ
ВРЕМЕНИ**

Москва:
АСТ, Люкс,
2005. — 477 с.
Пер. с англ.
С. Фроленок.
5000 экз.

Морлоки не только едят элоев. Еще они считают Информацию величайшей вселенской ценностью и посвящают все свое время ее сбору, классификации и изучению в спроектированной и построенной специально для этих целей сфере Дайсона, которая окружила наше Солнце.

Такова будущая реальность, в которую попадает Путешественник во Времени, совершая свою вторую экспедицию.

Время изменяет не только настоящее, но и прошлое; и вполне законченная история Уэллса для наших современников оказывается оборванной на самом интересном месте, а потому требующей продолжения. Роман Бакстера сюжетно как раз и продолжает знаменитую «Машину времени» Герберта Уэллса.

Однако, используя сюжетное наследие классика жанра, Бакстер решительно меняет и стиль изложения (в пользу более энергичного), и образы героев. Так Путешественник обретает новые качества и атрибуты, необходимые для новых приключений: знание английского бокса и коллекцию огнестрельного оружия. Это оказывается не лишним — на сей раз путешествия на машине времени носят более продолжительный характер: от родной эпохи Путешественника до палеоцена, когда сам человек является существом чуждым, с последующей остановкой у Начала Времен и далее в Оптимальности.

Впрочем, ревизионистский подход Бакстера не ограничивается расширением приключенческого «пространства». Сравнение двух произведений обнаруживает отличие в их тематике. Странствия Путешественника отражают эволюцию, проделанную жанром, который от простой экстраполяции в будущее достижений научно-технического и социального прогресса перешел к постановке космологических и онтологических вопросов. Пожалуй, роман С.Бакстера, как современное произведение на заданную Уэллсом тему, является отменной иллюстрацией к известному выражению сэра Исаака Ньютона: «Если я и видел дальше других, то лишь потому, что стоял на плечах гигантов».

Сергей Шикарев

**НОВЫЕ
МАРСИАНСКИЕ
ХРОНИКИ.**

**Сост. Алексей
Калугин**

*Москва: РИПОЛ
классик,
2005. — 352 с.
(Серия «Русская
фантастика»).*
5000 экз.

В тематический сборник, посвященный 55-летию выхода в свет «Марсианских хроник» Рэя Брэдбери, вошли рассказы восемнадцати авторов. Жанровый диапазон достаточно разнообразен — от фантастического детектива Б.Зеленского «Белое пятно», заставляющего вспомнить о рассказах Р.Шекли или Д.Вэнса 1950–х годов, до пародии на штампы и расхожие приемы современного киберпанка у А.Тюрина в «Возвращении Красной Шапочки».

Читая эту подборку, понимаешь, насколько изменилась фантастическая литература со времен первого издания «Марсианских хроник». В текстах, где писатели старались придерживаться сегодняшних представлений о четвертой планете Солнечной системы, Марс вообще не имеет отношения к миру из книги американского писателя, как в рассказах А.Калугина, В.Ильина или В.Михайлова. Да и авторы, которым оказался ближе символистский подход Брэдбери, тоже в итоге шли иным путем — Н.Басов в изящном рассказе «И дождь смывает...» или Г.Прашкевич в стилистически выверенном «Вечном Лоцмане», где писатель только намекает на родство мира его героев с миром Брэдбери (точнее, с конкретным эпизодом — «Ночная встреча»).

И все-таки несколько фантастов бережно перенесли брэдбериевские образы и героев в свои произведения: А.Щербак–Жуков в «Самом важном контакте», А.Корепанов в «Идет ветер и возвращается» и С.Синякин в «Марсианских сказках». Последний даже рассыпал по тексту множество скрытых цитат из «Марсианских хроник».

Подводя итог, можно заключить: антология «по мотивам» получилась удачной, она станет хорошим приобретением не только для ценителей творчества классика мировой фантастики. И, думаю, это даже неплохо, что «Новые марсианские хроники» имеют не слишком много общего с «первоисточником», иначе неизбежно вся затея вылилась бы в банальное эпигонство.

Глеб Елисеев

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ДЛЯ ГАЛАКТИЧЕСКИХ ТУРОПЕРАТОРОВ

Очередной опрос, появившийся на сервере «Русская фантастика» в начале июня, редакция посвятила актуальной на ту пору теме: на какой из перечисленных планет граждане Фэндомы хотели бы провести отпуск? Всего в опросе участвовало 530 человек.

Каллисто Г.Мартынова — 14 %; Пирр («Неукротимая планета») Г.Гарри-сона — 18 %; Мир-Кольцо Л.Нивена — 14 %; Мир Реки Ф.Х.Фармера — 20 %; Омега («Цивилизация статуса») Р.Шекли — 5 %; Перн Э.Маккефри — 16 %; Теллус («Робинзоны космоса») Ф.Карсака — 9 %.

Аутсайдеры опроса определились сразу же — планета Омега из «Цивилизации статуса» Шекли и Теллус из «Робинзоны космоса» Карсака. Это доказывает, что наши читатели весьма требовательны к социальной системе общества, которое они собираются посетить. Омега с ее извращенным представлением о законе и элементарной возможностью быть в любой момент поджаренным из лучевика не вызвала прилива энтузиазма в душах потенциальных отдыхающих. (Хотя энное количество любителей погонять адреналинчик в крови все-таки нашлось. Теллус же, несмотря на аборигенов-кентавров и занимательный животный мир, видимо, оказался то ли слишком пресен, то ли вызвал некоторые подозрения насчет своего социального устройства: слишком уж напоминает «Союз Свободных Республик Теллуса» наине-

нование одного покойного государства. А может быть, просто малова-то современных российских любителей НФ читали эту классическую книгу французского фантаста...

Те же читатели, которые и по сей день ностальгируют по идеям социализма, предпочли посетить не умеренный Теллус, а ортодоксальный, ультракоммунистический мир Каллисто из второй части дилогии Г.Мартынова. Хотя подозреваю, что среди отправившихся к каллистянам оказалось много тех, кому (благодаря воле составителей опроса) не были предоставлены билеты на Пандору или любую другую качественно освоенную планету Периферии из «Мира Полдня»*.

Полагаю, что Мир-Кольцо Л.Нивена привлек крайних экстремалов, но из тех, кто предпочитает путешествовать без оружия. Как известно, одичавших аборигенов, вроде жите-

** Хотим напомнить, что описания Пандоры у братьев Стругацких нет, равно как нет описания и других качественно освоенных планет — только упоминания. (Прим. ред.)*

лей заброшенных городов, или даже вампиров, здесь можно при элементарной сноровке игнорировать: уж слишком велико планетарное сооружение, созданное фантазией американского писателя. Зато разного рода природных красот — например, бескрайние искусственные моря, Краевые Горы или гигантский вулкан Кулак Бога, способный подарить все прелести восхождения каждому завзятому альпинисту — на Кольце предостаточно.

Перн явно заинтересовал любителей экзотической этнографии и еще более экзотической зоологии. Интересно взглянуть на сообщество всадников Перна с его системой вейров и прочими атрибутами квазифеодальной системы. А уж самито драконы! Кого эти легендарные создания оставят равнодушными? Вот только путешественникам надо обязательно оплатить туристическую страховку на случай внезапного катаклизма — непредусмотренного графиком выпадения на Перн ядовитых Нитей.

Почетное второе место при опросе получил Пирр — незабвенный Мир Смерти из романов Г.Гаррисона. Ясно, что в отпуск на эту планету двинулись бы любители охоты, пейнтбола и компьютерных 3D-шутеров. Пострелять, удаль молодецкую показать... Но мне лично зверюшек жалко. А помните, чем закончилась история агрессивного настроенных колонистов (жестянщиков) на планете Пирр? Откройте—ка заключительную часть трилогии («Конные варвары»). Вот то—то! Хо-

тя есть вероятность, что в этот мир стремятся попасть не только охотники, но и активисты Гринписа и Всемирного фонда живой природы — поучиться у миролюбивых колонистов (корчевщиков), как надо сосуществовать с агрессивнейшей экосферой. Сие, конечно, сомнительно, но ведь всегда хочется верить в лучшее...

А вот лидер нынешнего опроса вполне предсказуем — это Мир Реки Ф.Х.Фармера, что позволяет сделать следующий вывод: представительная часть наших читателей больше всего ценит встречи с интересными людьми. Ведь самое замечательное в мире Фармера — это возможность пообщаться с Марком Твенном, Ричардом Бартоном или Сирано. Ну, и безопасность такого путешествия (тебя убили, а ты — раз! — и воскрес), а также дешевизна и простота обслуживания (кормящие аппараты-цилиндры), несомненно, привлекли внимание путешественников. Думаю, галактическим туроператорам следует учесть эти факторы при составлении других маршрутов и экскурсий.

Кстати, кое—что из результатов опроса могут извлечь и наши писатели—фантасты. Разве не видно, чего, помимо интересного сюжета, хотят от вас читатели книг? Ярких героев и невероятных миров. Так может, исполнить это не столь уж и сложное желание? Во всяком случае, это гораздо проще, чем организовать реальный экскурсионный тур по Галактике.

Глеб ЕЛИСЕЕВ

«БАНК ИДЕЙ»

Впервые за годы существования нашего конкурса участникам была предложена лингвистическая задача. Конкурсантов попросили помочь земным языковедам разобраться в принципах инопланетной речи, в которой один и тот же объект называется по-разному (по крайней мере, по-разному звучит). В качестве примера был приведен чужеземный овощ или фрукт, чье название два респондента произнесли в пяти вариантах — правда, все лексические единицы состояли из четырех компонентов. Но если первые три еще можно было атрибутировать как гласную (А) и согласные (различные), то последний представлял собой нечто совершенно неудобопроизносимое: звук бьющейся посуды, или скрежет тормозов, или сердитое кошачье мяуканье...

В кратком изложении все это выглядит довольно сурово. На самом же деле задача простенькая — точнее, была бы таковой, если бы не коварная деталь: лингвисты столкнулись с двумя проблемами, а не с одной. Большинство наших конкурсантов, с легкостью решив какую-то одну из них, не обратили внимания на вторую.

Одна из самых популярных идей состоит в несовпадении слухового аппарата землян и чужаков. Диапазон восприятия у инопланетян шире, поэтому они способны слышать земную речь в общем-то адекватно, в отличие от нас, обладающих более узким звуковым диапазоном. Эта версия неплохо объясняет «скрежет зубовой», раздающийся в наших ушах, однако игнорирует проблему тех звуков, которые мы слышим достаточно отчетливо, но ведь они—то каждый раз различны! Даже если мы воспринимаем их не адекватно, все равно в этом случае — в случае несовпадения лишь слуховых аппаратов — звуки регулярно воспроизводимы, а следовательно, поддаются анализу.

Понимая недостаточность предыдущей версии, некоторые конкурсанты дополняют ее различием речевых аппаратов, а многие предлагают это решение в качестве единственного. Таким образом, по их мнению, разгадка скрывается не в грамматических категориях языка, но в области орфоэпии. Земное ухо просто не способно уловить разницу между инопроизнесенными «р» и «л» и всякий раз фиксирует вроде бы понятные звуки произвольно.

Немало участников конкурса занялись структурным анализом языка инопланетян. Учítывая, что во всех пяти вариантах слова есть общий первый звук «А», предложено считать его корнем, а оставшиеся фонемы и последующее звукоподражание — суффиксами, окончаниями и «чем-то еще». Что ж, это было бы возможно, ведь корень из одной гласной встречается и в земных языках, в том числе и в русском, однако лингвист задает своим собеседникам четкий вопрос: «ЧТО ЭТО?». Если инопланетяне не издеваются над представителем человечества, то ответы: «яблоко», «яблочный», «-ого», «-ому» и «что-то еще», были бы сущей нелепостью.

Это «что-то еще» действительно интригует. Те конкурсанты, которые сконцентрировали внимание на последнем компоненте слова, пришли к общему выводу: данное «звукоподражание» подчеркивает субъективное отношение говорящего к объекту высказывания. Допустим: «Я его терпеть не могу». Или: «Он уже гнилой». Либо: «Не забудьте обработать перед едой». В равной степени оно может быть и уточнением («Что это?» — «Яблоко». — «Яблоко?» — «Да, спелое яблоко»), это сути не меняет. А учитывая, что в двух вариантах слова звукоподражание примерно одинаково, конкурсанты справедливо заметили: перед нами именно категория языка, понятная всем носителям, а не личное фырканье.

К сожалению, большинство авторов этой версии не желает анализировать предыдущие части слова, в лучшем случае отделяваясь тем, что, коль скоро меняется общая «модальность», меняется и само слово. Фантастика, конечно, способна на многое. Но заставить разумное существо разговаривать на языке, в котором один простейший объект имеет десяток наименований... впрочем, куда нас ни заносило!

Но самые невероятные планеты — это факт. Поэтому спектр экзотических версий, предложенных нашими читателями, впечатляет: здесь и разговор в разных временных плоскостях (Тэд Чан?), и язык, видоизменяющийся поминутно (Роберт Шекли+), и фонема, содержащая целое предложение, и гипнотический язык по принципу жест + звук = образ, и обонятельное, осязательное, телепатическое общение. Все это необычайно интересно, но, к сожалению, не соответствует условиям задачи.

Собственно, разгадку мы уже изложили, и читатели найдут ее подтверждение в рассказе. Остается лишь назвать победителей. Пять конкурсантов сумели увидеть не одну, а две проблемы в изучении языка инопланетян, однако двое из них взялись решать задачу экзотическим способом, третий, встав на верный путь, прошел его настолько извилисто, что запутался сам и запутал членов жюри. Таким образом, победителями становятся те, кто правильно описал обе проблемы, и указал, чем они вызваны: **В.Варакин** из Пензы и **Д.Гулевой** из Новосибирска. Третий приз за оригинальную идею получает **Е.Важенин** из Тюмени, предложивший обратную последовательность и логично ее обосновавший: именно первые три буквы/знака устанавливают категории языка, после чего следует собственно сообщение (скорее всего, сочетание слов), которое в силу различий речевого и слухового аппаратов не воспринимается землянами.

Итак, уже «расколота» конкурсантами версия автора.

С Ю З Е Т Т Х Е Й Д Е Н Э Л Д Ж И Н

МОЯ ЗЛАТАЯ ГОРДОСТЬ, ЧЕСТЬ И СЛАВА

На это великолепие стоило посмотреть. Однако Окка его ненавидела! И рада была бы смириться, но не могла, поэтому и чувствовала себя отвратительно пришибленной. Во всех направлениях, насколько хватало взора, вздымались башни Златой, сверкая россыпями бликов. «Во всех направлениях» — это на Златой означало несколько больше, чем на Земле, потому что абсолютно все строения были совершенно прозрачны: стены, полы, потолки, балки, арматура, до мельчайшей детали. Если какая конструкция на этой планете вдруг и обеспечивала клочок уединения, то, скорее всего, она была тщательно засекречена. Насколько Окка знала, ничего подобного здесь просто не существовало. С того места, где она ожидала своего мужа, она могла видеть сквозь шестьдесят шесть этажей нижней части здания и на девять этажей вверх и сквозь все стены вокруг — неизвестно на сколько километров. А когда на город опускалась тьма, вид становился просто сногшибательным. Ужасно внушительным. И для нее — всегда кошмарным.

Многие люди, обычные люди, пребывали в уверенности, что концепция города-планеты — полный бред. Ну, разве что неплохая идея-

ка для дилетантского научно-фантастического рассказика. Златая доказывала обратное. Кроме участков, занятых водными массивами или другими естественными преградами вроде гигантского ущелья, огромной горы да редких «уголков природы», буквально впаянных в плексиглас и предназначенных исключительно для осмотра, единственный город с непроизносимым названием полностью покрывал планету Златая. Это сделало возможным именовать его просто Город, наплевав на настоящее имя.

«Ты привыкнешь и через пару недель перестанешь замечать окружающий пейзаж», — говорили Окке вашингтонские начальники. И ошиблись: как только они с Юри прибыли на Златую, она испытала ужасное потрясение и пребывала в этом кошмаре все семь месяцев. Конечно, она старалась выбросить глупости из головы и даже немного преуспела, но все-таки... это по-прежнему страшно! Когда девушка смотрела вниз, ей совсем не казалось, что бесконечно простирающаяся структура уверенно поддерживает ее. Нет, Окка буквально ощущала: и она, и остальные — сидящие, лежащие, бредущие или бегущие по своим неотложным делам — болтались без руля и без ветрил в чудовищной, сверкающей огнями пустоте. Юри считал, что подобное не может не понравиться. «Завидую тебе, — сказал он как-то, когда Окка пожаловалась. — Как бы мне хотелось, чтобы ты как-нибудь поделилась со мной этим ощущением!»

Девушка закрыла глаза, чтобы хоть на время избавиться от навязчивого кошмара, и не увидела, как Юри прошел через здание, через дверь и тихонько прикоснулся к ее руке. Окка вздрогнула от неожиданности.

— Прости, милая, — сказал он, когда она открыла глаза. — Я задержался.

— Немудрено, — мягко ответила она. — Я думала, ты придешь еще позже. Скажи, насколько гнусно это было?

Юри поднял голову. Его лицо осунулось, под глазами темнели круги, на правой щеке подергивалась жилка. Окка ответила твердым взглядом, уверенная, что выглядит примерно так же.

«Парочка жалких лингвистов, — подумала она. — Во всех смыслах каждого из этих слов».

— Ужасно гнусно, Окка, — медленно произнес он, его голос звучал резко, напряженно и очень, очень устало. — Все, как обычно: вопросы, претензии... И «когда наконец можно ожидать хоть какую-нибудь полезную информацию?», и «что это за оперативная лингвистическая работа в течение семи месяцев с абсолютным нулем информации?», и «где пробный словарь или хотя бы разговорник?», и «как можно было до сих пор не сделать даже списка основных слов и выра-

жений?», и в курсе ли мы, что будущее всемогущей Корпорации Лингвистов Земли находится в наших руках, что честь человеческой расы висит на волоске, что вся КОЛИЗЕМ и прогресс всего человечества зависят от нас... И тэ дэ, и тэ пэ.

— И чем мы тут вообще занимаемся?.. — процедила Окка сквозь стиснутые зубы. — И неужели нам не стыдно?..

— Именно так.

Златянские помощники землян — две мужские особи для Юри, две женские для Окки — сидели на голом полу на коленках в углу комнаты и притворялись увлеченными разговором, но на самом деле наблюдали за людьми со своей обычной бдительностью. Окка терпеть не могла окружающее пространство, но она уже вполне свыклась с компаньонами. Она в любой момент была готова броситься вниз сквозь все эти ужасные прозрачные этажи под ней, как настаивал ее мозг; в этом случае, возможно, компаньонки удержали бы ее. Они были очень высокие и очень пластичные, а три гибкие руки наводили на мысль, что в ловле различных предметов им нет равных.

Компаньоны постоянно обретались в непосредственной близости, денно и ночью опекая землян, как добрые нянюшки. Почему? А кто их знает? Может, люди вызывали у них некие внутренние покровительственные инстинкты, как младенец приковывает к себе внимание сентиментальных гуманоидов. А может, златяне высчитали, сколько стоит содержание члена КОЛИЗЕМ на планете и не желали рисковать потерей такой дорогой вещицы, как лингвист. Может, златяне их холили и лелеяли, потому что планировали в один не слишком прекрасный день слопать их до последней косточки. Окка, конечно, так не думала, но что она знает о местной культуре, чтобы быть уверенной на все сто? Кто знает, что происходит в головах существ, у которых нет даже мысли об уединении, хотя бы ради эксперимента? Именно это кажется гораздо более чужим и непонятым, чем три руки, и именно к этому она и Юри были меньше всего способны адаптироваться. На всей Златой только она и Юри имели для уединения звуконепроницаемые складные палатки с дополнительным мягким полом, которые можно было раскрыть и установить за пару минут.

Окка понятия не имела, видят ли компаньоны, что «нетоварный» вид и физически утомленное состояние означают наличие у землян неких проблем, но она также не знала и о том, как должен выглядеть здоровый и счастливый златянин. Помощники казались ей вполне довольными: сидя на жестком голом полу, они никогда не стремились дотянуться до какой-нибудь подушки или матрасика, которые были постоянно разбросаны вокруг. Может быть, она неправильно воспринимала и истолковывала поведение аборигенов — возможно,

игнорирование мягких подстилок означало подавленность или болезнь у здешних жителей.

Если бы удалось поговорить с ними, она спросила бы их об этом. Но она не могла сказать даже «здравствуйте» или «до свидания» со стопроцентной уверенностью ни в точности смысла, ни в правильности произношения. Она даже не способна четко произнести их имена! Окка и Юри не имели никаких точных ориентиров в златянском языке, в которых были бы абсолютно уверены, кроме некоторого ассортимента звуков. Причем не полного набора звуков, которые позволили бы им наконец послать черновой анализ в штаб КОЛИЗЕМ, а лишь фонем, достаточно близких к аналогам в земных языках.

А казалось, все будет так легко и просто! Златяне появились почти по всем канонам вежливости: чтобы не стать ошеломляющим сюрпризом, предварительно, за несколько месяцев уведомили землян письмом на общеанглийском языке, давая людям время привыкнуть к мысли о визите инопланетян. Двое из экспедиции (предположительно, златянский эквивалент профессиональных лингвистов) прибыли, уже владея скромным запасом слов общеанглийского языка. Оказывается, они выучили человеческий язык, который служил средством всепланетного общения на Земле, только по наблюдениям за планетой! Все десять участников экспедиции вполне могли объясняться языком жестов, ловко используя сотню основных знаков-понятий.

Долго ли проходило наблюдение и насколько глубокими оказались исследования? Если вы человек, то от этого вопроса вам становится не по себе. Златяне были очень милы и забавны, но при этом окутаны смутной и таинственной неопределенностью. Они «немножко» осмотрели земные масс-медиа. Да еще попользовали «несколько компьютеров», неясным образом умудрившись с ними справиться. Следствием этого контакта неизбежно явилось командирование оперативной группы лингвистов-землян в гости на Златую с задачей выучить местный язык, каким бы он ни был, или же, если у них нет единого всепланетного средства общения, самый распространенный — как наиболее подходящий для межпланетной дипломатии и торговли.

Надо сказать, здешняя ситуация не имела ничего общего с первыми двумя опытами межпланетной коммуникации. Обе системы, на которые человечество случайно наткнулось, исследуя Вселенную, были совершенно иными. На одной из них существов смыхивали на почти полутораметрового богомола; на другой — на разумную синюю плесень. И никого не удивило, что лингвисты из КОЛИЗЕМ не смогли определиться с их языками. Да и вообще, очень сомнительно, что это действительно языки: поведение, принятое землянами за общение,

вполне могло оказаться чем-нибудь другим. Никто и не ожидал от КОЛИЗЕМ постижения родного языка жуков или грибов. Лингвисты верили, что ни один человек не сможет выучить негуманоидный язык, и написали десяток статей, объясняющих, почему это невозможно.

Златяне — совсем другое дело. Они были инопланетянами, но также определенно гуманоидами. Правда, у них целых три руки, две справа и одна слева, их тела и лица покрыты коротким белым мехом, они выше, чем многие люди, и очень гибкие, просто нечеловечески пластичные. Но их общий вид очень напоминал людей, их ладони и ступни не опущал мех, как и у человека, да и улыбались они почти как земляне.

Они просто были совсем другими в общем и целом.

К концу третьего месяца, когда Окка и Юри работали все напряженнее и напряженнее, продолжая топтаться на месте, Окка начала видеть кошмарные пророчества недалекого будущего. Ей снилось, что она сидит в конференц-зале в Вашингтоне лицом к лицу с ротой сенаторов. Девушка сидит одна за маленьким столиком, а все с любопытством рассматривают ее, вглядываясь с высоты своих мест, а потом кричат на нее дружным хором: «Вы всерьез пытаетесь убедить нас, что чужаки достаточно разумны для овладения человеческим языком, а мы, люди, слишком тупы и примитивны, чтобы выучить хотя бы одно из их наречий? И мы должны жить с этим позором? Это говорите нам вы, барышня?». Окка открывала рот, чтобы ответить, как она сожалеет и огорчена до глубины души, ведь именно так оно и есть, но в ту же секунду просыпалась в холодном поту, подскакивая на кровати.

А потом снился кошмар еще хуже: она встречалась с родителями Юри. Они оба тоже были лингвистами. Знаменитыми. Выдающимися. Юри пошел по их стопам, единственный и горячо любимый сын, никогда не делающий ошибок, но каким-то злосчастным образом замороченный и опутанный подлыми сетями Окки, из брака с которой ничего хорошего, естественно, не получится.

Девушка прекрасно понимала, что Юри и четверо компаньонов внимательно смотрят на нее, и улыбнулась обнадеживающей профессиональной улыбкой, которую каждый лингвист КОЛИЗЕМ тренировался выдавать по первому требованию. «Я ужасно извиняюсь, — сказала она совершенно искренне, несмотря на искусственную улыбку, потому что вряд ли Юри в данный момент обрадовался бы жене со съехавшей крышей. — День был долгим. Кажется, я просто уже засыпаю».

Одна компаньонка улыбнулась ей в ответ и подалась вперед, жестами изображая символы ЕДА и ВОПРОС; златяне легче, чем земляне, овладевали языком мимических знаков благодаря большему коли-

честву конечностей. Окка согласилась, Юри последовал ее примеру, и пальцы помощницы метнулись к компьютеру, висящему на шее, посылая заказ, который принесет их обед в специальную нишу в стене. Для Окки и Юри это означало две пачки пищевого рациона КОЛИЗЕМ из годового запаса, который они привезли с собой. Для четверых аборигенов — четыре диска с неизвестной дымящейся смесью, которая походила немного на вареные зерна, немного на овощи. Будет и что попить: по бутылочке воды и вина с Земли и почти такие же емкости неких златянских жидкостей, столь же таинственных, как и еда. К комнатному «пищепорту» блюда поступают в прозрачных контейнерах, которые сохраняют их температуру, вкусовые качества и питательные свойства до самого конца пути через все здание.

Окка вспомнила, как в первый раз попыталась узнать название какого-то овоща. Это был их второй вечер на планете. Портативные компьютеры, оснащенные сонорвходом, проделывали большую часть механической оперативной работы лингвиста: не надо делать заметок, можно просто слушать, спрашивать, отвечать и сопоставлять, твердо зная, что компьютер запишет непрерывный поток речи и сопутствующую ей жестикуляцию. Окка показала символы понятий ЧТО и ВОПРОС и указала на маленькую круглую красную штучку на тарелке компаньона.

«Ахд-скрежет тормозов», — ответил помощник.

«Ахд?» — повторила она, проверяя произношение.

Жест ДА и «Ахл-мяукающий звук».

«Ахл?» — снова проверила она.

Жест ДА от компаньона и «Арл-звук бьющейся посуды».

Окка сообразила, что выбранный ею ход был совершенно неправильным, но вновь повторять и тыкать в предмет, скорее всего, было бы невежливо. Она улыбнулась, просигналила СПАСИБО и оставила эту тему. На следующий день она обратилась по местному устройству связи к одному из златян-лингвистов, который говорил на общеанглийском.

«Интересно, почему их только двое? — думала Окка. — Почему не собираются группы по изучению языка землян? Может, общеанглийский кажется им слишком примитивным, чтобы тратить на него время? Или изучение инопланетного языка преступает религиозные табу, а если и допускается, то исключительно по специальному разрешению златянского эквивалента церкви? Или аборигены в большинстве своем не способны выучить столь сложный язык, а эти двое, посланные на Землю, оказались просто феноменами?»

— У меня проблемы с одним словом, — пожаловалась Окка, описала маленький овощ и спросила его местное название.

- Алк-шум вентилятора.
- Алк?
- Да. Ахл.
- Повторите, пожалуйста, еще раз.
- Конечно. Ах-*краткое мяуканье*.

Что-то вроде этого бывало на оперативной работе на Земле. Иногда слово произносилось «ба», а иногда «ва». Слышишь «ба», проверяешь: «Ба?» и получаешь в ответ: «Да. Ва». Это означает, что два очень похожих звука В и Б в этом языке едины, и лингвист достаточно быстро мирится с этим. Но никогда не бывало такой ситуации, когда звук иногда звучал как Д, иногда как Л, а иногда как звук разбитой чашки или мяуканья кошки. Никогда еще не бывало, чтобы два лингвиста, одновременно слушающие одно слово, воспринимали его по-разному: один слышит Б, другой слышит «мяу» одновременно. Такого просто не может быть. Устная речь является определенным набором звуков, и человеческий мозг улавливает их, распознает, сравнивает и тщательно сортирует. Может, у местного языка нет определенного набора звуков?

— Но это же точно язык общения, — убеждал Юри и жену, и вашингтонское начальство. — Мы видим, что они на нем именно общаются. Постоянно. Безо всяких сомнений. Те двое, которые говорят по-нашему, утверждают, что это именно язык.

— А может быть, они нас обманывают? — однажды спросила Окка.

Юри уставился на нее.

— Нет, — раздраженно сказал он. — Конечно, нет. Только ты могла предположить что-то в этом роде! — Но потом улыбнулся, нежно погладил ее щеку и сказал: — И это одна из причин, почему тебя послали вместе со мной.

— Думаешь, основной причиной были не мои выдающиеся способности к математическому анализу и абстрактной логике?

— Нет, милая. Ни то, ни другое.

И правда. Подобными талантами обладал и Юри. Сила Окки была в ее способности добраться из пункта «А» в пункт «Я» тропами, которых другие лингвисты решительно избегали, в основном из-за невозможности внятно объяснить их суть, а также из-за недостатка требуемой усидчивости и кропотливости. Тем не менее нетрадиционные пути обычно приводили Окку к нужному результату.

Обычно. Но не сейчас. На этот раз родители Юри оказались правы. Они обратились в КОЛИЗЕМ с просьбой послать еще одного теоретика вместе с Юри и Оккой, «чтобы обеспечить необходимый ба-

ланс, потому что это страшно важно». Они сделали это обращение прямо в присутствии Окки, без малейших колебаний. Это было рационально и корректно; чувства Окки ничего не значили в деле, когда на карту поставлена честь всего человечества.

КОЛИЗЕМ отказалась послать третьего лингвиста. На решение повлияли не чувства женщины, а деньги корпорации.

— Каждый год нам урезают бюджет, — сказал шеф. — В конце концов, мы только и делаем, что беседуем, верно? Насколько важным это может оказаться? Выбить финансирование, чтобы послать команду даже из двух человек, было чертовски непросто, и если хотите знать, я все еще продолжаю практику базарной торговли здесь, в Вашингтоне. Трое — это совершенно немыслимо.

— Тогда отправьте Юри и другого лингвиста-теоретика, — немедленноотреагировала свекровь Окки.

— Нет, поедет Окка. Это лучшая наша команда, они великолепно работают вдвоем. Они раскололи такие языки, которые никто даже не брался анализировать. Они это сделают!

Они это сделают! Было горько даже мысленно повторить это. «Лучшая команда» не справилась, а когда прикажут вернуться на Землю, будет дискредитирована не только Окка — она уже как-то свыклась с этой мыслью, — но и Юри. Талантливый человек последовал семейной традиции и стал лингвистом, а теперь предмет вечной гордости родителей будет — из-за глупой жены, разумеется — опозорен. Вот так оскорбленные предки увидят сложившуюся ситуацию... И никогда не простят Окку. И возможно, Юри тоже никогда не простит ее. В их семье никогда не было плохого лингвиста, а традиция насчитывает уже четыре поколения.

Это непременно язык. Поэтому должен быть набор звуков. И я должна найти их.

Эти три четких утверждения постоянно стучали в голове Окки, в такт биению сердца.

Но главным для девушки была не дискредитация в корпорации, а непреклонная ненависть свекра и свекрови, ставящая под угрозу совместную жизнь с любимым супругом. Она знала, что Юри на подобную постановку вопросаотреагирует примерно так: «И ты можешь думать о себе в сложившейся ситуации?! Мы не способны выучить златянский, даже прокорпев месяцы! И это мы, лучшая команда лингвистов КОЛИЗЕМ! А златяне почти в совершенстве выучили один из наших, и безо всякого погружения в среду! Им потребовалось всего-навсего слушать наше общение по своим коммуникационным приборам, или какие там прибабасы они используют. Как человечеству жить с этим дальше?».

Должна же тут быть какая-то система. И я обязана ее выстроить!

Иногда Окка ловила себя на странной мысли: она жаждала, чтобы поверхность под ней вдруг исчезла и позволила падать сквозь здание, мимо удивленно глазающих со всех этажей златян, лететь навстречу своей смерти. Девушка старалась поглубже упрятать это желание, но случалось так, что оно ни с того ни с сего на минутку возникало вновь, а бывали времена, когда и не на минутку. Вот и сейчас ощущение страха не проходило. Как она переживет грядущие события? Наверняка ей будет ужасно тяжело. Где найти силы измученной душе?..

На следующий день предстояло возвращение домой, на Землю. Там ждали справедливые требования, а невозможность их выполнения вводила Окку в ступор. Она была беспомощна, совершенно неспособна встретиться с руководством КОЛИЗЕМ лицом к лицу. Весь вечер она находилась в оцепенении, пытаясь настроить себя на сопротивление едким замечаниям, собрать остатки воли в кулак, как она обычно делала перед заседаниями корпорации. Юри намеревался провести последний вечер, а то и всю ночь за компьютером, отчаянно пытаясь найти хоть какую-то не замененную раньше мелочь, которая могла бы оказаться ключом. У Окки же больше не осталось ни надежд, ни чаяний; она так устала и настолько пала духом, что даже не смогла бы логически связать пару мыслей.

«Сдаюсь, — подумала она. — Тут больше нечего делать, так зачем продолжать бесполезные поиски? Мы уже доказали нашу несостоятельность. Поиграю-ка я лучше на гитаре, в этом по крайней мере есть смысл».

Разумеется, столь смелые речи Окка вела лишь мысленно, исключительно для самоутешения. Никакого рационального аргумента в пользу музицирования, естественно, не имелось. Просто-напросто она сдалась. Она была раздавлена поражением, презирала себя за слабость, и ядовитый коктейль мыслей и чувств лишил ее возможности заснуть. Вот поэтому она поиграет на гитаре.

Девушка села на пол, бережно вынула из футляра маленькую гитару, настроила давно не используемый инструмент и сыграла простенькую детскую песенку. Знакомая мелодия не заглушила глубокой печали. Тогда Окка открыла папку с новыми пьесами, решив разобрать сложную мелодию, — возможно, это отвлечет ее от досадных размышлений, — и для удобства пристроила нотный лист на уровне глаз.

Пьеса называлась «Космический карнавал». Кажется, ее будет трудно сыграть. Размер пять шестых... Какой урод пишет на пять шестых? А эти паузы! Окка, сердито нахмутив брови, смотрела на страницу, испещренную безобразными значками пауз. Ну зачем писать музыку с такой кошмарной кучей пауз?

Куча пауз...

Она оставилась на страницу, затаив дыхание.

Паузы!

Окка прыгнула из пункта «А» в пункт «Я».

Девушка стремительно поднялась, уронила гитару и, не озаботившись судьбой инструмента, бегом бросилась к мужу. А стоило Юри обернуться к ней со словами, что ему надо продолжать работать, умоляя не сбивать его с мысли, когда время так дорого, она подошла к нему вплотную и закрыла обеими руками его рот.

— Тихо! — резко сказала она. — Молчи!

Его глаза удивленно расширились, и она убрала руки.

— Извини, Юри, — мягко поправилась Окка. — Я имела в виду, пожалуйста, ничего не говори. Пожалуйста, послушай меня! Юри, мне кажется, я знаю, что делать!..

Объяснение с сенаторами прошло гораздо проще, чем с родителями Юри. Государственные мужи почти не перебивали ее, выражались достаточно корректно и порой высказывали справедливое одобрение. Свекровь же злобоилась:

— А не приходила ли тебе в голову светлая мысль, девочка, что будет гораздо достойнее признать: эту задачку разрешил именно Юри?

— Или хотя бы сказать, — чуть уступил свекор, — что вы справились с проблемой вместе?

Потомственные лингвисты никогда не простят Окке подобной уверенной самостоятельности. Если очень повезет, по крайней мере ее простит сам Юри — он твердил, что не возражает против ее личной заслуги, подчеркивал значение научной точности и профессиональной этики, уверял в правильности ее поступка. Сенаторы, по сравнению с семьей, слушали почти уважительно.

— Проблема в том, — Окка, старалась говорить как можно проще, — что все люди разговаривают на языках, состоящих из гласных и согласных звуков. Ничего другого нет.* Можно многое сделать с гласными и согласными, но это все, с чем можно работать. Златянский язык, — мы назвали его Моль, потому что в оригинальном названии есть похожее звуко сочетание, — тоже содержит гласные и согласные. Но в нем имеется еще и нечто, не являющееся частью человеческого языка. Когда человеческий мозг слышит элемент этого ЧЕГО-ТО, он отчаянно пытается классифицировать его по своим стандартам, поэтому

* Это утверждение неверно. В Полинезии, например, есть племя, члены которого общаются при помощи свиста. В их языке около трехсот понятий. (Прим. ред.)

лингвист слышит что-то другое, не похожее на привычные звуки, и каждый раз по-иному.

Ближайший к ней сенатор нахмурил брови и потер ладошкой лоб.

— Не понял, профессор, — сказал он, заглушая Окку. — Все звуки, о которых вы говорите — битые тарелки, мяуканье и так далее, — у нас на Земле они есть, верно? Но мы знаем, что это просто шум. Почему же мы не слышим четко каждый из подобных шумов в этом, как его, Моле? Почему всегда по-разному? Мы же способны это слышать! Не могу понять!

— А вот в этом и заключается суть, — ответила Окка. — Человеческие существа «заточены» для человеческих языков. Наш мозг на нейронном уровне может распознавать только определенные звуки и образы, а также их многочисленные комбинации, то есть различные языки. Он не в состоянии ни представить ничего принципиально иного, ни распознать, ни правильно квалифицировать. Вокруг нас целая вселенная звуков, как вы правильно отметили. Столкнувшись с местными данными, мы разделили звуки на языковые и неязыковые. Следующим этапом мы поделили языковые звуки на гласные и согласные, но совершенно не можем представить наличие здесь чего-то еще, что является частью языка. Для златян оно есть, это неизвестное нечто, а мы даже не имеем о нем представления.

Но если бы вопрос был только в этом! — продолжала она. — Мы столкнулись разом с двумя проблемами, которые к тому же взаимодействуют в языке, а для нас накладываются друг на друга. Как вы знаете, и на Земле нет двух носителей языка, которые произносили бы звуки совершенно идентично. Но человек способен понять даже дефектную речь собеседника, если знает контекст разговора. Мы же в общении со златянами не обладали базовым количеством понятий и к тому же имели дело с абсолютно иным артикуляционным аппаратом, и потому каждое слово звучало для нас в устах последующего собеседника как новое. Представьте, что вы пытаетесь изучить экзотический язык на слух в логопедическом кабинете с пациентами, но без врача — эффект будет тот же.

— А вторая проблема — это ваше «нечто»? — все-таки сумел вклиниться в ее речь сенатор.

— Совершенно верно. Это неязыковое сочетание звуков, воспринимаемое нами как шум, которое несет для златян какую-то смысловую нагрузку.

— Какую же?

— Пока мы этого не знаем, пока мы убедились лишь в том, что эти шумы повторяемы — в широком для нашего слухового аппарата диапазоне. То, что мы идентифицируем чаще всего, как звук бьющегося сте-

кла, скрежет, кошачье мяуканье, присутствует в качестве дополнения ко многим лексическим единицам, но главное, что это сочетание звуков регулярно... Здесь может быть все, что угодно. Возможно, мяуканье переводит слово в бытовой пласт языка, а хруст стекла — в официальную лексику. Быть может, один «шум» вводит категорию времени — допустим, гнилой фрукт, древний дом, давнишнее событие, а другой «шум» предполагает оценку данного понятия носителем языка: нравится — не нравится, хочу — не хочу... Для нас же проблемой оказалось то, что подобное сложное звуко сочетание меняет в произношении либо одну, либо две последние фонемы — как в славянских языках существует правило «озвончения-оглушения» согласных в зависимости от позиции в слове, или правило их «твердости-мягкости» в европейских языках, или редуцирование гласных... Кстати, гласные в златянском остаются почти неизменными, с поправкой на индивидуальные особенности произношения, что и позволило понять логику их языка.

— Но если все обстоит именно так, как вы говорите, — задумчиво произнес сенатор, — то мы никогда не сумеем понять их. То есть все обещание будет на земном, а их язык окажется нам недоступен.

— Почему же? Теперь, когда мы знаем, что у них есть и гласные, и согласные, составляющие основу речи, мы с помощью компьютера сумеем вычленить базовые параметры этих звуков или фонем — просто для этого нам нужны не два носителя языка, а сто, триста или пятьсот.

— Допустим... но мы ведь все равно не поймем, что значит их «шум».

— А мы спросим!

— Как это? — удивился сенатор.

— На данном этапе это не важно! Язык, конечно, сложный, но его проблемы, когда их поймешь, решаются достаточно просто. В музыке, например, если часть мелодии — тишина, мы используем символ «пауза», чтобы это записать. Я смотрела музыкальную пьесу, полную таких значков, и вдруг поняла, что рисунок мелодии можно понять, даже если полностью убрать паузы. Так и с Модем: мы бились над тем, как разобраться в звуко сочетаниях, а их можно попросту игнорировать! Мы получаем стержневое значение слова, и этого будет вполне достаточно.

— Но мы ведь никогда не сумеем произносить их слова и уж тем более, как вы выразились, звуко сочетания! — воскликнул сенатор.

— Не все так печально: можно найти уникамов, которые на это способны... А нужно ли это? Наша новая акустическая программа для портативного компьютера улавливает Моля, а затем печатает транскрипцию фразы и перевод. В очень скором времени она будет точнее, потому что мы уже работаем с грамматикой.

— А если вы хотите что-нибудь сказать златянам на Моле?

— Без проблем. Вы говорите на общеанглийском, компьютер-переводчик выводит транскрипцию на Моле, и вы показываете готовый текст златянам. Значки «пауз» заменяются компьютерными «решеточками». Ведь каждый из нас, носителей английского языка, может с легкостью прочесть текст с пропусками букв или, скажем, с заляпанного каплями кофе листа. Вот и златяне свободно прочтут фразы на родном языке, даже если в нем полно «решеточек». Несовершенно, не слишком элегантно, конечно, но это работает.

— Уверены?

— Абсолютно, сенатор.

— И мы никогда не сможем говорить на нем? Даже если КОЛИ-ЗЕМ получит достаточные ассигнования, чтобы нанять больше лингвистов для работы?

— Человеческий мозг не может воспринимать и воспроизводить эти шумы, сенатор. Ну и что? У меня и руки всего две, а не три, но я вовсе не переживаю по этому поводу. Разные гуманоидные расы имеют свои особенности — так и должно быть.

Члены комиссии задумались — Окка буквально видела, как они постепенно приходят к некоему логическому выводу. И чтобы не допустить озвучивания нежелательного вердикта, девушка решила и заговорила:

— Тем не менее дополнительное финансирование необходимо, — солгала она, — нам нужно привлечь больше лингвистов для работы над новым языком. Чем больше мы узнаем о структуре этого средства общения, тем вероятнее эффективность изучения и положительный результат в работе с лингвистическими структурами других планет, где обнаружится жизнь. И мы не будем выглядеть баранами перед новыми воротами, а сможем ярко демонстрировать блеск человеческого разума!

Она намеренно лгала. Вряд ли хоть что-то, извлеченное из необъятного моря информации о языке златян, пригодится в работе со следующим инопланетным гуманоидным языком. Выражение лица девушки было спокойным и уверенным — решалось будущее лингвистики Земли.

Маленькая ложь — пункт «А». Окка не знала, каким будет пункт «Я», но была уверена: к нему стоит стремиться.

Перевела с английского
Татьяна МУРИНА

Теперь, когда мы познакомились с теоретическими выкладками автора, нам стало понятно, что первая проблема златянского языка копирует земные (естественно, в утрированном виде), а вторая, как мы и предупреждали конкурсантов, не имеет аналогов в нашей устной речи. Хотя в письменном бытовании это можно представить: в некоторых системах идеографической и иероглифической письменности дополнение к основному знаку либо уточняет смысл, либо даже меняет его. Но дистанция между письменной и устной речью — огромной протяженности.

Об этом и хотелось бы поговорить. Да стоило бы суперлингвистам, оснащенным компьютером и сканером, заняться письменностью инопланетян (а раса, вышедшая в космос, не может ее не иметь), как они разобрались бы с местным языком за две недели! Никакого «кабинета логопеда» не потребовалось бы: звук/фонема соответствует определенному знаку/букве вне зависимости от произношения. Письменность есть главный унификатор во всех земных языках, и никаких фантастических вводных в этом смысле автор не дает.

Однако это была бы одна версия из трех, а в двух остальных, как мы думали, содержались бы варианты решения вопроса, напрочь игнорируемого фантастами. Суть в том, что писательница, быть может, сама того не ведая, поставила интереснейшую НФ-проблему — проблему речевой коммуникации. Вспомним сотни про-изведений, в которых герой, попадая волею судеб на чуждую планету или в иной мир, за пару месяцев без всякой аппаратуры изучает туземный дописменный язык. А каким, собственно говоря, образом, если физиологически автохтоны отличаются от землян? Да будь туземцы хоть трижды гуманоиды, но коли есть существенные физиологические различия, то они неизбежно затрагивают речевую и слуховую системы (артикуляцию и ухо), а в таком случае возможен ли контакт вообще?

Если у участников конкурса есть соображения по этому поводу, мы с удовольствием познакомимся с их идеями. Хотя, наверное, с такими вводными эта вполне реальная проблема не имеет решения.

Ну а нам пора заняться следующей задачей.

Этот этап оказался для конкурсантов слишком легким, поэтому предлагаем вам принципиально иную проблему. Сегодня мы будем анализировать не логику события или явления, где вы, несомненно, мастера, а логику характера, который и является «автором» событий.

Поскольку речь идет о характере, то мы предлагаем вам экспозицию рассказа из известного американского фантаста целиком.

В течение многих лет она была их соседкой. И только. Она подпадала именно под эту категорию: одинокая женщина, питающая страсть к долгим прогулкам, приводившим ее в самые отдаленные уголки их маленького городка. Должно быть, за это время каждый житель успел узнать ее — по крайней мере, в лицо. Сначала она выглядела лет на тридцать, потом на сорок: миниатюрное костлявое создание с длинными черными, от-

ливающими фиолетовым волосами, умными серыми глазами и римским носом. Лицо достаточно приятное, чтобы кое-кто из мужчин обратил на нее внимание, но не настолько привлекательное, чтобы местные женушки посчитали ее угрозой своему семейному счастью. В холодную погоду она носила мешковатые пальто и высокие сапоги, тем более, что в этих северных широтах зима частенько задерживается. Этот городок был одним из новых поселений, рожденных во время очень теплого века — община, возникшая посреди того, что было когда-то раскидистым хвойным лесом и торфяными болотами. Сто тысяч человек мигрировали с душного, перенаселенного юга, гонимые слухами о дешевизне земли и ностальгией по настоящим зимам. Теперь на месте леса вырос современный город — чистенький, живописный, выдержанный в едином стиле и, несмотря на некоторое архитектурное однообразие, на удивление красивый.

Семьи у женщины не было. Жила она в крошечном домике рядом с самым большим городским парком. И все же ее двор занимал несколько гектаров каменистой почвы, но в отличие от остальных владельцев, она сохранила здесь островок хвойного леса. Одно это выделяло ее из остальных обитателей. Даже если люди не узнавали ее, достаточно было упомянуть «Дом рождественских елей», и все понимали, о чем идет речь. Темные, голубовато-зеленые деревья, окруженные простым палисадником, не позволяли увидеть дом и его хозяйку даже с самого хитрого наблюдательного пункта.

И все-таки ближайшие соседи знали о ней намного больше остальных горожан, что казалось вполне естественным. Они, по крайней мере, видели женщину довольно часто и в определенное время, а кроме того, за все эти годы им не раз удавалось поговорить с ней. Впрочем, обычно она была неизменно любезна, улыбалась, болтала о пустяках и даже соглашалась отвечать на самые назойливые вопросы. Было известно, что зовут ее Бренда Лайлз и она человек искусства. Какого именно, оставалось тайной. Постепенно люди остановились на «поэтессе». Сама мисс Лайлз употребляла именно это слово, и никогда не разубеждала человека, воспользовавшегося им в ее присутствии. Но в отличие от немногих местных поэтов, она не преподавала в городском колледже. Никто не знал ни названий ее произведений, ни псевдонима, под которым она печаталась. Некоторые намекали, что она просто чудачка, носившая звание поэта как своеобразный камуфляж. Но тут одна из ее ближайших соседок ухитрилась узнать нечто невероятное. Женщина действительно была поэтессой, вот только работала отнюдь не со старомодными словами. И все, что она создала с самого детства, так и не удостоилось чести появиться в печатных изданиях.

Соседка мисс Лайлз была пожилой женщиной, родом с Гаити, и, прежде чем приехать сюда, жила в Орландо. Руби слыла человеком об-

щительным, настойчивым (в некоторых случаях даже чересчур). Узнав о Бренде самую чуточку, она захотела вынюхать все. Одним летним днем под предлогом поисков сбежавшего кота — как позже выяснилось, несуществующего — старушка сумела проникнуть во двор и нашла поэтессу в необычайно разговорчивом настроении.

Женщины остановились на маленькой полянке посреди густых елей. Над ними раскинулся раздвижной экран, поглощавший большую часть солнечных лучей и использующий эту дешевую энергию, чтобы охладить воздух внизу, иначе ели просто сгорели бы и погибли. Бренда объясняла эту технологию в терминах, способных испугать любого поэта. Это были абсолютно бездушные выражения, в которых упоминались фотоны, микроклимат и фотосинтез, — а потом с нежностью, граничившей с истинной любовью, призналась:

— Это мои любимые деревья. Ели всегда умирают последними, прежде чем холод убьет все живое.

Руби подумала, что еще не встречала столь оригинального создания, но тут же решила не обращать внимания на некоторую неловкость. Поэты — люди необычные, со странностями.

Стараясь не забывать об этом, она изобразила широкую улыбку и участливо осведомилась:

— Вы сейчас работаете над чем-то новым?

— Как всегда, — весело бросила поэтесса.

«Над чем именно?» — едва не спросила старушка, но все же сдержалась, вынудив себя сохранять терпеливое молчание.

И уловка сработала.

Поэтессу вдруг прорвало. Годы тяжелого, изнурительного труда вылились в несколько решительно непоэтичных предложений.

— Я использую нанотехнологические методики, чтобы написать эпическую поэму на непостоянном субстрате. Пока что моя работа существует в компьютере, но позже я использую лед в качестве материала. Вернее, чтобы быть уже совсем точной, не лед, а снег.

— Снег? — пробормотала соседка.

Услышав это слово из уст постороннего человека, поэтесса улыбнулась. И, отвечая на вопрос, задать который собеседнице в голову бы не пришло, добавила:

— Сама жизнь непостоянна — в точности, как искусство. Все это временные состояния. Так почему бы с радостью не приветствовать само понятие временного?

И что, спрашивается, все это означает, черт побери?

Еще один вопрос, который мог быть задан, но не был, повис в воздухе. И никто не подумал его задать: ни пожилая сплетница с воображаемым котом, ни те, с кем Бренда говорила в последующие недели и

месяцы. Ближайшие соседи откровенно веселились. Немногих одолевало любопытство. Но любопытство улеглось, и всю следующую зиму, весну и долгое северное лето Бренда Лайлз снова стала не более чем привычной фигурой, бредущей по городу. И с каждым днем ее стареющее лицо становилось все более отчужденным. Более сосредоточенным. Более страстным.

Лето заканчивалось, а вместе с ним растаяла и замкнутость Бренды. Она вдруг снова заулыбалась и, гуляя по улицам, тихо разговаривала сама с собой спокойным решительным тоном, что заставляло усомниться в ее здравом рассудке.

Осенью местная новостная монополия получила голографическую брошюру вместе с написанной от руки запиской. Записку прислал нанопредприниматель, известный своим пристрастием к изящным искусствам.

«Она одна из ваших, — писал он мелким, неартистичным почерком. — Возможно, вы захотите сделать о ней короткую программу перед главным событием».

«Событие» оказалось темой изысканно оформленной брошюры.

Тут же было сделано несколько звонков в спонсирующий фонд. Еще больше звонков досталось на долю Бренды Лайлз. За звонками последовали e-мейлы и, наконец, открытка, подписанная репортерами, гением фотокамеры и доведенными до отчаяния редакторами.

«Мы хотели бы сделать программу о вас и вашей жизни, — гласила открытка. — В любое, удобное для вас время, разумеется».

Но все мольбы оставались без ответа. Идея сделать программу почти забылась. Но однажды в холодный ноябрьский денек в главной студии появилась поэтесса, наряженная в длинное коричневое пальто, знавшее лучшие дни, и высокие грязные сапоги. Лицо осунулось, но выглядело спокойным и сдержанным.

— Теперь самое удобное время, — объявила она. — Если желаете взять интервью, сделаем это немедленно.

Назавтра поэтесса из обыденной фигуры превратилась в самую знаменитую жительницу маленького городка.

— Замысел этот появился двадцать лет назад, — объяснила она. — Но сфера моей деятельности и необходимые технологии... короче говоря, было немало долгих задержек и больших технических проблем, не говоря уже о самых простых, старомодных трудностях в написании этой проклятой поэмы.

Некоторые очень удивились таким речам. Но у настоящих поэтов рот, как помойка! Это известно всем!

— Вы пишете на снегу, — упомянул журналист, заглядывая в поблескивавшую на его коленях брошюру. — И то, что случится...

— Я пишу снегом, — поправила она и, схватив брошюру, стала перелистывать, пока не остановилась на последней главе.

— Каждая снежинка — слово, — пояснила она. — Каждое слово написано на изобретенном мной языке.

Она принялась сыпать сложнейшими математическими терминами и, не успев ведущий опомниться, похвасталась:

— На свете не сыщется и сотни людей, способных прочитав эту работу. А из этой сотни едва ли пятеро ее поймут.

Ведущий тупо уставился на странную особу.

«К чему тогда стараться?» — едва не сорвалось у него с языка.

Но поэтесса продолжала распространяться далее, радостно сообщая, что вся поэма будет состоять ровно из тысячи трех слов и что из-за капризов погоды и хаотического падения снежинок последние соберутся в нужном порядке и в требуемом расположении строк всего пять или шесть раз на всем холсте.

— Холсте, — повторил ведущий и, чтобы хоть как-то прояснить ситуацию зрителям, уточнил: — Вы имеете в виду город?

— Да, — бросила она тоном, подразумевающим «разве это не очевидно?».

— Этот снег... это явление... должен накрыть наш город где-то в январе. Таков ваш план?

— Да, если не будет каких-то осложнений.

По мнению ведущего, все это было глупо, смехотворно, совершенно нелепо. Но история на этом не кончалась.

— Насколько я понимаю, подобная работа будет знаменательным событием, и не только для нашего города. За нами станет следить почти весь мир искусства, — заметил ведущий, многозначительно кивая.

— Просто весь мир, — поправила Бренда. Сейчас она была «артисткой» и главной исполнительницей, поэтому накануне своего шоу дрожала от нетерпения. — Да, это будет знаменательным событием. Спектаклем. Ничего подобного не было раньше и не будет позже, а этот крошечный поселок войдет в историю.

Задаем самый общий вопрос: ЧТО ПРЕДПРИНЯЛА ГЕРОИНЯ? И второй — сущностный для этой задачи: КАК ОТРЕАГИРОВАЛИ ЖИТЕЛИ ГОРОДА?

Понятно, что версий здесь может быть множество, ведь мы говорим о характере. Всё в тексте — дама чуть истеричная и декадентствующая, да плюс к тому технически подкованная.

Победителей ждет комплект из трех новых фантастических книг. Хотя суть игры, конечно же, не в этом: гораздо интереснее размышлять, чем получать.

Ждем ваших писем.

Жюри конкурса

ПРОПАВШИЙ В ПЕСКАХ

Много экзотических миров со своей экологией, природой, историей и культурой придумали за последние полтора века фантасты, но этот стоит особняком. Планета-пустыня — с ее гигантскими червями, скрытым в недрах Снадобьем, позволяющим предвидеть будущее, и свободолобивыми аборигенами-фременами, ожидающими своего мессию-освободителя. Где-то там, за пределами планеты творится «большая» галактическая политика, но средоточием, узлом, на который завязаны все нити в Галактической империи, оказываются эти бесконечные песчаные пустыни. Читателю научной фантастики не нужно напоминать имя планеты. Как и фамилию ее создателя, которому в сентябре этого года исполнилось бы 85 лет.

«Пусть вас не вводит в заблуждение тот факт, что он был рожден на Каладане и первые пятнадцать лет жизни провел там. Арракис, планета, известная также под именем Дюна, навечно осталась его миром». Слова, сказанные о герое романа «Дюна», в полной мере могут быть отнесены и к автору — американскому писателю Фрэнку Герберту. Он написал еще много всего, но любую его книгу читатели и критики с неизбежностью сравнивали с эталоном — циклом о песчаной планете.

Можно как угодно относиться к социополитическим, культурологическим, экологическим и религиозным воззрениям создателя «Дюны», но в одном ему не откажут ни сторонники, ни противники. Герберт создал настоящий Мир — огромный, эволюционирующий, многослойный, развернутый в пространстве и во времени, населенный людьми и

культурами. И увлекательно поведал нам его историю, столь же богатую деталями, парадоксами, уроками, взлетами и трагедиями, прозрениями и глупостями и оставленными без ответа вопросами, как наша собственная. Причем рассказал обо всем с позиций историка еще более отдаленной эпохи, когда описываемые события успели превратиться в седую старину, покрыться маревом неизбежного мифотворчества, преувеличений и поздних наслоений. И уже не разберешь, где реальные события, а где миф, легенда...

Фрэнк Патрик Герберт родился в Такоме (штат Вашингтон) 8 октября 1920 года. Отец будущего писателя также звался Фрэнком Гербертом и владел небольшой автобусной компанией, а затем служил патрульным полицейским на шоссе; мать большую часть времени занималась домашним хозяйством. Дет-

ство Герберта–младшего прошло на берегах заливов, которых было немало в северо–западной части штата. Хотя у родителей никогда не было фермы, жизнь текла совсем деревенская: как вспоминал писатель, «в этих малонаселенных местах невозможно было выжить без собственных цыплят и коровы».

Систематического образования Герберт не получил. Он проучился один год в Университете штата Вашингтон в Сиэтле, а потом бросил учебу и зарабатывал на жизнь, чем придется. Первую постоянную работу — репортера в провинциальной газете — будущий писатель получил в 18 лет, слегка приврав в анкетной графе о возрасте и умолчав о незаконных «загулах» в соседнюю Мексику.

Потом началась война, и молодого журналиста призвали в армию. Отслужив четыре года на флоте, Герберт демобилизовался и вернулся в родные края, к журналистике. Он переменял десяток газет в соседнем штате Орегон, а с 1959 года работал в одной из ведущих газет Западного побережья, «The San Francisco Chronicle», которую не покинул даже после выхода в свет прославившей его «Дюны»!

Параллельно Герберт увлекся политической деятельностью, выполняя работу спичрайтера в штате различных избирательных кампаний. А в 1954 году, находясь уже в столичном Вашингтоне, даже сам претендовал на губернаторский пост в одном из американских островных владений в Тихом океане — на Са-

моа. Как вспоминал несостоявшийся губернатор, «я тогда был на волосок от назначения». Интересно, на какой цикл натолкнуло бы его пребывание на островах, посреди бескрайнего океана — во всяком случае, о песчаной планете мы в таком раскладе вряд ли услышали бы... А еще Герберт короткое время преподавал в своей alma mater — Университете штата Вашингтон в Такоме, работал консультантом по экологическим вопросам в Фонде Линкольна, совершая служебные командировки во Вьетнам и Пакистан.

И лишь в 1970 году, став профессиональным писателем, он окончательно удалился в родной штат, купил себе небольшую ферму в Форт–Таунсенде и организовал на ней, по его собственным словам, «демонстрационный экопроект, идеальную модель технокрестьянства». «Проект» органично совмещал бассейн с подогреваемой водой, сауну, компьютеры и прочую электронику с ветряными двигателями, теплицей, работающей на солнечной энергии, а также спортзалом, прудом для уток, установками искусственного климата и переработки птичьего помета в метан, которым, собственно, и отапливалась «экосистема».

Можно добавить, что Герберт был дважды женат, имел троих детей, один из которых также стал писателем–фантастом. Носил окладистую бороду, был малообщительным, ничем особенным не болел — и скорострительно скончался в 1986 году. Обычная жизнь, не балу-

ющая исследователя какими-то невероятными эпизодами, если не считать книги, в 1965 году вынырнувшей на поверхность из каких-то неведомых нам глубин.

* * *

Мысль стать писателем пришла к Герберту, по его детским воспоминаниям, примерно в восьмилетнем возрасте: «За одним из завтраков я вдруг решил, что буду писать». А печататься он начал сразу после войны, опубликовав несколько рассказов в журналах, но так и не раскрыв своим биографам псевдонимы, под которыми были напечатаны эти рассказы. Гордиться было нечем: «Писал я их, — вспоминал Герберт, — исключительно ради денег».

В 1944 году начинающий автор прослышал, что нью-йоркский агент Лартон Блассингейм ищет новых клиентов, и немедленно послал ему рукописи, которые были приняты с интересом. Но лишь спустя восемь лет был опубликован первый научно-фантастический рассказ Фрэнка Герберта «Что-то ищите?» (1952).

После десятка рассказов, прошедших почти незамеченными*, Герберт до «Дюны» успел опубликовать один приметный роман — «Дракон в море» (1954; 1956). История экипажа атомной субмарины (дело происходило в недалеком будущем) принесла автору успех, в

том числе и скандальный. Почти повторился казус с рассказом «Линия жизни» Клива Картмилла, который вошел в историю, в основном, благодаря догадке относительно боевого использования ядерного оружия. Напомню, что автор высказал ее и подробнейшим образом расписал устройство атомной бомбы в 1944 году, когда в детали сверхсекретного «Манхэттенского» проекта американцы не сочли нужным посвятить даже Черчилля!

История о том, как в редакцию кэмпбелловского журнала «As-tounding Science Fiction» нагрянули агенты ФБР разобраться, каким образом произошла «утечка секретной информации», — общеизвестна. Во всяком случае, читателям научной фантастики. Однако не все, вероятно, знают, что аналогичный визит представителей «органов» грозил и Фрэнку Герберту — но, к счастью, пронесло... Снова писатель-фантаст «провинился» тем, что чуть забежал вперед. Спуск на воду (точнее — под воду) первой в мире атомной подводной лодки «Наутилус» был намечен на конец 1954 года, и до той поры все технические детали проекта были тщательно засекречены. А тут какой-то фантаст подробнейшим образом выбалтывает военные секреты в паршивом журнальчике!

Именно так оценил публикацию автор анонимного письма, направ-

* Если не считать вышедшего в 1954 году произвольного рассказа «Пропащие псы», герой которого — последний представитель собачьего племени на Земле, поскольку всех остальных скопил неведомый вирус. (Здесь и далее прим. авт.)

ленного в соответствующие инстанции и подписанного «отставным офицером ВМФ». В письме автор рассказа был прямо назван изменником родины и коммунистическим агентом. А времена тогда были лихие, Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности трудилась, не покладая рук, и не миновать бы писателю трибунала современных инквизиторов, если бы... Если бы не разительные расхождения в его описаниях выдуманной субмарины (прослужив во флоте, Герберт и обычных-то, дизельных, в глаза не видел) и реального проекта «Наутилус».

* * *

Идея романа возникла у него еще в 1958 году, во время журналистской командировки на исследовательскую станцию в штат Орегон, где репортеру Герберту потребовалось собрать материал об экспериментах по контролю за движением песка в прибрежных дюнах. Сначала были написаны две повести — «Мир Дюны» и «Пророк Дюны», прошедшие журнальными сериалами в 1963 — 1965 годах. А когда автор объединил их в один роман, то поначалу не смог никуда пристроить. В основном, из-за объема — хотя в ответах-отказах из издательств Герберту прозрачно намекали еще и на «перегруженность сюжетными линиями и героями». Действительно, в середине 1960-х гигантский тома в четыре сотни страниц представлялся для среднего читателя фантастики чтением

непосильным — по крайней мере, так полагали все редакторы, которые не один год занимались этой литературой и считали, будто знают, что к чему.

Впрочем, исключение все же нашлось. Один человек поверил в Герберта сразу и безоговорочно — это был покойный Дональд Уоллхейм, который в те годы вел научную фантастику в издательстве «Ace Books», выпускавшем книги в мягких обложках. Когда Уоллхейм рискнул выкинуть на рынок «Дюну» — без сокращений и исправлений (на которые автор, скорее всего, не пошел бы), мало кто подозревал, что у научно-фантастической литературы появился новый живой классик. Позже, когда очередные романы о Дюне автоматом занимали первые строки в списках бестселлеров, те первые «отказники», наверное, локти кусали с досады: как же можно было так лопухнуться?

Роман немедленно завоевал обе высшие премии жанра, «Хьюго» и «Небьюлу», и вошел в анналы лучших произведений фантастики второй половины XX века. Чуть позже читатели журнала «Locus» назвали «Дюну» лучшим НФ-романом всех времен. Это, вероятно, преувеличение. Но то, что без «Дюны» любой такой список «лучшего» окажется досадно неполным, отрицать невозможно.

К счастью, сегодня нет нужды подробно пересказывать сюжет этого великого во всех смыслах романа. Он действительно велик — если считать не только страницы и

печатные знаки, но и смыслы, сюжетные линии, героев и оригинальные, запоминающиеся детали и находки. Галактическая империя — что любопытно, скроенная не по западному образцу, а с явным «исламским» колоритом. Песчаная планета Арракис (Дюна) с ее уникальной экосистемой. Гигантские черви. Таинственное Снадобье. Космическая Гильдия, навигаторы которой, генетически трансформированные под воздействием Снадобья, способны сворачивать пространство–время. Дворцовые интриги и феодальные распри. Атрейдесы и Харконнены. Люди–компьютеры (ментаты). Жители пустыни — фремены. Пророчество о Мессии. Наконец, он сам — изгой, харизматичный вождь, сверхчеловек, пророк... Все это и многое другое оказалось органично соединено в гигантских размеров фреску.

Среди целого веера глубоких и неординарных идей, проводимых Гербертом в «Дюне», хочется отметить одну, актуальность которой, на мой взгляд, за прошедшие сорок лет только возросла.

Писатель неоднократно возвращается к мысли о том, что сознание человека постоянно балансирует на опасной грани, перейдя которую, рискуешь кануть в бездну, тьму, абсолютное «ничто». И наибольшую власть над собой, другими людьми, обстоятельствами, даже над Временем обретет лишь тот, кто в состоянии лавировать на этой тонкой, ускользающей грани, подобно искусному танцору, едва касающемуся ногами пола. Важно суметь удержаться,

не свалиться в омут безумия, бессознательного, откуда обратной дороги нет, — и в то же время не поддастся малодушному искушению отойти от опасной грани подальше, предпочтя ей куда более комфортное состояние «нормы». Спокойное, прогнозируемое, не грозящее никакими опасными открытиями — но и прекрасными тоже! Потому что, считает Герберт, чем больше человек соприкасается с опасностями Неизвестного, тем большие горизонты открываются перед его разумом.

Пауль Атрейдес, «прозрев» и став духовным лидером Муад'дибом, побеждает в кровавой галактической игре еще и потому, что вообще не стремится достичь того, о чем мечтают все политики — фантастические и реальные. В сущности, Муад'диб не творит Историю, тем более не управляет ею, но, подобно опытному пловцу, учится мимовать ее опасные водовороты, запруды и омуты — с ее же помощью! Неслучайно так важен для автора эпизод с обрядом инициации — первой попыткой молодого лидера фременов оседлать гигантского червя. Ведь червь не просто отвратительное и опасное чудовище, но и существенный элемент экологии, религии и культуры Арракиса. По сути — символ двуликой и неодолимой Природы. С Историей, по Герберту, — та же штука.

Загадки и той, и другой можно лишь разгадать, но нельзя контролировать, окончательно сведя к понятному и привычному обыденному

круговороту. Пауль Атрейдес осознал это. И выиграл. В то время как все остальные игроки галактической партии (падишах-император, клан Харконненов, монополист космических перевозок — всесильная Гильдия и даже казавшаяся архимудрой религиозная секта Бене Джессерит) — все стремятся управлять, контролировать ситуацию, извлекая из нее прибыль и сводя свой собственный риск к минимуму.

А по Герберту, нет ничего более полярного, чем экология (понимаемая как адаптация к окружающим условиям) и политика. Это один из главных уроков «Дюны». Сам автор, по-видимому, в полной мере усвоил его еще в бытность свою репортером, наблюдавшим за тем, как ученые приспособляются к пустыне. Уже тогда он понял, что люди должны научиться жить ВМЕСТЕ с пустыней — вместо того, чтобы изменять ее для собственной утилитарной пользы.

Между прочим, один из фундаментальных принципов экологии состоит в том, что экосистема сохраняет стабильность не в ситуации искусственной отгороженности от различных возмущающих факторов, внешних и внутренних, а, наоборот, при наличии их! Стабильность достигается не при полном единообразии, а тогда, когда имеет место такое изобилие «иного», что множество сосуществующих в экосистеме организмов в целях взаимного выживания вынуждены держаться вместе, чтобы противостоять резким изменениям внешней среды.

Чтобы было понятнее, автор «Дюны» быстро переводит стрелки с экологии на политику: все попытки цивилизации обеспечить своих индивидуальных членов надежной системой безопасности и контроля (как всегда, для их же блага) с неизбежностью приближают кризис. Потому что в этом случае цивилизация в целом теряет способность встречать грядущие изменения «лицом к лицу».

* * *

Было бы странно, если бы вслед за такой большой и богатой книгой не потянулся шлейф продолжений-сиквелов. Их ждали все, даже те, кто с подозрением относится к многотомным сериалам. Оставался вопрос, где и когда Герберт остановится. Не остановился...

Второй роман «Мессия Дюны» (1969) вышел, по общему мнению, слишком «промежуточным» и невнятным и в итоге малоудачным — экология и философия в нем отошли на второй план, уступив место дворцовым интригам, разговорам, борьбе за власть. А затем произошел обвал, о коем втайне грезит каждый американский писатель: третья книга, «Дети Дюны» (1976), повествующая о наследниках Муад'диба, стала общенациональным бестселлером. «И заверте...», как писал русский сатирик Аверченко.

Последующие книги разраставшегося «дюнного цикла» могли заинтересовать уже не литературных критиков, а, скорее, аналитиков книжного рынка, специалистов по

масс-культуре и специфические периодические издания, посвященные жизни «богатых и успешных». И хотя три последних тома, написанных Гербертом на волне коммерческого успеха — «Бог-император Дюны» (1981), «Еретики Дюны» (1984) и «Капитул Дюны» (1985), — разошлись миллионными тиражами и принесли Герберту также миллионы, с литературной точки зрения они не идут в сравнение с первым романом.

Хотя, надо сказать, накопление количества, как учили классики марксизма, неизбежно должно было привести к новому качеству. И привело. Отталкиваясь от богатого «историко-культурного фона», который Герберт, не скупясь, выписывал от романа к роману, группа увлеченных энтузиастов под руководством профессора-филолога Уиллиса Мак-Нелли создала не менее амбициозный труд — «Энциклопедию Дюны» (1984). Этой книге также нет аналогов, потому что написана она «спустя тысячелетия» после тех событий, о которых речь шла в романах Герберта! А в остальном энциклопедия как энциклопедия: терминологические статьи, биографии выдающихся «исторических» деятелей, описания «исторических» событий. Не говоря уже о подробнейшей и тщательнейшей хронологии.

* * *

Когда незадолго до смерти Герберт появился на очередной Всемирной Конвенции гладко выбритым, случился конфуз: автора «Дюны» никто не узнал! Окладистая

борода писателя стала таким же научно-фантастическим фольклором, как лысина Кларка, стрелка усов Хайнлайна или роскошные бакенбарды Азимова. Но в этом эпизоде можно углядеть и большее — Герберт-человек так же мало интересовал публику без бороды, как Герберт-писатель — «вне Дюны».

Борьбась с рабской зависимостью от джокера, вытщенного однажды из колоды, писатель честно пытался всю жизнь «после Дюны». Но — безуспешно. А ведь он писал отнюдь не одни романы о Дюне. Не шедевры — но и не пустышки-однодневки. Воспитанный в типично американском отношении к художественной литературе (главное — развлечь читателя), Герберт тем не менее помнил слова одного из своих литературных кумиров, американского писателя Эзры Паунда: «Книга тогда заражает нас энергией, если приоткрывает что-то, чего мы до сих пор не осознавали и о чем не подзревали». И по мере сил старался развлечь читателя, но не тривиально, а изысканно, по первому разряду — провоцируя его на мысль.

Например, ему принадлежат одни из самых интересных и серьезных произведений (речь идет об англоязычной science fiction), в центре которых — проблема иного разума. Инопланетного, искусственного, эволюционировавшего «коллективного» и какого угодно — главное, что кардинально отличного от человеческого. В «Зеленом мозге» (1966) это коллективный разум насекомых; в «Сотах Хеллстрёма» (1973) — са-

мом успешном после цикла о Дюне произведении Герберта — «коллективными насекомыми» становятся люди, обитатели подземной евгенической утопии, напоминающей кошмары Евгения Замятина и других великих авторов антиутопии.* В романе «Барьер Сантароги» (1968) сверхразум искусственно «выращивают» в изолированной утопии-коммуне. А в дилогии, состоящей из романов «Высеченная звезда» (1970) и «Эксперимент на Досади» (1977), выдвигается еще более дерзкая гипотеза — разумом, оказывается, обладают отдельные звезды во Вселенной!

И устойчивый интерес Герберта к проблемам религии нашел отражение не в одном цикле о Дюне. Можно вспомнить роман «Цель: пустота» (1966), в котором бортовой компьютер звездолета занят поисками Всевышнего и в результате сложных метафизических умозаключений приходит к единственному выводу: Бог — это он сам. И трилогию, написанную в соавторстве с Биллом Рэнсомом, — «Инцидент с Иисусом» (1979), «Эффект Лазаря» (1983) и «Фактор вознесения» (1988). И связанные общей темой бессмертия романы «Глаза Гейзенберга» (1966) и «Творцы богов» (1972)...

Но запомнила упрямая читательская молва только «Дюну». Вместе с легендарной бородой. Лавры безотказного «забойщика» бестселлеров Герберту явно не

подходили, и к концу жизни он заскучал. Но было поздно — в песках своей планеты он завяз намертво.

И, как показали события последних лет, посмертно. С литературным бессмертием у Фрэнка Герберта, можно сказать, все сладилось. Как у Фауста. Но и заплатить пришлось сполна — рынку-искусителю.

Дюна и связанная с ней история галактической цивилизации оказались настолько велики и бездонны, что в канун нового века и тысячелетия за отцовское наследство взялся сын писателя Брайан Герберт и его соавтор Кевин Джеймс Андерсон. Они, на манер Джорджа Лукаса, не стали утруждать себя сочинением романов-продолжений (сиквелов), а занялись делом более простым, но не менее прибыльным — споро «навалили» две трилогии романов-предисловий (приквелов), не считая отдельных рассказов, добавивших необходимые элементы в общую мозаику. Литературная ценность подобного «доставивания мира», на мой взгляд, сомнительна, но коммерческая вполне оправдывает затраченные усилия.

Завершить суперсерию соавторы планируют одиночным романом, у которого пока нет даже названия. После чего, по клятвенному заверению обоих, поставят финальную точку. Посмотрим... Это как в известном анекдоте: «Да кто ж им дасть!»...

* Роман имеет мало общего с известным фильмом «Хроники Хеллстрёма».

Очередная «Аэлита»

уже двадцать вторая по счету, состоялась в Екатеринбурге в последних числах июля. Несмотря на необычайную жару, царившую в это время в городе, старейший российский фестиваль, ныне именуемый «Евразийским конвентом фантастики», был весьма насыщенным. Небольшое количество гостей из других городов компенсировалось радушием организаторов, активностью представителей уральского фэндомма и обилием интересных мероприятий. В программе нашлось место турниру по компьютерным играм, семинару молодых авторов, ролевому фэнтези-шоу в исполнении участников театра исторического оружия; прошли пресс-конференции, автограф-сессии и даже «Пикник на обочине», во время которого представители европейского и азиатского фэндомов соревновались в стрельбе из духового оружия (победила Европа). Специально к «Аэлите» проводился литературный конкурс молодых авторов, его итоги были оглашены на фестивале. Со сроками конвента совпал выход первой в России книги «королевы киберпанка» Пат Кадиган (писательница была почетным гостем конференции).

Центральным событием фестиваля стало вручение традиционных наград. Премию «Аэлита» получила Мария Семёнова, премию имени Ивана Ефремова — Дмитрий Байкалов, премию имени Виталия Бугрова — Сергей Бережной, премию «Старт» — Лора Андропова, орден «Рыцарь фантастики» имени Игоря Халымбаджи — Сергей Казанцев.

Киевская студия

«Украинмафильм» начала работу над короткометражным мультфильмом (режиссер Маша Медведь) по мотивам расказа «Влюбленный экскаватор» из цикла Марины и Сергея Дяченко «Сказки для Стаски». Премьера ожидается на «Евроконе» в апреле 2006 года. Также на этой студии начинается работа над полнометражным анимационным фильмом по мотивам еще одного произведения супругов — романа «Ритуал».

Призы

с алкогольным названием «Рислинг» на самом деле вручаются за лучшие стихотворные произведения. 9 июля во время Ридеркона в Бёрлингтоне, штат Вермонт, на торже-

ственной церемонии были объявлены победители в двух категориях. Ими стали короткая поэма Грега Битти «Не-разрушенный лунный город» и поэма «Поиск душ» Тима Прэтта. Грандмастером Американская Ассоциация НФ-поэзии объявила Роберта Фразье.

Дэн Браун

выиграл судебный процесс и избежал иска на сумму в 150 миллионов долларов. Писатель Луис Пердью подал в суд на Дэна Брауна, заявив, что знаменитый роман «Код да Винчи», вышедший суммарным тиражом в 36 миллионов экземпляров, является плагиатом на тему двух романов Пердью «Дочь Бога» и «Наследство да Винчи». Судья Нью-Йоркского окружного суда Джордж Дэниелс провел детальный анализ произведений и решил, что книги пересекаются лишь на уровне общих идей. Авторское право не защищает обобщенные идеи, оно может защищать лишь их выражение, подчеркнул судья.

Юбилей Брадбери

отмечался и в Москве. 85-летию замечательного писателя, а также выходу книги российских «трибьютов» на тему «Марсианских хроник» («Новые марсианские хроники», составитель Алексей Калугин) была посвящена августовская встреча завсегдатаев интернет-форума сайта www.raybradbury.ru. Это уже восьмая встреча поклонников творчества писателя. Кроме москвичей на встрече присутствовали гости из Оренбурга и Новосибирска. Создателем сайта и форума является оренбуржец Павел Губарев, по совместительству — вебмастер сайта «Если» (www.esli.ru).

Световой меч,

которым актер Марк Хэмил в роли Люка Скайуокера победил всех врагов в трилогии «Звездные войны», был продан с аукциона в Беверли-Хиллз за рекордные 200 600 долларов. Покупатель пожелал остаться неизвестным. Среди прочих артефактов особой популярностью пользовалась одежда. Кожаная куртка Индианы Джонса со съемок «Последнего крестового похода» добралась до цены 94 400 долларов, а куртка Терминатора из первого фильма достигла суммы 41 300 долларов.

«Филип Дик —
жив!»

Так могли подумать многие посетители чикагского фестиваля NextFest 2005, организованного журналом Wired. Посетители мероприятия получили возможность пообщаться с роботом-андроидом, имеющим полное сходство со знаменитым фантастом. Андроид-портрет (так его окрестили создатели — роботехники компании Hanson из Далласа) сидел, развалившись на диване, в квартире, которая копировала квартиру писателя, улыбался и подмигивал посетителям, отвечал на каверзные вопросы, без устали цитируя произведения своего прототипа, и даже умудрялся узнавать знакомых. В ближайшее время этот «искусственный интеллект» будет не только распознавать лица людей, но и анализировать их эмоциональное состояние по мимике, которая и у самой машины станет богаче. А потом... вдруг этому андроиду начнут сниться электроувцы?

Worldcon,

именуемый «Всемирной научно-фантастической конференцией», вновь состоялся в Европе. И вновь — в шотландском Глазго. В 1995 году конвент проходил под лозунгом «Intersection» («Пересечение»), в 2005-м — «Interaction» («Взаимодействие»). Главным из огромного количества мероприятий 63-го «Ворлдкона» стало объявление лауреатов премии «Хьюго». В номинации «Роман» эту престижную премию завоевала Сюзанна Кларк за книгу «Джонатан Стрэйндж и мистер Норрелл»; Чарлз Стросс с «Бетонными джунглями» первенствовал в номинации «Повесть»; премия за короткую повесть досталась «Волшебной сумочке» Келли Линк; за рассказ — «Путешествию с моими котами» Майка Резника. Лучшей драматической презентацией года стал мультфильм «Суперсемейка»; лучшим профессиональным редактором — Эллен Датлоу, а ее сайт SciFiction (www.scifi.com/scifiction) назван лучшим сайтом года; лучшим художником — Джим Бернс. Лучшим полупрофессиональным журналом неожиданно был объявлен не традиционный «Локус», а «Анзибль» Дэйва Лэнгфорда (сам Лэнгфорд в который раз победил в номинации «Лучший писатель-фэн»). Не входящую в обиход «Хьюго» премию Sidewise Award за лучшее произведение в жанре

альтернативной истории получил роман Филипа Рота «Заговор против Америки».

В рамках «Ворлдкона» состоялся и объявил своих лауреатов очередной «Еврокон». После Сергея Лукьяненко (2003) и Ника Перумова (2004) почетное звание лучших писателей Европы завоевали Марина и Сергей Дяченко. В других номинациях призы распределились так: лучший художник — Сергей Поярков (Украина); лучший издатель — «Нейчур» (Великобритания); лучший переводчик — Кеес ван Тоорн (Нидерланды); лучший журнал — «Галактика» (Венгрия). Напомним, что следующий «Еврокон» пройдет в апреле 2006 года в Киеве. В его рамках состоится голосование о возможности проведения «Еврокона—2008» в России.

Вот что вспоминают члены Творческого совета журнала «Если», побывавшие на «Ворлдконе»:

Сергей Лукьяненко: Прошедший в Глазго очередной «Ворлдкон», бесспорно, крупнейшее событие в мире любителей фантастики. Пять тысяч гостей со всего мира (надо заметить, что из России в далекую и дорогую Шотландию прибыло почти два десятка писателей, фэнов, переводчиков, литагентов, журналистов). Очень плотный график: побывать на всех мероприятиях физически невозможно, одновременно идут десятки встреч и конференций. Прекрасная организация, театрализованное открытие и закрытие, карнавал и конкурс на лучший фантастический костюм, замечательные вечерние пати, которые устраивали национальные делегации. Книжные развалы, продажа многочисленных сувениров. И много, много, очень много общения. Четыре дня конвента стали заметным событием не только для приехавших гостей, но и для всего города, ставшего на это время мировой столицей фантастики.

Марина Дяченко: Глазго — прекрасный город. Шотландцы — милейшие люди. К последнему дню «Еврокона» значительная часть мужского фэнского населения щеголяла в килтах. Что поразило: если «выключить звук» и не слушать английскую речь — такое впечатление, что попал на один из наших конвентов. Физиономии незнакомые, но типажи узнаваемые и родные. Да здравствует фантастика, мать наша!

**Георгий
Данелия,**

недавно отметивший семидесятипятилетие, выступит в необычной для себя роли режиссера мультипликации, о чем он, по собственному признанию, мечтал долгие годы. Начался подготовительный период съемок мультфильма «Кин–Дза–Дза». Это не римейк знаменитого художественного фильма, но, по словам Данелии, нечто вроде «джазовой импровизации на тему». Сценарий Данелия написал в соавторстве с Андреем Усачевым. Из подробностей сценария известно лишь то, что инопланетяне в мультфильме не будут похожи на людей. Предполагаемые сроки съемок — около трех лет.

Надо продвигать

талантливую молодежь! Так подумали продюсеры компании «XX век Фокс» и решили снять три крупнобюджетных фильма по фэнтезийной трилогии «Эрагон» юного, 21-летнего, автора Кристофера Паолини. На роли в картинах планируются такие звезды, как Джереми Айронс и Джон Малкович. Цикл повествует о юноше Эрагоне, который находит странный синий камень, оказавшийся яйцом динозавра.

Вручение

премии критиков «Филигрань» состоялось 27 августа в московском театре «Вернисаж». Лауреатами года жюри, в которое входят 18 ведущих жанровых критиков, объявило Марину и Сергея Дяченко за роман «Варан», Кирилла Бенедиктова за повесть «Восход шестого солнца» («Если» № 12, 2004) и Эдуарда Геворкяна за рассказ «Ладонь, обращенная к небу» («Если» № 10, 2004). Как обычно, вручение премии было совмещено с Чтениями памяти А.Н.Стругацкого, которые в этом году совпали с 80-летием писателя. На шестых чтениях прозвучали воспоминания об Аркадии Натановиче — в этот раз ими делился Борис Руденко. С докладом о некоторых аспектах повести «Трудно быть богом» выступила литературовед Алла Кузнецова, после чего состоялись прения. На конференции побывало более ста человек: писателей, критиков, переводчиков, представителей издательств и просто любителей фантастики.

Агентство F-пресс

ВОЛОДИХИН Дмитрий Михайлович

Писатель, критик, историк Дмитрий Володихин родился в 1969 году в Москве. Окончил исторический факультет МГУ и аспирантуру; кандидат исторических наук, преподает на истфаке МГУ, параллельно занимаясь издательской деятельностью, будучи гендиректором издательства «Мануфактура». В течение нескольких лет работал в издательстве «Аванта+». Автор научных публикаций и монографий по истории, публикаций книговедческого характера, Д.Володихин с 1998 года активно выступает в роли критика-фантастоведа, а с 1999-го и как писатель.

Первое крупное художественное произведение автора — политический боевик с элементами фантастики (повесть «Мы — террористы», 1999). Перу Д.Володихина принадлежат фантастические романы «Полдень сегодняшней ночи» (2001), «Золотое солнце» (2002; в соавторстве с Н.Мазовой), «Убить миротворца» (2003), «Дети Барса» (2004), «Конкистадор» (2004) и «Долиной смертной тени» (2005). За критические публикации становился лауреатом премий «Странник», «Звездный Мост», «Роскон» и дипломантом журнала «Если».

ГАЛИНА Мария Семеновна

Московская писательница, поэтесса и литературный критик Мария Галина родилась в 1958 году в Твери. Окончила биологический факультет Одесского университета. Получив степень кандидата биологических наук, работала в НИИ гидробиологии, занималась проблемами окружающей среды в Бергенском университете (Норвегия). В 1990-е годы целиком посвятила себя литературной деятельности. В настоящий момент главный редактор книжного дайджеста «Библиоглобус». Живет в Москве.

Мария Галина — автор трех поэтических сборников (первый — 1982 год, последний, «Неземля», вышел в 2005-м). В фантастике выступает с 1996 года — когда вышла серия романов в жанре фантастического боевика под псевдонимом Максим Голицын. Под собственным именем выпустила несколько книг — «Покрывало для Аваддона» (2002), «Прощай, мой ангел» (2002), «Волчья звезда» (2003), «Гиви и Шендерович» (2004). В 2004 году вышел роман «Глядящие из темноты» (Хроники Леонарда Каганова, этнографа), изданный под старым псевдонимом Мари. Кроме того, переводила фантастические произведения П.Страуба, Д.Джерролда, К.Баркера и других писателей. Как литературный критик выступает с середины 1990-х годов. В наградном листе Мари Галиной значатся такие премии, как «Портал», «Звездный Мост», дважды она становилась дипломантом журнала «Если». В этом году за поэтические публикации М.Галина получила премию «Читательский выбор» (учреждена журналом поэзии «Арион»).

ГОРНОВ Николай Викторович

Омский фантаст и журналист родился 8 октября 1966 года. После окончания Сибирского автомобильно–дорожного института работал инженером–дорожником, мастером теплового участка. Несколько лет занимался книготорговым бизнесом, с 1999 года — профессиональный журналист. В настоящее время работает обозревателем–аналитиком омского еженедельника «Коммерческие вести».

В 1989 году создал юмористический фэнзин «Страж–птица», быстро завоевавший известность в фэндоме. Примерно к этому же времени относятся и первые литературные опыты. В 2001 году рассказ Н.Горнова «Пароход идет в Кранты» победил на литературном конкурсе «Альтернативная реальность» журнала «Если» и одновременно стал печатным дебютом автора в фантастике. С тех пор опубликовал две фантастические повести в журнале «Полдень, XXI век» — «Мастер по ремонту крокодилов» и «Бурундук — хозяин тайги» (в соавторстве с Сергеем Павловым–мл.).

МАКМАЛЛЕН Шон (McMULLEN, Sean)

Австралийский музыкант и писатель Шон Макмаллен родился в 1948 году в городе Виктория. В его жилах, утверждает Макмаллен, «перемешано много кровей — шотландская, португальская и ирландская со стороны отца и французская, английская и шотландская со стороны матери». Закончив Мельбурнский университет с дипломами физика и историка, он профессионально занимался музыкой (пел и играл на гитаре) и лишь в конце 1980–х начал писать научную фантастику и фэнтези. Первой публикацией автора стал рассказ «Цвета хозяев» (1988). С тех пор он опубликовал семь романов — «Путешествие Теневой Луны» (2002) и «Стеклянные драконы» (2004), составившие фэнтезийную «Сагу о Лунных мирах», трилогию «Большая зима», а также одиночные романы «Звонок на край света» (1994) и «Империя центуриона» (1998). Кроме того, перу Макмаллена принадлежат 25 рассказов, опубликованных как в австралийских периодических изданиях и антологиях, так и в американских журналах «Analog» и «The Magazine of Fantasy & Science Fiction» и английском «Interzone». Макмаллен семь раз завоевывал высшую национальную премию в научной фантастике «Дитмар» и дважды — другую австралийскую премию, «Ауреалис».

Шон Макмаллен известен также и как историк австралийской научной фантастики. В соавторстве с Расселом Блэкфордом и Ванном Айкином он опубликовал монографию «Незнакомые созвездия: история австралийской научной фантастики» (1998) и в том же году в соавторстве с Полом Коллинзом издал «Энциклопедию австралийской научной фантастики и фэнтези».

МИНИ Джон (MEANEY, John)

Английский писатель Джон Мини родился в 1957 году в Лондоне. Сам Мини комментирует это так: «Я был запущен на свет Божий примерно за пять месяцев до запуска первого спутника, но мой вес был примерно в 28 раз меньше — к счастью для моей мамочки. Место моего рождения также является историческим — в той же больнице Святой Марии в Пэддингтоне сэр Александр Флеминг в 1929 году случайно открыл пенициллин». Мини закончил физический факультет Бирмингемского университета и компьютерные курсы, после чего сам преподавал программирование.

В научной фантастике Мини дебютировал в 1992 году рассказом «Весенний дождь». С тех пор он опубликовал около десятка рассказов и повестей, а также четыре романа — «Владеть бесконечностью» (1998), названный «The Daily Telegraph» книгой года и номинированный на премию BSFA, и трилогию — «Парадокс» (1999), «Контекст» (2001) и «Разрешение» (2005).

В настоящее время Джон Мини живет вместе с женой в графстве Кент и в свободное от работы время увлеченно занимается каратэ (имеет черный пояс).

РОБЕРСОН Крис (ROBERSON, Chris)

Американский писатель и издатель Крис Роберсон родился в 1974 году в Далласе (штат Техас) и закончил филологический факультет Университета штата Техас в Остине, где и проживает в настоящее время с женой и годовалой дочерью. Проработав несколько лет в компании «Dell Computers», Роберсон основал собственное специализированное издательство «Monkey Brain Books», занятое выпуском критических книг по научной фантастике, а также фантастических романов самого владельца издательства.

Литературным дебютом Роберсона стал роман «Голоса бури» (2000), затем последовали «В любое время» (2002), переизданный другим издательством как «Здесь, там и везде» (2005), и «Приключение» (2005). В следующем году ожидается выход еще двух романов. Кроме того, Роберсон опубликовал десяток с лишним рассказов в антологиях и журналах, один из рассказов — «Жизнь без Сети» (2003) — принес автору премию «Sidewise», присуждаемую за лучшие произведения года в жанре «альтернативной истории» (рассказ был также номинирован на Всемирную премию фэнтези). Сам Крис Роберсон в этом году номинировался на Премию имени Джона Кэмпбелла.

**Подготовили
Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ**

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательский дом «Любимая книга» предлагает вам подписку на журнал «Если» на первое полугодие 2006 года.

Процедура проста: вы можете обратиться в любое отделение Сбербанка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе

в издательство.

Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение

СБЕРБАНК
РОССИИ

Форма № ПД-4

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № п/с 40702810700000001216

(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)

в ОАО БАНК «РОСТ»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044599940 № к/с 30101810100000000940

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» №№ 1—6, 2006 г.

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ 342 руб. 00 коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № п/с 40702810700000001216

(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)

в ОАО БАНК «РОСТ»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044599940 № к/с 30101810100000000940

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» №№ 1—6, 2006 г.

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ 342 руб. 00 коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Квитанция

Кассир

ВНИМАНИЕ!

Вы можете оформить издательскую подписку на журнал «Если». Отправьте сведения о себе (фамилию, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате.

Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.

**Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9.
000 «Издательский дом «Любимая книга», отдел распространения.**

Тел.: 248-21-90. Факс: 248-68-19

e-mail: phone@uuu.ru

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20___ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20___ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)